СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ

ИЗЛОЖЕНІЕ

ЛОГИКИ.

Профессора Карпова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1856.

Электронный вариант книги
выполнен в Перервинской
духовной семинарии

Москва
2004

ПРЕДИСЛОВІЕ.

—

Намѣреваясь издать свое «Систематическое изложеніе Логики», я прежде всего прихожу къ мысли,—одобрятъ ли любители науки и воспитатели юношества принятую мною методу изложенія Логики и планъ, которому я слѣдовалъ въ изложеніи ея? Не смѣю доказывать, что такъ, а не иначе, мнѣ надлежало развить ее, а только нахожу нужнымъ показать причину, расположившую меня именно къ такому ея развитію.

Логика во всѣ времена раскрываема была такъ: либо непосредственно вытекала она изъ готовыхъ психологическихъ началъ, слѣдовательно въ своемъ развитіи должна была построяться синтетически, и въ этомъ случаѣ входила въ кругъ наукъ философскихъ; либо, наблюдая надъ явленіями мысли, восходила къ ихъ началамъ и искала законовъ, по которымъ они развиваются, слѣдовательно управлялась методою аналитическою, и тогда могла имѣть значеніе науки самостоятельной и приготовлять мышленіе разсудка для дѣятельности на поприщѣ другихъ наукъ. Эти двѣ методы и нынѣ дѣлятъ Логику какъ бы на два ученія,

тожественныхъ по содержанію, но разнохарактерныхъ по формѣ. Одно изъ нихъ опредѣляется свойствами философскаго изслѣдованія и, предполагая въ слушателѣ разсудокъ болѣе зрѣлый, входитъ къ энциклопедію высшаго образованія; а другое имѣетъ характеръ Пропедевтики и, по аналитической методѣ, будучи доступно для умовъ отроческихъ, можетъ принадлежать къ курсу наукъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Представленіе такой методической раздвоенности Логики приводило меня къ вопросу: которой методѣ долженъ я слѣдовать въ изложеніи ея? Предположить ли для ней опредѣленныя психологическія начала и по законамъ методы синтетической развить ее въ форму системы, или, руководствуясь опытомъ и наблюденіемъ надъ дѣятельностію разсудка, исторически изложить главные факты, которыми обнаруживается человѣческое мышленіе? Послѣдній способъ обѣщалъ болѣе легкости, ясности и простору, а первый—болѣе отчетливости, цѣлости и полноты. Рѣшившись стараться, по возможности, о сообщеніи своему сочиненію качествъ методы аналитической, я предпочелъ однакожъ въ развитіи его плана и въ ходѣ содержащихся въ немъ ученій слѣдовать синтезу — вотъ по какой причинѣ.

Во всѣхъ училищахъ нашего отечества, въ которыхъ положено преподавать Логику, она, сколько мнѣ извѣстно, преподается въ связи съ Психологіею. Какова эта связь и вездѣ ли она одинакова,—я не знаю; но думаю, всякій согласится, что она должна быть не внѣшняя, а внутренняя,—должна опредѣляться не программою, а существеннымъ отношеніемъ этихъ

наукъ одной къ другой. Если во всей хорошо организованной и мудро направляемой энциклопедіи знанія учебные предметы бываютъ однимъ стройнымъ органомъ истины и, не смотря на свое разнообразіе и множество, нисколько не противорѣчатъ другъ другу въ своихъ результатахъ; то между Логикою и Психологіею такое единство и согласіе еще необходимѣе; потому что въ своихъ теоріяхъ онѣ раскрываютъ одну и туже человѣческую душу. Хорошо ли было бы, если бы питомцы извѣстнаго училища Психологію слушали, напримѣръ, по началамъ Локка, Юма, Гербарта или Бенеке, а Логику—по идеямъ Лейбница, Круга, Якоби, или Тренделенбурга? — Это значило бы, —въ одной аудиторіи опровергать то, что преподается въ другой. И такъ, имѣя въ виду принятую у насъ совмѣстность упомянутыхъ наукъ въ общей программѣ учебныхъ предметовъ, и будучи глубоко убѣжденъ, что эти науки должны находиться во внутренней связи между собою, я счелъ нужнымъ основать свою Логику на началахъ Психологіи, слѣдовательно развить ее синтетически, въ формѣ системы, такъ какъ бы она относилась къ курсу наукъ философскихъ, и по этой причинѣ назвалъ ее «систематическимъ изложеніемъ».

Но при этомъ естественно должно было представиться весьма важное затрудненіе. Чтобы построить Логику на началахъ психологическихъ, надлежало не-только имѣть идею Психологіи, но и раскрыть ее. Не буду говорить здѣсь о томъ, какъ развивается наука о душѣ; скажу только, что она принадлежитъ къ числу наукъ реальныхъ и, какъ реальная, нисколько не походитъ на Геометрію или Грамматику, которыя, въ какой бы формѣ ни излагались, не измѣняютъ своего

содержанія, Психологія можетъ чрезвычайно разнообразиться и по матеріи, и по образу объясненія душевныхъ явленій, — можетъ принимать существенное за случайное, а случайное за существенное, внѣшнее за внутреннее, а внутреннее за внѣшнее, дѣйствительное за мечтательное, а мечтательное за дѣйствительное, врожденное за пріобрѣтенное, а пріобрѣтенное за врожденное, и т. д. При методѣ аналитической, когда психологъ старается исключительно по ней развивать свою науку, такія противорѣчія въ понятіяхъ объ одномъ и томъ же явленіи почти неизбѣжны. Послѣ сего естественно представляется вопросъ: каковы должны быть тѣ психологическія начала, на которыхъ кто нибудь хотѣлъ бы основать Логику?—Я полагаю, что лучшими началами логическихъ изслѣдованій надобно почитать тѣ, которыми удовлетворительно объясняется дѣйствіе законовъ разсудка, и изъ которыхъ естественно вытекаютъ формы его мышленія. Логика, Иѳика и Эстетика должны служить повѣркою Психологіи и быть либо трофеями аналитическихъ ея подвиговъ, либо укоризною въ ея заблужденіяхъ на поприщѣ анализа.

Впрочемъ, каковы бы ни были психологическія начала Логики, во всякомъ случаѣ надлежало показать ихъ,—и я посвятилъ имъ почти всю первую часть моего труда. Отъ этого, вмѣсто двухъ частей, на которыя обыкновенно дѣлятъ Логику *), моя наука состави-

---

*) Дѣленіе Логики всегда бывало двухчастное, хотя не всегда состояло изъ однѣхъ и тѣхъ же частей. Ее дѣлили на чистую и прикладную, теоретическую и практическую, естественную и искуственную, подлежательную и предлежательную, врожденную и пріобрѣтенную, аналитическую и діалектическую, также на Логику жизни и на Логику школы. Всѣ эти дѣленія различаются почти только словесно.

лась изъ трехъ. Выведенныя мною изъ Психологіи начала Логики сами по себѣ, конечно, не даютъ полной идеи ученія о душѣ; однакожъ надѣюсь, что внимательный читатель, соображая мои понятія объ отношеніи и дѣятельности душевныхъ силъ, гораздо легче заключитъ о духѣ и составѣ предполагаемой мною Психологіи, чѣмъ какъ могъ Кювье, по нѣкоторымъ частямъ скелета, заключать объ организмѣ и породѣ животнаго. Это заключеніе изъ высказанныхъ мною понятій вывесть тѣмъ удобнѣе, что я не вдавался въ теоріи иностранныхъ психологовъ, не увлелался идеями той или другой школы, но постоянно имѣлъ въ виду гармонію мыслей о душѣ, какъ она отражается въ зерцалѣ Св. Писанія, представляется въ ясномъ сознаніи здраваго смысла и начертана на скрыжаляхъ многовѣковаго наблюденія. Знаю напередъ, что исключительному эмпиристу, не простирающему своего взгляда за внѣшнюю оболочку фактовъ опыта и не вѣрующему въ силу умозаключенія, не понравятся психологическія *мои начала*; *но на сторонѣ* этихъ началъ — такіе авторитеты, противъ которыхъ спорить невозможно.

Издавая свой трудъ, я опасаюсь и того, — не покажусь ли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ темнымъ. Понятія о темнотѣ и ясности принадлежатъ, конечно, къ числу понятій относительныхъ; однакожъ многое темное иной, можетъ быть, высказалъ бы яснѣе, и въ такомъ случаѣ замѣченную темноту имѣлъ бы право почитать дѣйствительнымъ недостаткомъ. Утверждать, что такихъ недостатковъ въ моемъ сочиненіи нѣтъ, значило бы доказывать нелѣпую мысль, что излагаемое ученіе яснѣе выразить невозможно. Нѣтъ, вмѣсто

оправданія, я укрываюсь подъ защиту синтетической методы и ссылаюсь на сознаніе всѣхъ ученыхъ людей, что синтезъ, по самой своей природѣ, не вездѣ развивается съ равною ясностію. Еще не было на свѣтѣ архитектора, который одинаково освѣтилъ бы всѣ части построяемаго имъ зданія. Архитекторъ въ темныя камеры пускаетъ свѣтъ чрезъ стеклянную кровлю; а синтетикъ темныя понятія разъясняетъ посредствомъ анализа. Но анализъ неимовѣрно утолщаетъ книгу, и отъ того поневолѣ долженъ быть ограничиваемъ. Впрочемъ наилучшій разъяснитель и улучшитель человѣческихъ дѣлъ, безъ сомнѣнія, есть время. Начало всегда несовершенно; но оно достойно вниманія по крайней мѣрѣ потому, что служитъ первою ступенью къ совершенству. На этомъ основаніи и я смѣю надѣяться, что цѣнители моего труда будутъ къ нему снизходительны и примутъ его какъ лепту, съ любовію и усердіемъ вносимую въ сокровищницу учебной нашей литературы.

ПРОГРАММА

СИСТЕМАТИЧЕСКАГО ИЗЛОЖЕНІЯ ЛОГИКИ.

Предварительныя понятія.

Понятіе о Логикѣ вообще § 1.
Значеніе Логики въ ряду наукъ § 2.
Польза изученія Логики § 3.
Основаніе Логики и сродство ея съ Психологіею § 4.
Части Логики § 5.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Объ ограниченіяхъ разсудка къ мышленію.

Форма мышленія логическая и математическая § 6.
Двоякое ограниченіе разсудка къ мышленію § 7.

ГЛАВА I.

Объ условіяхъ мышленія.

О чувственномъ воспріятіи и идеальномъ созерцаніи души въ страдательномъ ея состояніи § 8.
Чувственное воспріятіе § 9.
Идеальное созерцаніе § 10.

Значеніе чувственнаго воспріятія и идеальнаго созерцанія въ дѣятельномъ состояніи души § 11.
Чувственное воззрѣніе § 12.
Предметъ чувственнаго воззрѣнія § 13.
Умозрѣніе § 14.
Предметъ умозрѣнія § 15.
Пробужденіе разсудка къ дѣятельности § 16.
Подлежательныя условія дѣятельности разсудка § 17.
Предлежательныя условія дѣятельности разсудка § 18.
Общія формы дѣятельности разсудка подъ сими условіями § 19.
Способъ заимствованія матеріаловъ разсудка, или способность представлять § 20.
Понятіе о вниманіи и значеніе его въ дѣлѣ представленія § 21.
Понятіе о воспроизведеніи и значеніе его въ дѣлѣ представленія § 22.
Законы содружества или соотношенія представленій § 23.
Предварительная разработка представленій, или значеніе вникаңія § 24.
Признаки представленій § 25.
Переходъ къ главѣ о законахъ мышленія § 26.

ГЛАВА II.

О законахъ мышленія.

Понятіе о законахъ мышленія и о подлежательности ихъ § 27.
Производность законовъ мышленія и выводъ ихъ § 28.
Значеніе закона тожества § 29.
Приложеніе и формула закона тожества § 30.
Значеніе закона противорѣчія § 31.
Приложеніе и формула закона противорѣчія § 32.
Значеніе закона достаточнаго основанія § 33.
Приложеніе и формула закона достаточнаго основанія § 34.
Процессъ законовъ мышленія § 35.

ГЛАВА III.

О природѣ мышленія.

Понятіе о мышленіи § 36.
Мышленіе логическое и математическое § 37.

Мышленіе à priori и à posteriori § 38.
Мыслимое и отличительныя черты его § 39.
Различіе между мыслимымъ и познаваемымъ § 40.
Цѣль мышленія § 41.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О формахъ мышленія.

Основаніе для опредѣленія количества и качества формъ мышленія § 42.
Выведеніе формъ мышленія § 43.

ГЛАВА I.

О понятіяхъ.

Что называется понятіемъ? § 44.
Образованіе понятій § 45.
Матерія и форма понятія § 46.
Возможныя совершенства и недостатки понятій § 47.
Измѣняемость понятій § 48.
Отвлеченіе и ограниченіе понятій § 49.
Законъ отвлеченія и ограниченія понятій § 50.
Родотвореніе и видотвореніе понятій § 51.
Законы родотворенія и видотворенія понятій § 52.
Логическія начала различія понятій по внутреннему ихъ значенію, или выводъ категорій § 53.
Подведеніе понятій подъ найденныя категоріи бытія и отношенія § 54.
Понятіе бытія § 55.
Понятіе отношенія § 56.
Переходъ къ слѣдующей главѣ, или сравнительное значеніе понятій § 57.

ГЛАВА II.

О сужденіяхъ.

Что называется сужденіемъ? § 58.
Образованіе сужденій § 59.
Матерія и форма сужденій § 60.

Формальное развитіе сужденій § 61.
Сужденіе утвердительное § 62.
Сужденіе отрицательное § 63.
Матеріальное развитіе сужденій § 64.
Сужденіе алилитическое § 65.
Сужденіе синтетическое § 66.
Совершенства и недостатки сужденій § 67.
Измѣняемость сужденій § 68.
Уравненіе подлежащаго и сказуемаго § 69.
Превращеніе подлежащаго и сказуемаго § 70.
Раздѣленіе сужденій § 71.
Сужденіе категорическое § 72.
Сужденіе условное § 73.
Сужденіе раздѣлительное § 74.
Переходъ къ слѣдующей главѣ, или значеніе сужденій, поколику они сравниваются между собою § 75.
Изъ сравниванія сужденій выводъ непосредственныхъ умозаключеній § 76.

ГЛАВА III.

Объ умозаключеніяхъ

Понятіе объ умозаключеніи § 77.
1) *Объ основаніи умозаключеній.*
Общее сужденіе, какъ основаніе умозаключеній § 78.
Основаніе, на которомъ утверждается общее сужденіе, какъ основаніе умозаключеній § 79.
Логическіе способы восходить къ общимъ сужденіямъ, какъ основаніямъ умозаключеній § 80.
Индукція или наведеніе § 81.
Аналогія § 82.
Оцѣнка индуктивнаго и аналогическаго мышленія § 83.
2) *О развитіи умозаключеній.*
Переходъ къ теоріи посредственныхъ умозаключеній § 84.
Матерія посредственнаго умозаключенія и ея свойства § 85.
Форма посредственнаго умозаключенія и ея виды § 86.
Образованіе силлогизма по первой фигурѣ § 87.
Образованіе силлогизма по второй фигурѣ § 88.

Образованіе силлогизма по третьей фигурѣ § 89.
Образованіе силлогизма по четвертой фигурѣ § 90.
Происхожденіе и виды умозаключеній ложныхъ § 91.
Раздѣленіе посредственныхъ умозаключеній § 92.
Умозаключеніе категорическое § 93.
Умозаключеніе условное § 94.
Умозаключеніе раздѣлительное § 95.
Переходъ къ третьей части Логики, или о способахъ соединенія силлогизмовъ § 96.
Виды и образованіе соритовъ § 97.
Разложеніе соритовъ § 98.
Условная и раздѣлительная форма сорита § 99.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

О соединеніи формъ мышленія.

Соединеніе формъ мышленія, какъ гимнастика разсудка § 100.
Соединеніе формъ мышленія въ одно цѣлое § 101.
Ученіе о цѣломъ, какъ построеніи логическомъ, или Систематика § 102.

ГЛАВА I.

Объ условіяхъ развитія системы.

Матеріальное и идеальное условіе систематическаго мышленія § 103.
Познанія, какъ матеріальное условіе построенія системы § 104.
Познанія опытныя § 105.
Внутренній опытъ § 106.
Внѣшній опытъ § 107.
Опытъ гражданскій § 108.
Опытъ ученый § 109.
Опытъ историческій § 110.
Познанія умственныя § 111.
Идея предмета, какъ реальное условіе построенія системы § 112.

ГЛАВА II.

О методѣ развитія системы.

Понятіе о методѣ § 113.
Виды методы § 114.
Метода аналитическая § 115.
Метода синтетическая § 116.
Необходимая совмѣстность методъ аналитической и синтетической въ систематическомъ цѣломъ § 117.
Общій чертежъ методическаго расчлененія системы § 118.
Опредѣленіе предмета въ системѣ § 119.
Начало систематическаго построенія § 120.
Дѣленіе системы § 121.
Доказательства систематически излагаемаго ученія § 122.

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ ЛОГИКИ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ПОНЯТІЯ.

Понятіе о Логикѣ вообще.

§ 1.

Когда мы размышляемъ, то размышляемъ о чемъ нибудь и какъ нибудь. То, о чемъ мы размышляемъ, есть ***матерія мышленія;*** а то, какъ мы размышляемъ о матеріи, то есть, какимъ образомъ соединяемъ ее въ одну мысль, называется *формою мышленія*. Возмемъ напримѣръ предложеніе: Богъ есть существо премудрое и всеблагое. Въ этомъ предложеніи понятія: Богъ, существо, премудрость, благость — суть матерія мышленія, а самое выраженіе, или образованіе взятой матеріи, то есть — Богъ есть существо премудрое и всеблагое, — составляетъ форму мышленія.

Теперь возмемъ еще нѣсколько мыслей. Премудрое и всеблагое существо есть Богъ; существо не премудрое и не всеблагое не есть Богъ; Богу, какъ существу премудрому, свойственно быть всеблагимъ, а какъ всеблагому—премудрымъ. Очевидно, что матерія всѣхъ приведенныхъ предложеній—таже самая, и однакожъ, по своему значенію, они различны; слѣдовательно характеристическія черты, отличающія ихъ одно отъ другаго, скрыва-

ются не въ чемъ иномъ, какъ въ формѣ, которая въ каждомъ изъ нихъ дѣйствительно не такова, какая въ прочихъ. А изъ этого явствуетъ, что, при той же матеріи мышленія, формы его могутъ быть различны и чрезъ то могутъ сообщить мысли различныя значенія. За этими-то видоизмѣненіями формъ мышленія обыкновенно наблюдаетъ наука, называемая ***Логикою***.

И такъ Логика есть наука, показывающая, какія формы можетъ принимать наше мышленіе при всякой данной матеріи, чтобы потомъ видѣть, какія изъ возможныхъ формъ оно должно принять въ извѣстномъ случаѣ, — согласно съ направленіемъ силъ души, стремящихся познать какой нибудь предметъ и проявить свое познаніе о немъ.

Значеніе Логики въ ряду наукъ.

§ 2.

Смотря на то, чѣмъ вообще занимаются науки, можно раздѣлить ихъ на два класса: однѣ изъ нихъ сообщаютъ намъ знаніе о томъ, чего мы прежде не знали; а въ другихъ познанія предполагаются, какъ уже готовыя, и показываются только общія формы всякаго возможнаго порядка познаній и взаимнаго отношенія ихъ. Первыя обыкновенно называются ***реальными***, потому что имѣютъ дѣло съ дѣйствительными вещами (res); а послѣднія извѣстны подъ именемъ ***формальныхъ***, такъ какъ предметомъ ихъ бываютъ не вещи, а отношенія вещей (formae). Науки реальныя суть, напримѣръ: Исторія, Законовѣденіе, Естествознаніе и проч.; а формальныя—Грамматика, Математика, Архитектоника и друг. Къ числу послѣднихъ относится и Логика; потому что она, какъ сказано, занимается формами, подъ которыми взаимно соединяются какіе либо матеріалы мышленія.

Такое значеніе Логики въ ряду наукъ показываетъ, къ чему она можетъ и должна быть прилагаема, и какое мѣсто прилично

ей занимать въ общемъ курсѣ Энциклопедіи (¹). Такъ какъ, для соединенія познаній или приведенія ихъ въ правильное отношеніе однихъ къ другимъ, всѣ науки реальныя имѣютъ нужду въ формахъ мышленія; то Логика непосредственно приложима ко всякому реальному ученію, и потому справедливо называется наукою орудною, или *формальнымъ органомъ познанія*. Приучая владѣть формами мышленія при упорядочиваніи и развитіи мыслей, она дѣйствительно тоже для силы познанія, что орудіе — для руки художника. Отъ того-то въ произведеніяхъ человѣка, направленныхъ къ познанію чего бы-то ни было, всегда замѣчается сторона логическая, и обнаруживаются либо достоинства, либо недостатки этого орудія.

Польза изученія Логики.

§ 3.

Логика, въ смыслѣ формальнаго органа познанія, не въ состояніи обогатить насъ фактами; потому что факты пріобрѣтаются не чрезъ познаніе формъ мышленія, а чрезъ дѣятельность чувствъ и созерцаніе ума, долженствующихъ дать намъ обильную матерію для мышленія. Напримѣръ: взявъ готовыя представленія луны и атмосферы, мы можемъ мыслить ихъ въ различныхъ, даже взаимно противуположныхъ формахъ, какъ-то: луна имѣетъ атмосферу; луна не имѣетъ атмосферы: но луна и атмосфера суть ли фактъ, то есть существуютъ ли онѣ въ значеніи предметовъ чувства, — Логика этого не касается, потому что формальные законы мышленія ей на это не отвѣчаютъ. Обращая же вниманіе на то, что Логика непосредственно не открываетъ фактовъ, иногда спра-

(¹) Явно, что, по этому своему значенію, Логика въ общемъ курсѣ Энциклопедіи должна предшествовать всѣмъ наукамъ реальнымъ, и потому можетъ быть названа *Пропедевтикою*: только тогда она не имѣетъ характера науки, потому что не опирается на какомъ либо основаніи.

шиваютъ, полезна ли и нужна ли она, особенно, когда представляютъ, что многіе, и не учившись Логикѣ, мыслятъ весьма хорошо (²).

Что касается до послѣдняго замѣчанія, то отвѣтъ на него вытекаетъ изъ самаго понятія о происхожденіи формальныхъ наукъ вообще. Всѣ такъ называемыя формальныя науки существуютъ потому, что въ нашей душѣ есть соотвѣтствующія имъ и управляющіяся извѣстными законами способности. Такъ, напримѣръ, Грамматика существуетъ потому, что мы имѣемъ способность говорить, Математика — потому, что намъ дарована способность все мыслить въ пространствѣ и времени. Относительно къ этому своему началу, формальныя науки суть не иное что, какъ средство помогать развитію соотвѣтствующихъ имъ силъ, то есть 1) вводить въ сознаніе тѣ правила, которыя, подъ вліяніемъ внутреннихъ законовъ, мы выполняемъ безсознательно и потому иногда ошибочно, 2) облегчать тяжелый путь опыта, сводя итоги многовѣковыхъ познаній, и такимъ образомъ въ короткое время научать тому, чему люди учатся долго и сбивчиво. Но все это можно заключить въ одномъ понятіи: образовать человѣка (³). Слѣдовательно вопросъ: полезна ли и нужна ли Логика? — одинаково примѣнимъ ко всѣмъ формальнымъ наукамъ и превращается въ другой простѣйшій: полезно ли и нужно ли помогать человѣку

(²) Эта мысль подала поводъ различать Логику *естественную* и *искуственную*. Первая состоитъ въ естественномъ стремленіи разсудка мыслить согласно съ прирожденными человѣческой душѣ законами мышленія; а послѣдняя есть изложеніе правилъ, найденныхъ чрезъ наблюденіе надъ разсудочною дѣятельностію и вводящихъ въ сознаніе законы и формы, которыми разсудокъ вообще ограничивается.

(³) Съ этой точки зрѣнія можно отличать образованіе отъ многознанія. *Образованіе* (καλοκαγαθεία) имѣетъ тотъ, кто развилъ въ себѣ такъ называемыя въ Психологіи формальныя способности души; а *многознаніе* (πολυμαθεία) приписываютъ тому, кто обогатилъ познаніями реальныя свои силы. Что такое различеніе справедливо, доказывается безчисленными опытами: сколько на свѣтѣ есть людей образованныхъ безъ многознанія, и многознающихъ безъ образованности!

въ образованіи его способностей? — Отвѣтъ на это столь навязчиво входитъ въ сознаніе, что излагать его было бы дѣломъ лишнимъ.

Имѣя же въ виду то, что Логика есть наука не о матеріи, а только о формѣ мышленія, надобно замѣтить, что она и въ этомъ своемъ значеніи доставляетъ намъ существенную пользу, именно: 1) руководствуетъ насъ къ отдѣленію представленій, обыкновенно сливающихся въ мышленіи, и чрезъ то, открывая составныя части мысли, сообщаетъ познаніямъ *ясность;* 2) показываетъ взаимную зависимость нашихъ познаній и, производя ихъ одно изъ другаго, внѣдряется въ начало каждой полагаемой истины, слѣдовательно сообщаетъ разсужденію *основательность;* 3) замѣчая, какимъ образомъ одна мысль, по своей формѣ, развивается изъ другой, научаетъ насъ располагать ихъ *въ порядкѣ;* 4) стремясь же къ ясности, основательности и порядку въ познаніяхъ, легко открываетъ различныя стези заблужденій, обнаруживаетъ допускаемыя погрѣшности въ соединеніи формъ мышленія, показываетъ противорѣчія и несообразности между мыслями и требуетъ во всемъ *согласія* и *системы*. Кто не скажетъ, что весьма хорошо было бы, если бы всѣ наши мысли, слова и дѣла отличались ясностію, основательностію, порядкомъ и связностію! Слѣдовательно, кто будетъ сомнѣваться въ полезности Логики!

Основаніе Логики и сродство ея съ Психологіею.

§ 4.

Что бы Логика была дѣйствительно наукою, а не просто собраніемъ замѣтокъ о мышленіи, и на самомъ дѣлѣ принесла ту пользу, какой мы въ правѣ ожидать отъ ней, она должна напередъ сама на себѣ осуществить предписываемыя ею правила и, вмѣстѣ съ теоріею, представить въ себѣ образецъ строго логическаго

цѣлаго. Для раскрытія же ея въ такой формѣ особенно важнымъ представляется вопросъ: на чемъ должна основываться Логика?

Мы уже видѣли (§ 3), что естественный источникъ Логики есть дарованная намъ способность мышленія, поколику она управляется извѣстными законами. Посему этой наукѣ надобно опираться на законахъ силы мыслящей, быть ихъ истолковательницею и изъ нихъ выводить заключенія о количествѣ и качествѣ формъ мышленія. Но съ перваго взгляда легко можетъ показаться, что изслѣдованіе законовъ разсудка дожно ввести насъ въ предѣлы Психологіи, какъ такой науки, которая разсматриваетъ человѣческую душу въ ея силахъ и способностяхъ. И это мнѣніе, по видимому, будетъ подтверждаться еще тѣмъ, что о разсудкѣ и его законодательствѣ нельзя говорить, не касаясь и другихъ познавательныхъ силъ души (¹). Что бы, при такой близости и сродствѣ Логики съ Психологіею, устранить мысль о смѣшеніи ихъ, мы должны провести между ними ясную грань, которая съ одной стороны позволяла бы намъ удержать основаніе для Логики, а съ другой отдѣляла бы отъ ней все, относящееся собственно къ Психологіи; такъ что бы и первая не заключала въ себѣ ничего чуждаго, и послѣдняя не теряла ничего своего.

Черта, рѣшительно раздѣляющая Логику и Психологію, состоитъ въ двухъ словахъ: *бытіе* и *дѣятельность*. Все, что есть въ душѣ, поколику *есть*, составляетъ предметъ Психологіи, какъ науки реальной; все, что дѣлается въ душѣ, поколику *дѣлается*,

---

(¹) По этой причинѣ въ полной системѣ Философіи Логика со всѣми другими формально-философскими науками слѣдуетъ за Психологіею; такъ что Психологія тамъ имѣетъ значеніе философской пропедевтики, или лучше—науки коренной, въ которой полагаются начала для изслѣдованія всесторонней дѣятельности человѣческой души, то есть, нетолько для наукъ формальныхъ, но и для реальныхъ, объясняющихъ непосредственное отношеніе человѣка къ предметамъ міра внѣшняго и внутренняго.

отходитъ къ содержанію Логики и прочихъ наукъ формальныхъ (5). Посему Логика, говоря о способности мышленія относительно къ ея дѣятельности, отнюдь не вөйдетъ въ предѣлы Психологіи, а между тѣмъ въ этой самой способности и ея законодательствѣ найдетъ основаніе для развитія своего содержанія въ форму науки.

Части Логики.

§ 5.

И такъ мы должны прежде всего обратить вниманіе на основаніе Логики, или на ту, извѣстнымъ образомъ ограничиваемую способность мыслить, то есть, должны постоянно имѣть въ виду вопросъ: чѣмъ и какъ она ограничивается, — что бы свойствомъ ея ограниченій опредѣлить количество и качество формъ мышленія. Когда же чрезъ это онѣ будутъ найдены и опредѣлены въ томъ и другомъ отношеніи; тогда самъ собою возникнетъ второй существенный въ Логикѣ вопросъ: что такое каждая найденная форма мышленія? какими характеризуется она чертами, какъ образуется и какіе принимаетъ виды? Но изслѣдованіе общихъ или родовыхъ формъ мышленія, поколику онѣ разсматриваются— всякая отдѣльно, еще не выполнитъ всѣхъ требованій разсудка, соотвѣтствующихъ его ограниченіямъ къ мышленію; потому что онъ, какъ увидимъ, ограничивается также къ соединенію однѣхъ формъ съ другими и къ составленію изъ нихъ болѣе или менѣе сложной цѣпи мыслей. Посему, что бы удовлетворить и этому требованію силы мыслящей, Логика должна будетъ показать возможные способы соединенія формъ мышленія

(5) Психологія можетъ конечно разсуждать и о дѣятельности души, напримѣрѣ, о понятіи, желаніи, чувствованіи и проч.; но и самую эту дѣятельность она беретъ только, какъ фактъ, не разсматривая, какъ и по какимъ законамъ онъ происходитъ.

въ какое нибудь цѣлое. Такимъ образомъ ей предлежитъ разсуждать:

I. Объ ограниченіяхъ разсудка къ мышленію,
II. О формахъ мышленія,
III. О соединеніи формъ мышленія.

Въ первой изъ этихъ частей Логика должна заниматься отъискиваніемъ почвы, производящей логическіе матеріалы; во второй — опредѣленіемъ видовъ и свойствъ матеріаловъ, необходимыхъ для построенія логическаго зданія; въ третьей — изложеніемъ общихъ чертежей и плановъ, по которымъ логическое зданіе должно быть построяемо.

ЧАСТЬ I.

ОБЪ ОГРАНИЧЕНІЯХЪ РАЗСУДКА КЪ МЫШЛЕНІЮ.

Форма мышленія логическая и математическая.

§ 6.

Вникая въ изложенное понятіе о Логикѣ, мы замѣчаемъ, что хотя форма мышленія отлична отъ его матеріи, однако жъ она образуетъ не иное что, какъ матерію, и непремѣнно вноситъ ее въ существо свое. A = B конечно не то, что A и B; однако жъ A и B существенно входятъ въ уравненіи A = B. Отсюда очевидно, что въ уравненіи A = B форма мышленія съ одной стороны есть только отношеніе A къ B, слѣдовательно заключается просто въ знакѣ равенства (=), такъ что вмѣсто A и B могутъ быть поставлены C, D, E и т. д.; но съ другой—и сами уравниваемые предметы A и B становятся причастными формѣ мышленія, то есть знаку равенства, такъ что она состоитъ уже не просто въ знакѣ равенства, а въ выраженіи A = B. На этомъ основаніи форма мышленія можетъ быть понимаема двоякимъ образомъ: во-первыхъ какъ *логическая*, показывающая взаимное сродство либо несродность частей какой нибудь опредѣленной матеріи; во-вторыхъ какъ *математическая*, исключающая всякую опредѣленную матеріальность и имѣющая въ виду только отношеніе какихъ бы то ни было предметовъ. Обращая вниманіе

на это двоякое значеніе формы мышленія во всякомъ выраженіи мысли, мы откроемъ и два ограниченія, сообщающія ей развитіе въ томъ и другомъ смыслѣ.

Двоякое ограниченіе разсудка къ мышленію.

§ 7.

Формы мышленія развиваются у насъ въ самой близкой аналогіи съ развитіемъ нашего тѣла. Чтобы сила растительная могла развивать живое тѣло, просто какъ тѣло, — необходимы воздухъ, пища, питіе и проч.,—что все называется *условіемъ* ([6]); а что бы живому тѣлу она сообщила именно форму тѣла человѣческаго, — необходимъ *специфическій законъ* ([7]), которымъ бы дѣйствующая причина или сила постоянно управлялась. Тоже должно сказать и о формахъ мышленія. Сила мыслящая есть разсудокъ. Что бы разсудокъ могъ развивать эти формы, то есть какъ нибудь мыслилъ, — нужны нѣкоторыя условія, которыя доставляли бы ему матерію мышленія; а что бы, при данной матеріи, мышленіе принимало правильныя, соотвѣтствующія его назначенію формы, — нужны особенные законы, которыми разсудокъ постоянно ограничивался бы въ своей дѣятельности. По этому формы мышленія должны быть опредѣляемы и изъясняемы частію *условіями*, подъ вліяніемъ которыхъ разсудокъ мыслитъ, а частію *законами*, которыми онъ управляется. Первыя надобно почитать началомъ ограниченія формъ мышленія, просто какъ формъ, въ значеніи ихъ логическомъ; а послѣдніе должно при-

---

([6]) *Условіемъ* называется обстоятельство, необходимо требующееся для того, что бы какая нибудь причина могла произвесть какое нибудь дѣйствіе (conditio sine qua non). По этому все, произведенное подъ условіемъ, получаетъ названіе *произведенія условнаго*, противуположнаго *бытію безусловному;* а все, производящее подъ условіемъ, носитъ имя *причины ограниченной,* противуположной *причинѣ неограниченной* или безусловной

([7]) *Специфическимъ* или *видовымъ закономъ* называется тотъ, которымъ извѣстная причина ограничивается къ произведенію вещей того или другаго вида. Произведенія, отступающія отъ этихъ законовъ, суть *уроды.*

знавать основаніемъ ихъ, поколику онѣ представляются формами чистыми или математическими, и являются мышленіемъ правильнымъ. Только по изслѣдованіи силы мыслящей, съ той и другой точки зрѣнія, мы въ состояніи будемъ ясно представлять себѣ *природу мышленія* и изъ природы его усмотрѣть, сколько и какія свойственны ему формы. Значитъ, для достиженія этой цѣли, все содержаніе первой части Логики надобно намъ раздѣлить на три главы, то есть, говорить —

1. Объ условіяхъ мышленія,
2. О законахъ мышленія,
3. О природѣ мышленія.

ГЛАВА I.

ОБЪ УСЛОВІЯХЪ МЫШЛЕНІЯ.

О чувственномъ воспріятіи и идеальномъ созерцаніи души въ страдательномъ ея состояніи.

§ 8.

Условія мышленія въ нашей душѣ должны предшествовать не только мышленію, но и обнаруженію законовъ его въ разсудкѣ. По этому и самый разсудокъ, прежде чѣмъ они готовы, надобно понимать, какъ чистую возможность мыслить. Въ значеніи чистой возможности мышленія, сила мыслящая, или лучше — разумно-свободная душа окружена со всѣхъ сторонъ безконечнымъ множествомъ предметовъ. Но эти предметы навсегда остались бы для ней чуждыми и не произвели бы въ ней дѣйствительнаго мышленія, если бы между нею и предметами не посредствовало съ одной стороны чувственное воспріятіе, съ другой—идеальное созерцаніе. Такъ напримѣръ, даже и при сильномъ разсудкѣ, глухой не въ состояніи мыслить о гармоніи звуковъ, а слѣпой — о цвѣтахъ. Равнымъ образомъ и самый крѣпкій разсудокъ не можетъ размышлять о предметахъ духовныхъ, если въ душѣ человѣка еще не развита или подавлена созерцательность ума. И такъ необходимыя и первоначальныя условія мышленія суть *чувствен-*

ное воспріятіе ([8]) (perceptio) и *идеальное созерцаніе* (contemplatio).

Этихъ выраженій души нельзя ни различать до такой степени, что бы они не имѣли ничего общаго, ни сливать такъ, что бы въ нихъ не оставалось никакихъ особенностей. Общія черты ихъ состоятъ въ томъ, что они принимаютъ и вносятъ въ душу впечатлѣнія бытія въ значеніи какъ бы необходимой и естественной пищи для всесторонняго развитія жизни, и потому, относительно къ тѣмъ впечатлѣніямъ, являются органами страдательнаго состоянія души; ибо предметы посредствомъ чувственнаго воспріятія и умственнаго созерцанія дѣйствуютъ на душу сами собою, не ожидая ея согласія или вызова. Впрочемъ чувственное воспріятіе и идеальное созерцаніе — не одно и тоже выраженіе душевной жизни — во-первыхъ потому, что они суть взаимно противуположныя дѣятельности взаимно противуположныхъ сторонъ души — чувственной и духовной, во-вторыхъ потому, что они обращены къ взаимно противуположнымъ также областямъ бытія — внѣшней и внутренней. Войдемъ въ изслѣдованіе той и другой дѣятельности порознь.

Чувственное воспріятіе.

§ 9.

Чувственное воспріятіе есть дѣятельность души, обнаруживающаяся въ чувствѣ, поколику оно принимаетъ впечатлѣнія предметовъ внѣшнихъ. По такому значенію чувственнаго воспріятія,

---

([8]) Что бы не допустить смѣшенія въ терминологіи, считаемъ нужнымъ замѣтить, что принятіе впечатлѣній чувствомъ вообще, какъ въ дѣятельномъ, такъ и въ страдательномъ состояніи души, называется *чувственнымъ усмотрѣніемъ* или *чувствованіемъ* (sensatio). А когда обращается вниманіе на частные оттѣнки чувствованія въ двухъ противуположныхъ состояніяхъ чувствующаго начала; тогда чувствованіе дѣлится на два вида: на *чувственное воспріятіе* (perceptio) и *чувственное воззрѣніе* (intuitio). Первое свойственно страдательному, а послѣднее — дѣятельному состоянію души. Потомъ чувственное воспріятіе является снова въ двухъ видахъ: въ чувствѣ воспріятія *внѣшняго* и *внутренняго*.

чувство называется силою души, обращенною внѣ себя, въ качествѣ начала, воспринимающаго все, что является предъ нимъ и дѣйствуетъ на него. По тому же самому оно можетъ быть названо и *чувствомъ практическимъ*, такъ какъ имѣетъ дѣло съ дѣйствительными предметами и, по отношенію къ дѣйствующимъ на него предметамъ, находится въ страдательномъ состояніи. Но поелику явленія вещей внѣ насъ весьма разносторонни—до того, что, при одномъ и томъ же актѣ чувственнаго воспріятія, не могутъ сообщаться душѣ вдругъ всѣми своими сторонами, напримѣръ и фигурою, и запахомъ, и звукомъ, и вкусомъ; то чувство души снабжено извѣстнымъ числомъ *органовъ*, что бы предметы, производя впечатлѣнія на каждый изъ нихъ, въ одно и тоже мгновеніе были ощущаемы по всѣмъ своимъ свойствамъ, и чрезъ то доставляли душѣ пищу для развитія ея познаній о всѣхъ формахъ планетной жизни. Такіе органы чувства, какъ извѣстно, суть *зрѣніе* — для усмотрѣнія фигуръ, движеній и цвѣтовъ, *слухъ* — для ощущенія звуковъ, *обоняніе* — для чувствованія запаховъ, *вкусъ* — для воспринятія впечатлѣній, называемыхъ горечью, сладостью, кислотою и проч., *осязаніе* — для ощущенія мягкости, твердости, гладкости, шероховатости и проч. При посредствѣ этихъ органовъ, душа — тоже въ чувствѣ, что сила растительная въ деревѣ, когда, разливаясь по всѣмъ его вѣтвямъ и листамъ, она каждымъ его органомъ всасываетъ въ древесный организмъ питательныя начала атмосфернаго воздуха, или когда, оживляя многочисленныя волокна корня, укрѣпляетъ свое растеніе разнородными стихіями почвы.

Идеальное созерцаніе.

§ 10.

Идеальное созерцаніе есть дѣятельность души, поколику душа обращена къ самой себѣ и получаетъ впечатлѣнія какъ бы изъ нѣдръ собственной своей природы. Сила, посредствомъ которой идеальное созерцаніе происходитъ, есть *умъ* (ratio), не безъ основанія называемый *умомъ практическимъ;* потому что, при со-

зерцанiи, душа находится въ состоянiи страдательномъ и имѣетъ дѣло не съ понятiемъ о предметѣ, а какъ бы съ самымъ предметомъ. Въ смыслѣ силы практической, умъ есть дѣятель того духа, который, по словамъ одного святаго мужа (9), дарованъ человѣку въ дыханiи жизней и посредствомъ котораго человѣкъ имѣетъ общенiе съ Богомъ. Онъ сходствуетъ съ чувствомъ; потому что его созерцанiе есть также своего рода усмотрѣнiе. А такое сходство ума и чувства приводитъ къ мысли, что дѣятельность перваго должна бы столь же ясно открываться въ сознанiи, сколь ясно отражается въ немъ дѣятельность послѣдняго. Однако этого нѣтъ; это довольно ощутительно выходитъ наружу уже при теоретическомъ направленiи ума, когда во всемъ измѣняющемся онъ почему-то стремится найти неизмѣнное. Такое стремленiе его въ жизни и наукѣ всякiй замѣчаетъ, но немногiе приходятъ къ мысли о причинѣ сего стремленiя. Мы всегда хотимъ логическими средствами опредѣлить постоянное — безъ сомнѣнiя отъ того, что душа, по природѣ ума, непремѣнно требуетъ послѣдняго и необходимо, какъ бы страдательно созерцаетъ его. *Органъ* такого созерцанiя въ умѣ, соотвѣтствующiй органамъ чувства, есть *идея* (10) (εἶδος), которую, какъ условiе, ограничивающее дѣятельность ума практическаго, философская критика справедливо называетъ *идеею практическою*. Этимологическое значенiе ея даетъ намъ право понимать ее въ смыслѣ *образа;* а удаленность ея отъ сознанiя позволяетъ судить о ней только по аналогiи органовъ чувства, устроенныхъ такъ, что каждый изъ нихъ приложимъ къ принятiю извѣстнаго рода впечатлѣнiй, и притомъ — по

---

(9) См. Макарiя Египетскаго бесѣда 46.

(10) Слово *идея* принимаемо было въ различныхъ значенiяхъ. Этимъ словомъ Платонъ называлъ первообразы сотворенныхъ вещей въ божественномъ умѣ (τὰ εἴδη) и вмѣстѣ соотвѣтствующiя имъ высшiя представленiя человѣческаго духа (ἰδέαι). Потомъ, во времена позднѣйшiя послѣдователи Лейбница и такъ называемые философы-эмпиристы, наприм. Локкъ, Юмъ, Боннетъ и друг., подъ идеею разумѣли просто представленiя и понятiя разсудка. А во вседневной рѣчи людей, не имѣющихъ нужды заботиться о точности своихъ выраженiй, идеями иногда означаются даже мечты воображенiя.

степени его чистоты и дѣйственности. Предположивъ это, намъ оставалось бы теперь знать, какія впечатлѣнія сообщаются душѣ посредствомъ идеи практическаго ума, или, что собственно служитъ предметомъ идеальнаго созерцанія. Но рѣшеніе этого вопроса на основаніи непосредственнаго наблюденія надъ дѣятельностію души невозможно; потому что онъ касается такой душевной дѣятельности, которая, какъ мы сказали, находится за предѣлами нашего сознанія. Предметъ идеи практическаго ума указывается только Психологіею и поставляется *въ единствѣ безусловно-истиннаго и добраго*. Поэтому практическая идея называется *идеею истины и добра*, которыхъ существо исключаетъ всякую измѣняемость и мѣру, всякое преемство и число, слѣдовательно въ душѣ является *образомъ безконечности и вѣчности.* Все это непосредственно не входитъ въ сознаніе, хотя отнюдь не остается безплоднымъ для человѣка, потому что имѣетъ постоянное вліяніе на сознаваемую имъ дѣятельность и обнаруживается чертами самыми выразительными и назидательными.

Значеніе чувственнаго воспріятія и идеальнаго созерцанія въ дѣятельномъ состояніи души.

§ 11.

Выше было сказано (§ 8), что выражая свою дѣятельность чувственнымъ воспріятіемъ и идеальнымъ созерцаніемъ, душа находится въ состояніи страдательномъ; а теперь слѣдуетъ прибавить къ этому, что, находясь въ состояніи страдательномъ, она не сознаетъ своей дѣятельности. Положеніе: я сознаю, что чувствую, справедливо; но несправедливо утверждалъ бы кто нибудь, будто я сознаю, что чувствую,—въ самое мгновеніе чувствованія. Чувствованіе, именно какъ чувствованіе, въ собственной своей сферѣ не подлежитъ сознанію; потому что предметъ вызываетъ наше сознаніе,—не дѣйствуя, а уже воздѣйствовавъ на чувство. Тоже должно сказать и объ идеальномъ созерцаніи: я сознаю, что созерцаю, поколику созерцаемое отразилось въ моемъ сознаніи; но, какъ созерцаемое, въ самое мгновеніе созерцанія оно не со-

знается мною. Чтобы предметы чувственнаго воспріятія и идеальнаго созерцанія были сознаны, душѣ изъ состоянія страдательнаго надлежитъ перейти въ дѣятельное, то есть, для принятія впечатлѣній, самодѣятельно направляться къ предметамъ, какъ бы самой искать тѣхъ либо другихъ впечатлѣній, не ожидая, пока они могли бы быть произведены на нее, независимо отъ ея исканія. Явно, что въ этомъ случаѣ чувственное воспріятіе и идеальное созерцаніе должны получить уже совсѣмъ иной, отличный отъ прежняго характеръ; именно,—первое должно сдѣлаться *чувственнымъ воззрѣніемъ* (intuitio), а послѣднее — *умозрѣніемъ* (*θεωρία*), и дѣйствовать какъ бы по направленію двухъ лучей свѣта, преломившихся въ нашемъ сознаніи и своею встрѣчею въ немъ открывающихъ душѣ необъятную панораму *міра;* потому что въ сознаніе входитъ съ одной стороны безконечное множество непрестанно измѣняющихся, отдѣльныхъ явленій, а съ другой—идеальное единство истиннаго и добраго,—и эти стороны, встрѣчаясь и взаимно проникаясь въ сознаніи, отражаются въ немъ, какъ единое созданіе единой Причины, которая положила на немъ печать вѣчной истины и вѣчнаго добра, и тьмы заключающихся въ немъ твореній соединила неразрѣшимыми узами причинныхъ связей ([11]).

Чувственное воззрѣніе.

§ 12.

Воззрѣніе есть самодѣятельный и сознательный взглядъ души на предметы міра, такъ какъ они представляются въ чувствѣ. Ставъ сознательною дѣятельностію чувствующаго начала, воззрѣніе уже не ожидаетъ впечатлѣній, но само ищетъ ихъ, само идетъ на встрѣчу имъ, и потому, въ отличіе отъ чувства практическаго, можетъ быть названо *чувствомъ теоретическимъ*. Ор-

([11]) Такъ какъ этими только силами душа первоначально пріобрѣтаетъ познанія о предметахъ міра въ естественномъ ихъ состояніи; то онѣ въ Психологіи называются *силами производительными*, въ отличіе отъ другихъ *воспроизводительныхъ*.

ганы, служащіе ему проводниками для усмотрѣнія явленій, остаются тѣже самые; но получивъ самодѣятельное направленіе, оно и этимъ чувственнымъ проводникамъ сообщаетъ характеръ какъ бы самодѣятельности; такъ что, при воззрѣніи, видѣніе (visus), напримѣръ, становится уже смотрѣніемъ, обоняніе—нюханіемъ, слышаніе—слушаніемъ и т. д. Посему, обнаруживающаяся воззрѣніемъ душа, посредствомъ этихъ орудій, можетъ усматривать не только тѣ свойства вещей, которыми онѣ дѣйствуютъ на чувство, не ожидая его согласія, но и тѣ, которыя, по какимъ либо причинамъ, никогда не производили и, можетъ быть, никогда не произвели бы на него впечатлѣній. А чрезъ это область воззрѣнія становится гораздо обширнѣе: предъ взоромъ чувства теперь открывается необъятное поприще для обогащенія себя впечатлѣніями предметовъ всякаго рода. Замѣтимъ и то, что воззрѣніе есть первое выраженіе, въ которомъ душа, какъ начало самодѣятельное, является свободною; потому что отъ нея зависитъ поставлять себя подъ вліяніе тѣхъ или другихъ впечатлѣній, искать той или другой пищи для своего чувства, открывать тотъ или другой органъ для усмотрѣнія явленій.

Предметъ чувственнаго воззрѣнія.

§ 13.

Но какимъ представляется душѣ міръ, поколику она направляется къ чему либо своимъ воззрѣніемъ? Смотря на вещи посредствомъ извѣстныхъ органовъ воззрѣнія, мы обыкновенно относимъ ихъ къ міру внѣшнему. Подъ именемъ *міра внѣшняго* разумѣется необозримое множество вещей и явленій, ежеминутно происходящихъ, непрестанно измѣняющихся и либо исчезающихъ, либо убѣгающихъ отъ нашего чувства, чтобы снова поразить его въ другое время ([12]). Посему, опредѣляя предметъ

([12]) Въ душѣ можетъ образоваться такое понятіе о мірѣ внѣшнемъ конечно потому, что въ ней есть масштабъ бытія неизмѣннаго и постояннаго. Въ противномъ случаѣ оно было бы невозможно.

воззрѣнія, надобно въ непрестанной текучести явленій міра внѣшняго брать вещь, какъ дѣлаютъ живописцы, — 1) въ то самое *мгновеніе*, когда она усмотрѣна; потому что въ другое чувству пришлось бы найти ее иною вещію; 2) въ томъ самомъ *мѣстѣ*, гдѣ она усмотрѣна, потому что въ другомъ чувство могло бы замѣтить въ ней иныя свойства; 3) въ томъ самомъ *матеріальномъ образѣ*, въ которомъ она усмотрѣна, потому что вещь, измѣнившая свой образъ, въ отношеніи къ чувству, уже не есть та самая вещь. Но ограничивая этими признаками предметъ воззрѣнія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ нашли признаки и *чувственнаго недѣлимаго;* потому что чувственное недѣлимое есть то, что чувствуется въ настоящее мгновеніе, въ какомъ нибудь опредѣленномъ мѣстѣ и подъ какимъ нибудь матеріальнымъ образомъ (13). Обращая же вниманіе на то, что воззрѣніе возможно не иначе, какъ при посредствѣ чувственныхъ органовъ, а чрезъ чувственные органы постигается единственно матеріальное, предметъ воззрѣнія правильно также называется *бытіемъ матеріальнымъ* (14). Надобно еще замѣтить, что воспринимаемое воззрѣніемъ не есть просто одинъ обликъ вещи. Осязая чувствомъ какое нибудь тѣло, мы не сознаемъ отдѣльно принадлежащихъ ему свойствъ; а чувствуя свойства, не сознаемъ отдѣльно тѣлъ, къ которымъ они относятся. Такъ напримѣръ, видя кругъ, мы еще не представляемъ его круглоты, не опредѣляемъ его величины, не различаемъ въ немъ средоточія, радіусовъ и проч.; нашему чувству представляется просто круглая вещь. Рав-

---

(13) *Недѣлимое* (individuum) вообще опредѣляютъ иначе. Оно есть такая отдѣльная вещь, которая не можетъ дѣлиться, не переставъ быть тѣмъ, что она есть. Но это опредѣленіе недѣлимаго не даетъ понятія о вещи, поколику она есть предметъ воззрѣнія; потому что воззрѣнію или вообще чувству дѣлить и отдѣлять не свойственно, между тѣмъ какъ отдѣльное или особое для него уже существуетъ.

(14) Подъ именемъ *бытія матеріальнаго* надобно разумѣть вещь, такъ какъ она въ извѣстное мгновеніе, въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстномъ обликѣ является чувствамъ. Посему бытіе матеріальное, можетъ быть также названо *бытнымъ* (τὸ γενέσθαι или fieri).

нымъ образомъ обоняя запахъ, мы еще не принимаемъ его за свойство какого нибудь предмета и не отдѣляемъ перваго отъ послѣдняго: намъ нравится не благовоніе цвѣтка, а благовонный цвѣтокъ. Такое безразличіе вещи и ея свойствъ для нашего чувствованія въ Логикѣ называется предметомъ слитнымъ или *конкретомъ* (concretum). И такъ предметъ воззрѣнія есть не иное что, какъ чувственное недѣлимое, бытіе матеріальное и конкретъ ([15]).

Умозрѣніе.

§ 14.

Умозрѣніе есть самодѣятельное и сознательное обращеніе души къ міру, такъ какъ предметы міра представляются ей въ умѣ. Посему умозрѣніе обыкновенно почитается дѣятельностію ума; а умъ, дѣйствующій съ сознаніемъ и самъ собою направляющійся къ созерцанію вещей въ мірѣ, называется *умомъ теоретическимъ*. Органомъ умозрѣнія остается та же самая *идея*, которою ограничивается умъ, какъ образомъ безконечной истины

([15]) Нельзя конечно сомнѣваться, что, при здоровомъ состояніи чувствъ, почувствованное нами есть дѣйствительно предметъ чувствованія. Но между тѣмъ на этой именно степени душевной дѣятельности зараждаются первыя ошибки и заблужденія, приводящія многихъ къ мысли, что чувства насъ обманываютъ. Для открытія источника этихъ заблужденій, надобно обратить вниманіе на то, что нерѣдко подъ именемъ чувственныхъ впечатлѣній мы разумѣемъ факты, пріобрѣтенные не чувствомъ, а заключеніемъ,—разумѣемъ отъ того, что они быстро и незамѣтно сливаются съ дѣйствительно почувствованными предметами. Возмемъ, напримѣръ, предложеніе: «я слышу голосъ человѣка». На обыкновенномъ языкѣ это безъ сомнѣнія имѣетъ значеніе воззрѣнія, либо даже чувственнаго воспріятія; а между тѣмъ воззрѣніе здѣсь состоитъ только въ томъ, что я слышу звукъ. Но что звукъ есть голосъ и—голосъ человѣка, это факты не воззрѣнія, а заключенія. Доводя до моего сознанія слышимый звукъ, воззрѣніе меня не обманываетъ; а заключеніе, что слышимый звукъ есть голосъ человѣка, иногда можетъ и обмануть и, въ этомъ случаѣ, сливаясь съ воззрѣніемъ, наводитъ подозрѣніе на самое чувство. Примѣры такого смѣшенія чувственныхъ впечатлѣній съ заключеніями представляются непрестанно и требуютъ особеной заботливости въ отличеніи первыхъ отъ послѣднихъ, потому что иначе формы мышленія мы будемъ часто принимать за условія ихъ.

и безконечнаго добра; но теперь она, подобно органамъ чувства при воззрѣніи, получаетъ совсѣмъ иной характеръ, именно — становится присущею уму уже не какъ образъ, а какъ *взглядъ* (*ἰδέα*) и въ этомъ послѣднемъ значеніи озаряется сознаніемъ. Слово «взглядъ», въ смыслѣ идеи, употребляется въ выраженіяхъ, подобныхъ слѣдующимъ: онъ имѣетъ особенный взглядъ на жизнь; его взглядъ на это не согласенъ съ моимъ; взгляды философовъ на міръ различны, и проч. Во всѣхъ этихъ случаяхъ подъ именемъ идеи, какъ взгляда, разумѣется стремленіе ума въ безконечномъ множествѣ и разнообразіи частей предмета усмотрѣть единство его природы, созерцать душу его бытія и схватить нераздѣльную связь, которою держится его цѣлость и тожественность. Понимаемая такимъ образомъ идея представляется намъ возникающею изъ глубины души и бываетъ сознаваема, какъ собственное наше, самодѣятельно направляющееся къ предмету созданіе, а потому не безъ основанія называется *идеею теоретическою*. Между тѣмъ однакожъ это созданіе есть не иное что, какъ переводъ, или приложеніе практической идеи истиннаго и добраго къ созерцанію природы созданій Божіихъ. И только въ такомъ отношеніи идеальная дѣятельность нашего ума есть дѣятельность свободная, т. е. поколику отъ насъ зависитъ — созерцать истину и добро въ мірѣ, или не созерцать, и практическую свою идею переводить въ ту или другую сферу предметовъ.

Предметъ умозрѣнія.

§ 15.

Направляясь своимъ умозрѣніемъ къ міру и, при непрестанной измѣняемости вещей, стремясь находить основаніе единства и связи ихъ, душа чрезъ это самое полагаетъ и разсматриваетъ міръ внутренній. Подъ именемъ *міра внутренняго* разумѣется полнота безконечно различныхъ предметовъ, поколику они всегда неизмѣнны, одни и тѣ же и равны самимъ себѣ. Вещь, созерцаемая умомъ въ мірѣ внутреннемъ, 1) не ограничивается мгновеніемъ чувственнаго воззрѣнія, потому что не подлежитъ ника-

кимъ ограниченіямъ времени, но полагается *всегда, какъ одна и та же*. Напримѣръ: это растеніе, по отношенію къ чувству, какъ это (зеленѣющее, цвѣтущее, отцвѣтшее, обнаженное и проч.) существуетъ только въ минуту усмотрѣнія; а по отношенію къ уму, какъ растеніе (независимо отъ внѣшнихъ своихъ состояній), оно всегда тожественно. Вещь, созерцаемая умомъ въ мірѣ внутреннемъ 2) не ограничивается мѣстомъ чувственнаго воззрѣнія; потому что, чувственною своею стороною находясь гдѣ нибудь и ограничиваясь чѣмъ нибудь, по внутренней она полагается внѣ всякаго отношенія и безразлично — *вездѣ, какъ одна и та же*. Напримѣръ: Русскій человѣкъ, въ значеніи предмета чувственнаго, находится въ Россіи, а какъ предметъ ума, онъ — Русскій вездѣ, гдѣ бы ни жилъ. Вещь, созерцаемая умомъ въ мірѣ внутреннемъ—3) не ограничивается матеріальнымъ обликомъ, потому что полагается существующею не по внѣшней, а по внутренней сторонѣ, и имѣетъ, такъ сказать, образъ существенный, по которому она, при всѣхъ возможныхъ измѣненіяхъ, *есть то, что есть и чѣмъ быть должна*. Напримѣръ: человѣческій образъ, какъ предметъ умозрѣнія, во всѣхъ странахъ земнаго шара — одинъ и тотъ же человѣческій образъ, а какъ предметъ усмотрѣнія, онъ вездѣ различенъ. Очертавъ такими признакамн вещь, поколику она созерцается теоретическимъ умомъ, мы чрезъ это, какъ и прежде, пришли къ понятію недѣлимаго; только найденное теперь недѣлимое, по своимъ свойствамъ, противуположно чувственному и можетъ быть названо *недѣлимымъ умственнымъ*, подъ которымъ разумѣется предметъ ума, не ограничивающійся ни опредѣленнымъ временемъ, ни извѣстнымъ мѣстомъ, но представляющійся уму, по внутреннему своему составу, всегда и вездѣ однимъ и тѣмъ же. Этотъ внутренній составъ предмета недоступенъ для чувства, и однакожъ заключаетъ въ себѣ все необходимое, по чему предметъ созерцается именно какъ тотъ, а не другой. Заключая же въ себѣ все необходимое, онъ есть полная вещь (res), и потому называется *бытіемъ реальнымъ*. А поколику свойства его природы таковы, что пребываютъ въ ней постоянно, никогда не измѣняясь и не замѣняясь другими свойствами;

то на него равнымъ образомъ можно смотрѣть какъ на сущее или *сущность* (essentia); потому что сущность есть совокупность свойствъ вещи, постоянно и неизмѣнно въ ней заключающихся. — И такъ, направляясь къ міру внутреннему, умъ всякую вещь полагаетъ, какъ умственное недѣлимое, бытіе реальное и сущность.

Пробужденіе разсудка къ дѣятельности.

§ 16.

Встрѣча практическаго ума и практическаго чувства — двухъ пріемниковъ взаимно противуположныхъ впечатлѣній въ сознаніи не препятствуетъ имъ, какъ мы видѣли (§ 11), снова и притомъ самодѣятельно направляться къ противуположнымъ сторонамъ бытія, и свободно вносить въ душу все, что постигается ими въ мірѣ внѣшнемъ и внутреннемъ. Но это, какъ бы оптическое пресѣченіе чувственнаго воспріятія и умственнаго созерцанія при переходѣ ихъ въ состояніе самодѣятельности, не можетъ оставаться безъ результата относительно къ развитію силъ души. Сознаніе взаимно противуположныхъ впечатлѣній, какъ сознаніе, необходимо должно сопровождаться стремленіемъ согласить ихъ или ограничить какою нибудь общею формою бытія. А для этого требуется новая сила, которая, управляясь извѣстными законами, принимала бы участіе въ обоихъ, взаимно противуположныхъ направленіяхъ силъ теоретическихъ, и между дѣятельностями ихъ развивала бы дѣятельность посредствующую или среднюю. Такая сила души есть *разсудокъ* или *смыслъ* (*διάνοια, λογισμός*). Значеніе ея весьма вѣрно характеризуется самою этимологіею словъ, которыми она названа. Разсудокъ разсуждаетъ, *διανοεῖ, διακρίνει*, то есть различаетъ въ сознаніи впечатлѣнія ума и чувства, и потомъ смыслитъ—*λογίζει, συλλογίζει*, то есть, согласно съ требованіемъ своихъ законовъ, различенное извѣстнымъ образомъ соединяетъ.

Такъ какъ разсудокъ или смыслъ есть главное дѣйствующее начало мышленія — сила, въ собственномъ смыслѣ логическая;

то мы должны обратить на нее особенное вниманіе и подробно разсмотрѣть характеръ ея дѣятельности.

Подлежительное условіе дѣятельности разсудка.

§ 17.

Поводъ къ пробужденію дѣятельности разсудка показываетъ намъ, когда можетъ она развиваться и когда не можетъ, когда должна ослабѣвать и когда усиливаться, когда необходимо принимать ей то и когда—другое направленіе. Такъ какъ разсудокъ пробуждается къ дѣятельности вслѣдствіе встрѣчи взаимно-противуположныхъ направленій ума и чувства въ сознаніи; то явно, что, при недостаткѣ, либо при неразвитости той или другой изъ этихъ силъ въ душѣ, разсудокъ нетолько не будетъ дѣйствовать, но и не проявится, какъ особое выраженіе душевной жизни. Если бы, напримѣръ, мы вообразили себѣ существо безъ природы чувствующей, но съ развитою въ высшей степени силою духа; то должны были бы признать его только созерцателемъ, а не мыслителемъ. И наоборотъ, если бы мы представили себѣ твореніе, не одаренное умомъ, но обладающее живымъ чувствомъ; то необходимо сочли бы его опять только чувствователемъ, а не мыслителемъ. Отсюда легко понять и то, почему у однихъ людей разсудокъ бываетъ силенъ, а у другихъ слабъ. Находясь въ зависимости отъ ума и чувства, онъ конечно долженъ быть показателемъ или выраженіемъ энергіи тѣхъ началъ, отъ которыхъ зависитъ. Слѣдовательно, если эти начала въ человѣкѣ развиты недостаточно; то само собою разумѣется, что и дѣятельность разсудка въ немъ будетъ вяла и безсильна: а когда, напротивъ, первыя дѣйствуютъ живо и свободно; то и послѣдняя является на соотвѣтственной степени живости. Впрочемъ равностепенность ума и чувства,—сильна ли ихъ дѣятельность или слаба, — въ людяхъ замѣчается весьма рѣдко. Чаще случается то, что либо чувство, по своему развитію въ извѣстномъ человѣкѣ, дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ умъ, либо умъ — сильнѣе, чѣмъ чувство. Это различіе энергіи ихъ, безъ сомнѣнія, должно отразиться

и на разсудкѣ, и какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ сообщить ему направленіе одностороннее. Именно, — въ комъ чувство беретъ перевѣсъ надъ умомъ, у того дѣятельность разсудка естественно должна склоняться на сторону впечатлѣній чувственныхъ; а въ случаѣ перевѣса на сторонѣ ума, къ уму же будетъ направляться и разсудокъ. Но увлекаемый преимущественно либо тою, либо другою познавательною силою души, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно долженъ и ослабѣвать въ своей дѣятельности; потому что въ этомъ случаѣ не будетъ имѣть, сколько нужно, той твердости въ мышленіи, которую надлежало бы ему заимствовать отъ другаго, относительно слабаго теоретическаго дѣятеля.

Если же дѣятельность разсудка находится въ такой зависимостя отъ дѣятельности ума и чувства; то послѣднюю, по всей справедливости, можно почитать психическимъ или *подлежательнымъ условіемъ* первой.

Предлежательное условіе дѣятельности разсудка.

§ 18.

И умъ, и чувство, — та и другая изъ этихъ силъ находитъ для себя, какъ выше сказано (§§ 13, 15), особый міръ, въ которомъ своимъ образомъ можетъ что либо познавать, и особую сторону вещей, съ которой онѣ бываютъ доступны ея усмотрѣнію. Но для третьей, — собственно мыслящей силы, нѣтъ третьяго міра; нѣтъ также для ней въ вещахъ и третьей стороны, по которой онѣ существовали бы именно, какъ предметы ея дѣятельности. Все, дѣйствительно существующее, предстоитъ либо уму, либо чувству; разсудку же не остается ничего: онъ есть сила безъ предмета, будто художникъ безъ матеріала. Но природа всякой силы, слѣдовательно и разсудка, всегда такова, что если не имѣетъ она предмета дѣятельности, то и не дѣйствуетъ; а когда не дѣйствуетъ, то и не проявляется въ значеніи особой силы. Между тѣмъ каждый человѣкъ ясно сознаетъ, что онъ мыслитъ; слѣдовательно есть нѣчто, чѣмъ бываетъ занято его мы-

шленіе. Откуда же и какой для этого получаемъ мы матеріалъ? Своимъ пробужденіемъ будучи обязанъ взаимной встрѣчѣ ума и чувства, разсудокъ и своими матеріялами обязанъ взаимной встрѣчѣ предметовъ ума и чувства въ сознаніи. Не имѣя въ своей области ничего собственнаго, онъ можетъ мыслить только о томъ, что входитъ въ сознаніе путемъ чувственнаго усмотрѣнія и умственнаго созерцанія. Отсюда произошло предположеніе и самое названіе третьяго міра, именуемаго ***міромъ мыслимымъ***, который населяется представленіями и понятіями разсудка о предметахъ міровъ внѣшняго и внутренняго (entia intellectus). Явно, что такимъ образомъ предъ мыслящею силою души въ самомъ единствѣ ея сознанія скрывается двоякій источникъ матеріаловъ, — и притомъ матеріаловъ взаимно противуположныхъ, которые она не просто можетъ только заимствовать, а главное — должна какимъ нибудь образомъ и подъ какими нибудь формами соглашать.

Но если для мышленія разсудка столь же необходимы предметы дѣятельности ума и чувства, сколь необходима дѣятельность этихъ силъ для самаго его пробужденія; то явно, что все, постигаемое чувствомъ и умомъ, надобно почитать вещественными или ***предметными условіями*** мышленія.

Общія формы дѣятельности разсудка подъ условіями — подлежательнымъ и предлежательнымъ.

§ 19.

Выше было замѣчено, что все, доступное чувству, постигается, какъ существующее въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное мгновеніе (§ 13), а всякій предметъ ума созерцается, какъ предметъ, удерживающій свое бытіе вездѣ и всегда (§ 15). И тамъ и здѣсь мы не поставляемъ вещей ни въ какое отношеніе, и потому усматриваемъ ихъ независимо отъ пространства и времени. Но когда, въ слѣдствіе взаимной встрѣчи чувствопостигаемаго и умосозерцаемаго въ сознаніи, встрѣчаются въ немъ также «здѣсь» и «вездѣ», «мгновенно» и «всегда», и разсудокъ, по самой своей природѣ и назначенію, долженъ соглашать эти про-

тивуположности: тогда «здѣсь» и «вездѣ» необходимо являются въ отношеніи и пробуждаютъ въ душѣ мысль *о движеніи пространственномъ;* а «мгновенно» и «всегда», становясь такимъ же образомъ во взаимное отношеніе, ограничиваютъ ее къ сознанію *движенія временнаго.* И тутъ-то скрывается источникъ ([16]) *формъ пространства и времени,* столь неизбѣжныхъ для разсудка. Открывая поприще своей дѣятельности съ той же точки встрѣчи чувствопостигаемаго и умосозерцаемаго, и по случаю этой самой встрѣчи, разсудокъ не иначе можетъ развивать свою дѣятельность, какъ въ пространствѣ и времени; такъ что существующее внѣ этихъ формъ, становясь предметомъ его мышленія, непремѣнно вносится въ нихъ, а въ противномъ случаѣ не подлежитъ и мышленію. Пространство и время составляютъ какъ бы необходимую атмосферу силы мыслящей, поколику она мыслитъ. Притомъ должно замѣтить, что развиваясь чрезъ взаимоограниченіе въ разсудкѣ противуположныхъ дѣятелей и противуположныхъ стихій дѣятельности, эти формы и сами, соотвѣтственно направленіямъ своихъ началъ — внѣшнему и внутреннему, принимаютъ нѣкоторый видъ внѣшно и внутренно направляющихся формъ. Пространство представляется намъ какъ бы кругомъ, котораго орбита описывается безконечно простирающимся радіусомъ, и потому мы, составляя средоточіе этого круга, мыслимъ его внѣ себя и почитаемъ *чистою формою внѣшняго* или *чувственнаго воззрѣнія,* хотя ясно сознаемъ, что сами же тянемъ въ безконечность его радіусъ. Напротивъ время представляется намъ какъ бы линіею, которая, сколько разсудокъ ни продолжаетъ ее впередъ или назадъ, никогда не оканчивается, и вмѣстѣ съ тѣмъ однакожъ никогда не выступаетъ изъ предѣловъ силы, ее продолжающей; и потому мы воображаемъ ее въ себѣ и почитаемъ *чистою формою внутренняго* или *умствен-*

([16]) Основаніе для вывода формъ пространства и времени можетъ быть и другое — психологическое. Но такъ какъ Психологія находитъ его (если только ищетъ) единственно чрезъ изслѣдованіе связи между чувствующею и духовною природами души; то психологическіе выводы относительно формъ пространства и времени должны отожествиться съ логическими.

наго созерцанія, хотя опять ясно сознаемъ, что наше бытіе слишкомъ ограниченно для ея измѣренія. Обѣ эти формы составляютъ, какъ сказано, необходимую атмосферу разсудка, безъ которой онъ ни существовать, ни дѣйствовать не можетъ. Впрочемъ онѣ не заслоняютъ отъ насъ природы вещей; потому что впечатлѣнія предметовъ міра внѣшняго и внутренняго мы принимаемъ въ сознаніе не пространствомъ и временемъ, а непосредственно чувствомъ и умомъ, поколику эти силы дѣйствуютъ либо до развитія пространства и времени, либо независимо отъ нихъ (17).

Способъ заимствованія матеріаловъ мышленія, или способность разсудка представлять.

§ 20.

Говоря объ умственномъ и чувственномъ направленіи души, мы нашли, что обоими этими путями постигаются предметы посредствомъ извѣстныхъ органовъ. Нельзя ли и въ разсудкѣ замѣчать что либо похожее на органъ? — Такъ какъ матеріалы для своей дѣятельности разсудокъ можетъ получать только чрезъ заимствованіе ихъ; то естественно слѣдуетъ приписать ему какой нибудь способъ заимствованія. Такимъ способомъ обыкновенно почитаютъ *способность представленія* (facultus repraesentandi). Представлять значитъ съ бо́льшею или меньшею ясностію воспроизводить (18) предметы, вошедшіе въ сознаніе путемъ чув-

---

(17) По этому-то душа въ младенческомъ возрастѣ человѣка не обнаруживаетъ формъ пространства и времени; такъ что представленіе близости или отдаленности, продолжительности или кратковременности въ ней не замѣчается.

(18) По этому способность представленія иногда называютъ *воспроизводительнымъ воображеніемъ*, но — неправильно; потому что этимъ названіемъ представленія смѣшиваются съ воображеніемъ, чего никакъ не должно быть. Правда, какъ представленіе, такъ и воображеніе не можетъ обойтись безъ образа: но что можно представить, того вообразить нельзя, потому что то уже имѣетъ свой образъ; и что вообразимо, но еще не воображено, того непосредственно представить невозможно, потому что вообразимое, но еще не вообра-

ственнаго воспріятія и умственнаго созерцанія; или иначе: представленіе, какъ способность, проявляется такою дѣятельностію души, чрезъ которую то, что прежде, какъ предлежательное, предстояло съ одной стороны уму, съ другой чувству, и сознано въ значеніи предмета частію умственнаго, частію чувственнаго, теперь снова, какъ предлежательное, уже прошедшее и отсутствующее, воспроизводится въ смыслѣ предмета какъ бы настоящаго и присутствующаго (repraesentatur).

Понимаемой такимъ образомъ способности представленія въ самомъ дѣлѣ свойственна сила *органа,* или пріемника матеріаловъ для дѣятельности разсудка; потому что всякая его дѣятельность основывается непремѣнно на представленіи и всегда начинается представленіемъ; такъ что безъ представленія, даже и при множествѣ присущихъ сознанію предметовъ ума и чувства, разсудку не о чемъ было бы мыслить. Притомъ въ способности представлять мы ясно замѣчаемъ нѣкоторое сходство — частію съ идеею ума, частію съ органическою дѣятельностію чувства; потому что эта способность съ одной стороны, подобно идеѣ, есть взглядъ на предметъ, какъ бы для воспроизведенія его въ смыслѣ недѣлимаго умственнаго (§ 15), а съ другой, подобно чувственнымъ органамъ, есть стремленіе какъ бы возстановить въ немъ недѣлимое чувственное (§ 13). Въ самомъ дѣлѣ, желая представить что либо, разсудокъ обнаруживаетъ двоякую дѣятельность, соотвѣтствующую двоякому роду заимствуемыхъ имъ матеріаловъ, именно: *вниманіе* и *воспроизведеніе.* Чрезъ вниманіе онъ воображаетъ въ себѣ стихію идеальную, а чрезъ воспроизведеніе усвоиваетъ чувственную и, сочетавая обѣ, произво-

---

женное не имѣетъ образа. Основаніе этого состоитъ въ томъ, что предметы представленія суть *вещи*, поколику онѣ сознаются въ какомъ нибудь образѣ: а предметы воображенія суть *понятія*, которыя нужно еще облечь въ образъ. Но отличая представленіе отъ воображенія, мы за то поставляемъ его въ самую тѣсную связь *съ воспоминаніемъ;* ибо воспоминаніе называемъ способностію вводить въ сознаніе то, что сохраняется въ памяти безсознательно. Слѣдовательно представленіе и воспоминаніе потому только не сливаются въ одну дѣятельность, что раздѣляются сознаніемъ, что, то есть, послѣдняя вноситъ впечатлѣнія *въ сознаніе,* а первая износитъ ихъ *изъ сознанія.*

дитъ то, что называется представленіемъ въ смыслѣ предлежательномъ. Чтобы видѣть это яснѣе, разсмотримъ ту и другую дѣятельность особо.

Понятіе о вниманіи и значеніе его въ дѣлѣ представленія

§ 21.

Вниманіе (attentio) есть усиліе разсудка удержать или какъ бы остановить убѣгающій отъ насъ предметъ, чтобы воспроизвесть его, либо уже воспроизведенный подвергнуть изслѣдованію, разсмотрѣть, изучить и т. п. Наблюдая надъ этою дѣятельностію, мы находимъ въ ней много весьма важныхъ особенностей, проливающихъ свѣтъ на всю область мышленія.

1) Надобно замѣтить, что вниманіе предваряетъ и сопровождаетъ всякую другую дѣятельность разсудка; потому что безъ вниманія разсудокъ не имѣлъ бы даже и предмета дѣятельности. Оно представляется необходимымъ орудіемъ, которымъ только и можно ***удержать предметъ***, т. е. сдѣлать его присущимъ разсудку, пока нужно его присутствіе: а какъ скоро этого орудія нѣтъ, или оно прекратило свое дѣйствіе, — все представляемое, понимаемое, обсуживаемое, — все что ни входитъ въ сферу мышленія, —тотчасъ убѣгаетъ отъ нашего сознанія, распадается на свои начала, — и мы снова въ мірѣ чувствъ, среди непрестанной текучести явленій.

2) Замѣчательно также, что чѣмъ съ бо́льшею силою вниманіе устремляется на какой нибудь предметъ, тѣмъ исключительнѣе ***сосредоточивается*** на томъ самомъ предметѣ; такъ что по мѣрѣ возвышенія внимательности къ чему нибудь одному, все прочее какъ бы совершенно теряется изъ сознанія ([19]). Извѣстно, что вниманіе, направленное къ какому либо предмету или занятію,

---

([19]) Этому свойству вниманія прямо противуположна *разсѣянность*, состоящая въ томъ, что разсудокъ при мышленіи не сосредоточивается, сколько нужно, на предметѣ мышленія, но подъ вліяніемъ множества различныхъ впечатлѣній нечувствительно перебѣгаетъ отъ одного предмета къ другому и часто теряетъ изъ виду главную тему своей дѣятельности.

даже ослабляетъ, напримѣръ, чувство тѣлесныхъ страданій, настойчивость животныхъ требованій, силу страстей и т. п.

3) Но сколь бы ни сильно сосредоточивалось вниманіе на одномъ и томъ же предметѣ, — оно само по себѣ не характеризуетъ для насъ предмета никакими отличительными чертами, не показываетъ намъ, что онъ таковъ или таковъ, а только указываетъ его, какъ этотъ, а не другой. Посему о вниманіи, относительно къ его предмету, нельзя сказать ничего, кромѣ того, что оно есть взглядъ, или *идея ума, переведенная въ область разсудка* и выражаемая не больше какъ однимъ именемъ вещи; такъ что вниманіе нисколько не зависитъ отъ дѣятельности чувствъ и отнюдь не относится къ этой сторонѣ души, но находится въ связи съ умственною ея природою.

4) Не смотря однакожъ на то, что вниманіе есть взглядъ разсудка, подобный идеальному взгляду ума, — первый ясно отличается отъ послѣдняго — именно тѣмъ, что всегда бываетъ болѣе или менѣе продолжителенъ, между тѣмъ какъ идеи нельзя представлять чѣмъ-то продолжающимся. А изъ этого явствуетъ, что вниманіе надобно почитать идеею ума, переведенною не просто въ область разсудка, но и въ самой этой области — *единственно въ форму времени*. Впрочемъ, это видно и изъ того, что представленіе, совершаясь при посредствѣ вниманія, всегда бываетъ, какъ сказано (§ 20), воспроизведеніемъ прошедшаго, какъ настоящаго, и отсутствующаго, какъ присутствующаго, слѣдовательно, по отношенію къ вниманію, всегда является дѣйствіемъ разсудка въ одной формѣ времени.

5) Но такъ какъ предметъ идеи ума, или сущность, которой всегда принадлежатъ какія либо существенныя свойства, теперь чрезъ вниманіе перешедши въ область разсудка, не характеризуется уже никакими чертами и является въ одной формѣ времени — просто какъ имя удерживаемой вниманіемъ вещи; то само собою явствуетъ, что, по своемъ переходѣ въ разсудокъ, этотъ предметъ не имѣетъ больше значенія сущности и становится какъ бы субстратомъ чувственнаго образа, обыкновенно на-

зываемымъ *субстанціею* ([20]), которая есть безкачественное основаніе только единства или тожества воспроизводимаго разсудкомъ предмета.

6) Соображая эти особенности вниманія и разсматривая ихъ примѣнительно къ представленію, мы легко можемъ опредѣлить, какое значеніе надобно приписать вниманію собственно въ дѣлѣ представленія. Такъ какъ вниманіе дѣйствуетъ только въ формѣ времени и само по себѣ не характеризуетъ предмета, удерживая его единственно въ значеніи субстанціи; то въ представленіи, поколику имъ вызываются свойства вещи представляемой и вводятся въ нее черты пространственныя, оно по видимому неумѣстно. Но представлять тѣмъ не менѣе надобно что нибудь,— иначе представленіе было бы невозможно; а установить это «что нибудь» и во все время воспроизведенія удерживать воспроизводимый предметъ, значитъ формовать его. Посему вниманіе въ дѣлѣ представленія есть дѣятельность разсудка, чрезъ удержаніе безкачественнаго предмета, только доставляющая ему *форму*.

Понятіе о воспроизведеніи и значеніе его въ дѣлѣ представленія.

§ 22.

Воспроизведеніе (reproductio) есть дѣятельность разсудка, состоящая въ томъ, что онъ какъ бы постепенно собираетъ отдѣльныя черты знакомаго чувству и удерживаемаго вниманіемъ предмета, стараясь чрезъ соединеніе этихъ чертъ возобновить его въ сознаніи съ возможно большею полнотою. Касательно сей дѣятельности надобно замѣтить слѣдующее:

([20]) *Субстанція, по тому поводу, что* Римляне *этимъ словомъ переводили* Греческое *ὀσία* (сущность), часто смѣшивается съ сущностію. Но что бы точнѣе различать ихъ, надобно замѣтить, что сущность есть субстанція недѣлимаго, поколику она созерцается умомъ идеально, внѣ времени; а субстанція есть сущность цѣлаго класса вещей, поколику онъ мыслится разсудкомъ формально, во времени. Сущность есть предметъ метафизическій, а субстанція — логическій. Напримѣръ: сила сѣмени, по которой оно развивается вообще въ растеніи, есть субстанція, а способность его развиваться именно въ такой-то растительный организмъ, принадлежитъ сущности.

1) Воспроизведеніе вещи въ сознаніи, для образованія представленія, совершается долѣе того мгновенія, въ которое она произвела впечатлѣніе на чувство. Если и возможно тутъ какое исключеніе, то развѣ относительно предметовъ, особенно малыхъ по объему и довольно простыхъ по содержанію. Это весьма естественно объясняется самымъ направленіемъ дѣятельности ума и чувства, поколику предметы ихъ въ области разсудка, подъ условіемъ пространства и времени, должны прійти въ соотношеніе. Между тѣмъ какъ умъ созерцаетъ предметъ вдругъ весь, въ неизмѣнной его сущности, чувствомъ постигаются только частныя его выраженія, и притомъ—каждое отдѣльно, безъ связи съ другими. Для ума есть, напримѣръ, картина, музыкальная гармонія, пластическое произведеніе; а для чувства тутъ нѣтъ ничего, кромѣ цвѣтовъ, звуковъ и массы. Посему, тогда, какъ въ области разсудка вниманіе, въ смыслѣ представительнаго начала умственнаго созерцанія, удерживаетъ цѣлость предмета во времени, — воспроизводительная дѣятельность силы представляющей, сопровождаемая бо́льшею или меньшею продолжительностію вниманія и обращенная къ чувственному усмотрѣнію, собираетъ отдѣльныя черты того же самаго предмета и, взаимно соединяя ихъ, представляетъ его *въ пространствѣ.*

2) Воспроизведеніе вещи въ сознаніи, для образованія представленія, совершается *мало-по-малу*. Прежде всего мы возстановляемъ тѣ черты предмета, которыми онъ съ особенною силою воздѣйствовалъ на наши чувства, а потомъ постепенно присоединяемъ къ нимъ и другія. Кто желаетъ, напримѣръ, воспроизвесть образъ видѣннаго фонтана; тотъ сперва представляетъ, положимъ, выбрасываемый имъ столпъ воды, а потомъ переводитъ въ представленіе, однѣ за другими, разныя принадлежности, украшенія, устройство бассейна, и проч.

3) Чрезъ воспроизведеніе разсудокъ возстановляетъ бо́льшее или меньшее число чертъ представляемой вещи, но никогда не въ состояніи возстановить *всѣ ихъ.* Причину такого явленія надобно предполагать безъ сомнѣнія въ томъ, что воспроизводимый предметъ удерживается вниманіемъ только въ значеніи без-

качественной субстанціи (§ 21), и потому разсудокъ, собирая и соединяя черты усмотрѣнной чувствомъ вещи, не подлежитъ никакому контролю, такъ что можетъ безотчетно возстановлять любое количество ихъ, не погрѣшая противъ субстрата, для котораго онъ приготовляетъ пространственную свою оболочку, недостатокъ же тѣхъ или другихъ чертъ замѣняетъ пространственными пробѣлами.

4) Воспроизводя черты представляемаго предмета, разсудокъ оживляетъ его для себя всегда *въ уменьшенномъ видѣ*. Такъ напримѣръ, разстояніе между извѣстными точками пространства въ представленіи бываетъ короче, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.

5) Воспроизводимыя черты представляемой вещи никакъ не остаются въ представленіи чертами, сознаваемыми отдѣльно, но сливаются между собою и составляютъ конкретъ, который, и въ самомъ началѣ неполный и измѣнчивый, впослѣдствіи еще болѣе измѣняется, изглаживается и наконецъ, какъ стертая монета, совершенно теряетъ значеніе конкрета недѣлимаго и становится *конкретною схемою* (σχῆμα) представленія. Схема есть образъ цѣлаго класса вещей, обыкновенно служащій для чувственнаго выраженія общихъ понятій разсудка [21]. Кто, напримѣръ, еще въ дѣтствѣ лишившись своего отца, хотѣлъ бы представить его; тотъ, говоря о немъ, представляетъ его подъ конкретною схемою человѣка.

6) Соображая все сказанное о воспроизведеніи, легко понять, какое значеніе принадлежитъ ему въ дѣлѣ представленія. Такъ какъ посредствомъ этой дѣятельности вносятся въ форму пространства отдѣльныя черты постигнутыхъ чувствомъ вещей и изъ нихъ составляются соотвѣтствующіе этимъ вещамъ конкреты; то явно, что сія дѣятельность силѣ представляющей доставляетъ *матерію* представленія.

---

(21) Впрочемъ, такъ какъ въ дѣлѣ представленія предметъ вниманія всегда есть субстанція; а субстанцію мы назвали сущностію цѣлаго класса вещей (§ 21); то въ смыслѣ болѣе обширномъ всякій соотвѣтствующій ей обликъ, слѣдовательно всякій воспроизведенный разсудкомъ образъ, можно назвать схемою.

Законы соотношенія или содружества представленій.

§ 23.

И такъ найдено, что способность представлять есть органъ разсудка для заимствованія предметовъ мышленія изъ области ума и чувства, и что обнаруживая свою дѣятельность вниманіемъ и воспроизведеніемъ, она доставляетъ своимъ представленіямъ матерію и форму. Пользуясь этою способностію, разсудокъ обогащается чрезвычайнымъ множествомъ представленій, которыя, какъ коренныя стихіи мышленія, носятся въ его сферѣ и ожидаютъ зиждительной силы, чтобы образоваться въ какія нибудь мыслимыя организаціи. Но прежде чѣмъ они бываютъ извѣстнымъ образомъ организуемы, находится ли между ними какое либо соотношеніе? состоятъ ли они въ какой либо взаимной связи, зависимости и содружествѣ?

Внутреннее самонаблюденіе показываетъ намъ, что разнообразныя наши представленія всегда возбуждаются одни другими и, по какимъ-то, часто несознаваемымъ законамъ, непремѣнно слѣдуютъ одни за другими. Положимъ, что утомленные извѣстною работою, мы хотимъ успокоиться, развлечься, и позволяемъ свободно течь своимъ мыслямъ; потомъ чрезъ нѣсколько времени вдругъ останавливаемъ на чемъ нибудь теченіе ихъ и смотримъ, о чемъ мы думали и какъ шли наши думы. Разсматриваніе ихъ показываетъ намъ, что въ эти минуты предъ взоромъ разсудка смѣнилось множество представленій, весьма отличныхъ одно отъ другаго, и что смѣна ихъ основывалась всякій разъ на какой нибудь связи. Взглянувъ на портретъ моего отца, я представляю родительскій домъ, который въ свою очередь напоминаетъ мнѣ мое дѣтство съ его занятіями и забавами; а дѣтскій мой возрастъ пробуждаетъ во мнѣ мысль о настоящихъ моихъ лѣтахъ, за которыми возникаетъ взглядъ на проведенную жизнь, пересматриваются ея случайности, представляются разныя, встрѣчавшіяся со мною лица; воспоминаніе же о тѣхъ или другихъ лицахъ возбуждаетъ въ разсудкѣ представленіе тѣхъ или другихъ обстоятельствъ и приключеній; къ этому далѣе прививается мысль

о различныхъ мѣстностяхъ, — и разсудокъ переносится въ отдаленные города, представляетъ общественный ихъ бытъ — настоящій и прежній; а тутъ предъ взоромъ разсудка возникаютъ какія либо историческія происшествія, касающіяся той страны, о которой онъ мыслитъ, и т. д. Всѣ эти и другія, преемственно возбуждающіяся представленія сцѣпляются между собою и образуютъ извѣстныя группы — не какъ нибудь случайно, а потому, что послѣдующее въ нихъ находится въ связи съ предшествующимъ. Эту связь мы конечно рѣдко замѣчаемъ, потому что рѣдко ищемъ ее, — да и когда ищемъ, большею частію упускаемъ изъ виду множество посредствующихъ, быстро промелькнувшихъ въ головѣ мыслей, чрезъ что цѣпь представленій прерывается, и наши представленія кажутся безсвязными грезами: но зависимость между ними есть, — и кто привыкъ изучать съ этой стороны дѣятельность души, для того иногда довольно бываетъ одного легкаго намека, или даже одного летучаго взгляда, чтобы понять, изъ чего выходитъ и къ чему должно привести то или другое представленіе. Такая взаимная зависимость нашихъ представленій называется *содружествомъ идей* (associatio idearum) и основывается на слѣдующемъ *общемъ законѣ*: «Для воспроизведенія представленій нужно, чтобы они возбуждены были другими представленіями, которыя должны имѣть какое либо сродство ([22]) съ ними».

Но такъ какъ всѣ наши представленія, возникая въ пространствѣ и времени, имѣютъ сторону формальную и матеріальную, и слѣдовательно могутъ быть возбуждаемы одно другимъ либо чрезъ временную свою форму, либо чрезъ пространственное

([22]) Это сродство основывается однакожъ не всегда на природѣ вещей представляемыхъ, но чаще на подлежательномъ сочетаніи представленій; подлежательное же сочетаніе ихъ въ свою очередь можетъ зависѣть отъ умственнаго и нравственнаго настроенія души, отъ образа жизни, отъ привычекъ и проч. Представляя, напримѣръ, человѣка празднаго, мы вслѣдъ за тѣмъ представляемъ дѣло, которымъ, по нашему мнѣнію, онъ долженъ бы заниматься; и въ этомъ случаѣ каждый готовъ предложить ему то, къ чему самъ получилъ навыкъ либо страсть.

содержаніе, либо чрезъ то и другое вмѣстѣ, т. е. чрезъ готовыя представленія; то приведенный нами общій законъ содружества идей можетъ быть развитъ въ трехъ законахъ частныхъ. Именно, — представленія возбуждаются въ разсудкѣ —

1) *Временною ихъ формою, по закону современности* (lex simultaneitatis) и *послѣдовательности* (lex successionis). Удерживая вниманіемъ какой либо предметъ, разсудокъ естественно воспроизводитъ и тѣ предметы, которые либо въ одно время съ нимъ существовали, либо непосредственно за тѣмъ слѣдовали. Такъ напримѣръ, представленіемъ Петра Великаго весьма легко возбуждается представленіе Карла XII. Равнымъ образомъ, представляя царствованіе Вепасіана, мы тотчасъ переходимъ къ мысли о Титѣ, потомъ представляемъ разрушеніе Іерусалима и разсѣяніе Іудеевъ.

2) *Пространственнымъ ихъ содержаніемъ, по закону мѣстности* (lex localitatis) и *соприкосновенія* (lex contiguitatis). Представляя образъ какой либо вещи; мы естественно возбуждаемъ въ себѣ представленіе и частныхъ принадлежностей этого образа. Такъ напримѣръ, представленіемъ сѣвернаго полушарія звѣзднаго неба можетъ быть вызвано представленіе Медвѣдицы. Подобно этому, мысля о какомъ нибудь предметѣ, мы нечувствительно начинаемъ мыслить и о томъ, что находится близъ него. Такъ напримѣръ за мыслію о Кронштадтѣ тотчасъ пробуждается мысль о флотѣ.

3) *Цѣлыми представленіями, по закону подобія* (lex similitudinis), *противуположности* (lex oppositionis), *причинности* (lex causalitatis) и *обыкновенія* (lex consuetudinis). Извѣстно, что представленіемъ вещи какого нибудь рода возбуждается представленія многихъ вещей того же рода, если на вещь представляемую онѣ походятъ, — и именно въ томъ отношеніи, въ какомъ представляются ([23]). По этому-то одинъ разсказываемый въ обществѣ анекдотъ вызываетъ у собесѣдниковъ множество дру-

---

([23]) Сюда относятся также представленія аналогическія, возбужденіе которыхъ особенно часто замѣчается въ области фантазіи и въ поэтическомъ теченіи мыслей. Сюда же относятся и представленія тожественныя.

гихъ анекдотовъ. Равнымъ образомъ какой нибудь представляемый предметъ служитъ къ воспроизведенію другаго, если онъ совершенно противуположенъ первому и составляетъ съ нимъ такъ называемый контрастъ. По этому закону, представленіемъ теплоты возбуждается представленіе холода, представленіемъ свѣта—представленіе тьмы, представленіемъ добродѣтели—представленіе порока. Нерѣдко также представленія возбуждаются одно другимъ, когда они относятся между собою, какъ причина и дѣйствіе. Напримѣръ, представляя падающій градъ, мы тотчасъ переходимъ къ представленію побиваемыхъ имъ плодовъ. Наконецъ представленія весьма легко воспроизводятся другими представленіями, если они располагаются въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ мы привыкли принимать соотвѣтствующія имъ впечатлѣнія. Этотъ законъ особенно примѣнимъ къ тѣмъ случаямъ, когда мы стараемся постепенно воспроизвесть въ своей памяти что либо цѣлое (городъ, библіотеку, содержаніе книги и т. п.), переходя отъ одной части къ другой, такъ какъ онѣ смѣнялись предъ нашимъ чувствомъ (²⁴). Этимъ же закономъ объясняется, почему, изучая иностранные языки, мы скорѣе привыкаемъ понимать ихъ, чѣмъ говорить на нихъ. Здѣсь все дѣло въ томъ, что дѣти читаютъ: Deus Богъ, homo человѣкъ, creo творю; но не читаютъ: Богъ Deus, человѣкъ homo, творю creo.

Это возбужденіе представленій однихъ другими, или такъ называемое содружество идей, есть удивительное явленіе нашего духа. Происходя въ насъ не только независимо, но даже часто противъ нашей воли, оно иногда разстроиваетъ всѣ методическія наши соображенія и, на перекоръ Логикѣ, разрываетъ и путаетъ самыя правильныя ткани мыслей; такъ что требуется неослабное вниманіе и крайняя осторожность, чтобы подъ его вліяніемъ разсудокъ не сбился съ предположеннаго имъ пути. Но съ другой

(²⁴) По этому закону обыкновенно производится воспоминаніе, если ему предшествовало такъ называемое механическое изученіе чего нибудь на память. Въ семъ случаѣ содружество идей превращается въ содружество словъ дивиженій языка.

стороны, чрезъ ненамѣренное воспроизведенiе представленiй однихъ другими, мы неимовѣрно обогащаемся мыслями, быстро обстанавливаемъ ими извѣстный предметъ, мгновенно усматриваемъ множество соприкосновенныхъ къ нему понятiй и, приводя все это въ сознанiе, можемъ избирать, что намъ нужнѣе и пригоднѣе; такъ что, при полномъ дѣйствiи способности воспроизводить представленiя представленiями, болѣе затрудняемся выборомъ (25), чѣмъ недостаткомъ ихъ. Напротивъ, въ комъ эта способность слаба, у того мышленiе обыкновенно бываетъ сухо и безжизненно, хотя можетъ быть отличается логическою вѣрностiю въ ходѣ и развитiи мыслей.

Предварительная разработка представленiй, или значенiе вниканiя.

§ 24.

Образованiе и возбужденiе представленiй есть такая черта въ жизни души, которою характеризуется ***произвольная*** ея дѣятельность, и отъ которой начинается ***свободная*** самодѣятельность разсудка. Хотя разсудокъ самымъ своимъ пробужденiемъ уже указываетъ на самодѣятельное направленiе познавательныхъ силъ души (§ 16); но относительно къ этимъ силамъ онъ опять—тоже, что умъ и чувство относительно къ дѣйствующимъ на нихъ предметамъ мiра внѣшняго и внутренняго: представляя что нибудь, онъ только принимаетъ въ свою область то, что было чувствовано или созерцалось, и вошло въ сознанiе, какъ почувствованное или созерцаемое. Преимущество его въ дѣятельности представленiя, сравнительно съ дѣятельностiю практическаго ума и чувства — одно: вниманiе, которое онъ можетъ обращать на предметъ и не обращать, можетъ обращать его на то или на это, — и этимъ то именно характеризуется произволъ силы представляю-

---

(25) Методическому мышленiю особенно вредитъ въ этомъ случаѣ то, что стараются не о выборѣ возбудившихся соприкосновенныхъ представленiй, а объ удержанiи и размѣщенiи всѣхъ ихъ. Это—умственная жадность, соотвѣтствующая физическому обжорству, разстроивающему организмъ въ дѣлѣ пищеваренiя.

щей. Но когда представленія, образовавшіяся въ разсудкѣ и, чрезъ возбужденіе ихъ однихъ другими, составившія богатый матеріалъ мышленія, становятся снова предметомъ дѣятельности разсудка; когда онъ, независимо уже ни отъ какихъ стороннихъ ограниченій, начинаетъ разработывать эти свои матеріалы: тогда все имъ производимое принадлежитъ ему одному и есть свободное его дѣйствіе; тогда его дѣятельность получаетъ характеръ самодѣятельности, или независимаго мышленія о предметѣ, и въ Логикѣ называется *вниканіемъ* (reflexio, Nachdenken).

Русское слово «вниканіе» имѣетъ значеніе нѣсколько отличное отъ того, что выражается имъ въ наукѣ. Вникать у насъ значитъ — входить въ предметъ, чтобы различить, что въ немъ заключается,—разобрать его. Но соотвѣтствующее нашему вниканію латинское «reflexio» и нѣмецкое «Nachdenken» сверхъ этого указываютъ еще на вхожденіе въ предметъ послѣ того, какъ онъ представленъ разсудкомъ; такъ что вниканіе въ этомъ смыслѣ есть самообращеніе разсудка къ представленному уже или принятому имъ предмету, и такое именно значеніе имѣетъ оно въ Логикѣ. Слѣдовательно, когда говорится о вниканіи, то подъ нимъ разумѣется тотъ актъ силы мыслящей, который непосредственно слѣдуетъ за представленіемъ и, предваряя всѣ другіе виды ея самодѣятельности, направляется къ различенію или разложенію матеріи представленія.

Матерія представленій составляется, какъ извѣстно (§ 22), чрезъ воспроизведеніе чертъ чувствопостигаемыхъ вещей. Но въ представленіи эти черты обыкновенно сливаются въ болѣе или менѣе вѣрныя копіи ихъ; отдѣльнаго же значенія, какъ черты, не имѣютъ. Посему когда разсудку нужно бываетъ поставить свои копіи въ отношеніе не къ вещамъ, а однѣ къ другимъ, — онъ не видитъ въ нихъ ничего, кромѣ отдѣльныхъ конкретовъ, и не можетъ дать себѣ отчета въ томъ, чѣмъ различаются они между собою. Это пробуждаетъ въ немъ дѣятельность вниканія и заставляетъ его въ конкретныхъ представленіяхъ искать *признаковъ* (notae).

Признаки представленій.

§ 25.

Признакъ есть черта представленія предмета, находимая разсудкомъ чрезъ вниканіе въ него и принимаемая за такое ограниченіе, которымъ одно представленіе отличается отъ другаго. Такъ напримѣръ, всемогущество есть признакъ Бога, шарообразность—признакъ земли, влажность—признакъ воды и т. д. Разсматривая значеніе и положеніе признаковъ въ представленіяхъ, мы легко замѣтимъ, что они бываютъ весьма различны и предъ вниканіемъ разсудка являются во множествѣ видовъ.

1) Такъ какъ всѣ возможные признаки представленія, бывъ чертами вещи, постигнутой чувствомъ, дѣйствовали на чувство либо сами по себѣ, либо въ какомъ нибудь конкретѣ; то теперь они являются сознанію какъ ограниченія либо *ближайшія* и *непосредственныя* (notae proximae), внѣшно ограничивающія представленіе, либо *отдаленныя* и *посредственныя* (notae remotae), ограничивающія его внутренно, чрезъ ограниченіе ближайшихъ признаковъ. Такъ напримѣръ, въ представленіи дерева листъ есть признакъ ближайшій, а первообразная ткань листа — признакъ отдаленный. Различеніе признаковъ съ этой стороны приводитъ къ мысли, что каждый изъ нихъ опять заключаетъ въ себѣ признаки, и что послѣдніе, равно какъ и первые, суть отличія той же самой вещи.

2) Если же признаки можно различать, какъ ближайшіе или непосредственные, и отдаленные или посредственные; то они могутъ быть также дѣлимы на *простые* (notae simplices) и *сложные* (notae compositae); потому что ближайшіе или осязательнѣйшіе признаки представленій, какъ конкретные, всегда заключаютъ въ себѣ множество своихъ, болѣе удаленныхъ отъ вниканія и менѣе сложныхъ признаковъ; а эти послѣдніе опять отличаются какими нибудь признаками, которые сравнительно еще простѣе первыхъ. Такимъ образомъ мы доходимъ до представленія примѣтъ самыхъ простыхъ, въ которыя наше вниканіе внѣдряться уже не въ состояніи и въ которыхъ, по видимому, различать и сознавать нече-

го. Впрочемъ изъ этого еще не слѣдуетъ, что за предѣлами нашего сознанія представленіе ни въ какомъ случаѣ не разложимо. Различіе заключащихся въ немъ признаковъ не опредѣляется вниканіемъ, которое иногда можетъ быть очень слабо ([26]), но всегда бываетъ выше усилій разсудка и обширнѣе сферы его сознанія; такъ что въ разложеніи представленія на признаки онъ никогда не доходитъ до конца.

3) Далѣе, на томъ основаніи, что одни изъ признаковъ представляемаго предмета вниканіе находитъ постоянно ему присущими, и при томъ такими, что безъ нихъ и представленіе его было бы невозможно, а другіе—текучими, непрестанно смѣняющимися и исчезающими, хотя предметъ тѣмъ не менѣе представляется,—всѣ признаки дѣлятся на *существенные* (notae essentiales) и *случайные* (notae accidentales). По этому, напримѣръ, разумность человѣческой души почитаютъ признакомъ существеннымъ, а какое нибудь болѣзненное ея состояніе—признакомъ случайнымъ. Не опровергая умѣстности этого дѣленія, должно однакожъ замѣтить, что слова «существенный» и «случайный» употребляются здѣсь не въ собственномъ значеніи. Мы видѣли выше (§ 21), что разсудокъ не имѣетъ дѣла съ сущностію, но посредствомъ вниманія и воспроизведенія представляетъ въ какомъ нибудь образѣ безкачественную субстанцію. Слѣдовательно, входя своимъ вниканіемъ въ представленіе предмета, онъ открываетъ въ представленіи признаки не существенные, а тѣ, которыми внутренно и тѣснѣйшимъ образомъ ограничена эта субстанція, и которыми характеризуется не самое существо, а только постоянная продолжаемость вещи въ извѣстномъ образѣ. Значитъ, существеннѣе другихъ съ этой точки зрѣнія будутъ тѣ признаки, которыми опредѣляется самое близкое отношеніе представляемаго предмета къ чистымъ формамъ пространства и времени, какъ къ послѣд-

---

([26]) Углубленію или вниканію въ предметъ прямо противуположна *поверхностность* или *легкомысліе* разсудка, по которому онъ не входитъ въ представленіе глубже ближайшихъ или первыхъ признаковъ, являющихся его вниканію.

нимъ гранямъ, отдѣляющимъ мыслимое отъ сущаго. Равнымъ образомъ и случайные признаки, непрестанно исчезая и замѣняясь другими, въ этой своей смѣнѣ зависятъ вовсе не отъ случая, а отъ того, что постоянно продолжающаяся вещь тѣмъ не менѣе находится то въ однихъ, то въ другихъ отношеніяхъ къ прочимъ вещамъ, и эти отношенія ея въ представленіи замѣчаются то одними, то другими признаками.

4) Наконецъ, вникая въ представленіе предмета, разсудокъ находитъ въ немъ и такіе признаки, по которымъ оно либо отличается отъ всѣхъ другихъ представленій, либо походитъ на всѣ другія. Признаки перваго рода называются ***частными*** или ***отличительными*** (notae speciales seu characteristicae), а послѣдняго — ***общими*** (notae communes). Напримѣръ, въ представленіи воды мы замѣчаемъ вѣсимость: по этому признаку она сходна со всѣми другими предметами нашей планеты; слѣдовательно онъ—общій. Но въ водѣ открывается также способность кипѣть при 80° Реомюра: этотъ признакъ принадлежитъ ей одной и составляетъ отличительную или характеристическую черту ея.

Переходъ къ главѣ о законахъ мышленія.

§ 26.

Такіе виды признаковъ, находимыхъ разсудкомъ въ представленіяхъ, посредствомъ вхожденія или вниканія въ нихъ, суть выработанныя его самодѣятельностію матеріальныя стихіи мышленія. Имѣя ихъ, онъ уже можетъ мыслить; потому что теперь ему есть о чемъ мыслить. Слѣдовательно первый вопросъ—касательно возможности мышленія—рѣшенъ: *условія,* подъ которыми оно должно проявляться, найдены. При томъ, знаніе разсмотрѣнныхъ доселѣ источниковъ, изъ которыхъ разсудокъ первоначально почерпаетъ свои матеріалы, и способовъ, которыми онъ обработываетъ ихъ въ стихіи мышленія, позволяетъ намъ теперь сознательно и намѣренно увеличивать сумму тѣхъ матеріаловъ и постепенно обогащаться ими; потому что чѣмъ болѣе впечатлѣній со стороны ума и чувства, тѣмъ болѣе возбужденій къ умозрѣ-

нію и усмотрѣнію; чѣмъ обширнѣе область умозрѣнія и усмотрѣнія, тѣмъ богаче запасъ для представленій разсудка; чѣмъ многочисленнѣе его представленія, тѣмъ больше предметовъ для вниканія; а чѣмъ глубже и неослабнѣе вниканіе, тѣмъ быстрѣе увеличивается сумма нужныхъ для мышленія признаковъ. Все это однакожъ — только матерія, о чемъ разсудокъ долженъ мыслить.

Имѣя матерію, сила мыслящая конечно будетъ развивать и *логическія формы* (§ 6), потому что будетъ какъ нибудь занята пріобрѣтенными ею стихіями мышленія. Но что можетъ служить порукою за вѣрный ходъ ея дѣятельности?—Чтобы логическія ея формы могли образоваться въ правильное цѣлое и въ своемъ развитіи примѣняться къ опредѣленной цѣли, имъ нужно приблизиться къ достоинству *формъ математическихъ*; а для этого, послѣ условій мышленія логическаго, нуженъ еще тотъ *законъ*, которымъ управляется вообще мышленіе математическое. Только въ немъ разсудокъ можетъ найти основаніе мыслить такъ, а не иначе, и доказать, что такъ, а не иначе, должно мыслить.

ГЛАВА II.

О ЗАКОНАХЪ МЫШЛЕНІЯ.

Понятіе о законахъ мышленія и о подлежательности ихъ.

§ 27.

Законы вообще суть правила, которыми извѣстная причина или сила опредѣляется къ извѣстной дѣятельности и къ установленію того или другаго отношенія между предметами ей подлежащими. По этому *законы мышленія въ частности* надобно разумѣть какъ предписанія, ограничивающія силу мыслящую къ какому нибудь опредѣленному сочетанію представленій и ихъ признаковъ. Откуда такіе законы силы мыслящей? Гдѣ скрижаль, на которой они начертаны? — Одни предполагаютъ ее въ насъ, другіе—внѣ насъ: мнѣнія взаимно противорѣчущія. Которое изъ нихъ справедливо?

Предполагать законы мышленія внѣ насъ, значитъ, допускать, будто люди потому только мыслятъ такъ, а не иначе, что мыслить такъ, а не иначе, привыкли подъ вліяніемъ внѣшнихъ наставленій, ограниченій и примѣровъ. И тѣ, которые принимаютъ это предположеніе, обыкновенно ссылаются на различіе образовъ мышленія объ одномъ и томъ же предметѣ въ различныхъ человѣческихъ обществахъ. Но въ семъ случаѣ явно смѣшиваются матерія и форма производимыхъ разсудкомъ сочетаній. Чело-

вѣкъ, подъ какимъ нибудь внѣшнимъ вліяніемъ, конечно можетъ соединять то или другое матеріальное значеніе съ извѣстнымъ предметомъ, напримѣръ, какой нибудь похвальный поступокъ признавать непохвальнымъ: мыслить же вообще похвальное непохвальнымъ, то есть, совершенно извратить форму мышленія, отнюдь не можетъ, и при этомъ невольно повинуется какому-то внутреннему, непосредственно обязательному ограниченію.

Если законы мышленія внѣ насъ, если къ извѣстному сочетанію признаковъ мы ограничиваемся не на какихъ либо подлежательныхъ нашихъ основаніяхъ, а на началахъ внѣшнихъ; то конечно не всѣ люди должны сознавать ограничительную силу этихъ началъ, а только тѣ, кому они преподаны. Такъ, говорятъ, и бываетъ: едва лепечущія дѣти и цѣлыя общества людей дикихъ не имѣютъ никакого понятія о законахъ противорѣчія, достаточнаго основанія, и проч., и это именно служитъ отличительною чертою какъ дѣтства, такъ и дикости. Но отъ несознаванія законовъ мышленія людьми дикими и дѣтьми заключать къ небытію въ нихъ законныхъ ограниченій мыслить такъ, а не иначе,—все равно, что не видя на лозѣ виноградныхъ кистей, полагать, будто виноградныя кисти не развиваются изъ самой лозы органически, а прилѣпляются къ ней извнѣ. Вникая въ умственную жизнь человѣка самаго необразованнаго или вовсе неразвитаго дитяти, мы ясно замѣчаемъ, что не понимая еще, что такое законъ мышленія, они уже исполняютъ его предписанія, и даже изумляются, если когда нибудь видятъ, что люди образованные мыслятъ вопреки его внушеніямъ. Такимъ-то безсознательнымъ присутствіемъ въ нихъ законовъ мышленія условливается и возможность ихъ образованія; потому что безъ этого не къ чему было бы привиться и самымъ наставленіямъ. Извнѣ нельзя навязать того, къ чему нѣтъ сочувствія въ природѣ силы мыслящей. По этому, ограниченія къ извѣстному формальному мышленію мы предполагаемъ во всѣхъ людяхъ, хотя и не всѣ сознаютъ ихъ, какъ ограниченія законовъ, и думаемъ, что какъ скоро кто мыслитъ несогласно съ ихъ предписаніями, всякій, именно отъ того, что они необходимо

предполагаются,—считаемъ себя въ правѣ отвергать это мышленіе, какъ ложное.

Предположеніе законовъ мышленія внѣ насъ естественно приводитъ къ мысли, что, подъ этимъ условіемъ, ихъ можно отмѣнять и замѣнять другими. И кто держится этого предположенія, тотъ, въ подтвержденіе его, можетъ указывать на произвольное увеличиваніе или уменьшеніе количества законовъ ([27]), которыми, по тому или другому взгляду науки, управляется сила мыслящая. Такъ, напримѣръ, законы для мышленія разсудка постановляются въ числѣ—то двоичномъ, то троичномъ, то четверичномъ, то пятеричномъ, и т. д. Но вникая въ многоразличіе постановляемыхъ законовъ мышленія, мы находимъ, что одна система ихъ не противорѣчитъ другой, и что въ каждой изъ нихъ замѣтно только усиліе разсудка развить всѣ стороны внутренняго его законодательства и показать всѣ возможныя его приложенія.

И такъ законы мышленія, по всей справедливости, должны быть почитаемы подлежательными законами разсудка, составляющими основаніе его самодѣятельности, которой, при ограниченіи его внѣшними предписаніями, и представить было бы невозможно.

Производность законовъ мышленія и выводъ ихъ.

§ 28.

Но если разсудокъ, при образованіи формъ мышленія, управляется какими нибудь подлежательными законами; то отсюда еще не слѣдуетъ, что ему, какъ полагалъ Кантъ, надобно приписать ***самозаконіе*** (αὐτονομία). Прежде было сказано, что все, *о чемъ*

([27]) Иногда, кромѣ общепринимаемыхъ законовъ мышленія, поставляютъ на видъ еще частныя ограниченія ихъ, примѣнимыя, напримѣръ, къ извѣстному настроенію способностей, какъ то:

1) Частный *законъ остроумія:* всѣ вещи подобны одна другой.

2) Частный *законъ проницательности:* каждая вещь имѣетъ особенный свой характеръ, по которому можно отличать ее отъ всѣхъ другихъ вещей.

3) Частный *законъ глубокомыслія:* всѣ вещи могутъ быть разсматриваемы въ безконечно многихъ отношеніяхъ.

онъ можетъ мыслить, въ основныхъ чертахъ, чрезъ представленіе, заимствуется имъ изъ области ума и чувства (§ 26); а теперь слѣдуетъ показать, что и то, *какъ* долженъ онъ мыслить, то есть, самыя правила его мышленія, суть только результаты законовъ, господствующихъ надъ дѣятельностію ума и чувства.

При мысли о законодательствѣ, въ отношеніи къ мышленію, невольно возникаетъ вопросъ: почему разсудокъ въ своей дѣятельности долженъ ограничиваться законами, а не закономъ, когда многозаконіе, по видимому, скорѣе можетъ развлекать, чѣмъ опредѣлять одну и ту же силу?—Причина этого явленія конечно не иная, какъ отсутствіе самозаконія въ разсудкѣ и то, что управляющіе имъ законы суть правила его дѣятельности не коренныя, а производныя ([28]). Признакъ *производности* ихъ—не только тотъ, что ихъ много, но и тотъ, что они взаимно противуположны, и что противуположныя эти начала сходятся и примиряются въ посредствующемъ. А примиреніемъ ихъ въ разсудкѣ указывается и на то, что первый источникъ сихъ противуположностей—одинъ и тотъ же голосъ нераздѣльнаго закона души въ области познанія. Чтобы увѣриться въ этомъ, стоитъ только законодательство силы мыслящей разсмотрѣть въ отношеніи къ законамъ ума и чувства.

Мы видѣли (§ 13), что чувствамъ свойственно постигать предметъ въ извѣстное мгновеніе и въ извѣстномъ мѣстѣ; такъ что для чувствъ вещь, существующая здѣсь,—не та, которая существуетъ тамъ, и постигаемая вторично—не та, которая усмотрѣна въ первый разъ, хотя бы по своей природѣ она была и та же самая. Изъ этого явствуетъ, что «чувство, вмѣстѣ съ измѣненіемъ мгновеній и точекъ усмотрѣнія, по необходимости видитъ одинъ и тотъ же предметъ въ многоразличныхъ образахъ». Это—*законъ чувственной дѣятельности*. Сказано было еще (§ 15),

---

([28]) На томъ основаніи, что законы мышленія производны, ихъ справедливо почитаютъ нѣкоторые предметами внутренняго опыта; потому что они вводятся въ сознаніе чрезъ наблюденіе надъ ихъ дѣятельностію. Но по источникамъ, изъ которыхъ они проистекаютъ, ихъ нельзя назвать опытными.

что для ума каждая вещь должна существовать всегда и вездѣ постоянно, то есть — «предметъ, по внѣшнимъ своимъ очертаніямъ и мѣстному положенію, многообразный, необходимо созерцается умомъ какъ одинъ и тотъ же». Это — *законъ умственной дѣятельности.* Но какимъ закономъ долженъ управляться разсудокъ? Развивая поприще своей дѣятельности между умомъ и чувствомъ и чрезъ представленіе заимствуя матерію мышленія изъ области того и другаго, онъ поставляется въ необходимость принимать ее именно такою, какою она созерцается этими теоретическими дѣятелями, слѣдовательно принужденъ бываетъ ограничиваться самыми законами ихъ созерцанія и мыслить предметъ вмѣстѣ неизмѣннымъ и измѣняющимся, или находиться въ непрестанномъ колебаніи между его тожествомъ и нетожествомъ. Такое-то сочиненіе—тоже, но многоразличныя его выраженія—не тоже; такое-то зданіе—тоже, но разнообразные матеріалы его — не тоже; вообще, такое-то бытіе—тоже, но безчисленныя проявленія его—не тоже. Не смотря однакожъ на столь рѣшительное раздвоеніе предмета въ мышленіи разсудка, поколику онъ ограничивается противуположными законами ума и чувства, эта самая сила, чрезъ вниманіе, ввела его въ сознаніе, какъ одинъ, и потому не можетъ не мыслить его единства. А такъ какъ единое, однажды раздвоившись, уже невозвратимо къ единству конкретному; то разсудокъ стремится это раздвоенное соединить чѣмъ либо третьимъ, или на какомъ нибудь основаніи, и такимъ образомъ выполняетъ всю силу законодательства, которое ограничиваетъ его со стороны ума и чувства.

Понимая такъ происхожденіе законодательства, управляющаго мышленіемъ разсудка, мы видимъ, что ему необходимо выражаться въ трехъ частныхъ законахъ ([29]). Мысля о предметѣ исключительно подъ вліяніемъ ума, поколику онъ все созерцаетъ

([29]) Къ тремъ, выводимымъ здѣсь законамъ мышленія большею частію присоединяютъ четвертый: *законъ исключеннаго третьяго.* Но послѣ мы увидимъ, что онъ есть одинъ изъ видовъ закона противорѣчія, въ которомъ необходимо содержится.

неизмѣннымъ и постояннымъ, разсудокъ управляется *закономъ тожества* (lex identitatis). Разсматривая свои матеріалы и сочетавая ихъ въ зависимости отъ представленій чувства, поколику оно во всемъ видитъ разнообразіе и измѣняемость, сила мыслящая подчиняется *закону противорѣчія* (lex contradictionis). Стремясь раздвоенный умомъ и чувствомъ предметъ, посредствомъ какой нибудь связи, привесть къ единству въ сознаніи, она слѣдуетъ *закону достаточнаго основанія* ([30]) (lex rationis sufficientis).

Законъ тожества есть предписаніе—всякій предметъ мышленія *полагать* какъ тотъ же (Thesis). Законъ противорѣчія есть предписаніе—все подлежащее мышленію, какъ тоже, *противуполагать* себѣ, какъ не то же (Antithesis). Законъ достаточнаго основанія есть предписаніе — все взаимно противуположное и непосредственно несоединимое (тоже и не-тоже) *соединять* на какомъ нибудь основаніи (Synthesis). Такимъ образомъ полная система законодательства, въ отношеніи къ мышленію разсудка, ограничивается положеніемъ, противуположеніемъ и соединеніемъ. Общею формулою его можетъ быть выраженіе: A=A.

Значеніе закона тожества.

§ 29.

Если мы смотримъ на какую нибудь вещь либо вдругъ во всѣ времена и во всѣхъ состояніяхъ, либо въ данную минуту и въ извѣстномъ состояніи; то говоримъ, что она есть *одно*, *недѣлимое* (§§ 13, 15). А когда намъ случается встрѣчать ее въ различныя времена и въ различныхъ состояніяхъ; то мы уже не называемъ ее однимъ, недѣлимымъ, но утверждаемъ, что она — *таже самая*, или, что она сохранила свое тожество. Изъ этого

([30]) Изъ этого вывода законовъ мышленія явствуетъ, что мы понимаемъ ихъ не просто какъ *начала направительныя* (principia regulativa), но вмѣстѣ какъ *основанія постановительныя* (principia constitutiva), дѣятельностію которыхъ воспроизводятся въ разсудкѣ стремленія ума и чувства.

видно, что вещь тожественная есть предметъ не ума и не чувства, а непремѣнно разсудка ([31]), и мыслится имъ, какъ нѣчто, въ разныя времена постоянно продолжающееся. Посему, *законъ тожества* есть такое правило, которымъ предписывается разсудку — въ предметахъ, вошедшихъ въ формы пространства и времени, искать постоянно продолжающагося и это, постоянно продолжающееся, мыслить какъ тожественное. Полагать какъ тожественное можно все, что мыслится въ какомъ нибудь продолжающемся образѣ бытія. Но тожественность предмета есть тожественность — не потому, что предметъ, какъ бы въ смыслѣ удержанной вниманіемъ безкачественной субстанціи (§ 21), только продолжаетъ бытіе, а потому, что, подъ извѣстными, воспроизведенными разсудкомъ признаками, онъ мыслится какъ тотъ же. То есть, причина, по которой онъ мыслится какъ тотъ же, заключается не въ продолжаемости его, а въ предписаніи закона тожества—все продолжающееся въ опредѣленномъ образѣ мыслить какъ тожественное ([32]). По этому, до пробужденія въ разсудкѣ закона тожества, для него не можетъ быть ничего тожественнаго, хотя и есть многоразличіе вещей продолжающихся: а какъ скоро

([31]) Здѣсь говорится *о тожествѣ логическомъ*, которое надобно отличать отъ *тожества метафизическаго*, напримѣръ, отъ тожества моего Я. Послѣднее условливается самосознаніемъ, а первое—продолжаемостію вещи. Для того не нужно различеніе признаковъ, а для этого оно необходимо. Тожество метафизическое созерцается умомъ, независимо отъ пространства и времени, а логическое мыслится разсудкомъ въ пространствѣ и времени.

([32]) Здѣсь опять надобно имѣть въ виду различіе между условіемъ и дѣйствующею причиною (§ 7). Продолжаемость бытія въ извѣстномъ образѣ есть только условіе тожественности; а дѣйствующею причиною ея должно почитать законъ тожества. Смѣшивая одно съ другимъ, нѣкоторые несправедливо утверждаютъ, будто и самое *множество* вещей можно мыслить не иначе, какъ подъ условіемъ закона тожества. Для изъясненія множественности и разнообразія ихъ въ мышленіи довольно и однихъ способовъ разсудка представлять и вникать. А что эта умственная гимнастика предшествуетъ въ разсудкѣ дѣйствію законовъ мышленія и не прекращается даже тогда, когда умственному законодательству случается прійти въ разстройство, — видно частію изъ несосредоточеннаго мышленія дѣтства, частію изъ превратнаго мышленія людей помѣшанныхъ.

этотъ законъ пробудился,—все въ области мышленія, сохраняющее извѣстную форму бытія, становится предметомъ его приложенія.

Впрочемъ, надобно замѣтить, что хотя всякій, постоянно продолжающійся предметъ, для разсудка не болѣе и не менѣе, какъ тожественъ; однакожъ *количество* и *качество* признаковъ, подъ условіемъ которыхъ онъ мыслится тожественнымъ, бываетъ весьма различно. А именно:

а) Тожественность предмета можетъ условливаться тожествомъ либо всѣхъ его признаковъ, либо только нѣкоторыхъ. Съ этой точки зрѣнія законъ тожества иногда подраздѣляютъ на *законъ тожественности совершенной* (lex identitalis absolutae) и *законъ тожественности относительной* (lex identitalis relativae). Но явно, что первый либо смѣшивается съ тожествомъ метафизическимъ, и потому къ числу законовъ логическихъ не относится, либо только предполагается, а не выполняется разсудкомъ; потому что вниканіе его никогда не различаетъ всѣхъ признаковъ вещи (§ 25). И такъ разсудку остается полагать предметы тожественными лишь относительно. Положимъ, напримѣръ, что разсудокъ мыслитъ предметъ *A*, какъ тоже, и отожествляетъ его только на основаніи нѣкоторыхъ его признаковъ *m*, *n*, *o* и проч. Но всегда можно предполагать, что, кромѣ этихъ, въ немъ есть еще множество другихъ *x*, которые не вошли въ сознаніе силы отожествляющей.

b) Условіемъ тожества вещи могутъ быть признаки либо ближайшіе или внѣшніе, либо отдаленнѣйшіе или внутренніе (§ 25). На этомъ основаніи законъ тожества можно также подраздѣлить на *законъ тожественности внѣшней* и *законъ тожественности внутренней.* Первый безъ сомнѣнія легче прилагается къ отожествленію предмета, чѣмъ послѣдній; потому что признаки ближайшіе или внѣшніе всегда осязательнѣе отдаленныхъ и внутреннихъ: за то законъ тожественности внутренней вѣрнѣе ограж-

даетъ насъ отъ недоразумѣній и смѣшенія вещей, чѣмъ первый; потому что признаки внутренніе точнѣе отличаютъ предметъ отъ всѣхъ другихъ однородныхъ съ нимъ предметовъ. Такъ, напримѣръ, гораздо надежнѣе мыслить о тожествѣ книги по нѣкоторымъ частямъ ея содержанія, чѣмъ по формату или переплету; а еще вѣрнѣе можно отожествить ее на основаніи общей ея идеи, чѣмъ на основаніи отдѣльныхъ мыслей или частей ея содержанія.

Приложеніе и формула закона тожества.

§ 30.

У многихъ людей, не смотря на то, что они естественно, хотя большею частію безсознательно, сами дѣйствуютъ по извѣстнымъ правиламъ, не рѣдко раждается вопросъ: къ чему такія-то правила? Этотъ же вопросъ можетъ представиться и касательно закона тожества—къ чему служитъ онъ и прилагается?—Чтобы видѣть его приложимость, стоитъ только взглянуть на слѣдующую особенность въ неправильномъ ходѣ мышленія, и вникнуть, отъ чего она обыкновенно происходитъ. Нельзя не понимать, что тотъ, напримѣръ, не хорошо мыслитъ, кто своимъ разсудкомъ непрестанно перебѣгаетъ отъ предмета къ предмету, или, начавъ рѣчь о какой нибудь опредѣленной матеріи, незамѣтно измѣняетъ ея значеніе, смѣшиваетъ ее съ другими предметами и ничего не устанавливаетъ, какъ главнаго. Если же такое мышленіе не хорошо, то конечно потому, что оно неправильно; и когда неправильно, то безъ сомнѣнія должно быть правило, противъ котораго оно погрѣшаетъ. Это-то правило и есть законъ тожества. Погрѣшности въ показанныхъ случаяхъ происходятъ — частію отъ недостаточнаго отожествленія предмета, когда оно условливается либо слишкомъ незначительнымъ количествомъ признаковъ, либо признаками только внѣшними и случайными; частію отъ негармоническаго развитія законовъ мышленія, когда законъ тожества превозмогается прочими законами; а частію отъ того, что мышленіе находится подъ вліяніемъ привычекъ, наклонностей

и страстей, по побужденію которыхъ разсудокъ, самъ того не замѣчая, оттѣняетъ предметъ другими признаками и начинаетъ разсуждать — по имени, о томъ же, а на самомъ дѣлѣ, не о томъ.

И такъ законъ тожества служитъ къ тому, чтобы разсудокъ, направляясь мыслить о какомъ нибудь предметѣ, устанавливалъ его, какъ этотъ, а не какой другой, постоянно имѣлъ его въ виду, какъ средоточіе, около котораго должно вращаться его мышленіе, и такимъ образомъ приготовлялъ поприще для дѣятельности прочихъ законовъ. Началомъ всего, что ни дѣлалъ бы онъ, необходимо должно быть положеніе дѣла, или тема. Подъ вліяніемъ закона тожества, ему надобно получить эту тему и чрезъ весь, иногда весьма продолжительный рядъ мыслей, удержать ее именно въ значеніи темы, не допуская никакихъ переплетеній и смѣшеній. Этого мало; — по предписанію того же закона, онъ долженъ и всякое, относящееся къ главному предмету, частное понятіе установить, какъ это, а не другое; потому что, сколь ни малозначительна была бы мысль въ ряду другихъ мыслей, на своемъ мѣстѣ она равно знаменательна и незамѣнима, и имѣетъ право быть тою самою мыслію. Получивъ же однажды извѣстное значеніе, ей въ томъ же цѣломъ нельзя уже перемѣнить его на другое, если разсудку случается переносить его на иное мѣсто, или поставлять въ иное отношеніе. Все это дѣлается согласно съ требованіемъ закона тожества, который по сему выражаетъ свое законодательство слѣдующею *формулою:* «Всякій предметъ мышленія надобно мыслить какъ этотъ опредѣленный предметъ, а не какъ другой какой либо».

Значеніе закона противорѣчія.

§ 31.

По требованію закона тожества, разсудокъ полагаетъ вещь, какъ тоже, и такихъ положеній или вещей тожественныхъ для него столько, сколько въ сознаніи предметовъ, имѣющихъ относительно постоянную продолжаемость (§ 29). Но по той самой

причинѣ, что ихъ много, и что каждая изъ нихъ, какъ *тоже*, отлична отъ прочихъ, — всѣ онѣ, разсматриваемыя во взаимномъ отношенiи одна къ другой, суть *не-тоже*, или вещи не тожественныя. Нетожественность противорѣчитъ тожественности; слѣдовательно предметъ, полагаемый какъ не-тоже, по отношенiю къ другому предмету, сознаваемому, какъ тоже, заключаетъ въ себѣ противорѣчiе и приводитъ къ понятiю о законѣ противорѣчiя. *Законъ противорѣчiя* побуждаетъ разсудокъ отрицать все отъ того, что положено имъ какъ тожественное, по предписанiю закона тожества; или иначе: законъ противорѣчiя есть запрещенiе приписывать не-тоже тому, что мыслится какъ тоже. Положивъ, напримѣръ, что такой-то человѣкъ добръ, и признавъ его въ этомъ отношенiи тожественнымъ, я произнесъ бы противорѣчущее положенiе, когда бы назвалъ его недобрымъ; потому что недоброе, какъ не-тоже, не есть доброе, какъ тоже. Изъ этого видно, что *законъ противорѣчiя, по формѣ своего предписанiя, совершенно зависитъ отъ закона тожества*. Если бы, то есть, послѣднiй не предписывалъ разсудку мыслить что либо тожественнымъ; то для перваго не было бы ничего нетожественнаго.

Но никакъ нельзя сказать о немъ того же, разсматривая содержанiе его предписанiй; ибо содержащееся въ противорѣчущемъ не потому есть, что оно мыслится въ противорѣчущемъ (иначе и содержанiе противорѣчущаго зависѣло бы отъ закона тожества) ([33]), а потому мыслится въ противорѣчущемъ, что оно есть. Сфера противорѣчущаго, обнимая все, кромѣ тожественнаго, заключаетъ въ себѣ безчисленное множество предметовъ; такъ что, устранивъ законъ противорѣчiя, мы увидѣли бы, что не-тоже есть необъятный мiръ вещей умственныхъ и чувственныхъ, поколику онѣ входятъ въ область мышленiя. Положимъ, напри-

---

([33]) На этомъ предположенiи Фихте, какъ извѣстно, основалъ возможность выведенiя мiра предлежательнаго изъ положенiя: Я есмь Я, и чрезъ то реальное бытiе превратилъ въ логическiй формализмъ.

мѣръ, что тожественное есть сфера *A*, а нетожественное или противорѣчущее— сфера A′. Въ сферѣ A′, отрицаемой отъ сферы A, содержится все, кромѣ того, что положено какъ тожественное, — весь необъятный рядъ вещей *a*, *b*. *c*, *d*, и т. д. Но вещи, заключающіяся въ сферѣ противорѣчущаго, сами по себѣ, независимо отъ этой сферы, не суть не-тоже, слѣдовательно и не противорѣчутъ признакамъ въ содержаніи предмета тожественнаго, а только болѣе или менѣе отличаютсн отъ нихъ. Пусть будетъ, напримѣръ, тожественное «человѣкъ», а противорѣчущее — «не-человѣкъ»: въ этомъ противорѣчущемъ «не-человѣкъ» мы находимъ камень, растеніе, животное и проч.; но все сіе однакожъ—не въ противорѣчіи съ человѣкомъ, а только по чему нибудь отлично отъ него, или иногда и противуположно ему. Отсюда явствуетъ, что противорѣчущее, какъ и тожественное, относительно къ своему содержаінѣ, должно имѣть много степеней. Рядъ ихъ начинается отъ признаковъ, согласныхъ съ содержаніемъ отожествленнаго предмета, и постепенно восходитъ до признаковъ, совершенно ему противуположныхъ. Въ отожествленномъ предметѣ *A*, кромѣ признаковъ, напримѣръ, *a*, *b*, и проч., по которымъ онъ отожествленъ, могутъ находиться и другіе, какъ *c*, *d*, и проч.; только они не вошли въ условіе его отожествленія, поколику не сознаны были разсудкомъ, и потому отдѣлились къ сферѣ противорѣчія A′. Такимъ образомъ признаки *c*, *d*, относительно къ содержанію предмета отожествленнаго, могутъ быть названы согласными, а признаки *m*, *n*, которыхъ вовсе нѣтъ въ отожествленномъ предметѣ,—противуположными. На этомъ основаніи законъ противорѣчія, по содержанію, можно подраздѣлить на ***законъ согласія*** (lex convenientiae) и ***законъ исключеннаго третьяго*** (lex exclusi tertii). Первый предписываетъ мыслить

предметъ подъ ограниченіями, взаимно совмѣстными, которыя, то есть, хотя и отличаются одни отъ другихъ, но не исключаются одни другими. Напротивъ послѣдній требуетъ, что бы, изъ двухъ взаимно противуположныхъ признаковъ, одинъ былъ приписываемъ предмету, а другой отрицаемъ отъ него. Явно, что тотъ стремится восполнить для разсудка недостатокъ признаковъ въ отожествленномъ предметѣ; а этотъ имѣетъ цѣлію отдѣлить отъ предмета все, ему несвойственное. Посему, *относительно къ содержанію мыслимаго, законъ тожества, на оборотъ, зависитъ отъ закона противорѣчія.* Если бы, то есть, послѣдній, чрезъ дѣйствіе законовъ согласія и исключеннаго третьяго, не побуждалъ разсудка искать признаковъ, совмѣстимыхъ съ отожествленнымъ предметомъ и противуположныхъ ему; то отожествленіе предметовъ оставалось бы большею частію недостаточнымъ и поверхностнымъ.

Приложеніе и формула закона противорѣчія.

§ 32.

Пока разсудокъ довольствуется однимъ отожествленіемъ мыслимыхъ предметовъ, дотолѣ дѣятельность его бываетъ бѣдна, суха и нерѣдко обманчива. Подъ вліяніемъ закона тожества, мы многое отожествляемъ въ предметѣ: но если въ возможномъ его содержаніи не обращается вниманія на разницы, несогласныя съ условіями его отожествленія; то у насъ нѣтъ никакихъ стихій для сужденія о немъ, и мы легко можемъ запутаться въ противорѣчія и обманывать самихъ себя. Въ этомъ случаѣ каждый впадаетъ въ заблужденіе того человѣка, который, узнавъ нѣсколько похвальныхъ качествъ своего слуги, отожествляетъ его вообще, какъ отличнаго слугу, или который, по немногимъ, случайно замѣченнымъ хорошимъ мыслямъ въ содержаніи сочиненія, одобряетъ цѣлое сочиненіе. Если бы условія отожествленія вполнѣ исчерпывались въ предметѣ; то заблужденія здѣсь, конечно, не могло бы быть: но такъ какъ законъ тожественности совершенной невыполнимъ для разсудка (§ 29); то, при исключительной дѣя-

тельности закона тожества, ошибки неизбѣжны, и избѣгать ихъ мы можемъ только чрезъ совмѣстное дѣйствіе закона противорѣчія.

Повинуясь этому закону, разсудокъ и въ устной бесѣдѣ, и въ письменныхъ разсужденіяхъ устраняетъ все, противорѣчущее предмету, заблаговременно рѣшаетъ всѣ, могущія встрѣтиться возраженія, искусно предотвращаетъ всѣ неблагопріятные выводы и слѣдствія, и такимъ образомъ какъ бы углаживаетъ для себя пути къ предположенной цѣли. Законъ противорѣчія приложимъ вездѣ, гдѣ надобно разобрать до послѣднихъ подробностей признаки каждаго понятія и смотрѣть—не встрѣтится ли при извѣстномъ поворотѣ мыслей чего нибудь, имъ противнаго, все ли будетъ находиться съ ними въ гармоніи, не послужатъ ли онѣ препятствіемъ къ тѣмъ или другимъ выводамъ, необходимымъ для достиженія главной цѣли дѣла, не измѣнятъ ли онѣ характера и правильности цѣлаго. Само собою разумѣется, что этотъ законъ такимъ же образомъ прилагается и къ оцѣнкѣ произведеній разсудка, и къ опроверженію ученій, погрѣшающихъ противъ правилъ умственнаго законодательства. У кого довольно проницательности и сообразительности для того, чтобы вдругъ, иногда на отдаленныхъ одна отъ другой точкахъ мышленія, замѣтить противорѣчіе; тому очень не трудно обличить его: нужно только изъ предположенной мысли правильно выводить слѣдствіе за слѣдствіемъ, — и нелѣпость откроется сама собою ([34]); потому что этимъ способомъ совершенно оправдается *формула* закона противорѣчія: «Тоже и не-тоже, положеніе и не-положеніе, утвержденіе и отрицаніе, будучи соединены въ одномъ актѣ мышленія, уничтожаются одно другимъ».

([34]) Съ этой точки зрѣнія ясно открывается различіе между *опроверженіемъ* и *споромъ*. Опровергающій имѣетъ дѣло съ мнѣніями своего противника, а спорющій навязываетъ ему собственныя; по этому первый никогда не споритъ, а послѣдній никогда не опровергаетъ. Тотъ отъ чужихъ заблужденій идетъ къ истинѣ путемъ наведенія и говоритъ: твое положеніе само себѣ противорѣчитъ, слѣдовательно истина еще не открыта; а этотъ отъ приписываемой самому себѣ истины заключаетъ къ заблужденію другаго, и утверждаетъ: мое положеніе справедливо, слѣдовательно твое ложно.

Значеніе закона достаточнаго основанія.

§ 33.

Слѣдуя закону тожества, разсудокъ, какъ выше сказано, полагаетъ предметъ мышленія и устанавливаетъ его; а по указанію закона противорѣчія, находитъ множество согласныхъ и противуположныхъ признаковъ, которыми тотъ предметъ бываетъ ограничиваемъ положительно или отрицательно. Но если бы дѣятельность разсудка опредѣлялась только этими двумя предписаніями умственнаго законодательства; то во многихъ случаяхъ она была бы произвольна или безотчетна, и часто представляла бы поводъ къ вопросу: на какомъ основаніи такой-то признакъ приписывается или не приписывается извѣстному предмету? почему онъ допускается либо какъ условіе его отожествленія, либо какъ черта, ему противорѣчащая? Предполагая же частое пробужденіе этого вопроса, надобно допустить и то, что разсудокъ, когда возникаетъ такое недоумѣніе, находится подъ вліяніемъ особаго понудительнаго начала мышленія, которое требуетъ отъ него отчета въ его отожествленіяхъ и противорѣчіяхъ. Это начало есть *законъ достаточнаго основанія*, предписывающій— такъ или иначе ограничивать предметъ почему-нибудь, или на какомъ нибудь удовлетворительномъ основаніи. Чтобы прояснить себѣ значеніе этого закона, надобно предварительно понять, что такое — основаніе, когда оно бываетъ необходимо и когда невозможно, и какимъ образомъ находить его.

1) Подъ именемъ *основанія* (fundamentum) въ собственномъ смыслѣ разумѣется то, на чемъ что либо утверждается и отъ чего получаетъ свою устойчивость. Отсюда въ Логикѣ этимъ словомъ называется *подположеніе* (hypothesis), или *логическая причина* ([55])

([55]) *Основаніе* (ratio) иногда смѣшиваютъ съ *причиною* (causa), между тѣмъ какъ онѣ весьма различны между собою. Причиною всегда бываетъ *предметъ реальный*, заключающій въ себѣ основаніе происхожденія другаго, реальнаго же предмета; а основаніе есть не болѣе, какъ *бытіе формальное*, или мысль разсудка, полагаемая для выведенія какой нибудь другой мысли. Отъ первой обыкновенно происходитъ *дѣйствіе*, а изъ послѣдней вытекаетъ *слѣдствіе*.

на которой утверждается истинность другаго положенія, вытекающаго изъ ней въ видѣ *слѣдствія.* Напримѣръ: тяготѣніе всѣхъ тѣлъ къ центру земли есть основаніе тяготѣнія воздуха; а тяготѣніе воздуха есть слѣдствіе или выводъ изъ предварительно положеннаго начала, что всѣ тѣла тяготѣютъ къ центру земли. Изъ этого видно, что слѣдствіе условливается основаніемъ, а основаніе предполагается слѣдствіемъ; такъ что, гдѣ нѣтъ одного, тамъ не можетъ быть и другаго.

2) Будучи разсматриваемо само по себѣ, въ смыслѣ обыкновеннаго положенія, основаніе есть уже готовое знаніе, слѣдовательно должно быть понимаемо, какъ содержаніе мышленія въ особой формѣ. По этому, гдѣ такого содержанія вовсе не имѣется; тамъ невозможна и самая форма основанія, тамъ подположеніе совпадаетъ съ слѣдетвіемъ, и разсудокъ не въ состояніи бываетъ выйти изъ предѣловъ тожественности предмета. Въ подобныхъ случаяхъ предметъ ограничивается какимъ нибудь признакомъ — *непосредственно*, и иначе ограничиваться не можетъ. Таковы, напримѣръ, положенія: квадратъ четвероуголенъ, цѣлое равно своимъ частямъ, и т. п. Но если, наоборотъ, предметъ и его признакъ непосредственной связи не проявляютъ, если, то есть, взаимное отношеніе ихъ столь отдаленно, что выходитъ за горизонтъ условій отожествленнаго предмета; то не только возможно, даже нужно мыслить сочетаніе ихъ *посредственно*, или искать внѣ ихъ какого либо основанія, на которомъ, какъ на готовомъ уже знаніи, они соединялись бы между собою, и соединеніе ихъ сознавалось бы ощутительно необходимымъ. Такъ, напримѣръ, въ положеніи: «ледъ имѣетъ въ себѣ теплоту»—теплота можетъ быть приписана льду только на извѣстномъ основаніи; потому что ледъ мы отожествляемъ большею частію по признаку холода, который противуположенъ теплотѣ, и слѣдовательно теплота, по закону противорѣчія, по видимому, должна бы быть отрицаема отъ льда.

3) Чтобы легче находить основаніе для показанія связи между предметомъ и его признакомъ, надобно замѣтить, что основаніе тогда только имѣетъ силу основанія, когда оно какимъ нибудь об-

разомъ сродно предмету или его признаку, либо заключаетъ въ себѣ нѣчто посредствующее между тѣмъ и другимъ. Такое посредствующее положеніе можетъ быть отъискиваемо подобно тому, какъ отыскивается телеграфическая точка, сводящая подъ одинъ взглядъ двѣ мѣстности, находящіяся въ различныхъ горизонтахъ зрѣнія, или какъ математикъ опредѣляетъ равенство двухъ величинъ посредствомъ третьей, находя, что эта послѣдняя равна обѣимъ первымъ. Если бы, напримѣръ, было неизвѣстно, А равно ли В, однакожъ извѣстно, что и А и В равны X; то X будетъ ручаться за самое равенство А и В, слѣдовательно послужитъ основаніемъ ихъ равенства.

Приложеніе и формула закона достаточнаго основанія.

§ 34.

Изъ понятія о законѣ достаточнаго основанія само собою явствуетъ его назначеніе. Онъ направляется къ тому, чтобы частныя мысли всякой умственной работы, разсматриваемыя отдѣльно одна отъ другой, были *основательны*, а въ общемъ своемъ составѣ—*взаимно-сродны*.

1) Мысль, предлагаемая безъ основанія, тогда какъ она должна опираться на чемъ нибудь, есть просто *мнѣніе*, которое, будучи разсматриваемо съ разныхъ сторонъ, въ разныя времена, разными людьми и въ разныхъ примѣненіяхъ, можетъ казаться то истиннымъ, то ложнымъ. Но какъ скоро та же самая мысль утверждается на надлежащемъ основаніи и вытекаетъ изъ него, какъ слѣдствіе, то уже выходитъ изъ ряда мнѣній и, заимствуя силу отъ основнаго знанія, сама становится *знаніемъ*. Какъ выводъ, чисто логическій, это знаніе конечно не отвѣчаетъ само за себя, потому что не само по себѣ оно есть знаніе (§ 3); однакожъ за него отвѣчаетъ его подположеніе, и если послѣднее вѣрно, то вѣрно и первое; такъ что первое можно опровергнуть не иначе, какъ опровергнувъ послѣднее. Отсюда въ Логикѣ правило: contra principia negantem disputari non potest: то есть, слѣдствіе безполезно защищать, когда нападаютъ на подположеніе; въ этомъ случаѣ,

наоборотъ, послѣднее должно быть защитою перваго. Если же подположеніе само оказывается слабымъ; то и оно въ свою очередь должно не спорить, а опираться на высшемъ подположеніи, пока такимъ образомъ разсудокъ не дойдетъ до *основанія коренного* (ultima ratio), отъ котораго зависитъ твердость всѣхъ, непосредственно и посредственно вытѣкающихъ изъ него слѣдствій. Обоснованная такимъ образомъ мысль получаетъ достоинство *мысли основательной*.

2) Но основательныя мысли могутъ быть развиты во множествѣ отдѣльныхъ порядковъ; а когда ихъ много, — ничто еще не ручается за то, что они совмѣстимы одинъ съ другимъ, если разсудокъ и къ этимъ отдѣламъ цѣлаго не приложитъ закона достаточнаго основанія. Можно представить себѣ сочиненіе, котораго части, разсматриваемыя порознь, хотя и основательны, но поставляемыя во взаимное отношеніе, представляютъ странную разнохарактерность. Это случается особенно въ сочиненіяхъ философскихъ, когда мыслитель, не имѣя одной идеи цѣлаго, развлекается чужими мнѣніями и, не сообразивъ, какія могутъ происходить изъ нихъ слѣдствія, по требованію обстоятельствъ, принимаетъ то тѣ, то другія. Кто, напримѣръ, замѣчая вліяніе тѣла на душу, вздумалъ бы учить, что разумность души зависитъ отъ органическихъ условій, а потомъ сталъ бы доказывать, что душа лично безсмертна; тотъ преподалъ бы такія ученія, которыя отнюдь несродны между собою. Для устраненія подобныхъ несообразностей, нужно опять приложеніе закона достаточнаго основанія, который, требуя вообще основательности, имѣетъ въ виду зависимость не только слѣдствій отъ подположеній, но и самыхъ подположеній, сколь бы ни различно было содержаніе ихъ, отъ *главнаго начала* (imum principium). То есть, подъ вліяніемъ этого закона, разсудокъ наблюдаетъ, созвучныли между собою отдѣльныя основанія частныхъ мыслей, и созвучіе ихъ опредѣляя значеніемъ первой истины, на которой должно утверждаться все цѣлое, вполнѣ выражаетъ слѣдующую *формулу* умственнаго законодательства: «Всякое положеніе и неположеніе должно утверждаться на какомъ нибудь основаніи; а всѣ положенія и

положенія вмѣстѣ должны сходиться къ какому нибудь одному началу».

Процессъ законовъ мышленія.

§ 35.

Показавъ значеніе и приложеніе законовъ, управляющихъ дѣятельностію разсудка, мы замѣчаемъ, что подъ вліяніемъ всѣхъ ихъ повторяется одинъ и тотъ же актъ мышленія, — только на различныхъ степеняхъ своего развитія.

Разсудокъ, согласно съ требованіемъ закона тожества, прежде всего отожествляетъ предметъ и, на этой первой степени отожествленія, не даетъ себѣ отчета, по которымъ именно признакамъ и по какому числу ихъ устанавливаетъ тожество вещи. Теперь онъ положилъ нѣчто для мышленія, но еще не мыслитъ о положенномъ; теперь у него есть содержаніе въ извѣстной формѣ, но въ этомъ содержаніи еще ничто не отдѣлено отъ формы. Посему, если бы ему надлежало быть ограничиваемымъ силою одного закона тожества; то мышленіе его не сдѣлало бы ни шагу впередъ, — и онъ видѣлъ бы предъ собою *множество отдѣльныхъ единицъ*, не поставляя ихъ во взаимное отношеніе. Это — *первая степень* его дѣятельности подъ управленіемъ умственнаго законодательства.

Дальнѣйшее развитіе мышленія зависитъ отъ дѣйствія на разсудокъ закона противорѣчія. Управляемый этимъ закономъ, онъ въ каждомъ предметѣ замѣчаетъ признаки совмѣстимые и несовмѣстимые. Но и въ этой его дѣятельности еще нѣтъ полнаго мышленія, а есть только приготовительное къ тому сортированіе матеріаловъ. Теперь содержаніе предметовъ у него разложено и разницы ихъ отдѣлены; но ничто еще не подвержено ограниченію. И если бы только этимъ оканчивалась его дѣятельность, онъ видѣлъ бы предъ собою *множество примѣтъ*, ничего не опредѣляя ими. Разсудокъ вполнѣ мыслитъ, поколику, управляемый закономъ противорѣчія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ снова ограничивается закономъ тожества, и примѣтами, различенными по требованію перваго, опредѣляетъ предметъ согласно съ предписаніемъ послѣд-

няго; потому что первому соединять, равно какъ послѣднему отдѣлять — отнюдь несвойственно. Такимъ образомъ законъ тожества, чрезъ дѣйствіе закона противорѣчія, возводитъ силу мыслящую на *вторую степень* отожествленія предметовъ и чрезъ то даетъ ей возможность ограничивать мыслимое въ единицы высшаго порядка, которыя, по причинѣ своей организаціи, не могутъ смѣшиваться между собою, и въ области разсудка составляютъ особый классъ формъ, заключающихъ въ себѣ извѣстное содержаніе.

Но разсудокъ, по требованію закона тожества, чтó ни ограничилъ бы какимъ нибудь признакомъ, всегда встрѣчаетъ новую реакцію въ законѣ противорѣчія. Дѣйствіемъ сего закона всякое положеніе непремѣнно возбуждаетъ въ немъ мысль о неположеніи, всякая непосредственная связь признака съ его предметомъ какъ будто ослабляется и подвергается нѣкоторому сомнѣнію; такъ что во всѣхъ случаяхъ простаго сочетанія стихій мышленія невольно возникаетъ вопросъ: почему такъ? на какомъ основаніи? По возникновеніи же этого вопроса, открываетъ свою дѣятельность законъ достаточнаго основанія и предписываетъ разсудку искать подположеній. — Подположенія отыскиваются: однакожъ имѣть ихъ и доказывать ими что либо — не одно и тоже. Мы видѣли (§ 34), что всякое основаніе, по своему содержанію, есть предварительно пріобрѣтенное знаніе, и всѣ эти знанія должны служить данными для выведенія какихъ нибудь слѣдствій. Но пока знаніе есть просто знаніе, — изъ него ничто не слѣдуетъ. И если бы мышленіе разсудка завершалось закономъ достаточнаго основанія, поколику онъ предписываетъ искать основаній, — между нашими знаніями не было бы никакой связи, и разсудокъ мыслилъ бы *множество знаній*, не мысля ихъ какъ рядъ предположеній и слѣдствій. Чтобы извѣстное знаніе представляло возможность вывода, надобно облечь его въ форму подположенія, или дать ему такой видъ, по которому слѣдствіе вытекало бы изъ него само собою. А это можетъ быть сдѣлано не по закону достаточнаго основанія, а по закону тожества; ибо только послѣднему свойственно поставлять предметъ въ отношенія, или многія мысли

отожествлять какъ одну. И такъ законъ тожества, чрезъ дѣйствіе закона достаточнаго основанія, возводитъ силу мыслящую на *третью, высшую степень* отожествленія матеріаловъ мышленія, на которой она организуетъ опять особый классъ мыслимыхъ единицъ, скрѣпленныхъ болѣе опредѣленными и твердыми связями.

При этомъ мы замѣчаемъ, что сила мыслящая, находясь подъ вліяніемъ трехъ законовъ мышленія, какъ бы борется сама съ собою, и является то *разсудкомъ*, то *смысломъ* (§ 16), поколику то разлагаетъ свои матеріалы, то соединяетъ и отожествляетъ ихъ, и такимъ образомъ на первой степени отожествленія проявляетъ мышленіе *возможное*, на второй — *дѣйствительное*, а на третьей — *необходимое*.

ГЛАВА III.

О ПРИРОДѢ МЫШЛЕНІЯ.

Понятіе о мышленіи.

§ 36.

Нашедши условія мышленія и разсмотрѣвъ законы, по которымъ оно образуется, мы теперь имѣемъ всѣ необходимыя данныя, чтобы наконецъ составить себѣ понятіе о мышленіи. Во-первыхъ намъ извѣстно, что мышленіе есть одинъ изъ многихъ видовъ душевной дѣятельности и что эта дѣятельность производится одною изъ многихъ силъ нашей души — разсудкомъ или смысломъ. Значитъ, родовой признакъ мышленія у насъ готовъ. Потомъ, постепенныя изслѣдованія въ первой части Логики показали, что матеріалы, съ которыми разсудокъ имѣетъ дѣло, суть не болѣе, какъ признаки предметовъ, поколику предметы бываютъ представляемы и чрезъ представленія вводятся въ область разсудка изъ міра внѣшняго и внутренняго, что вся работа его съ этими признаками совершается въ формахъ пространства и времени, что она состоитъ въ разнобразномъ соединеніи либо отдѣленіи тѣхъ матеріаловъ, и что какъ то, такъ и другое производится сознательно и согласно съ предписаніемъ законовъ, управляющихъ дѣятельностію силы мыслящей. Значитъ, и видовые признаки мышленія готовы. И такъ ***мышленіе*** есть сознательная дѣятельность разсудка, совершаемая имъ въ формахъ простран-

ства и времени и управляемая извѣстными законами, поколику, согласно съ предписаніемъ ихъ, сила мыслящая поставляетъ во взаимное отношеніе введенные въ сознаніе признаки представляемыхъ предметовъ міра внѣшняго и внутренняго. Всѣ эти черты, характеризующія мыслительную дѣятельность разсудка, столь существенно входятъ въ понятіе о мышленіи, что ни которой изъ нихъ нельзя оставить, не разрушая самаго мышленія. Представимъ ли мышленіе внѣ формъ пространства и времени?—оно выступитъ изъ предѣловъ дѣятельности разсудка. Выпустимъ ли изъ вида ограничительную силу законовъ? — оно перестанетъ быть дѣятельностію разсудка здраваго. Устранимъ ли потребность признаковъ и взаимнаго ихъ отношенія? — оно совершенно исчезнетъ, — даже въ смыслѣ дѣятельности вообще, и слѣдовательно упразднитъ самое бытіе разсудка.

Мышленіе логическое и математическое.

§ 37.

Мышленіе, сказали мы, вводитъ въ формы пространства и времени и поставляетъ во взаимное отношеніе признаки представляемыхъ предметовъ. И намъ уже извѣстно, каковы бываютъ роды признаковъ, поколику они относятся одни къ другимъ (§ 25). Но во взаимномъ ли только отношеніи можно представлять ихъ? Не должны ли они какъ нибудь различаться между собою, относясь также къ формамъ пространства и времени? Разлагая представляемый предметъ на признаки и населяя ими область разсудка, мы замѣчаемъ, что одни изъ нихъ однородны съ пространствомъ и временемъ, а другіе не однородны съ ними; потому что одни подходятъ подъ понятіе числа и протяженности, а другими выражаются—свойство и принадлежность. Имѣя въ виду это, относительное къ пространству и времени различіе ихъ, можно первые назвать ***количественными***, а послѣдніе ***качественными***. Чтобы объяснить дѣло примѣромъ, возмемъ представленіе корабля. Въ этомъ предметѣ обширность, фигура, скорость движенія, и проч. суть признаки количественные; а красивость, прочность,

уютность, вооруженіе и проч., очевидно, будутъ признаками качественными. Предположимъ теперь, что признаки одного изъ этихъ двухъ родовъ разсудокъ поставляетъ во взаимное отношеніе отдѣльно отъ признаковъ другаго, — и мы тотчасъ увидимъ, что его мышленіе, при отдѣльномъ соединеніи чертъ каждаго рода, не смотря на то, что оно во всякомъ случаѣ совершается по однимъ и тѣмъ же законамъ разсудка, окажется не одинаковымъ, но, поставляя во взаимное отношеніе черты количественныя, будетъ *мышленіемъ математическимъ*, а соединяя однѣ съ другими — качественныя, удержитъ характеръ въ собственномъ смыслѣ *мышленія логическаго*. Чтобы увѣриться въ справедливости вывода двухъ показанныхъ видовъ мышленія, стоитъ только разсмотрѣть, что́ значитъ мыслить математически, и что́ — логически.

1) *Мыслить математически*, значитъ,— согласно съ требованіями законовъ мышленія, поставлять во взаимное отношеніе какія нибудь численныя или протяженныя величины, а это — все равно, что *мыслить пространство и время* въ какихъ нибудь, требуемыхъ умственнымъ законодательствомъ ограниченіяхъ. Формы пространства и времени, сами въ себѣ, по естественной своей безпредѣльности, не могутъ быть мыслимы, а только, какъ выше сказано (§ 19), составляютъ необходимую атмосферу дѣятельности разсудка. Но если онѣ ограничиваются, или размежевываются предѣлами, и эти предѣлы приводятся во взаимное отношеніе; то разсудокъ чрезъ то самое мыслитъ о нихъ и развиваетъ мышленіе математическое. Изъ этого видно, что неизбѣжнымъ условіемъ математическаго мышленія надобно почитать ограниченія пространства и времени, или численныя и протяженныя величины, поколику, соединяясь между собою, онѣ становятся предѣлами этихъ формъ. Причина, по которой численными и протяженными величинами ограничивается пространство и время, состоитъ въ томъ, что онѣ по самой своей природѣ суть ограниченія, то есть частные признаки, найденные вниманіемъ разсудка въ представленіяхъ вещей; а причина, по которой формы пространства и времени подчиняются этимъ огра-

ниченіямъ, есть та, что послѣднія однородны съ первыми, то есть составляютъ родъ признаковъ, ограничивающихъ вещи пространственнымъ и временнымъ образомъ. Отсюда открывается, что эти признаки суть формы формъ и входятъ въ содержаніе математическаго мышленія не иначе, какъ въ значеніи *признаковъ формальныхъ*. А изъ этого становится ясно и то, почему математическія вычисленія и построенія всегда бываютъ точны, опредѣленны и непререкаемы. Разсудокъ, слѣдуя формальнымъ своимъ законамъ и имѣя дѣло только съ формальными признаками, не встрѣчаетъ въ своей дѣятельности никакихъ затрудненій ни со стороны вещества, ни со стороны предлежательныхъ законовъ его развитія. Подъ этими условіями, мышленіе математическое, какъ мышленіе, по самому содержанію формальное, обыкновенно называется *чистымъ* и развивается особымъ, ему одному свойственнымъ способомъ. Такъ какъ признаки, составляющіе его содержаніе, суть количества или величины; то взаимное отношеніе ихъ, *опредѣляемое законами* разсудка, и потому выражающее родовыя формы всѣхъ возможныхъ сочетаній и построеній, во всякомъ случаѣ должно образовать какую нибудь схему (§ 22), въ которой разсудокъ какъ бы не мыслитъ, а видитъ извѣстное свое сочетаніе или построеніе. А это мышленію математическому даетъ характеръ *мышленія воззрительнаго* (cogitatio intuitiva).

2) *Мыслить логически*, значитъ, — согласно съ требованіями законовъ мышленія, поставлять во взаимное отношеніе какія нибудь свойства и принадлежности вещей; а это — все равно, что *мыслить вещи* въ какихъ нибудь, требуемыхъ умственнымъ законодательствомъ условіяхъ. Вещи сами по себѣ, или въ конкретномъ своемъ бытіи, какъ уже извѣстно, не мыслятся, а только либо усматриваются чувствомъ, либо созерцаются умомъ (§ 12, 14). Онѣ становятся предметомъ мышленія, поколику ихъ признаки входятъ въ формы пространства и времени, и въ безпредѣльности этихъ формъ носятся какъ стихіи, ожидающія художника, который бы, подъ условіями настоящаго ихъ бытія, соединилъ ихъ однѣ съ другими и привелъ къ значенію вещей мыслимыхъ. Этотъ художникъ есть разсудокъ; а дѣйствіе, которымъ онъ ка-

чественные признаки, или свойства и принадлежности представляемыхъ предметовъ приводитъ къ значенію вещей мыслимыхъ, называется мышленіемъ логическимъ. Явно, что здѣсь дѣло идетъ объ образованіи реальнаго бытія; потому что вещи должны быть образованы изъ признаковъ не однородныхъ съ пространствомъ и временемъ, которые, въ противуположность съ признаками формальными, могутъ быть означены именемъ *примѣтъ матеріальныхъ*. Но это образованіе становится возможнымъ не иначе, какъ подъ формами пространства и времени, поколику въ сихъ только формахъ можетъ производиться дѣятельность разсудка, въ нихъ только уравниваются взаимно противуположные законы познавательныхъ нашихъ способностей (§ 28), и онѣ только могутъ служить какъ бы предѣлами или ограниченіями вещей образуемыхъ. Посему, дѣйствуя подъ этимъ условіемъ, разсудокъ никогда не въ состояніи осуществить бытія, въ собственномъ смыслѣ реальнаго (§ 15), — ибо оно существуетъ по законамъ міра предл жательнаго, за предѣлами формъ пространства и времени,— и вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя дѣло съ признаками матеріальными, никогда не можетъ отказаться отъ осуществленія его. Отсюда-то происходятъ безчисленныя затрудненія логическаго мышленія и всѣ погрѣшности, которымъ на этомъ поприщѣ подвергается сила мыслящая. Логика, какъ уже извѣстно (§ 1), должна разсуждать о формахъ мышленія; однако это мышленіе всегда бываетъ формально-матеріальное или *смѣшанное* (§ 6),—и разсудку весьма трудно удерживаться со всею строгостію въ предѣлахъ одного формальнаго развитія мыслей, не сбиваясь съ пути содержаніемъ ихъ. По сему, и самая, такъ сказать, физіогномія логическаго мышленія весьма отлична отъ математическаго. Въ немъ почти вовсе незамѣтно схематическаго построенія; схема едва видна здѣсь только въ усиліи разсудка — пространственною или временною формою, всегда неопредѣленною, охарактеризовать опредѣленный составъ признаковъ, чуждыхъ пространства и времени. Такъ дерево мы представляемъ подъ видомъ развѣтвленнаго линейнаго протяженія, силу—подъ видомъ стремленія къ какой нибудь точкѣ и т. д. Мысля логически, разсудокъ, посредствомъ

своихъ формъ, какъ бы разбѣгается по качественнымъ или матеріальнымъ признакамъ, чтобы подъ тѣми же самыми формами привести ихъ къ значенію одной мысли, и такимъ образомъ своему мышленію сообщаетъ характеръ, такъ сказать, *мышленія разбѣгающагося* (cogitatio discursiva).

Мышленіе à priori и à posteriori.

§ 38.

Выше было сказано (§ 17, 18), что условія, подъ которыми только и возможно мышленіе, суть двоякаго рода: одни подлежательныя, другія предлежательныя. Если бы въ душѣ не проявлялась дѣятельность ума и чувства; то не было бы въ ней ни разсудка, ни законовъ, которыми онъ управляется. Съ другой стороны, если бы душа посредствомъ чувственныхъ органовъ и идеальнаго созерцанія не принимала впечатлѣній изъ міра внѣшняго и внутренняго; то разсудку не о чемъ было бы мыслить и не къ чему было бы приложить законовъ мышленія. На основаніи этихъ, предварительно сдѣланныхъ нами изслѣдованій, самъ собою рѣшается вопросъ: наше мышленіе есть ли нѣчто à priori, или à posteriori?

Такъ какъ для мышленія необходимы—сила мыслящая и законы силы мыслящей; а это принадлежитъ душѣ самой по себѣ (§ 27, 28) и только имѣетъ нужду въ возбужденіи: то мышленіе надобно почитать дѣятельностію души à priori. Но такъ какъ опять въ области мыслящей силы нѣтъ ничего, принадлежащаго собственно ей, кромѣ ея готовности, по предписанію законовъ, взаимно соединять все, что получается; а этимъ она, при посредствѣ представленій, обязана міру внѣшнему и внутреннему: то мышленіе должно имѣть сторону и à posteriori. Разсматривая его съ этихъ двухъ сторонъ и помня, что никоторая изъ нихъ не можетъ проявляться одна безъ другой, мы должны заключить, что оно, въ правильномъ и полномъ своемъ образованіи, есть *дѣятельность разсудка и à priori и à posteriori.* Положивъ это, мы и въ области познанія избѣгнемъ двухъ равно опасныхъ крайностей: такъ называемаго (Кантова) подлежательнаго идеализма,

по которому мышленіе не можетъ имѣть приложенія къ познанію вещей внѣ насъ, и (Локкова) предлежательнаго эмпиризма, котораго теорію напрасно стали бы мы прилагать къ объясненію всѣхъ, а особенно возвышеннѣйшихъ явленій въ насъ самихъ.

Мыслимое и отличительныя черты его.

§ 39.

Прежде было найдено (§ 18), что разсудокъ своею дѣятельностію развиваетъ для себя особый міръ—существъ мыслимыхъ. Чтобы имѣть, по возможности, ясное понятіе о природѣ этого міра, разсмотримъ, что такое вообще—мыслимое, и какими отличительными чертами оно характеризуется.

1) Между окружающими человѣка вещами есть множество такихъ, въ которыхъ природа, по выраженію одного философа, носитъ оковы. Это—вещи такъ называемыя искуственныя, принимающія разныя формы бытія, по волѣ и намѣреніямъ человѣческаго разсуда, и подъ этими формами теряющія жизнь естественную. Таковы, напримѣръ: домъ, столъ, ткань и т. п. Но такія произведенія суть только матеріальныя выраженія образованныхъ разсудкомъ мыслей; потому что первыя не иначе являются, какъ вслѣдъ за послѣдними, и непремѣнно — по случаю рожденія послѣднихъ. Впрочемъ количество подобныхъ прототиповъ не равно количеству эктиповъ, но безконечно больше ихъ; ибо изъ того, что мыслится, весьма немногое осуществляется и можетъ быть осуществлено въ какихъ нибудь чувственныхъ формахъ. И такъ, по послѣднимъ судя о первыхъ, надобно думать, что какъ существуютъ эти, такое же существованіе въ разсудкѣ имѣютъ и тѣ. То есть наше мыслимое есть такое произведеніе разсудка, въ которомъ умственное и чувственное недѣлимое, потерявъ естественную свою жизнь, получаютъ бытіе искуственное, или значеніе *ноумена* ([36]).

([36]) Съ словомъ νοούμενον греческіе идеалисты соединяли то самое значеніе, какое мы соединили съ *сущностію*, поколику она созерцается умомъ—идеально (§ 15). Въ этомъ смыслѣ Кантъ почитаетъ ноуменъ *предметомъ отрицательнымъ* и противуполагаетъ ему мыслимое разсудкомъ, какъ *предметъ положительный*.

2) Какъ всякое искуственное произведеніе человѣка есть искуственное—не по матеріи или составнымъ его частямъ, а только по образу соединенія ихъ, или формѣ: такъ и мысли разсудка суть его произведенія не по самымъ признакамъ, а по взаимному сочетанію ихъ. Все дѣло силы мыслящей состоитъ единственно въ томъ, чтобы найденные чрезъ вниканіе признаки представленій поставить въ согласное съ требованіями законовъ отношеніе: на одно только отношеніе ихъ обращается все ея вниманіе. Но устанавливать отношеніе признаковъ есть не иное что, какъ построять форму того предмета, о которомъ разсудокъ мыслитъ. По этому всякое мыслимое надобно почитать *бытіемъ формальнымъ*.

3) Образуя какую нибудь мысль, разсудокъ сколь много обращаетъ вниманія на возможное отношеніе признаковъ, столь же мало мыслитъ ихъ въ связи съ представленіями тѣхъ недѣлимыхъ, отъ которыхъ они заимствованы. Однажды замѣченная чрезъ вниканіе примѣта извѣстной представляемой вещи становится стихіею общею, равно приложимою ко всему, къ чему прилагать ее предписываютъ законы разсудка. Такъ, зеленый цвѣтъ, усмотрѣнный на древесномъ листѣ, одинаково приписывается и платью, и камню, и зданію, и безчисленному множеству другихъ вещей. Поелику же мыслимое разсудкомъ образуется чрезъ соотношеніе этихъ самыхъ признаковъ, оторванныхъ отъ предмета и сознаваемыхъ независимо отъ него; то оно по справедливости должно быть почитаемо *абстрактомъ* ([37]).

Различіе между мыслимымъ и познаваемымъ.

§ 40.

Если мыслимое надобно почитать произведеніемъ разсудка; а всѣ его произведенія, какъ мы видѣли (§ 38), суть мысли не

([37]) *Абстрактъ* (отвлеченно-мыслимое) надобно отличать отъ *отвлеченнаго понятія*, о которомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Абстракту противуполагается *конкретъ*, въ которомъ признаки не отдѣляются отъ самой вещи (§ 13); а отвлеченному понятію поставляется въ противуположность *понятіе ограниченное*, сознательно опредѣляемое какими нибудь признаками.

только à priori, но и à posteriori: то съ мыслимымъ не смѣшивается ли познаніе, поколику и оно производится тою же силою и, повидимому, характеризуется тѣми же апріорическими и апостеріорическими чертами? — Говоримъ, что не смѣшивается, и различіе между мыслимымъ и познаваемымъ опредѣлимъ чрезъ изслѣдованіе понятій о томъ и другомъ. ***Мыслимое*** есть такое произведеніе силы мыслящей, въ которомъ умственное и чувственное недѣлимое не имѣютъ собственной своей жизни, въ которомъ обращается вниманіе только на взаимное отношеніе признаковъ, поколику оно требуется подлежательными законами мышленія, и въ которомъ эти признаки мыслятся отрѣшенно отъ всего, подлежащаго уму и чувству. Напротивъ ***познаніе*** есть какъ бы открытіе, сдѣланное разсудкомъ чрезъ приложеніе взаимно соединенныхъ и отрѣшенно мыслимыхъ признаковъ къ самой вещи или къ дѣйствительнымъ ея отношеніямъ въ мірѣ явленій и сущностей, въ слѣдствіе чего вводятся въ сознаніе предлежательные законы ея бытія, а мыслимые признаки узнаютъ въ ней естественное свое мѣсто и положеніе и оживляются ея жизнію. Сравнивая и разсматривая эти понятія, мы необходимо приходимъ къ заключенію, что мыслимое и познаваемое, принадлежа одному и тому дѣятелю, относятся между собою—во первыхъ, ***какъ подлежательныя сочетанія признаковъ и предлежательно существующія вещи;*** во вторыхъ, ***какъ подлежательные законы разсудка и предлежательные законы явленій.***

1) Умъ и чувство принимаютъ впечатлѣнія непосредственно. Но это принятіе ихъ отнюдь не есть познаніе: потому что первый созерцаетъ сущности, не будучи въ состояніи, самъ по себѣ, дать намъ о нихъ понятіе; а послѣднее усматриваетъ конкреты, не показывая намъ, само по себѣ, ни одного ихъ свойства. При томъ, оба эти дѣятели, направляясь къ одному и тому же предмету, видятъ противуположныя стороны его бытія, которыя, бывъ взяты вмѣстѣ, составили бы его полноту. Между тѣмъ они не сносятся одинъ съ другимъ, и потому познанія нѣтъ ни тамъ ни здѣсь. Что же остается дѣлать?—Остается мыслить, чтобы познать; нужно пріобрѣтать посредственно, что не достигается

усмотрѣніемъ и созерцаніемъ непосредственнымъ; необходима дѣятельность разсудка, чтобы добыть плодъ двухъ разрозненныхъ дѣятельностей ума и чувства. Разсудокъ, какъ уже неоднократно было замѣчено, есть такая сила, которая трудится не отъ себя: онъ беретъ чужіе матеріалы, какъ только можетъ брать ихъ по своимъ условіямъ, и, различивъ въ нихъ признаки, взаимно соединяетъ ихъ по требованію законовъ. Въ этомъ состоитъ его мышленіе и отсюда проистекаетъ мыслимое: однакожъ познанія тутъ еще нѣтъ; оно получается только тогда, когда мыслимое прилагается къ существующему и, подвергнувшись контролю, независящему отъ дѣятельности подлежательной, оправдывается и скрѣпляется имъ. Мышленіе, какъ дѣятельность, въ подлежательномъ своемъ развитіи, продолжается безъ конца; потому что, кромѣ безконечнаго множества стихій, заимствуемыхъ имъ чрезъ представленія изъ области ума и чувства, оно можетъ и самое мыслимое развивать до безконечности. Но какъ скоро это мыслимое прилагается къ частнымъ предметамъ и явленіямъ природы, и приложеніе его бываетъ успѣшно, — мышленіе въ отношеніи къ нему останавливается и оставляетъ его на извѣстной *инстанціи* ([38]) *знанія.* Полученное разсудкомъ знаніе конечно не перестаетъ быть мыслимымъ, потому что ни въ какомъ случаѣ не теряетъ логической формы; однакожъ само для себя, какъ знаніе, оно уже не мыслится. И такъ всякое знаніе есть коррелятъ вещей, усматриваемыхъ чувствомъ и созерцаемыхъ умовъ; а всякое мыслимое есть произведеніе разсудка, посредствомъ котораго вещи, усмотрѣнныя чувствомъ и созерцаемыя умомъ, мало по малу переходятъ въ рядъ предметовъ познанныхъ.

2) Мыслимое, какъ сказано (§ 39), есть бытіе формальное: но нисколько не теряя своей формальности, оно всегда имѣетъ двѣ сто-

---

([38]) Подъ именемъ *инстанціи знанія* разумѣется степень его извѣстности и значимости въ ряду другихъ знаній. Знанія, взятыя вмѣстѣ, должны составлять систему знаній, выражающую гармоническое отношеніе вещей въ мірѣ бытія предлежательнаго. Слѣдовательно между знаніями одни надобно предполагать низшими и зависящими, а другія—высшими, основными.

роны, изъ которыхъ одною обращено къ разсудку, а другою—къ условіямъ и началамъ предлежательнаго его существованія (§38). Сторона мыслимаго, обращенная къ разсудку, бываетъ не чѣмъ инымъ, какъ логическою тканью признаковъ и развивается обыкновенно по предписанію подлежательныхъ законовъ мышленія. Напротивъ, сторона его, обращенная къ условіямъ и началамъ предметнаго его существованія, хотя подчиняется законамъ той же логической ткани, однакожъ сохраняетъ въ себѣ слѣды и законодательства предлежательнаго; потому что признаки мыслимаго, прежде чѣмъ они вошли въ область разсудка, были матеріальными свойствами вещей и, получивъ въ нихъ это значеніе, удерживаютъ его и въ мыслимомъ. И такъ если предположимъ, что разсудокъ мыслитъ о чемъ нибудь—единственно подъ управленіемъ законовъ мышленія, или, какъ иногда случается, даже вопреки имъ; то онъ производитъ только мыслимое. А когда оказывается, что логическая дѣятельность силы мыслящей, развиваясь согласно съ предписаніями законовъ мышленія, вмѣстѣ оправдывается и ограниченіями законовъ природы; тогда она доставляетъ намъ познаніе, потому что своими формами въ то время выражаетъ, сколько возможно, самое бытіе вещи и отношеніе ея къ другимъ вещамъ. Изъ этого явствуетъ, что въ познаніи законы мышленія и законы бытія должны встрѣчаться и реальное съ мыслимымъ приходить къ тожеству, хотя совершенное отожествленіе того и другаго, какъ увидимъ далѣе, есть дѣло, по ограниченности человѣческихъ силъ, не осуществимое.

Цѣль мышленія.

§ 41.

Изъ того, что сказано о различіи между мыслимымъ и познаваемымъ, само собою открывается, для чего разсудокъ мыслитъ и долженъ мыслить. Онъ стремится подлежательное сочетаніе признаковъ уравнять съ дѣйствительнымъ предметомъ, и логическую свою форму, примѣнительно къ нему и къ предлежательнымъ его отношеніямъ, развить такъ, чтобы она, по возмож-

ности, совпадала съ вещественною формою его бытія. Однимъ словомъ: онъ стремится, чрезъ мышленіе о вещи, *дойти до непосредственнаго познанія самой вещи*. Что возбуждаетъ его направляться къ этой цѣли, и можетъ ли она быть достигнута?

Въ области разсудка, какъ извѣстно, производится разработка предметовъ созерцанія и усмотрѣнія. Но должно припомнить, что, находясь подъ вліяніемъ ума и чувства и заимствуя отъ нихъ матеріалы мышленія, разсудокъ вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ не усвоять себѣ и ихъ стремленій, — во первыхъ потому, что этого требуетъ самая природа заимствуемыхъ имъ матеріаловъ, во вторыхъ потому, что и законы, которыми онъ ограничивается въ своемъ мышленіи, суть отраженіе законовъ, опредѣляющихъ направленіе ума и чувства (§ 28), а въ третьихъ наконецъ и потому, что и самъ онъ, какъ сила, зависитъ отъ взаимно противуположной дѣятельности этихъ двухъ силъ (§ 16). Какими же стремленіями одушевляются умъ и чувство? — Стремленія ихъ не иныя, какъ въ мірѣ внѣшнемъ и внутреннемъ *созерцать истину*: этого требуетъ практическая идея истиннаго и добраго (§ 10), и въ этомъ всѣ согласны между собою. Мы знаемъ однакожъ, что истина, какъ безконечный предметъ безконечныхъ стремленій ума и чувства, не можетъ имѣть мѣста въ формахъ пространства и времени, гдѣ безконечное необходимо опредѣляется конечнымъ, а конечное, по природѣ этихъ формъ, простирается въ безконечность. По этому, разсудку, такъ какъ онъ можетъ дѣйствовать только въ пространствѣ и времени, остается либо отказаться отъ истины, —чего сдѣлать онъ не въ силахъ, не отказываясь отъ неизбѣжныхъ своихъ побужденій и отъ самой своей природы, либо созерцать ее такъ, какъ онъ можетъ по условіямъ своей дѣятельности, и такою, какою она доступна ему подъ этими условіями. Стремясь какъ бы невольно къ одной, всеобъемлющей, все проникающей и нераздѣльной истинѣ, разсудокъ, для выраженія ея, не видитъ въ своей области ничего, кромѣ частныхъ представленій, разрѣшаемыхъ на безконечное множество признаковъ и мыслимыхъ въ пространствѣ и времени. Что можетъ онъ сдѣлать съ этими средствами? — По видимому, очень много — *понимать*

истину, а на самомъ дѣлѣ,—очень мало; потому что содержаніемъ всѣхъ возможныхъ его понятій служатъ частныя представленія, которыхъ признаки, даже и при счастливомъ сочетаніи ихъ, приложимы только *къ понятію частныхъ вещей*. Такихъ понятій мы пріобрѣтаемъ много и называемъ ихъ *познаніями;* а истины все еще не находимъ, не понимаемъ и не выражаемъ. Чтобы приблизиться къ ней, мы стараемся до безконечности увеличивать сумму своихъ познаній и идемъ поприщами разныхъ наукъ. Но и ученыя изслѣдованія не приводятъ насъ къ конечной цѣли стремленій; потому что всѣ человѣческія познанія, и по своимъ качествамъ, не вполнѣ соотвѣтствуютъ предметамъ природы, и по своему количеству, далеко не равняются безчисленности ихъ, и по взаимному отношенію—въ какую бы стройную систему они ни поставлялись,—несозвучны съ вѣчною гармоніею вселенной. Человѣческое мышленіе,—сколь бы далеко и широко ни развивалось оно по инстанціямъ познаній,—никогда не сдѣлается формою безформенныхъ мыслей Божіихъ, или истины, проявившейся въ полномъ и гармоническомъ составѣ міра, хотя возбуждаемое самою же истиною, всегда будетъ стремиться къ ней и въ многоразличныхъ сочетаніяхъ знаній угадывать отраженіе неизслѣдимой Божіей премудрости. И такъ цѣль мышленія есть знаніе, а цѣль всѣхъ знаній—истина.

ЧАСТЬ II.

О ФОРМАХЪ МЫШЛЕНІЯ.

Основаніе для опредѣленія количества и качества формъ мышленія.

§ 42.

Для опредѣленія количества и качества формъ мышленія, надобно имѣть въ виду формы въ смыслѣ не логическомъ, а математическомъ (§ 6), т. е. смотрѣть не на тѣ или другіе признаки въ ихъ соединеніи, а на общіе пріемы разсудка, соединяющаго ихъ, — подобно тому, какъ число цвѣтовъ, которыми окрашиваются вещи въ природѣ, опредѣляется не тѣми или другими окрашенными вещами, а призматическимъ разложеніемъ свѣта. Но математическія формы мышленія, или общіе пріемы разсудка въ соединеніи и раздѣленіи признаковъ, должны зависѣть отъ законовъ, которыми управляется его дѣятельность (§ 7). Законы же всю сумму своихъ предписаній въ этомъ отношеніи заключаютъ, какъ мы видѣли (§ 28), въ трехъ видахъ: въ законѣ тожества, противорѣчія и достаточнаго основанія, или,—что тоже, —въ положеніи, противуположеніи и соединеніи. Независимо отъ этой, такъ сказать, духовной трехъсторонней призмы, не проявляется никакое мышленіе. Въ ней одной всегда и неизбѣжно преломляется единичный и самъ по себѣ неуловимый свѣтъ ра-

зумѣнія человѣческой души. Слѣдовательно количество и качество формъ мышленія должно быть выводимо изъ предписаній внутренняго законодательства — полагать, противуполагать и соединять, или изъ законовъ тожества, противорѣчія и достаточнаго основанія.

Выведеніе формъ мышленія.

§ 43.

Нашедши основаніе для опредѣленія того, сколько и какихъ должно быть формъ мышленія, мы теперь легко можемъ вывесть ихъ. Когда разсудокъ, по предписанію закона тожества, полагаетъ что нибудь и положенное сознаетъ, какъ отожествленное множество признаковъ, не отдѣляя ни котораго изъ нихъ; тогда это простое положеніе предмета, на первой степени отожествленія (§ 35), есть безъ сомнѣнія первая форма разсудочной дѣятельности. Она состоитъ въ сознаніи многихъ признаковъ, объединенныхъ посредствомъ какого нибудь слова, и потому этимологически весьма правильно называется ***понятіемъ*** (conceptus). Потомъ, согласно съ требованіемъ закона противорѣчія, разсудокъ между возможными признаками мыслимаго предмета замѣчаетъ сходство или несходство, сообразность или несообразность, и ограничивая предметъ то тѣмъ то другимъ изъ нихъ, восходитъ на вторую степень отожествленія, то есть, мыслимому уже приписываетъ какой нибудь признакъ, который даетъ ему новый видъ. Эта вторая форма мышленія называется ***сужденіемъ*** judicium). Наконецъ, слѣдуя закону достаточнаго основанія, разсудокъ стремится утвердить свое сужденіе на какомъ нибудь подположеніи, изъ котораго оно вытекало бы само собою. Такъ какъ на этой третьей степени отожествленія мыслимаго предмета извѣстный признакъ приписывается ему не прямо, а при посредствѣ другаго признака; то мышленіе здѣсь является опять въ новой формѣ, выражающей заключеніе разсудка отъ связи основанія съ признакомъ къ связи признака съ предметомъ, и потому называется ***умозаключеніемъ*** (ratiocinium).

Такимъ образомъ общихъ формъ мышленія, вытекающихъ изъ тройственнаго числа законовъ разсудка, три: понятіе, сужденіе и умозаключеніе. Всѣ онѣ отпечатлѣны однимъ и тѣмъ же родовымъ характеромъ, то есть, всѣ служатъ способами взаимнаго соединенія признаковъ, подобно тому, какъ и предписанія всѣхъ законовъ разсудка направляются къ отожествленію предмета. Но каждая изъ нихъ имѣетъ и свои особенности, соотвѣтствующія частному характеру того закона, изъ котораго она вытекаетъ. Опредѣлить эти отличительныя черты трехъ найденныхъ формъ мышленія должна вторая часть Логики.

ГЛАВА I.

О ПОНЯТІЯХЪ.

Что называется понятіемъ?

§ 44.

Понятіе есть сознаніе многихъ признаковъ вещи, объединенныхъ ея именемъ. Такъ, напримѣръ, сознавая желтый, чрезвычайно тягучій металлъ, распускающійся въ селитреной кислотѣ и своею тяжестію въ двадцать разъ превышающій тяжесть очищенной воды, и называя такой металлъ золотомъ, я имѣю понятіе о золотѣ. Изъ этого видно, что понятіе можно имѣть — 1) только о тѣхъ вещахъ, которыя заключаютъ въ себѣ *множество признаковъ,* 2) только тогда, когда эти признаки входятъ въ наше *сознаніе,* и 3) только въ томъ случаѣ, когда они сознаются *объединенными.*

1) Предметы, либо сами въ себѣ простые, либо по крайней мѣрѣ не обнаруживающіе для насъ разнообразія своихъ свойствъ, понимаемы быть не могутъ. Если же иногда мы и составляемъ о нихъ понятіе, то не иначе, какъ примѣняя къ нимъ свойства другихъ вещей. Таковы, напримѣръ, во всѣ времена бывали человѣческія понятія о существѣ Божіемъ, которое, по своей простотѣ и неограниченности, не можетъ подлежать никакимъ ограниченіямъ со стороны силы мыслящей и слѣдовательно быть до-

ступнымъ для формъ ея мышленія ([39]). По этому-то съ философской точки зрѣнія полагается, что Богъ есть предметъ благоговѣйнаго созерцанія ума, а не логическихъ опредѣленій разсудка. Впрочемъ не только представленія идеальныя, но иногда и пріобрѣтаемыя чрезъ органы чувства, входя въ область силы мыслящей, не даютъ намъ матеріала для понятія. Таковы, напримѣръ, представленія цвѣтовъ, запаховъ, вкусовъ, звуковъ и проч. Мы сознаемъ ихъ, даже воспроизводимъ, но различить въ нихъ что нибудь, сказать, что запахъ розы, напримѣръ, таковъ или таковъ, — не можемъ ([40]).

2) Положимъ даже, что представленіе заключаетъ въ себѣ какое нибудь число признаковъ: но и тутъ оно не переходитъ въ понятіе, если съ сознаніемъ его не соединяется сознаніе того, что ему дѣйствительно принадлежатъ и какіе именно принадлежатъ признаки. Представляя, напримѣръ, книгу, носящую названіе Логики, я не понимаю ея, какъ Логики, если не сознаю, чему она учитъ и какими отличительными признаками характеризуется ея содержаніе. Подобно этому, и всякая вещь, сознаваемая конкретно, бываетъ вещію только представляемою, а не понимаемою, слѣдовательно остается еще предметомъ воззрѣнія, а не мышленія, — предметомъ темнымъ и неопредѣленнымъ, требующимъ раскрытія и ограниченій, — и къ этому-то обыкновенно направляется всякое наставленіе, имѣющее въ виду сообщить понятіе о предметѣ.

([39]) Мы составляемъ понятіе о Богѣ подъ условіемъ формъ нашего мышленія — только относительно къ его дѣйствіямъ, поколику дѣла Его входятъ въ наше сознаніе, какъ признаки Его всемогущества, премудрости, благости и проч.

([40]) Нельзя конечно сказать, что мы никакимъ образомъ не понимаемъ, напримѣръ, запаха розы. Есть у насъ понятіе о немъ; но оно принадлежитъ не мышленію разсудка, а чувству души, и, какъ болѣе непосредственное, бываетъ даже живѣе всего, понимаемаго разсудкомъ. Подобно этому, не понимая логически существа Божія, мы однакожъ болѣе или менѣе, смотря по чистотѣ души, понимаемъ Его практическимъ умомъ, — и при томъ живѣе, чѣмъ всѣ опредѣленія мыслимыхъ предметовъ. Отсюда—аналогическія выраженія: *логика чувства, логика сердца*, и проч.

3) Впрочемъ, и множество вводимыхъ въ сознаніе признаковъ чего либо, само по себѣ еще не составляетъ понятія. Въ предметѣ можно находить многое и каждую черту его сознавать отдѣльно, нисколько не имѣя о немъ понятія. Это бываетъ тогда, когда многоразличныя свойства вещи не мыслятся въ связи, не приводятся къ единству и въ сознаніи не составляютъ цѣлаго. Имѣя, напримѣръ, опредѣленныя представленія блока, рычага, винта и другихъ принадлежностей какой нибудь машины, мы еще не будемъ имѣть понятія о томъ, какъ устроена самая машина, пока въ ея построеніи не изучимъ взаимной связи тѣхъ принадлежностей. Для выраженія многихъ сознанныхъ и взаимно ограниченныхъ въ вещи признаковъ обыкновенно употребляется ея имя [41]; такъ что ея именемъ какъ бы удерживается и упрочивается понятіе о ней. Но должно замѣтить, что имя въ этомъ случаѣ есть только знакъ; означаемое же всегда мыслится, какъ связная цѣлость всего, сознаваемаго подъ именемъ.

Образованіе понятій.

§ 45.

Зная, что такое называется понятіемъ и каковы необходимыя условія его бытія въ сознаніи, мы, повидимому, можемъ теперь опредѣлить, какъ оно образуется. Правда, каждый человѣкъ, съ ранняго дѣтства, пріобрѣтаетъ множество понятій, вовсе не сознавая, какъ они пріобрѣтены. Понятія организуются независимо отъ предписаній науки, хотя сила мыслящая сознательно получаетъ представленія, — подобно тому, какъ наше тѣло организуется независимо отъ нашей воли, хотя мы сознательно принимаемъ въ себя пищу. Не смотря однакожъ на то, внимательное наблюденіе надъ дѣятельностію разсудка открываетъ намъ два

---

(41) Что имя есть только знакъ понятія, — видно изъ того, что мы не рѣдко понимаемъ вещь, не умѣя назвать ее по имени; а иногда произносимъ имя вещи, не имѣя о ней понятія.

пріема, которыми онъ составляетъ каждое понятіе. Именно: желая какое нибудь представленіе понять, онъ, въ отношеніи къ этому представленію, рѣшаетъ слѣдующіе вопросы: 1) *къ какимъ представленіямъ оно относится?* и 2) *какія между ними имѣетъ оно особенности?*

1) Если, имѣя какое нибудь представленіе, мы хотимъ перевесть его въ понятіе, то часто, сами не замѣчая, спрашиваемъ себя, на что оно походитъ, и — смотря на него то съ той, то съ другой стороны, уподобляемъ его то тѣмъ, то другимъ извѣстнымъ для насъ представленіямъ ([42]). Такъ, представляя льва, мы говоримъ, что онъ подобенъ овцѣ, лебедю, рыбѣ и проч.; потому что въ немъ, какъ и въ этихъ предметахъ, замѣчается животность. Потомъ, съ другой стороны: мы видимъ, что онъ подобенъ слону, тигру, киту и проч., потому что его, какъ и эти предметы, находимъ изумительно сильнымъ. Далѣе, взявъ во вниманіе еще иную, новую его сторону, мы усматриваемъ сходство между имъ и орломъ, гіеною, ястребомъ и проч.; потому что всѣхъ ихъ наблюденіе представляетъ намъ плотоядными. Явно, что чрезъ такое уподобленіе своего представленія другимъ представленіямъ, мы открываемъ въ немъ бо́льшее или меньшее количество признаковъ, общихъ ему съ представленіями прочихъ вещей, и по этимъ признакамъ относимъ его къ различнымъ классамъ ихъ. Но относить представленіе къ извѣстному роду представленій — по общему, свойственному всѣмъ имъ признаку, значитъ уже не представлять предметъ, а понимать его; потому что въ этомъ случаѣ онъ перестаетъ быть для насъ конкретомъ, а мыслится, какъ нѣчто, обозначаемое такими и такими признаками. Такъ, напримѣръ, льва, вслѣдствіе уподобленія его различнымъ вещамъ, мы уже не представляемъ, а мыслимъ какъ животное четвероногое, чрезвычайно сильное, плотоядное, имѣющее гриву и т. д.

([42]) Отъ этого между прочимъ происходитъ то, что первыя и раннія наши понятія бываютъ большею частію аналогическія и легко примѣняются къ поэтическому мышленію.

2) Само собою явствуетъ, что образованное такимъ способомъ понятіе о предметѣ будетъ не иное что, какъ составъ тѣхъ общихъ признаковъ предмета, по которымъ онъ мыслится сходнымъ со множествомъ другихъ предметовъ. Но должно замѣтить, что для разсудка невозможно понимать вещь вдругъ со всѣхъ ея сторонъ; потому что всякая изъ нихъ весьма разностороння и мыслится въ формахъ пространства и времени, слѣдовательно, вразсужденіи своихъ обличій, мыслится всегда преемственно. Понимая же вещь только съ одной которой либо стороны, то есть, въ отношеніи только къ одному которому либо роду представленій, онъ необходимо долженъ мыслить ее и подъ однимъ общимъ признакомъ. Послѣ сего спрашивается: какое значеніе будутъ имѣть въ его понятіи прочіе признаки? Такъ какъ этими чертами будетъ указываться не на сходство даннаго представленія съ тѣми, которыя мыслятся въ принятомъ теперь общемъ признакѣ, а на отличіе его отъ нихъ; то сіи черты, не смотря на то, что въ иномъ отношеніи онѣ были бы общими, въ настоящемъ случаѣ становятся частными ограниченіями понятія. Для объясненія этого примѣромъ, положимъ, что представленіе льва понимается подъ общимъ признакомъ животности; слѣдовательно мы теперь уподобили его овцѣ, лебедю, рыбѣ и проч. Что же будутъ значить въ томъ же самомъ понятіи — четвероногое, чрезвычайно сильное, плотоядное и проч.? — Именно то, что левъ не есть овца, потому что онъ плотояденъ, не есть рыба, потому что онъ — животное четвероногое, не есть лебедь, потому что онъ очень силенъ и т. д. Такимъ образомъ второй пріемъ разсудка при образованіи понятія состоитъ въ томъ, чтобы, мысля представленіе подъ какимъ нибудь однимъ общимъ признакомъ, другими общими же признакаии пользоваться, какъ частными, и то самое представленіе отличать ими отъ прочихъ представленій того же рода (43).

---

(43) ВъЛогикѣ, со временъ Канта, принятъ искуственный способъ образовать понятія тремя пріемами: 1) посредствомъ *сравненія* представленій, 2) посредствомъ *вниканія* въ различіе ихъ, и 3) посредствомъ *отвлеченія* всего, чѣмъ данныя представленія отличаются одно отъ другаго. Но на вниканіе надобно

Матерія и форма понятія.

§ 46.

Если всякое понятіе разсудокъ мыслитъ подъ однимъ общимъ признакомъ и ограничиваетъ его другими, въ томъ же родѣ представленій какъ бы *частными* или *отличительными*; то чрезъ это онъ указываетъ намъ въ своемъ понятіи ***форму*** и ***матерію.***

1) ***Формою*** понятія называется тотъ общій признакъ представленій, по отношенію къ которому они найдены сходными съ представленіемъ понимаемаго предмета, и подъ которымъ этотъ предметъ теперь мыслится (44). Такъ напримѣръ, если представленіе Россіянина, вслѣдствіе уподобленія его Германцу, Французу, Италіанцу и проч., мыслится подъ общимъ признакомъ Европейца и, вышедши изъ круга представленій, становится понятіемъ; то признакъ «Европеецъ» надобно почитать формою понятія (45) «Россіянинъ». Допустивъ же, что понимаемое представленіе общимъ признакомъ приводится къ одному роду со всѣми представленіями, которыя, въ отношеніи къ тому признаку, подобны между собою, и какъ бы описывается имъ, этотъ признакъ, дающій форму понятію, справедливо можно назвать

смотрѣть, какъ на предварительный способъ разложенія представленій, который предполагается самъ собою (§ 24) и направляется къ нахожденію не только различныхъ, но и подобныхъ признаковъ. А что касается до отвлеченія всего, чѣмъ различаются представленія; то я не вижу, какимъ образомъ понятіе получитъ содержаніе, если отъ представленій мы отвлечемъ всѣ различные признаки. Отвлекши разницы отъ представленій сосны, ивы и липы, можно конечно получить понятіе дерева; но это понятіе будетъ чистою формою, безъ всякой матеріи.

(44) Что такъ именно надобно разумѣть форму понятія, видно изъ самаго опредѣленія формы математической (§ 6). Всякое понятіе можно выразить уравненіемъ $A=B=(a+b+c+$ и проч). Въ этомъ уравненіи знакъ равенства есть общій признакъ, показывающій подобіе представленія A представленіямъ $a+b+c$ и проч. Но этотъ же знакъ равенства есть вмѣстѣ и математическая форма сего уравненія.

(45) Иногда подъ формою понятія разумѣютъ имя самаго представленія. Такъ напр. слово «человѣкъ» называютъ формою понятія человѣка. Но это значитъ — понятіе смѣшивать съ представленіемъ. Если человѣка мы только называемъ человѣкомъ; то это еще не ручается за понятіе о немъ. Понимаетъ его разсудокъ только тогда, когда мыслитъ его, напр. какъ существо.

также его *объемомъ.* Въ такомъ своемъ значенiи онъ долженъ показывать, что тѣ представленiя, вмѣстѣ съ понимаемымъ, находятся *въ понятiи* и, будучи чертою, внѣшно объемлющею извѣстное число ихъ, принимать видъ *внѣшней величины* (quantitas extensiva) понятiя.

2) *Матерiю* понятiя составляютъ тѣ признаки, которые, въ отношенiи къ инымъ родамъ представленiй, были бы также общими, а теперь, относясь къ уподобленнымъ представленiямъ, являются частными и, какъ частные, служатъ ограниченiями или отличительными чертами понимаемаго представленiя. Такъ напримѣръ, признаки Россiянина, что онъ живетъ между Балтiйскимъ моремъ и Восточнымъ океаномъ, что онъ принадлежитъ къ племени Славянъ, исповѣдуетъ православную христiанскую вѣру, и проч., надобно почитать матерiальными чертами понятiя о немъ; потому что онѣ заимствованы не отъ сходства Россiянина съ Германцемъ, Французомъ, Италiанцемъ и проч., а отъ сходства его съ представленiями другаго рода. Такъ какъ подобные признаки входятъ въ самый составъ понятiя и изъ всѣхъ представленiй въ его объемѣ принадлежатъ ему одному; то понятiе чрезъ нихъ и въ нихъ получаетъ свое *содержанiе,* а тѣ роды представленiй, по отношенiю къ которымъ они удерживаютъ значенiе признаковъ общихъ, заключаются уже не въ понятiи, но *подъ понятiемъ.* Напримѣръ: признакъ, что Россiянинъ есть Славянинъ, содержится въ понятiи Россiянина; а Болгаръ, Сербъ, Моравъ и проч., съ которыми онъ былъ сравниваемъ, чтобы принять черту Славянина, заключаются подъ понятiемъ «Россiянинъ». Предполагая, что такихъ признаковъ въ понятiи можетъ быть множество, и что всѣ они входятъ въ его матерiю или содержанiе,—эту матерiю или содержанiе въ Логикѣ называютъ также *внутреннею величиною* (quantitas intensiva) понятiя.

Возможныя совершенства и недостатки понятiй.

§ 47.

Нельзя думать, чтобы понятiе объ одномъ и томъ же предметѣ, не переставая быть понятiемъ, въ разсудкѣ каждаго человѣка

имѣло одинаковое достоинство. Если же понятію можно приписывать какія либо совершенства или недостатки, то показателя ихъ надобно искать безъ сомнѣнія въ томъ, какъ сознается оно разсудкомъ — 1) относительно его *формы*, 2) относительно его *матеріи* и 3) относительно *обоюдной довлѣемости ихъ*. Разсматривая понятіе въ этихъ трехъ отношеніяхъ, мы найдемъ его либо яснымъ или темнымъ, либо раздѣльнымъ или смѣшаннымъ, либо полнымъ или неполнымъ.

1) *Ясное понятіе* о предметѣ мы имѣемъ тогда, когда отличаемъ его отъ всѣхъ другихъ предметовъ, Вѣрность этого опредѣленія не подлежитъ никакому сомнѣнію: но здѣсь надобно обратить вниманіе на самый способъ отличенія. Поколику наше понятіе только ясно, мы бываемъ въ состояніи отличать его не по матеріи или заключающимся въ немъ признакамъ, а по формѣ или внѣшней величинѣ, которою объемлются содержащіяся въ немъ представленія. Такъ напримѣръ: я имѣю ясное понятіе о Логикѣ, если сознаю ее подъ общимъ признакомъ науки; равнымъ образомъ, ясно мое понятіе о домѣ, когда онъ мыслится подъ общею формою недвижимаго человѣческаго жилища. Значитъ, подъ именемъ яснаго понятія надобно разумѣть то, что какой нибудь понимаемый предметъ ясно отличается разсудкомъ отъ всѣхъ другихъ предметовъ, находящихся внѣ формы того понятія, или за общимъ его признакомъ; а представленія, заключающіяся въ самомъ этомъ признакѣ, при семъ не берутся въ разсмотрѣніе и могутъ быть вовсе не сознаваемы. Даже и самая форма, по которой понятіе бываетъ ясно и отличается только отъ внѣшнихъ представленій, въ этомъ случаѣ входитъ въ сознаніе не просто, какъ общій признакъ, но большею частію образно,—какъ чувственная схема конкретнаго ея содержанія. Посему понимать предметъ ясно есть не иное что, какъ *представлять* свое понятіе о немъ, или мыслить его, такъ сказать, воззрительно (§ 37),—въ чертахъ осязательныхъ ([46]). Отсюда само собою

([46]) По этому понятія на высшей степени ясности иногда называются *понятіями очевидными*. Очевидность ихъ состоитъ безъ сомнѣнія не въ чемъ иномъ, какъ въ живомъ представленіи ихъ подъ извѣстною схемою.

явствуетъ, какія понятія и въ какихъ случаяхъ должны быть темны. Мы имѣемъ *темное понятіе* о предметѣ, если не отличаемъ его отъ всѣхъ другихъ предметовъ. А это бываетъ тогда, когда не ясно представляется намъ форма понятія о немъ, и происходитъ иногда отъ крайней отвлеченности самой формы, либо отъ непривычки разсудка отвлеченно мыслить, а иногда — отъ того, что вниманіе слишкомъ сосредоточивается въ содержаніи понимаемаго предмета (§ 21).

2) ***Раздѣльное понятіе*** мы имѣемъ тогда, когда бываемъ въ состояніи дать себѣ отчетъ въ его содержаніи, то есть, въ количествѣ и качествѣ ограничительныхъ его признаковъ (§ 45). Кто, при мысли о какой нибудь вещи, не довольствуется представленіемъ ея подъ общимъ признакомъ, но исчерпываетъ ея матерію и перечисляетъ ея свойства; тотъ разсматриваемую вещь понимаетъ раздѣльно. Можно, напримѣръ, имѣть ясное понятіе о Невѣ, мысля ее подъ формою рѣки: но раздѣльно понимаютъ ее только тогда, когда берутъ въ разсмотрѣніе топографичискіе, физическіе и гидравлическіе ея признаки. Ясно сознаваемый общій признакъ въ раздѣльномъ понятіи служитъ единственно предѣломъ, въ которомъ разсудокъ сосредоточиваетъ свое пониманіе, или свѣточью, которая обращена уже не къ внѣшней, а ко внутренней сторонѣ понятія, чтобы тѣмъ подробнѣе могло быть разобрано его содержаніе. По этому, раздѣльно понимать предметъ есть не иное что, какъ *разлагать* понятіе о немъ. Но бываетъ, что при разложеніи понятія мы не точно и не опредѣленно мыслимъ его свойства: въ такомъ случаѣ наше понятіе называется смѣшаннымъ. *Смѣшанное понятіе* приписывается разсудку, если онъ, не довольно различивъ заключающіеся въ немъ признаки, принимаетъ ихъ одни вмѣсто другихъ, или сливаетъ одни съ другими ([47]).

([47]) Надобно замѣтить, что въ раздѣльномъ понятіи всегда должно быть нѣчто смѣшанное; потому что, при разложеніи представленія, разсудокъ никогда не въ состояніи различить всѣ его признаки и совершенно уничтожить его конкретность (§25). Отъ этого такъ называемое *понятіе подробное*, которое почитаютъ высшею степенью раздѣльнаго, имѣетъ значеніе только относительное.

3) ***Полнымъ понятіемъ*** называется то, въ которомъ раздѣльно сознается полная сумма признаковъ, общихъ всѣмъ, могущимъ содержаться подъ нимъ представленіямъ, или въ которомъ понимаемое представленіе мыслится въ отношеніи ко всѣмъ возможнымъ родамъ вещей и такимъ образомъ является въ полномъ составѣ общихъ признаковъ, полученныхъ чрезъ сравненіе его съ тѣми вещами (§46). Только подъ условіемъ этой окончательной полноты, понятіе должно заключать въ себѣ признаки внутренно соединенными и находящимися въ существенномъ взаимоотношеніи; потому что, гдѣ недостаетъ чего либо для полноты цѣлаго, тамъ не можетъ быть ни надлежащей связи и единства между частями, ни всесторонняго ограниченія вещи въ понятіи о ней, слѣдовательно тамъ форма всегда будетъ обширнѣе, чѣмъ какою надлежало бы ей быть, по составу матеріальныхъ признаковъ. Но довести понятіе до совершенной полноты его содержанія значило бы отожествить его съ сущностію предмета; въ такомъ же случаѣ оно было бы уже не понятіемъ, а идеею (§ 14, 15). Поэтому мысль о предметѣ приближать къ значенію понятія полнаго есть не иное что, какъ *идеализировать* ее. Само собою разумѣется, что идеальная полнота понятія есть только требованіе ума, которое осуществить разсудокъ никогда не въ состояніи. Всѣ наши понятія, по содержанію, больше или меньше неполны. ***Неполнымъ понятіемъ*** называется то, въ содержаніи котораго недостаетъ какихъ либо, существенно принадлежащихъ ему признаковъ, и которое по этому всегда имѣетъ значеніе, относительное къ разсудку извѣстнаго человѣка ([48]).

Измѣняемость понятій.

§ 48.

Выше было найдено (§ 46), что всякое понятіе, и по формѣ и по матеріи, есть величина; но всякая величина можетъ измѣ-

---

([48]) Согласно съ этимъ, къ понятіямъ неполнымъ по справедливости можно отнесть *понятія поверхностныя*, въ содержаніи которыхъ мыслятся большею частію признаки случайные; а поверхностнымъ надобно противуполагать *понятія основательныя*, ограниченныя признаками существенными.

няться; слѣдовательно и понятіе иногда должно подлежать измѣненіямъ. Измѣненіе его обыкновенно происходитъ отъ того, что измѣняется въ немъ либо *форма*, либо *матерія*. Матерія понятія измѣнится, когда къ понятію мы присоединимъ какой нибудь новый признакъ, или выпустимъ одинъ изъ тѣхъ, которые въ немъ уже есть. Напримѣръ: подъ именемъ движенія разумѣется постоянная перемѣна мѣста. Если въ этомъ понятіи мы выпустимъ признакъ «мѣста», или прибавимъ къ нему признакъ «съ сознаніемъ»; то понятое нами движеніе измѣнится; потому что постоянную перемѣну, напримѣръ—термометра, въ прямомъ смыслѣ нельзя почитать движеніемъ, равно какъ постоянная перемѣна мѣста съ сознаніемъ свойственна только существу разумному. Тоже будетъ, когда, не прибавляя и не убавляя признаковъ, мы измѣнимъ только форму понятія. Въ вышеприведенномъ примѣрѣ общій признакъ, подъ которымъ мыслится движеніе, есть «перемѣна», а частныя, ограничивающія его черты суть «постоянный» и «мѣсто». Замѣнимъ признакъ «перемѣна» признакомъ «мѣсто», и выйдетъ: мѣсто постоянной перемѣны, то есть,—совсѣмъ другая форма, которою движеніе опредѣляться уже не можетъ. Это замѣчаніе приводитъ насъ къ раскрытію правилъ, руководствуясь коими, можно дать понятію, по усмотрѣнію, то или другое содержаніе и заключающіяся въ немъ черты мыслить въ томъ или другомъ объемѣ. Правила, касающіяся измѣненія формы или объема понятій, называются *законами родотворенія* и *видотворенія*; а тѣ, которыми разсудокъ управляется въ измѣненіи матеріи или содержанія понятій, извѣстны подъ именемъ *законовъ отвлеченія* и *ограниченія*.

Отвлеченіе и ограниченіе понятій.

§ 49.

Разсудокъ, подобно генію языка, изъ коренныхъ словъ извлекающему производныя, составивъ какое нибудь количество понятій, имѣетъ средство въ содержаніи ихъ найти матеріалъ и образовать изъ него новыя понятія. Это средство есть *отвлеченіе* и *ограниченіе* того, что уже понято.

1) *Отвлеченіе понятія* есть разсматриваніе его отдѣльно отъ всѣхъ тѣхъ понятій, которымъ оно принадлежитъ какъ признакъ. Положимъ, напримѣръ, что у насъ готовы понятія: бѣлая бумага, бѣлая ткань, бѣлое платье и т. п., и мы хотѣли бы мыслить бѣлое не въ бумагѣ, ткани или платьѣ, а само по себѣ, чтобы лучше войти въ его значеніе. Въ такомъ случаѣ разсудокъ выводитъ этотъ признакъ изъ всѣхъ упомянутыхъ понятій и получаетъ новое понятіе «бѣлизна», которое будетъ уже понятіемъ отвлеченнымъ. Потомъ, если бѣлизну мы поймемъ такъ, что это суть слитые цвѣта радуги, и въ соотношеніе съ нашимъ понятіемъ поставивъ готовыя также понятія: слитыя воды рѣкъ, слитые куски цинка, слитыя тѣни красокъ, и т. п., захотимъ опять слитое мыслить отдѣльно; то выведемъ этотъ признакъ изъ всѣхъ тѣхъ понятій и будемъ имѣть еще новое понятіе — «слитность» или «сліяніе», которое равнымъ образомъ надобно почитать понятіемъ отвлеченнымъ. Найденныя понятія «бѣлизна» и «сліяніе», не смотря на то, что они образованы только чрезъ измѣненіе понятій уже готовыхъ, суть дѣйствительно понятія новыя — какъ по матеріи, такъ и по формѣ. Само собою разумѣется, что отвлекать можно только отъ понятій; потому что въ понятіи лишь разсудокъ сознаетъ многоразличіе взаимно соединенныхъ признаковъ (§ 44). Выходя изъ этой сложности мыслимаго, онъ, чрезъ отвлеченіе, какъ бы постепенно отрѣшается отъ всего матеріальнаго и направляется къ нахожденію существъ простыхъ, идеальныхъ; но его простыя существа, въ формахъ пространства и времени, суть не болѣе, какъ *существа онтологическія*, которыя наконецъ, ничего не имѣя въ себѣ, все содержутъ подъ собою, и въ области разсудка носятся, какъ чистые объемы, подобные Фихтеву *Я*, или Платоновой матеріи — *τῇ ἀποδοχῇ πάντων τῶν χρημάτων*.

2) *Ограниченіе понятія* есть соединеніе его съ другими понятіями, которыя служатъ или могутъ служить его признаками. Возмемъ, напримѣръ, понятіе «человѣкъ», какъ одно само по себѣ, и будемъ разсматривать его между множествомъ иныхъ, готовыхъ уже понятій, какъ то, между добротою, образованностію,

ученостію, благочестіемъ и т. п. Придавая человѣку эти понятія, какъ признаки, мы получимъ столько ограниченныхъ понятій, сколько придадимъ ему признаковъ, то есть, будемъ имѣть понятія: добрый человѣкъ, образованный человѣкъ, ученый человѣкъ, благочестивый человѣкъ и т. д. Каждое изъ этихъ ограниченій можетъ быть потомъ опять ограничиваемо. Такъ напримѣръ — понятіе: «человѣкъ ученый» я могу ограничивать понятіями: Химія, Физика, Богословіе и т. д., и получу много еще тѣснѣе ограниченныхъ понятій, каковы: физикъ, химикъ, богословъ и т. д. Всѣ эти понятія, хотя суть не иное что, какъ измѣненія прежнихъ, уже готовыхъ понятій; однакожъ ихъ надобно почитать новыми: потому что отъ коренныхъ своихъ понятій они отличаются и формою и матеріею. Не трудно замѣтить, что чрезъ дѣйствіе ограниченія разсудокъ стремится качествовать свои понятія и наконецъ достигаетъ до чего-то опредѣленнаго, то есть, получаетъ понятіе какъ бы *со всѣхъ сторонъ овеществленное*. Но это вполнѣ ограниченное понятіе далеко не тожественно ни съ умственною ни съ чувственною недѣлимостію предмета; потому что вещи никогда не могутъ быть раскрыты во всѣхъ ихъ разницахъ, а слѣдовательно и ограниченіе понятія о нихъ никогда не дойдетъ до полноты ихъ конкрета. Въ противномъ случаѣ предметъ мыслимый пересталъ бы быть мыслимымъ, и изъ области разсудка перешелъ бы въ область ума и чувства.

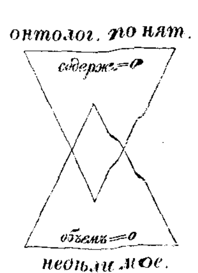
Законъ отвлеченія и ограниченія понятій.

§ 50.

Разсмотрѣвъ движеніе понятія, производимое дѣйствіемъ отвлеченія и ограниченія, мы теперь въ состояніи судить, какъ должно измѣниться понятіе и по формѣ и по содержанію, если, посредствомъ этихъ пріемовъ, оно подвергается измѣненію только въ своемъ содержаніи. Прибавимъ къ его содержанію новый признакъ, — чрезъ это число признаковъ въ немъ очевидно увеличится, слѣдовательно содержаніе выйдетъ больше. Но такъ какъ прибавленный признакъ долженъ вмѣстѣ и ограничивать

понятіе; то прибавка его не можетъ не произвесть перемѣны и въ самомъ объемѣ понятія; потому что, будучи ограничиваемо, оно по необходимости становится тѣснѣе со стороны общаго своего признака. Взявъ, напримѣръ, понятіе «человѣкъ», мы разумѣемъ подъ нимъ всѣхъ людей; а какъ скоро человѣка ограничиваемъ понятіемъ «доброта» и получаемъ понятіе «добрый человѣкъ», то мыслимъ уже не всѣхъ, а нѣкоторыхъ людей. Тоже будетъ и наоборотъ: какъ скоро признакъ въ понятіи отбрасывается, — число признаковъ, а слѣдовательно и содержаніе понятія уменьшается. Поколику же содержаніе его уменьшается, — вмѣстѣ съ тѣмъ меньше остается и ограниченій его объема, а потому объемъ его становится обширнѣе. Напримѣръ, подъ понятіемъ плотоядныхъ животныхъ разумѣются животныя, питающіяся плотію. Но если отъ этого понятія мы отбросимъ ограниченіе «плотоядный»; то останется просто животное, подъ которымъ мыслятся всѣ живущія на землѣ существа. Изъ этой обоесторонней зависимости отвлеченія и ограниченія понятій проистекаетъ логическій законъ, опредѣляющій взаимное отношеніе объема и содержанія ихъ; именно: *чѣмъ больше объемъ понятія, тѣмъ меньше его содержаніе; а чѣмъ больше — въ содержаніи понятія, тѣмъ меньше его объемъ*. Если бы, то есть, объемъ мы положили равнымъ нулю; то содержаніе превратилось бы либо въ недѣлимое — предметъ чувства, либо въ сущность — предметъ ума. А когда, на высшей степени отвлеченія, содержаніе стало бы нулемъ; — мыслимое сдѣлалось бы понятіемъ онтологическимъ (49). Изъ этого закона вытекаютъ слѣдующія заключенія:

(49) Отсюда видно, что понятіе развивается — во первыхъ, какъ бы сверху внизъ, въ видѣ пирамиды; — и это есть расширеніе матеріальное, производимое чрезъ ограниченіе понятія. Пирамидально также растетъ оно и тогда, когда идетъ путемъ отвлеченія, снизу вверхъ; только тутъ бываетъ расширеніе идеальное, — пирамида основаніемъ обращается вверхъ. Въ первомъ случаѣ понятіе приближается къ недѣлимому, а въ послѣднемъ — къ бытію онтологическому.

1) Если даны два понятія: одно высшее, другое низшее, какъ, напримѣръ, поверхность, подлежащая двумъ измѣреніямъ, и фигура, или всестороннее ограниченіе поверхности; то а) низшее понятіе имѣетъ бо̀льшее содержаніе, а высшее— меньшее, и наоборотъ: — имѣющее большее содержаніе есть низшее, а заключающее въ себѣ меньшее содержаніе — высшее; b) низшее понятіе имѣетъ меньшій объемъ, а высшее—большій, и на оборотъ: имѣющее меньшій объемъ есть низшее, а описываемое большимъ объемомъ — высшее.

2) Признакъ составляетъ часть понятія, которое ограничивается имъ; такъ что его содержаніе переходитъ все въ содержаніе понятія (§ 45). Поэтому а) что заключается въ содержаніи признака, то заключается и въ содержаніи понятія. Напримѣръ: если подъ именемъ фигуры (признакъ) я разумѣю пространство, со всѣхъ сторонъ ограниченное линіями; то и подъ именемъ треугольника (понятіе) должно разумѣть тоже самое. b) Чего нѣтъ въ содержаніи понятія, того не можетъ быть и въ содержаніи признака. Напримѣръ: въ понятіе треугольника не входитъ ограниченіе «испаряющійся»; слѣдовательно его нѣтъ и въ понятіи фигуры.

3) Такъ какъ всякій признакъ понятія, будучи общимъ (§ 45), по объему обширнѣе, чѣмъ самое понятіе, которое имъ ограничивается; то признаку необходимо господствовать надъ понятіемъ, или быть выше его. Поэтому а) что входитъ въ объемъ понятія, то должно входить и въ объемъ признака, въ которомъ понятіе заключается со всѣмъ, что ему подчинено (§ 46). Напримѣръ: понятія — тупоугольный, остроугольный и прямоугольный треугольникъ—заключаются въ понятіи треугольника, слѣдовательно заключаются и въ его признакѣ — фигурѣ. b) Напротивъ, что не заключается въ объемѣ признака, который есть понятіе обширнѣйшее, то еще менѣе можетъ заключаться въ объемѣ понятія, который всегда тѣснѣе перваго. Напримѣръ: понятія—«пирамида» и «шаръ» не заключаются въ объемѣ фигуры (пространства со всѣхъ сторонъ ограниченнаго линіями); слѣдовательно еще менѣе заключаются они въ понятіи треугольника.

Родотворенiе и видотворенiе понятiй.

§ 51.

При родотворенiи и видотворенiи понятiй разсудокъ также не иное что дѣлаетъ, какъ отвлекаетъ и ограничиваетъ: но въ этомъ случаѣ онъ имѣетъ въ виду не содержанiе понятiя, а объемъ его.

Во всякомъ понятiи, какъ мы видѣли (§ 45), есть признаки общiе, изъ которыхъ одинъ служитъ его объемомъ, а прочiе — ограниченiями или содержанiемъ (§ 46). Помня, что общимъ признакомъ обыкновенно бываетъ тотъ, по которому понимаемый предметъ сходенъ со многими другими предметами, мы можемъ назвать его также *отличiемъ родовымъ* (differentia generica). А зная, что ограничительный признакъ понимаемую вещь отличаетъ отъ другихъ вещей, можно, по отношенiю къ отличiю родовому, назвать его *отличiемъ видовымъ* (differentia specifica). Такъ напримѣръ, животность принадлежитъ птицѣ, какъ отличiе родовое, а пернатость приписывается ей въ значенiи черты видовой. Положивъ это, мы легко поймемъ, что такое — родотворенiе и видотворенiе. ***Родотворенiе*** есть отвлеченiе отъ понятiя ограничительной, принадлежащей ему черты или какого либо видоваго отличiя, чрезъ что понятiе умаляется въ своемъ содержанiи и мыслится общимъ по формѣ. Возмемъ, напримѣръ, понятiе — «животное водяное» и отвлечемъ отъ него видовой его признакъ «дышанiе жабрами»: чрезъ это мы, вмѣсто животнаго водянаго, тотчасъ получимъ просто «животное», то есть, вмѣсто понятiя видоваго, будемъ имѣть *родовое*. Напротивъ *видотворенiе* есть ограниченiе понятiя какимъ нибудь видовымъ отличiемъ, чрезъ что понятiю дается бóльшее содержанiе и тѣснѣе ограничивается его объемъ. Пусть будетъ напримѣръ, родовое понятiе «камень». Ограничимъ его содержанiе видовою разницею «чистый углеродъ въ видѣ зерна» — и получимъ «алмазъ», то есть, вмѣсто понятiя родоваго, будемъ имѣть *видовое* ([50]).

([50]) Надобно замѣтить, что видовыя разницы, какъ признаки, въ другихъ отношенiяхъ общiе, а въ отношенiи къ понимаемому предмету частные, находятся *въ понятiи*: напротивъ виды всегда мыслятся *подъ понятiемъ* (§ 46).

Перешедши такимъ образомъ отъ рода къ виду, мы замѣчаемъ, что найденный нами видъ можетъ снова содержать подъ собою сколько нибудь вещей, означенныхъ въ понятіи извѣстными разницами, слѣдовательно можетъ снова ограничиваться ими и переходить къ значенію вида низшаго. Вообще, — показанному дѣйствію видотворенія естественно продолжаться до тѣхъ поръ, пока разсудокъ не дойдетъ до недѣлимыхъ, подъ которыми ничего уже не содержится. Находя же возможнымъ движеніе понятія отъ самаго высшаго рода до самаго низшаго вида, подъ которымъ содержутся недѣлимыя, и на оборотъ, мы видимъ въ этомъ руководствѣ начало и форму для классификаціи мыслимыхъ нами предметовъ; потому что *классификація* мыслимаго есть расположеніе родовъ и видовъ по порядку и зависимости родовыхъ и видовыхъ отличій. Имѣя способность ограничивать понятія частными признаками и отвлекать отъ нихъ частные признаки, сила мыслящая чрезъ это устанавливаетъ, либо открываетъ установленное законами природы отношеніе ([51]) вещей, опредѣляющееся то сходствомъ ихъ, то различіемъ. Соединяя этимъ способомъ сходныя недѣлимыя, она образуетъ видъ; соединяя общею чертою виды, мыслитъ родъ; соединяя такимъ же образомъ роды, описываетъ семейство или порядокъ; а соединяя семейства, получаетъ цѣлый классъ предметовъ.

Законы родотворенія и видотворенія.

§ 52.

Излагая понятія о родотвореніи и видотвореніи, Логика всю дѣятельность разсудка въ этомъ отношеніи опредѣляетъ слѣдующими законами:

1) Чтобы найти родъ, подъ которымъ содержались бы извѣстные виды, надобно предполагать, что понятія силы мыслящей,

---

([51]) Отсюда классификація раздѣляется на *искуственную* и *естественную*. Первая опредѣляется только законами мышленія, и имѣетъ характеръ чисто логическій; а послѣдняя развивается согласно съ указаніями законовъ природы, и есть предметъ изслѣдованія наукъ естественныхъ.

при всемъ ихъ различіи, въ какомъ нибудь отношеніи непремѣнно сходны между собою, и слѣдовательно могутъ заключаться въ общемъ объемѣ. Это начало *сходства* или *однородности* (principium homogeneitatis) называется *закономъ родотворенія*.

2) Чтобы найти виды, которые содержались бы подъ извѣстнымъ родомъ, надобно допустить, что понятія разсудка, при всемъ ихъ сходствѣ, въ извѣстномъ отношеніи непремѣнно несходны, и слѣдовательно могутъ быть ограничиваемы какими нибудь отличительными чертами. Это начало ***несходства*** или ***инородности*** (principium heterogeneitatis) есть ***законъ видотворенія.***

3) Но такъ какъ приведенныя начала взаимно противуположны; то между ними всегда можно требовать чего нибудь посредствующаго, или основанія взаимнаго ихъ отношенія, то есть, всегда позволительно предполагать, что между каждою парою высшаго и низшаго понятія, можетъ имѣть мѣсто понятіе частію сходное съ ними, частію отличное отъ нихъ, каково, напримѣръ, понятіе «птица» между понятіями «животное» и «орелъ». Это правило называется началомъ *непрерывности* (principium continuitatis) родовъ и видовъ, и есть не иное что, какъ *законъ классификаціи* ([52]). Нарушеніе же его, то есть, опущеніе какихъ нибудь посредствующихъ понятій между родами и видами, извѣстно въ Логикѣ подъ именемъ *скачка* (saltus).

([52]) Предписанія законовъ родотворенія, видотворенія и классификаціи можно объяснить представляемою здѣсь схемою. Въ ней *Д* есть сфера недѣлимыхъ—*Да, Дб, Дг, Дд*. Эти недѣлимыя—таковы, что *а, б, г, д* суть ихъ разницы, а *Д* —общій признакъ. Посему, отвлекши первыя отъ послѣдняго, мы въ послѣднемъ получимъ общій объемъ *Д*. Но разсматривая этотъ объемъ въ немъ самомъ, мы находимъ, что онъ $=$ ***Dd***, гдѣ *d* есть видовое отличіе, а ***D*** — признакъ родовой, по которому онъ сходенъ со всѣми другими предметами ***Da, Db, Dg***. Отвлекаю опять отъ ***D*** видовое его отличіе *d*, и нахожу ***D***, и т. д.

Логическое начало различія понятій по внутреннему ихъ значенію, или выводъ категорій.

§ 53.

Доселѣ мы разсматривали понятіе вообще, какъ произведеніе разсудка или извѣстную форму его мышленія, не обращая вниманія на различныя значенія матеріаловъ, изъ которыхъ оно производится. Намъ напередъ надлежало знать, какимъ образомъ разсудокъ составляетъ понятія, измѣняетъ и усовершаетъ ихъ, каковыми бы ни представлялись матеріальныя стихіи, которыми онъ въ этой своей дѣятельности долженъ пользоваться, лишь бы только въ нихъ не было недостатка. Но получивъ это познаніе, мы теперь обязаны войти въ самое значеніе составляемыхъ разсудкомъ понятій, слѣдовательно разсмотрѣть ихъ въ зависимости не отъ силы мыслящей, а отъ рода и взаимоограниченія тѣхъ матеріаловъ, изъ которыхъ они составлены; и если съ этой стороны замѣтимъ различіе между ними,—обязаны отъискать основаніе для различенія и классификаціи ихъ.

Выше было найдено (§ 18), что разсудокъ, получая матеріалы мышленія изъ міра внѣшняго и внутренняго, созидаетъ себѣ изъ нихъ особый міръ мыслимый, въ которомъ нѣтъ ни явленій ни сущностей, а есть только мысли о явленіяхъ и сущностяхъ, или *предметы мыслимые*, населяющіе пространство и время. Если этихъ предметовъ много, то они безъ сомнѣнія должны чѣмъ нибудь различаться между собою. Но съ другой стороны,—если всѣ они характеризуются только одною чертою мыслимости, то между ними нѣтъ никакого различія. Въ такомъ затрудненіи, Логикѣ, по видимому, ничего больше не остается, какъ обращаться къ представленіямъ и различіе предметовъ мыслимыхъ характеризовать именнымъ различіемъ представленій, переносимыхъ въ формы умственнаго и чувственнаго воззрѣнія изъ умственнаго и чувственнаго міра, то есть, полагать мысли о Богѣ, о человѣкѣ, о землѣ, о небѣ, о планетѣ, и т. д.—до безконечности. Но тутъ открывается другая противуположная крайность, проявляющая столько же затрудненій, какъ и первая. Опредѣляя различіе мы-

слимаго различіемъ представленій, разсудокъ долженъ потеряться въ этомъ безбрежномъ морѣ мыслей; особенно же видя, что въ мыслимомъ представленія его мыслятся не отдѣльно, а во взаимномъ соединеніи, онъ долженъ блуждать по неисходимому лабиринту ихъ. Чтобы выйти изъ этого лабиринта мыслей, Аріадиной нитью для разсудка можетъ служить только *анализъ мыслимаго*. Это — единственная мѣра, подручная ему и приложимая къ его цѣли; потому что, разложивъ мыслимое на его начала, она приведетъ не къ представленіямъ недѣлимыхъ, а къ общимъ стихіямъ всего мыслимаго, изъ которыхъ состоятъ самыя представленія, и покажетъ не отличительныя черты вещей, а родовыя разницы ихъ въ мыслимомъ.

Разлагая мыслимое на его начала, мы находимъ въ немъ—во первыхъ то, *что мыслится*, то есть, представленіе и его признаки, во вторыхъ то, *какъ что мыслится*, то есть, взаимноограниченіе представленія и его признаковъ. О чемъ бы мы ни мыслили,—въ нашемъ мыслимомъ чисто логически нельзя открыть ничего, кромѣ этого; потому что тутъ—все понятіе, съ его матеріею и формою. Надобно замѣтить однакожъ, что эти стихіи логическаго произведенія и въ свою очередь не чужды ограниченій [потому что всякое представленіе конкретно ограничено признаками (§ 24), признаки же состоятъ опять изъ признаковъ (§ 25)] и вмѣстѣ весьма неопредѣлимы (потому что не мыслятся ни подъ какими объемами или формами, между тѣмъ какъ въ мыслимомъ это—главное). Явно, что здѣсь встрѣчается новое затрудненіе; но оно уже таково, что Логика, сама по себѣ, имѣетъ средство преодолѣть его, и это средство находитъ въ законахъ отвлеченія понятій. Въ самомъ дѣлѣ, ту и другую изъ найденныхъ нами стихій мыслимаго разсматривая, какъ представленіе, конкретно ограниченное признаками, мы можемъ сравнивать его съ другими представленіями и, отвлекая отъ нихъ черты ограничительныя, восходить къ общему ихъ признаку. Сдѣлаемъ этотъ опытъ надъ тѣмъ, что найдено нами въ мыслимомъ.

1) То, что мыслится, есть не болѣе, какъ сумма признаковъ въ представленіи вещи міра внѣшняго и внутренняго. Эти

признаки—таковы, что по однимъ изъ нихъ извѣстныя вещи различны между собою, по другимъ – сходны. По этому, отвлекши первые, мы получимъ порядки вещей сходныхъ, то есть, мыслимыхъ подъ общими признаками. Потомъ и между этими вещами, пока въ нихъ имѣется какое нибудь содержаніе, разсудокъ будетъ находить разницы и отвлекать ихъ до тѣхъ поръ, пока всѣ вещи не соединятся подъ однимъ общимъ признакомъ существованія или *бытія*. Дальнѣйшее отвлеченіе уже невозможно; потому что въ бытіи отвлекать нечего,—и бытіе остается высшимъ или крайнимъ объемомъ того, что мыслится.

2) Другая стихія мыслимаго,—какъ что либо мыслится,—сама собою указываетъ на возможность многоразличной связи между представленіемъ и его признаками. Ею, какъ мы замѣтили, отличаются не только понятія отъ сужденій и умозаключеній (§ 43), но и понятія отъ понятій (§ 47). Устранить эти разницы, формальной стороны мыслимаго и дойти до формы общей можно опять не иначе, какъ чрезъ отвлеченіе. Мы видѣли (§ 50), что отвлекая признаки въ содержаніи понятія, разсудокъ чрезъ то самое необходимо расширяетъ его объемъ; а это и есть отвлеченіе разницъ взаимоограниченія. И такъ, когда сила мыслящая, имѣя дѣло съ содержаніемъ мыслимаго, отвлекаетъ отъ него признаки за признаками и наконецъ достигаетъ до чистаго бытія,—въ то же самое время и чрезъ ту же дѣятельность развиваетъ она форму мыслимаго и дѣлаетъ ее чистымъ *отношеніемъ*.

Такимъ образомъ бытіе и отношеніе суть крайніе предѣлы, которыми на пути отвлеченія мыслимаго ограничивается дѣятельность разсудка, - суть первыя, необходимыя и неразлучныя начала различія всѣхъ мыслимыхъ предметовъ по внутреннему ихъ значенію. Что эти объемы—дѣйствительно *первыя начала*,—разсудокъ удостовѣряется въ томъ ими же самими; потому что не находитъ въ нихъ никакого содержанія, отъ котораго можно было бы что нибудь отвлечь и чрезъ то поставить ихъ подъ какой нибудь высшій признакъ. Что эти объемы суть *начала необходимыя*,—явствуетъ изъ составныхъ стихій мыслимаго, которыя—таковы, что безъ нихъ мыслимое не мыслится. Что это объемы

суть *начала неразлучныя*, — видно изъ необходимости полагать одно изъ нихъ только при другомъ; потому что бытіе безъ отношенія, которое дѣлитъ его само на себя, было бы единицею безъ количества, слѣдовательно чѣмъ-то немыслимымъ; а отношеніе безъ бытія представлялось бы количествомъ безъ единицы, стало быть опять чѣмъ-то немыслимымъ. Но что эти объемы надобно почитать *началами различія* предметовъ мыслимыхъ по внутреннему ихъ значенію, — откроется изъ того, что ограничивая ихъ безконечно многими, содержащимися подъ ними разницами (§ 46), 49), можно въ области разсудка логически воспроизвесть весь міръ существъ мыслимыхъ.

Если же найденныя начала, то есть, бытіе и отношеніе, въ самомъ дѣлѣ таковы, какими мы нашли ихъ; то они суть не иное что, какъ категоріи. *Категоріями* (*κατηγορίαι*, ([53]) *λόγοι, καθολικοὶ*) называются высшіе предикаты или послѣдніе ([54]) объемы, которыми разсудокъ опредѣляетъ всѣ свои понятія. Были философы, почитавшіе ихъ формами разсудка à priori ([55]), такъ какъ бы по нимъ можно было мыслить о вещахъ, не заимствуя ничего отъ

([53]) *Κατηγορεῖν*, по коренному значенію, есть слово судебное, соотвѣтствующее русскому слову «обвинять» то есть, приписывать лицу или вещи извѣстное качество либо дѣйствіе. Но у Грековъ еще Аристотель сталъ употреблять его въ смыслѣ всеобщаго предиката (*τὸ κοινῇ κατηγορούμενον*) и такихъ предикатовъ нашелъ десять: *οὐσία, ποσόν, ποιόν, πρός τι, ποῦ, πότε, κεῖσθαι ἔχειν ποιεῖν, πάσχειν.*

([54]) Слово «категорія» иногда употребляютъ въ смыслѣ и не послѣдняго объема, разумѣя подъ нимъ предикатъ, высшій только по отношенію къ извѣстному понятію, а не ко всѣмъ возможнымъ Напримѣръ: эта книга относится къ категоріи книгъ филолофскихъ.

([55]) Въ этомъ смыслѣ принималъ категоріи Кантъ. Его таблица категорій и доселѣ еще употребляется въ Логикѣ, хотя она не чужда нѣкоторыхъ важныхъ недостатковъ. Изъ нихъ особенно замѣтенъ тотъ, что какое бы понятіе мы ни взяли, — оно въ разныхъ отношеніяхъ можетъ быть подведено подъ всѣ категоріи. Въ Кантовой таблицѣ категоріями почитаются слѣдующіе объемы:

К. *Количества,*	*Качества,*	*Отношенія,*	*Модальности.*
Единство,	Положеніе,	Субстанціальность,	Возможность.
Множество,	Отрицаніе,	Причинность,	Дѣйствительность.
Всеобщность	Ограниченіе.	Взаимодѣйствіе.	Необходимость.

вещей. Но мы видѣли (§ 28), что никакое мышленіе не можетъ быть дѣятельностію чисто апріорическою, и нашли также (§ 18), что сила мыслящая, независимо отъ вліянія ума и чувства, въ себѣ и отъ себя не имѣетъ ничего, что доставляло бы ей матеріалъ для мышленія. Правда, разсудокъ самодѣятельно достигаетъ до высшихъ предикатовъ или категорій: но для этого ему необходимо прибѣгать къ отвлеченію; а отвлеченіе необходимо требуетъ матеріи.

Подведеніе понятій подъ найденныя категоріи бытія и отношенія.

§ 54.

Разлагая мыслимое, мы нашли въ немъ двѣ стихіи и, чрезъ отвлеченіе разницъ въ томъ, что мыслится, возвели ихъ къ высшимъ предикатамъ или категоріямъ—бытію и отношенію. Но всякое понятіе, разсматриваемое въ единствѣ своего содержанія и формы, есть не иное что, какъ мыслимое. Слѣдовательно всякое понятіе, по видимому, должно содержаться подъ обѣими этими категоріями. Если же такъ; то найденныя нами категоріи могутъ ли быть прилагаемы къ различенію понятій?—Очевидно не могутъ. Да онѣ и найдены не для того, чтобы прилагать ихъ къ различенію понятій, а для того, что разсудокъ только подъ нихъ въ состояніи подводить различаемыя понятія. Бытіе и отношеніе, какъ объемы безъ содержанія, суть чистыя произведенія разсудка, между тѣмъ какъ мы признали уже необходимымъ различать понятія по внутреннему ихъ значенію, слѣдовательно въ зависимости не отъ разсудка, а отъ самой матеріи понятій (§ 53). И такъ разсмотримъ, какую матеріальную особенность должно заключать въ себѣ понятіе, чтобы оно сознаваемо было подъ категоріею бытія, а не отношенія, и чѣмъ должно отличаться его содержаніе, чтобы въ сознаніи оно подходило подъ категорію отношенія, а не бытія.

Мы видѣли (§ 45), что каждое понятіе заключаетъ въ себѣ множество общихъ признаковъ, но мыслится только подъ однимъ изъ нихъ. Этотъ одинъ признакъ, составляющій форму понятія, либо таковъ, что можетъ быть приписанъ понятію, либо таковъ, что

не можетъ быть не приписанъ ему. Такъ, напримѣръ, человѣка я могу мыслить ученымъ, однакожъ мыслю его и безъ учености; напротивъ художникъ безъ художества никакъ не мыслится. Отсюда понятія по формѣ бываютъ двухъ родовъ: одни — синтетическія, другія—аналитическія. *Синтетическое понятіе* есть то, которое ограничивается извѣстнымъ признакомъ—не потому, чтобы онъ необходимо принадлежалъ этому понятію, а потому, что оно поставляется въ связь съ другими понятіями, мыслимыми подъ тѣмъ признакомъ ([56]). Такъ, напримѣръ сочиненіе почитается плодомъ ума, поколику оно сравнивается съ плодами другихъ различныхъ предметовъ. Напротивъ *понятіе аналитическое* есть то, которому приписываемый признакъ принадлежитъ независимо ни отъ какихъ иныхъ понятій, и необходимо долженъ принадлежать, чтобы оно было этимъ самымъ понятіемъ. Такъ, напримѣръ, причину не нужно сравниватъ съ чѣмъ нибудь, чтобы мыслить ее подъ признакомъ производительности. Противупоставляя одно другому понятія—синтетическое и аналитическое, мы замѣчаемъ, что первое, не заключая въ себѣ того признака, подъ которымъ мыслится, своею формою обязано единственно разсудку, который эту форму можетъ замѣнять иными, и потому, не находя въ ней характеристической своей черты, остается тѣмъ, что оно есть, только *по содержанію:* напротивъ послѣднее, содержа въ себѣ тотъ признакъ, подъ которымъ мыслится, эту именно форму имѣетъ само отъ себя и, поставляя разсудокъ въ зависимость отъ ней, налагаетъ на него необходимость — сознавать себя тѣмъ, что оно есть, *по формѣ*. И такъ понятіе синтетическое обращено къ сознанію своимъ содержаніемъ, а аналитическое—своею формою, и потому первое, какую бы форму мы ни сообщили ему,

---

([56]) По этому синтетическое понятіе разсудокъ образуетъ подъ вліяніемъ ума и чувства, и опирается либо на идеѣ, либо на чувственномъ усмотрѣніи. По этому также вѣрность и достоинство его условливается или свидѣтельствомъ опыта, или зависимостію его отъ другихъ понятій, поколику оно находится въ связи съ ними. Особенностію синтетическаго понятія служитъ и то, что оно, по своему содержанію, всегда бываетъ богаче аналитическаго, потому что принимаетъ всевозможныя ограниченія.

непремѣнно будетъ подходить подъ категорію, соотвѣтствующую содержанію мыслимаго, и являться *понятіемъ бытія*, а послѣднее, сколько бы мы ни старались овеществить его содержаніе, всегда будетъ стоять подъ категоріею, соотвѣтствующею формѣ мыслимаго, и представляться *понятіемъ отношенія*. Въ этихъ двухъ сферахъ понятій заключается все, что разсудокъ когда либо понималъ и понимаетъ.

Понятіе бытія.

§ 55.

Понятіе бытія есть извѣстный составъ признаковъ подъ такимъ объемомъ, который приписывается понятію синтетически и, по его содержанію, полагаетъ его, какъ нѣчто существующее. Таковы, напримѣръ, понятія: птица, мыслимая подъ формою пернатаго животнаго; дерево, сознаваемое въ объемѣ стволистаго и сѣннолиственнаго растенія, и т. п. Изъ этого ясно открывается, что понятіе бытія съ одной стороны сходно съ вещію, дѣйствительно бывающею, потому что и первое и послѣдняя сознаются въ значеніи существа (aliquid existens); а съ другой—понимаемое бытіе какъ будто отлично отъ вещи бывающей, ибо существованіе приписывается первому, поколику оно мыслится разсудкомъ (*νοεῖται* § 39), послѣдней же,—поколику она созерцается умомъ (*θεωρεῖται* § 15) и является чувству (*φαίνεται* § 13). И каждая изъ этихъ силъ, имѣя въ виду одно и тоже сущее, почитаетъ его не тѣмъ и не такимъ, чѣмъ и какимъ представляется оно прочимъ силамъ. Такъ, напримѣръ, при взглядѣ на человѣка, умъ видитъ въ немъ *единство* существенныхъ его свойствъ, чувство принимаетъ отъ него *множество* отдѣльныхъ его чертъ, а разсудокъ мыслитъ о немъ, какъ *о количествѣ* частныхъ его признаковъ въ родовомъ объемѣ. По этому, водясь однимъ чувствомъ, философы сомнѣвались въ самостоятельномъ бытіи созерцаемаго и мыслимаго (Локкъ, Юмъ и др.); водясь однимъ умомъ, отвергали самостоятельное бытіе чувствуемаго и мыслимаго (Декартъ, Малебраншъ и др.); а водясь однимъ разсудкомъ, не допуска-

ли самостоятельности въ созерцаемомъ и чувствуемомъ (Кантъ, Фихте и др.). Для устраненія всѣхъ этихъ одностороннихъ взглядовъ, мы должны показать, какимъ образомъ мыслимое по законамъ разсудка, подъ формою понятія, есть дѣйствительно тоже самое бытіе, которое созерцается по закону ума, какъ сущность, и усматривается по закону чувства, какъ явленіе.

Все, существующее въ цѣломъ и стройномъ Божіемъ мірѣ, должно существовать во взаимной и при томъ необходимой зависимости, безъ чего нельзя представить въ немъ ни цѣлости ни стройности (57). Если же всѣ вещи въ мірѣ зависятъ одна отъ другой; то каждая изъ нихъ должна обнаруживать свое существованіе двумя, совершенно разнородными чертами, именно — *дѣятельностію* и *свойствами;* потому что вещь не иначе можетъ ограничивать природу другихъ вещей, какъ *дѣйствуя* на нихъ, и не иначе можетъ быть ограничиваема другими вещами, какъ *качествуясь* ими. Этими-то двумя сторонами своего существованія предметы міра доставляютъ разсудку неистощимый матеріалъ для всѣхъ его понятій бытія и открываютъ тайну великаго и непрестанно возрастающаго его богатства не только въ области мыслимаго, но и въ самыхъ формахъ его выраженія, или въ языкѣ (58). Очертывая предметъ, какъ одинъ и тотъ же, его дѣя-

(57) Если бы человѣкъ осмѣлился мечтать, что его умъ есть вѣрный органъ Божіей премудрости, что онъ видитъ ея созданіе во всей полнотѣ и стройности; то для обличенія его довольно было бы замѣтить, что въ такомъ случаѣ всѣ понятія разсудка были бы аналитическими, то есть, развивались бы, такъ сказать, изъ Божественной, слѣдовательно полной идеи міра, и изъ совершеннѣйшей его гармоніи. Отъ того-то мы теперь и прибѣгаемъ большею частію къ понятіямъ синтетическимъ, что нашъ умъ, вмѣсто одной идеи міра, имѣетъ ихъ множество, и всѣ онѣ таковы, что не обнимаютъ его полноты, и потому не указываютъ существенной зависимости всѣхъ находящихся въ немъ твореній. По этой слабости ума, за полноту міра разсудокъ обыкновенно принимаетъ ту или другую идею о немъ, а за гармонію его—такъ или иначе построенную систему синтетическихъ понятій.

(58) Непостижимо, какимъ образомъ людямъ иногда приходитъ на мысль заботиться о развитіи языка, не заботясь о богатствѣ понятій. Исторія свидѣтельствуетъ, что народамъ, не разработывавшимъ своего мышленія формально и матеріально, мало было многихъ столѣтій для обогащенія ихъ лексикографіи и для систематическаго образованія Грамматики.

тельностію и свойствами, относительными къ безконечному множеству окружающихъ его предметовъ, разсудокъ чрезъ то самое видитъ въ немъ безконечное множество сторонъ, и потому составляетъ о немъ безконечное число понятій; такъ напримѣръ, мысля о деревѣ, понимаетъ его растущимъ, цвѣтущимъ, распространяющимъ тѣнь, дающимъ плоды, высокимъ, крѣпкимъ, зеленымъ, кривымъ, сухимъ, и т. д. Такая ограничительность каждой вещи и возможность составлять о ней невообразимо различныя понятія своею необъятностію необходимо должна подавлять силу мыслящую подъ бременемъ собственныхъ ея матеріаловъ и самымъ богатствомъ ихъ обличать ее въ скудости, неопредѣленности и смѣшиваемости ея мыслей. Посему, чтобы дать себѣ какой нибудь отчетъ въ дѣлѣ пониманія вещей, разсудокъ обращается къ формальнымъ своимъ способамъ измѣненія понятій и чрезъ нихъ по крайней мѣрѣ получаетъ возможность развивать понятія бытія *въ опредѣленномъ порядкѣ* и *послѣдовательности*. А именно:

1) Онъ беретъ какое нибудь конкретное представленіе дѣйствительно существующаго предмета и, различивъ въ немъ извѣстное количество признаковъ, выражающихъ какъ дѣятельность его, такъ и свойства, находитъ между ними отличія родовыя и видовыя, или черты, по которымъ онъ сходенъ съ другими предметами и отличается отъ нихъ (§ 51). Если послѣ этого разсудку нужно бываетъ взятую вещь мыслить вмѣстѣ съ прочими однородными вещами; то онъ отвлекаетъ отъ ней ряды видовыхъ признаковъ и, такимъ образомъ постепенно переводя ее изъ одной сферы бытія въ иныя, все болѣе и болѣе обширнѣйшія, этимъ способомъ родотворенія развиваетъ о ней рядъ *понятій количественныхъ*, заключающихъ подъ собою извѣстное количество вещей. Напримѣръ: это — липа, дерево, растеніе, бытіе.

2) Разсудокъ беретъ понятіе какого нибудь дѣйствительно существующаго предмета и, по содержащимся въ немъ общимъ признакамъ замѣчая подъ нимъ множество видовъ и недѣлимыхъ, хочетъ мыслить о томъ предметѣ отдѣльно отъ прочихъ однородныхъ съ нимъ вещей и для того старается ближе подойти къ нему.

Въ такомъ случаѣ находя этотъ предметъ въ извѣстномъ родѣ, онъ ограничиваетъ его свойственною ему видовою разницею и, чрезъ то переведши его въ объемъ вида, продолжаетъ и здѣсь то же самое дѣйствіе. Такимъ образомъ мыслимое все болѣе и болѣе низводится къ бытію недѣлимаго и развивается въ рядъ *понятій качественныхъ*, подъ которыми—чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе остается содержанія, и которыя за то становятся постепенно вещественнѣе въ самихъ ([59]) себѣ. Взявъ, напримѣръ, понятіе животнаго, я такимъ способомъ нахожу слѣдующій порядокъ понятій бытія: животное, живущее на сушѣ, четвероногое, домашнее, рабочее, лошадь, эта ([60]).

3) Разсудокъ беретъ какое нибудь конкретное представленіе дѣйствительно существующаго предмета и, различивъ въ немъ извѣстное. количество признаковъ, выражающихъ какъ дѣятельность его, такъ и свойства, хочетъ мыслить ихъ отдѣльно отъ самаго предмета (§ 49), чтобы потомъ ограничивать ими, по усмотрѣнію, тѣ или другія вещи, и такимъ образомъ развиваетъ безчисленное множество *понятій отвлеченныхъ*, изъ которыхъ одни суть отвлеченія принадлежащей вещамъ дѣятельности, каковы, напримѣръ — желаніе, зрѣніе, наблюденіе, восхожденіе и т. п.; а другія являются отвлеченіями ихъ свойствъ, каковы—бѣлизна, сухость, щедрость, вялость и т. п.

4) Разсудокъ беретъ понятіе какого нибудь дѣйствительно су-

([59]) Не должно казаться страннымъ, что, по нашему выводу понятій, одни и тѣ же изъ нихъ въ разныхъ отношеніяхъ являются и количественными и качественными, — какъ не кажется страннымъ, что понятіе видовое въ извѣстномъ отношеніи бываетъ родовымъ. При формальномъ развитіи мышленія, различіе ихъ опредѣляется только направленіемъ силы мыслящей — либо ко внѣшней, либо ко внутренней сторонѣ ихъ.

([60]) Эта (лошадь) есть уже не понятіе, а предѣлъ видотворенія—недѣлимое. Такъ какъ немногія недѣлимыя имѣютъ собственныя названія: то разсудокъ, распоряжаясь только болѣе или менѣе общими понятіями, называетъ ихъ именами этихъ самыхъ понятій подъ ограниченіемъ мѣстоимѣнія, или даже одними мѣстоимѣніями. Поэтому на всѣ мѣстоимѣнія можно смотрѣть, какъ на словесные знаки усилій разсудка - доводить свои понятія о вещахъ до конкретнаго бытія ихъ.

ществующаго предмета и ограничаваетъ его дѣятельностію и свойствами, отвлеченными отъ другихъ предметовъ. Но такъ какъ всякая понимаемая вещь сама равнымъ образомъ дѣйствуетъ и имѣетъ качества, и этимъ именно обнаруживаетъ свое бытіе; то она можетъ быть ограничиваема четверояко: со стороны своей дѣятельности—либо дѣятельностію, либо свойствами, и со стороны своихъ свойствъ — либо дѣятельностію опять, либо свойствами ([61]). Отсюда происходитъ безчисленное множество *понятій ограниченныхъ*, каковы, напримѣръ, въ первомъ случаѣ, война, борьба, ссора; во второмъ—пѣснь, стрѣльба, стража; въ третьемъ—сокровище, ткань, тайна; въ четвертомъ — добрякъ, красавецъ, чернильница ([62]). Кромѣ такихъ внутреннихъ ограниченій, понятія въ тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ могутъ принимать ограниченія и внѣшнія. Такъ, напримѣръ, стражу можно мыслить бдительною, сильною, войну — наступательною, жестокою, сокровище — негніющимъ, драгоцѣннымъ, чернильницу — разбитою, стеклянною, и т. п.

Если всѣ синтетическія наши понятія подвергнуть строгому и глубокому логическому анализу, такъ чтобы они были дѣйствительно понятіями, а не конкретными представленіями, то вѣроятно откроется, что разсудокъ нашелъ и установилъ ихъ не иначе, какъ посредствомъ указанныхъ способовъ измѣнять мыслимое бытіе. Потомъ, если бы сквозь эти логическія формы образо-

---

([61]) Такъ какъ всякое понятіе бытія обнаруживаетъ два рода признаковъ; то, принимая ограниченія показанными четырьмя способами, оно сверхъ того можетъ еще ограничивать и само себя, т. е или дѣятельность свойствами, или свойства дѣятельностію. Впрочемъ для этого признакъ ограничивающій напередъ долженъ быть отвлеченъ отъ понятія. Къ этому классу ограниченныхъ понятій можно отнесть, напримѣръ, самолюбіе, самосознаніе, порывъ, надежду и т. п.

([62]) Чтобы ясно сознать видъ ограниченія, которому подвергнуто извѣстное понятіе, нужно только замѣтить характеристическій признакъ, опредѣляющій его значеніе, и отвлекши его отъ понятія, смотрѣть, чѣмъ онъ долженъ быть ограниченъ, чтобы понятіе имѣло тотъ самый смыслъ: Взявъ, напримѣръ, «ткань», я вижу, что это есть *нитяная сѣть*, которую *ткутъ*, т. е. нахожу, что здѣсь свойство ограничено дѣятельностію.

ванія понятій мы захотѣли смотрѣть на самое выраженіе ихъ въ языкѣ; то можетъ быть увидѣли бы въ нихъ твердое основаніе для отчетливаго развитія всѣхъ формъ этимологіи и отвергли бы всякій произволъ въ этомъ отношеніи.

Понятіе отношенія.

§ 56.

Понятіе отношенія есть опредѣленный составъ признаковъ подъ такимъ объемомъ, который принадлежитъ ему аналитически, и отношеніемъ къ которому условливается самая возможность понимаемаго предмета. Таковы, напримѣръ, понятія: «писатель», мыслимый подъ формою производителя литературныхъ сочиненій, — безъ чего онъ не былъ бы и писателемъ; «память», сознаваемая подъ объемомъ памятованія какихъ нибудь вещей, — безъ чего ее не называли бы и памятью. Изъ этого видно, что главное и существенное въ понятіяхъ отношенія есть дѣятельность, мыслимая подъ непосредственнымъ ограниченіемъ какого либо предмета, и сама непосредственно ограничивающая собою какое нибудь подлежащее. Значитъ, дѣятельность въ нихъ съ одной стороны понимается подъ объемомъ того, что дѣлается, съ другой — сама служитъ объемомъ того, что дѣлаетъ, — и какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ — аналитически. Разсматривая ее съ этихъ двухъ сторонъ, мы приходимъ къ двумъ видамъ понятій отношенія, именно: вникая въ предметныя ограниченія дѣятельности и отвлекая матеріальныя разницы этихъ ограниченій, мы получаемъ общее ***понятіе силы***, необходимо выражающейся ***явленіемъ;*** а обращая вниманіе на дѣятельность, какъ на ограниченіе подлежащихъ, и отвлекая видовыя отличія ихъ, пріобрѣтаемъ родовое ***понятіе причины***, необходимо дающей ***произведеніе***.

1) ***Понятіе силы*** есть такое понятіе отношенія, которымъ выражается дѣятельность, необходимо ограничивающаяся какимъ нибудь предметомъ и чрезъ то обнаруживающаяся явленіемъ. Таковы, напримѣръ, понятія: умъ, воля, электричество, магни-

тизмъ, и т. п. Вѣрною примѣтою понятій силы всегда служитъ то, что выражаемая ими дѣятельность мыслится отвлеченно отъ предмета дѣйствующаго и получаетъ свое значеніе только въ природѣ той вещи, которою ограничивается и проявляетъ себя; то-есть, о силѣ обыкновенно судятъ не по источнику силы, а по явленію ея; равно какъ явленіе выводятъ не изъ подлежащаго дѣятельности, а изъ силы. Мысля о явленіи по силѣ, разсудокъ развиваетъ форму понятія силы; а мысля о силѣ по явленію, сообщаетъ ему содержаніе. Такимъ образомъ понятіе силы и своею формою и своимъ содержаніемъ выражаетъ не иное что, какъ отношеніе между дѣятельностію и предметомъ, проявляющимъ дѣятельность. А потому сила безъ явленія и явленіе безъ силы, все равно, какъ форма безъ матеріи и матерія безъ формы, уничтожаютъ понятіе о силѣ; ибо сила не есть сила, если она не является, и явленіе не есть явленіе, если оно не выражаетъ силы. Сила безъ явленія есть бытіе, — и въ этомъ значеніи она представляется его дѣятельностію; да и явленіе безъ силы есть также бытіе, только сознается, какъ его свойство. Переходъ же разсудка отъ свойствъ бытія къ самому бытію возможенъ уже не аналитически, а синтетически, слѣдовательно не чрезъ понятіе отношенія.

Замѣтимъ въ понятіи силы еще одну весьма важную черту. Такъ какъ этимъ понятіемъ, со стороны его формы, выражается отвлеченная дѣятельность; то само собою явствуетъ, что, мыслимая сама по себѣ, она не можетъ не дѣйствовать. А на этомъ основаніи всякую силу разсудокъ сознаетъ непремѣнно *подъ закономъ необходимости*. Свободы тутъ нѣтъ, подобно тому, какъ нѣтъ ея въ заведенной машинѣ, которая, будучи заведена, не въ состояніи прекратить или измѣнить предписанное ей движеніе. Правда, ограниченія дѣятельности, то есть, виды силы, опредѣляемые ограничивающими дѣятельность предметами, до безконечности различны: но въ этомъ открывается новое доказательство связывающей силу необходимости; потому что дѣятельность, внутренно ограниченная какою нибудь матеріею, неизбѣжно дѣйствуетъ въ сообразности съ тѣмъ, чѣмъ ограничена. Такъ,

теплота необходимо грѣетъ, магнитъ необходимо притягиваетъ, разсудокъ необходимо мыслитъ; и все, по необходимости производящее то, а не другое, мы называемъ силою. Можно, безъ сомнѣнія, подвергать силу ограниченіямъ и свободнымъ, напримѣръ, мыслить ее великою, слабою, благотворною, враждебною, и т. д.: но это будутъ ограниченія синтетическія.

2) *Понятіе причины* есть такое понятіе отношенія, которымъ выражается дѣятельность, необходимо ограничивающая какое нибудь бытіе и вмѣстѣ необходимо ограничиваемая какимъ нибудь предметомъ, отъ чего предметъ сознается, какъ произведеніе бытія, а бытіе — какъ причина произведенія. Таковы, напримѣръ, понятія: художникъ, земледѣлецъ, воинъ, музыкантъ, и т. п. Изъ этого видно, что въ понятіи причины дѣятельность мыслится не отвлеченно отъ подлежащаго дѣятельности, но представляется ограничивающимъ его признакомъ; только въ то же время этотъ признакъ бываетъ и самъ чѣмъ нибудь ограниченъ, и такимъ образомъ въ то подлежащее вмѣстѣ съ собою вноситъ собственное свое ограниченіе. А это показываетъ, что дѣятельность въ семъ случаѣ становится органомъ отношенія двухъ бытій — дѣйствующаго и дѣйствуемаго, слѣдовательно должна вводить ихъ въ сознаніе, какъ причину и произведеніе. Мыслимая въ значеніи признака, ограничивающаго подлежащее, она составляетъ форму понятія причины и пробуждаетъ въ разсудкѣ мысль собственно о причинѣ; а сознаваемая въ смыслѣ черты, ограниченной какимъ нибудь предметомъ, указываетъ на его матерію и заставляетъ понимать ее, какъ произведеніе. И такъ причина и произведеніе составляютъ форму и матерію одного и того же понятія причины. Причина безъ произведенія и произведеніе безъ причины, все равно, какъ форма безъ матеріи и матерія безъ формы,—уничтожаютъ понятіе о причинѣ; потому что причина не есть причина, если она ничего не производитъ, и произведеніе не есть произведеніе, если оно мыслится не въ отношеніи къ причинѣ. Причина безъ произведенія есть не болѣе, какъ бытное, поколику, то есть, она ограничена дѣятельностію; а произведеніе безъ причины надобно почитать просто бытіемъ, такъ

какъ само не ограничиваясь, оно можетъ только ограничивать дѣятельность другихъ вещей. Но такой способъ ограниченія возможенъ уже не аналитически, а синтетически, слѣдовательно не въ формѣ понятія отношенія.

Говоря о понятіи причины, надобно также замѣтить слѣдующее: Дѣятельность, ограниченная какимъ нибудь предметомъ, сама по себѣ, не есть произведеніе, а дѣйствіе; и если ограниченіе ея сознается необходимымъ, то это дѣйствіе мыслится какъ явленіе, и указываетъ на силу, изъ которой оно является. И такъ мысли о произведеніи здѣсь еще нѣтъ. Съ другой стороны, — бытіе, ограниченное дѣятельностію, есть уже не бытіе, а бытное, и, по самому значенію бытнаго, имѣетъ въ себѣ возможность являться ограничиваемымъ различно ограниченными дѣйствіями. Посему, того или другаго предмета, коимъ ограничивается дѣятельность, нельзя почитать предметомъ, ограничивающимъ бытіе исключительно чрезъ извѣстное дѣйствіе. А отсюда само собою явствуетъ, что бытіе, характеризующееся только общею способностію дѣйствовать, не связывается необходимостію производить непремѣнно это, а не иное что либо. Вотъ основаніе, на которомъ разсудокъ мыслитъ отношеніе причины къ произведенію всегда *подъ закономъ свободы*. Напримѣръ, понятіе живописца выражаетъ дѣятельность, ограниченную представленіемъ картины; и этимъ же понятіемъ указывается на человѣка — существо вообще дѣйствующее. Но явно, что дѣятельность, ограниченная представленіемъ картины и чрезъ то ставшая дѣйствіемъ или дѣятельностію частною, не въ состояніи ограничить понятіе человѣка такъ, чтобы всѣ виды его дѣятельности, какъ человѣка, превратились въ одинъ—живописаніе. По этому картина, въ отношеніи къ живописцу, является свободнымъ произведеніемъ человѣка.

Переходъ къ слѣдующей главѣ, или сравнительное значеніе понятій.

§ 57.

Доселѣ мы разсматривали понятія — каждое подъ его категоріею, какъ отдѣльныя единицы, имѣющія внутренній и внѣшній

свой характеръ. Но отдѣльныя понятія разсудка, по законамъ развитія человѣческой мысли, назначаются къ взаимному сочетанію, чтобы чрезъ это они образовались въ форму мышленія, называемую сужденіемъ. Посему, переходя теперь къ изслѣдованію сужденія, надобно предварительно сдѣлать общій взглядъ на возможное сближеніе понятій и посмотрѣть, не получаютъ ли они, собственно какъ понятія, какого нибудь особеннаго значенія, поколику поставляются *въ сравненіе* между собою. Разсудокъ можетъ сравнивать ихъ *формально* и *матеріально.* Обратимъ вниманіе на различіе, получаемое ими отъ того и другаго способа сравниванія.

1) Всѣ наши понятія, каково бы ни было ихъ содержаніе, будучи сближаемы между собою, непремѣнно мыслятся въ какомъ нибудь общемъ объемѣ и стоятъ либо одно въ другомъ, либо одно внѣ другаго. Въ послѣднемъ случаѣ они называются *понятіями счиненными,* а въ первомъ — *понятіями подчиненными.* Объяснимъ значеніе ихъ примѣрами. Взявъ понятіе «вода», мы замѣчаемъ, что она является или капельножидкою, или парообразною, или кристалловидною. Эти три понятія находятся подъ общимъ высшимъ объемомъ «форма воды» и исключаются одно другимъ; то есть, капельножидкая вода не есть ни парообразная, ни кристалловидная, — тоже и прочіе виды ея. Посему, раздѣляя съ равнымъ правомъ сферу высшаго понятія, они называются счиненными, то есть, образующими чинъ или порядокъ внѣбытія вещей мыслимыхъ ([63]). Но совсѣмъ другое дѣло, когда мы беремъ понятія: самодвижущееся, четвероногое, домашнее, ра-

---

([63], Съ такими понятіями отнюдь не должно смѣшивать признаковъ въ содержаніи какого либо понятія. А чтобы не смѣшивать ихъ, надобно помнить, что первыя относятся къ внѣшней величинѣ и, какъ сказано, въ мышленіи исключаются одно другимъ (напр. мужчина и женщина въ сферѣ человѣка); напротивъ послѣднія имѣютъ значеніе величины внутренней (§ 46) и мыслятся совмѣстно (напр. разумность и животность въ понятіи человѣка). Посему понятія счиненныя называются также *разъединенными* (conceptus disjuncti), а признаки содержанія ихъ — понятіями *непарными* или *разрозненными* (conceptus disparati).

бочее и т. д. Всѣ эти понятія, какъ и счиненныя, различны между собою и содержутся также подъ однимъ общимъ признакомъ «животное» Но кромѣ того, мы находимъ ихъ еще одно въ другомъ, именно: четвероногое — въ самодвижущемся, домашнее — въ четвероногомъ, рабочее — въ домашнемъ и т. д. А изъ этого явно, что они подчинены другъ другу, и потому называются понятіями подчиненными.

2) Сравнивать понятія по матеріи, значитъ,—замѣчать сходство или несходство ихъ содержанія. ***Понятія сходныя*** суть тѣ, въ которыхъ одинъ или нѣсколько признаковъ общи тому и другому и которыя разсматриваются относительно этихъ самыхъ признаковъ. Такъ, напримѣръ, волкъ и лисица— понятія сходныя, поколику они мыслятся, какъ животныя дикія, хищныя, плотоядныя, млекопитаюшія и проч. Напротивъ, ***понятіями несходными*** надобно почитать тѣ, въ содержаніи которыхъ не замѣчается общихъ тому и другому признаковъ, или которыя разсматриваются по крайней мѣрѣ относительно къ находящимся въ нихъ признакамъ различнымъ. Таковы, напримѣръ, понятія — левъ и земля, камень и человѣкъ, поколику имѣются въ виду отличительныя примѣты ихъ. Если же въ этомъ именно состоитъ сходство и несходство понятій; то ясно, что одни и тѣ же изъ нихъ въ извѣстномъ отношеніи могутъ почитаться сходными, а въ другомъ — несходными. По этому, чтобы точнѣе различать понятія сходныя и несходныя, надобно обращать вниманіе на степень ихъ сходства, которая опредѣляется частію ***качествомъ***, частію ***количествомъ*** свойственныхъ имъ общихъ, либо отличительныхъ признаковъ.

а) Когда признаки, общіе двумъ сравниваемымъ понятіямъ, оказываются внѣшними и случайными; тогда эти понятія находятся на низшей степени сходства и получаютъ значеніе ***понятій близкихъ*** (conceptus affines). Если же, напротивъ, они сходны между собою по однимъ и тѣмъ же признакамъ внутреннимъ и существеннымъ; то становятся сходными въ высшей степени и называются ***понятіями сродными*** (conceptus cognati). Такъ, напримѣръ, зеленое платье и зеленая трава суть понятія близкія; а гусь и

лебедь должны быть признаваемы за понятія сродныя. Тоже, только въ обратномъ отношеніи, надобно сказать и о понятіяхъ несходныхъ: чѣмъ случайнѣе отличительные признаки содержанія, тѣмъ менѣе несходства въ понятіяхъ; а чѣмъ существеннѣе первые, тѣмъ несходнѣе послѣднія.

b) Но по одному качеству признаковъ, понятія сходныя и несходныя все еще не довольно различаются; потому что въ каждой парѣ понятій непремѣнно есть нѣчто и общее и особенное, — иначе они не были бы и понятіями (§ 45). Гораздо болѣе различія можно находить въ нихъ, обращая вниманіе на количество свойственныхъ имъ общихъ, либо отличительныхъ признаковъ. Если, то есть, въ содержаніи двухъ понятій всѣ признаки одного отличны отъ всѣхъ признаковъ другаго; то этимъ понятіямъ бываетъ свойственна самая высокая степень несходства, и они потому становятся ***понятіями противуположными*** (conceptus oppositi). Таковы, напримѣръ, понятія: жизнь и смѣрть, добро и зло, правое и лѣвое, и т. п. Напротивъ, когда въ содержаніи двухъ понятій число общихъ примѣтъ столь велико, что кажется равнымъ цѣлому ихъ содержанію; тогда эти понятія находятся на самой высшей степени сходства и называются ***понятіями тожественными*** (conceptus identici). Таковы, напримѣръ, понятія: организмъ и членораздѣльное тѣло; человѣкъ и свободное разумное на землѣ существо. Въ понятіяхъ тожественныхъ, по крайнему сходству ихъ, все содержаніе одного можетъ быть принимаемо за содержаніе другаго; а потому они означаются также именемъ ***понятій взаимно замѣнимыхъ*** (conceptus reciproci s. aequipollentes). Впрочемъ должно замѣтить, что совершеннаго ***матеріальнаго*** тожества между понятіями нѣтъ и быть не можетъ, если только каждое изъ нихъ надобно почитать понятіемъ самимъ по себѣ, то есть, понятіемъ, имѣющимъ отдѣльное значеніе въ ряду другихъ понятій. Это положеніе столь же вѣрно по отношенію къ понятіямъ, сколь вѣренъ метафизическій *законъ безразличія* (lex indescernibilium) въ отношеніи къ вещамъ, когда онъ не допускаетъ въ природѣ и двухъ безразличныхъ предметовъ. Совершенное тожество между понятіями возможно только ***формальное***, съ которымъ мы будемъ

встрѣчаться, говоря о сужденіяхъ. Оно состоитъ въ томъ, что два понятія, разсматриваемыя со стороны своихъ объемовъ, оказываются вполнѣ равными и въ этомъ отношеніи взаимно замѣнимыми. Да и тутъ замѣняемость ихъ одного другимъ условливается только тѣмъ, что одно изъ нихъ бываютъ признакомъ другаго ([64]).

([64]) Разсматривая понятіе сравнительно, иногда говорятъ о понятіяхъ *согласныхъ* и *противорѣчущихъ, положительныхъ* и *отрицательныхъ*. Но такія свойства понятій опредѣляются не просто чрезъ сравненіе ихъ одного съ другимъ, а чрезъ дѣйствіе сужденія; потому что они вызываются закономъ противорѣчія (§ 35).

ГЛАВА II.

О СУЖДЕНІЯХЪ.

Что называется сужденіемъ?

§ 58.

Понимать что нибудь, значитъ, — сознавать въ представленіи много признаковъ вещи объединенными между собою (§ 44). Когда же мы беремъ извѣстное количество не признаковъ, составляющихъ понятіе, а уже готовыхъ понятій, и новымъ актомъ мышленія полагаемъ, что одно изъ нихъ находится въ отношеніи къ другому; тогда этотъ актъ мышленія называется сужденіемъ. И такъ *сужденіе* есть положеніе взаимнаго отношенія понятій. А отсюда явствуетъ, что для сужденія необходимо требуются — 1) *понятія*, 2) *отношеніе* ихъ и 3) *положеніе* этого отношенія.

1) Понятій въ сужденіи никакъ не дожно смѣшивать съ признаками въ понятіи. Признаки, въ собственномъ значеніи этого слова, никогда не мыслятся разсудкомъ, какъ нѣчто самостоятельное, но всегда замѣчаются въ представленіи и подлежатъ мышленію вмѣстѣ съ представленіемъ. Если же бываетъ нужно мыслить ихъ отдѣльно; то они отвлекаются (§ 49) и чрезъ это самое становятся уже не признаками, а понятіями (§ 55). Напротивъ понятія въ сужденіи суть бытныя самостоятельныя и въ дѣлѣ

сужденія одни съ другими не сливаются: каждое изъ нихъ, будучи приписываемо другому, въ тоже время мыслится и само по себѣ. Такъ, напримѣръ, черное, малое, тонкое, упругое, кажутся намъ стихіями внѣ организаціи, или — чѣмъ-то, требующимъ предмета, чтобы охарактеризовать его: это—признаки представленія, которыя нашедши, мы образуемъ понятія—черная доска, малый ростъ, тонкая ткань, упругое тѣло и т. п. Но тѣ же самыя стихіи въ сужденіяхъ — доска черна, ростъ малъ, ткань тонка, тѣло упруго, — показываютъ, что разсудокъ, судя такимъ образомъ, имѣетъ уже понятіе о чернотѣ, малости, тонкости, упругости, и что эти понятія мыслятся имъ, какъ нѣчто самостоятельное. Причина самостоятельности ихъ состоитъ въ томъ, что они въ мышленіи опредѣляются — каждое особымъ объемомъ, или являются — каждое въ отдѣльной формѣ, тогда какъ признакамъ это преимущество не свойственно, и потому они сливаются съ своими представленіями. Если же въ сужденіе должны входить только понятія; то само собою явствуетъ, что судить о предметѣ можетъ лишь тотъ, кто *понимаетъ* его, то есть, кто не признаки различаетъ въ представленіи о немъ, а понятія соединяетъ съ нимъ.

2) Соединять понятія съ понимаемымъ предметомъ, значитъ,— поставлять ихъ въ отношеніе къ предмету. Но это въ сужденіи бываетъ опять не такъ, какъ признаки объединяются въ понятіи. (§ 44). Не имѣя своего особаго объема и мыслимые только въ представленіи вещи, признаки входятъ въ понятіе о ней, какъ ограниченія; а ограничивая ее собою непосредственно, сознаются подъ какимъ нибудь общимъ для всѣхъ ихъ объемомъ и въ цѣломъ своемъ составѣ означаются однимъ именемъ. Для понятій въ дѣлѣ сужденія такое соединеніе не возможно. Понятіе, со стороны своего содержанія, не представляло бы никакого препятствія находиться въ непосредственной связи съ другимъ понятіемъ; потому что содержаніе его состоитъ изъ признаковъ, а признаки, какъ сейчасъ сказано, безъ всякаго посредства ограничиваютъ понятіе. Но въ понятіи, кромѣ содержанія, есть еще форма, которой оно никогда не оставляетъ, не переставая быть понятіемъ. Эта-то

форма или объемъ, ограждая его внѣшнею величиною, необходимо посредствуетъ между имъ и другими понятіями, и бываетъ причиною того, что связь его съ послѣдними можетъ быть только формальная, называемая въ собственномъ смыслѣ *отношеніемъ понятій*. По этой же причинѣ сужденіе обыкновенно выражается не однимъ именемъ, а столькими, сколько входитъ въ него мыслей, называемыхъ понятіями ([65]).

3) Каждое изъ этихъ понятій въ сужденіи, не смотря на взаимное ихъ отношеніе, сознается какъ отдѣльное понятіе (§ 44). Однакожъ и самое отношеніе между понятіями есть также предметъ сознанія, только послѣднее мы сознаемъ иначе, чѣмъ первое. Понятіе присуще сознанію, какъ мысль единичная и сама себѣ равная, какъ осуществленная формула закона тожества (§ 30). Въ понятіи если и есть многоразличіе признаковъ, — непосредственная связь ихъ съ нимъ не мѣшаетъ ему быть мыслимою единицею. Напротивъ въ сужденіи ясно отражается вліяніе закона противорѣчія; потому что здѣсь понятія, долженствующія составить одну мысль, сознаются раздѣльно, — каждое подъ особымъ своимъ объемомъ, и уже никакъ не могутъ быть непосредственно отожествленными. Слѣдовательно разсудокъ, смотря теперь на отношеніе сознаваемыхъ имъ понятій, собственно не сознаетъ его, а полагаетъ въ единствѣ сознанія, и такимъ образомъ, воспроизводя въ сужденіи дѣйствіе закона тожества (§ 35), вмѣстѣ показываетъ въ этой формѣ мышленія и ту сторону, съ которой самъ въ ней самодѣятеленъ. Изъ этого видно, что *положеніе отношенія понятій* въ сужденіи соотвѣтствуетъ сознанію единства различныхъ признаковъ въ понятіи и составляетъ отличительную черту самодѣятельности разсудка — именно въ дѣлѣ сужденія.

([65]) Сужденія, будучи переводимы на языкъ, иногда выражаются и однимъ словомъ, напримѣръ: вѣрится, думается, дремлется, разсвѣтаетъ, и т. п. Но это только безличныя и усѣченныя формы обыкновенныхъ сужденій. Въ дѣятельности разсудка нѣтъ такихъ усѣченій и безличностей.

Образованіе сужденій.

§ 59.

Зная, что сужденіе есть положеніе отношенія понятій и помня значеніе этихъ терминовъ, кажется, нѣтъ никакой трудности судить: надобно только взять какое нибудь понятіе и приписать его другому понятію,—сужденіе будетъ готово. Но ближайшее разсмотрѣніе этого дѣла покажетъ намъ, что правильно судить труднѣе, нежели понимать;—и здравое размышленіе не безъ причины совѣтуетъ не спѣшить сужденіемъ, а долѣе останавливаться на пониманіи предмета. Каковы бы ни были наши понятія, — какъ понятія, они принадлежатъ только намъ. Но если мы судимъ, то чрезъ это, свое понятіе о предметѣ выдаемъ за общую норму мышленія и полагаемъ, что такъ, а не иначе должны понимать его всѣ. Явно, что такая притязательность сужденія не можетъ не возбуждать разсудка къ осмотрительности. А чтобы судить осмотрительно,—онъ долженъ—1) внимательно разобрать и взвѣсить свое понятіе о томъ, о чемъ намѣренъ судить, и 2) пристально вникнуть въ то, чтó и какимъ образомъ можетъ онъ поставить въ отношеніе къ этому понятію, чтобы сужденіе его было логически вѣрно.

1) Прежде всего надобно принять за несомнѣнное, что чего нѣтъ въ понятіи, того нельзя ожидать и въ сужденіи, или, что въ сужденіе можетъ входить только то, что содержится въ понятіи. Понятіе, сравниваемое съ другими формами мышленія, представляется ноуменомъ—въ томъ смыслѣ этого слова, какой соединяли съ нимъ древніе идеалисты (§ 39). Оно дожно заключать въ себѣ полноту матеріи извѣстнаго предмета для всѣхъ возможныхъ сужденій о немъ, — должно быть сѣмянникомъ мыслей о вещи самой въ себѣ, такъ чтобы сужденіе было первымъ, естественнымъ и не принужденнымъ его проявленіемъ. По этому на сужденіе справедливо смотрятъ, какъ на *развитіе* или *овеществленіе понятія*. Если же понятіе въ отношеніи къ сужденію имѣетъ столь важное значеніе; то имъ прежде всего должно условливаться и надлежащее образованіе сужденія. Такъ какъ образовать

сужденіе, значитъ, — развить или проявить понятіе; то надобно, чтобы понятіе заключало въ себѣ достаточную и достаточно сознаваемую матерію развитія; а для этого нужно, чтобы оно было понятіемъ яснымъ, раздѣльнымъ и по возможности полнымъ (§ 47). Ясность понятія дѣлаетъ сужденіе *опредѣленнымъ*, раскрывающимъ именно тотъ предметъ, о которомъ разсудокъ судитъ, поставляя въ отношеніе къ нему черты, отличающія его отъ всѣхъ другихъ предметовъ инородныхъ. По этому сужденіе «Богъ даровалъ человѣку способности» есть сужденіе опредѣленное; а когда говорятъ, что «природа одарила человѣка способностями», тогда судятъ неопредѣленно,—по причинѣ темнаго понятія о природѣ. Раздѣльность понятія сообщаетъ сужденію *рѣшительность*, потому что, раздѣльно сознавая содержаніе понятія, разсудокъ нисколько не колеблется въ томъ, что можно приписать ему и чего нельзя, и отъ того рѣшительно поставляетъ въ отношеніе къ нему тѣ или другія черты его содержанія. Такъ, напримѣръ, врачь, имѣя раздѣльное понятіе объ органическихъ измѣненіяхъ въ тѣлѣ больнаго, рѣшительно опредѣляетъ его болѣзнь и, въ слѣдствіи того, произноситъ положительное сужденіе о средствахъ ея врачеванія. Полнота понятія бываетъ причиною *основательности* сужденія; потому что, только при соображеніи всѣхъ признаковъ въ понятіи, разсудокъ можетъ видѣть истинную связь ихъ и зависимость, а слѣдовательно, приписывая понятію ту или другую черту, въ состояніи дать себѣ надлежащій отчетъ въ сужденіи о какомъ нибудь понимаемомъ предметѣ ([66]). Такъ, напримѣръ, сужденіе—«всякое тѣло сложно» въ разсудкѣ имѣетъ значеніе сужденія основательнаго, если признакъ «сложность» онъ мыслитъ въ связи съ другими признаками тѣла, какъ то, — съ его протяженностію, стихійностію, матеріальностію и т. д.

([66]) О томъ уже и говорить нечего, что ясность, раздѣльность и полнота понятія вообще *облегчаютъ* и *развязываютъ* дѣятельность разсудка въ сужденіи; потому что это само собою разумѣется. Чѣмъ больше матеріаловъ находитъ разсудокъ въ понятіи, тѣмъ готовѣе бываетъ судить о понимаемомъ предметѣ, и тѣмъ богаче и разнообразнѣе онъ въ своихъ сужденіяхъ.

2) Всякое понятіе, какъ мы видѣли (§ 46), есть составъ нѣсколькихъ общихъ признаковъ, изъ которыхъ одинъ бываетъ его объемомъ, а прочіе—содержаніемъ. Первымъ понимаемый предметъ опредѣляется въ значеніи бытія между другими родами предметовъ; а послѣдними онъ ограничивается въ смыслѣ бытія, отличнаго отъ прочихъ, однородныхъ съ нимъ вещей (§ 45). Всѣ эти признаки, дѣйствіемъ вниканія разлагаясь снова на признаки, могутъ организоваться въ отдѣльныя понятія, то есть, мыслиться — каждый въ особой своей формѣ. Но мыслимые—каждый въ особой формѣ, они уже не остаются въ понятіи, а выступаютъ изъ него и, находясь только въ отношеніи къ нему, образуютъ соотвѣтствующее своему количеству число сужденій. Такое образованіе сужденій, или выступленіе признаковъ изъ кореннаго понятія, по двоякому ихъ значенію въ его составѣ, можетъ проявляться не иначе, какъ въ двухъ видахъ: въ формѣ отношенія внѣшней величины понятія къ самому понятію, и въ формѣ отношенія внутренней величины понятія къ тому же понятію. Первая форма образованія сужденія получается чрезъ родотвореніе и видотвореніе (§ 51) и состоитъ либо въ выводѣ объема, въ которомъ мыслится понятіе, либо въ обозначеніи видовъ, содержащихся подъ понятіемъ; напримѣръ: дерево есть растеніе, или, это дерево — липа, дубъ, береза, ясень и проч. Вторая форма образованія сужденія находится чрезъ отвлеченіе и ограниченіе (§ 49) и состоитъ въ выведеніи содержанія, которое заключатся въ понятіи — то какъ дѣятельность понимаемаго предмета, то какъ его свойство, и при томъ заключается либо безъ всякаго ограниченія, либо подъ извѣстнымъ ограниченіемъ. Напримѣръ: море волнуется, кормчій правитъ кораблемъ, тигръ свирѣпъ, въ библіотекѣ есть рѣдкія книги. Такъ какъ всѣ понятія, поставляемыя въ отношеніе къ коренному понятію и чрезъ отношеніе къ нему образующія сужденіе, произошли изъ признаковъ понимаемаго предмета, которые, какъ сказано, всегда бываютъ чертами общими и выводятся изъ него посредствомъ родотворенія и отвлеченія; то всякое сужденіе, какую бы форму образованія оно ни получило, обнаруживаетъ въ себѣ двѣ замѣ-

чательныя особенности: Первая изъ нихъ—та, что коренное понятіе, по выведеніи изъ него признака, въ отношеніи къ сему послѣднему, сдѣлавшемуся отвлеченнымъ либо ородотвореннымъ понятіемъ, мыслится уже въ значеніи *конкретаго представленія*, хотя само въ себѣ оно — не конкретъ и не представленіе, а понятіе. Вторая — та, что выведенный изъ кореннаго понятія признакъ всегда удерживаетъ значеніе своей общности и въ отношеніи къ тому понятію мыслится непремѣнно какъ *понятіе общее;* такъ что объемъ перваго либо весь, либо по крайней мѣрѣ нѣкоторою своею частію содержится въ объемѣ послѣдняго.

Матерія и форма сужденія.

§ 60.

Разсмотрѣвъ, изъ чего и какъ образуется сужденіе, мы непосредственно встрѣчаемъ потребность различать въ немъ *матерію* и *форму*.

1) *Матерію* сужденій составляютъ входящія въ нихъ понятія, то есть, понятіе коренное и то, которое прежде было его признакомъ, а теперь стало понятіемъ и опредѣлило его собою, какъ объемомъ. Число такихъ понятій въ одномъ и томъ же сужденіи можетъ быть велико; потому что тѣмъ же актомъ мышленія одному коренному понятію можно приписать много выведенныхъ изъ него понятій, либо одно выведенное понятіе—относить по многимъ коренньшъ, и при томъ какъ тѣ, такъ и другія — мыслить подъ какими нибудь ограниченіями ([67]). Но съ другой стороны, ни въ какомъ сужденіи нельзя представить менѣе двухъ понятій; по-

---

([67]) Съ этой точки зрѣнія схоластическая Логика дѣлитъ сужденія на *простыя* и *сложныя*, сложныя опять — на *явныя* и *скрытныя*, явныя различаетъ снова, какъ *соединительныя* (напр. нѣкоторыя *книги и рукописи рѣдки*), и *сравнительныя* (напр. нѣсть рабъ болій господа своего), а скрытныя наконецъ, какъ *исключительныя* (jud. exclusiva) (напр. одному праведнику законъ не лежитъ), и *исключающія* (exceptiva), (напр. небесныя тѣла свѣтятъ заимствованнымъ свѣтомъ, исключая неподвижныя звѣзды).

тому что иначе не было бы мѣста отношенію, а безъ отношенія не было бы и сужденія. Впрочемъ, сколько бы понятій ни заключалось въ сужденіи, — вся его матерія дѣлится непремѣнно на двѣ части: одна есть такъ или иначе обставленное коренное понятіе, а другая — тѣми или иными мыслями сопровождаемое понятіе выведенное. Понятіе коренное въ сужденіи обыкновенно называется подлежащимъ, а выведенное—сказуемымъ. ***Подлежащее*** (subjectum) есть то понятіе, о котогомъ разсудокъ судитъ и въ которомъ видитъ матеріальное основаніе сужденія. Оно есть логическое бытіе само въ себѣ; потому что его ограниченія присущи ему внутренно (immanenter) и принадлежатъ непосредственно (inhaerent). ***Сказуемое*** (praedicatum) есть то понятіе, которое разсудокъ относитъ къ понимаемому имъ бытію и которымъ ограничиваетъ его; только это ограниченіе уже отвлечено отъ ограничиваемаго и сознается внѣ его (§ 58). Изъ этихъ частей матеріи сужденія никоторая не можетъ быть мыслима, какъ часть сужденія сама по себѣ: если нѣтъ подлежащаго, то нѣтъ и сказуемаго, и на оборотъ; ибо назвавъ первое, мы невольно ожидаемъ послѣдняго, а произнесши послѣднее, непремѣнно спрашиваемъ о первомъ.

2) ***Форма*** сужденія есть образъ отношенія кореннаго понятія къ выведенному, или опредѣленное значеніе подлежащаго въ объемѣ того или другаго сказуемаго. Мы видѣли (§ 55), что изъ понятія могутъ быть выводимы различные признаки, — либо такой, напримѣръ, который составляетъ его форму, либо такой, который принадлежитъ его содержанію, и при томъ означаетъ либо его дѣятельность, либо свойство, и заимствованъ либо отъ большаго, либо отъ меньшаго числа сравненныхъ предметовъ (§ 45). Всѣ эти признаки, какъ различные, становясь сказуемыми, сообщаютъ столь же различныя значенія и подлежащему, то есть, всякій разъ измѣняютъ свое отношеніе къ нему и чрезъ то даютъ сужденію новую форму. Судя, напримѣръ, о страсти, можно назвать ее вообще состояніемъ души: это — формальный признакъ понятія. Но страсть называютъ также — иногда страданіемъ души, иногда движеніемъ души, а иногда раздраженіемъ

души: это — признаки матеріальные, и подъ каждымъ изъ нихъ наше подлежащее получаетъ новое значеніе; потому что страсть, какъ страданіе души, исключаетъ дѣйствіе разсудка и воли, какъ движеніе души, находится подъ владычествомъ разсудка и воли, а какъ раздраженіе души, сама владычествуетъ надъ разсудкомъ и волею. Явно, что хотя здѣсь мыслится одна и та же матерія, то есть, страсть; однакожъ сужденіе о ней является въ различныхъ формахъ ([68]). Отсюда проистекаетъ понятіе о точкѣ зрѣнія: *точка зрѣнія* есть взглядъ на предметъ съ извѣстной его стороны, или судъ о понимаемомъ предметѣ подъ извѣстнымъ признакомъ.

Формальное развитіе сужденій.

§ 61.

Но сколь ни различны бываютъ сужденія по формѣ, всѣ формы ихъ могутъ быть приведены къ нѣкоторымъ общимъ видамъ. Выше было сказано (§ 58), что, при образованіи сужденія, разсудокъ, управляясь закономъ противорѣчія, различаетъ въ коренномъ понятіи множество признаковъ и, переводя ихъ также къ значенію понятій, каждый изъ нихъ мыслитъ подъ особымъ

([68]) При переходѣ сужденія на языкъ, когда, то есть, оно становится *предложеніемъ*, — формы его, собственно говоря, нельзя выразить какимъ нибудь особымъ рѣченіемъ; потому что она можетъ быть открыта только посредствомъ логическаго разбора мысли. Въ этомъ случаѣ выражается лишь положеніе разсудка (§ 58), и знакомъ его выраженія — явно или скрытно — бываетъ глаголъ «есть» или «не есть». По сему этотъ глаголъ обыковенно называется *связію* (copula) подлежащаго съ сказуемымъ. Впрочемъ употребленіе его много зависитъ отъ генія языка. Въ русскомъ языкѣ онъ естественно входитъ въ предложеніе только тогда, когда сказуемое въ немъ бываетъ формальнымъ признакомъ кореннаго понятія. А когда сказуемымъ его дѣлается признакъ матеріальный, — упомянутый глаголъ въ собственномъ своемъ значеніи оказывается неумѣстнымъ. Говорю — въ собственномъ своемъ значеніи: потому что слово «есть» имѣетъ и другое значеніе. Имъ выражается — во первыхъ нахожденіе понятія въ объемѣ его признака, во вторыхъ — нахожденіе признака въ объемѣ понятія. Въ первомъ случаѣ ему противуположно «не есть», а въ послѣднемъ — «нѣтъ». Тамъ означается имъ отношеніе, а здѣсь — принадлежность.

объемомъ. Получивъ же особые объемы, они чрезъ это самое становятся уже либо сродными, либо несродными (§ 57) съ кореннымъ понятіемъ, и разсудокъ по сему либо приписываетъ ихъ тому понятію, либо отрицаетъ отъ него. Отсюда происходятъ двѣ взаимно противуположныя формы сужденій: утвердительная и отрицательная, и справедливо называются *формами общими;* потому что всякое возможное сужденіе является непремѣнно въ одной изъ этихъ формъ, то есть, бываетъ сужденіемъ либо *утвердительнымъ*, либо *отрицательнымъ*. Разсмотримъ образованіе того и другаго.

Сужденіе утвердительное.

§ 62.

Сужденіе утвердительное есть то, въ которомъ сказуемое мыслится какъ понятіе, положительно приписываемое подлежащему. Напримѣръ, Богъ всемогущъ. Это понятіе, прежде чѣмъ стало оно понятіемъ, должно было заключаться въ подлежащемъ въ значеніи признака. Слѣдовательно, чтобы сужденіе вышло утвердительное, надобно, по предписанію закона противорѣчія, взять въ коренномъ понятіи, или теперешнемъ подлежащемъ, какое нибудь ограниченіе, какъ нѣчто отличное отъ него, и, по предписанію закона тожества, соединить его съ тѣмъ же кореннымъ понятіемъ или теперешнимъ подлежащимъ. Но выраженіе «взять ограниченіе» означаетъ не иное что, какъ вывесть, отвлечь, отрицать его отъ понятія,—напримѣръ, такъ: левъ (=понятію льва кромѣ животности) есть животное; потому что когда признакъ «животное» становится сказуемымъ, — онъ уже не мыслится въ коренномъ понятіи или подлежащемъ. Такое образованіе сужденія утвердительнаго находится въ весьма близкой аналогіи съ опредѣленіемъ того или другаго числа въ математическомъ уравненіи. Всѣ ограниченія понятія, поколику оно есть понятіе, мыслятся не иначе, какъ его *отрицанія* (§ 45), — напримѣръ въ формѣ количества $X - (a+b+c+\ldots)$. По сему, если бы мы захотѣли изъ понятія X вывесть которое нибудь его

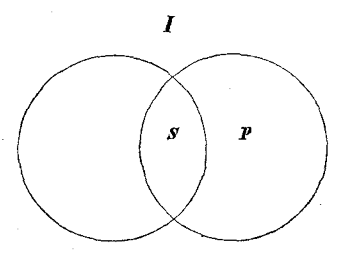
ограниченіе, напримѣръ b; то получили бы уравненіе, или форму сужденія: $X - (a + c + \ldots) = + b$. То есть, выведеніе признака изъ понятія есть *отрицаніе отрицанія*, которое послѣ сего законъ тожества необходимо полагаетъ; потому что отрицаніе отрицанія должно дать форму положительную.

Разсматривая указанный способъ образованія сужденій утвердительныхъ, нельзя не замѣтить, что эта форма, являясь положительною, вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо должна быть и положительно-количественною, то есть, выражать положительно-количественное отношеніе объемовъ подлежащаго и сказуемаго. Выше было найдено (§ 59), что сказуемое сужденія, въ отношеніи къ подлежащему, удерживаетъ ту самую общность, какую оно имѣло, какъ признакъ въ отношеніи къ своему понятію. Между тѣмъ, признакамъ въ понятіи свойственна не одинаковая общность. Нѣтъ сомнѣнія, что черту, составляющую объемъ понятія, надобно почитать общею въ отношеніи ко всѣмъ признакамъ его содержанія; потому что ею опредѣляется извѣстная точка зрѣнія на понимаемый предметъ (§ 60). Но совсѣмъ иное дѣло въ понятіи — черты матеріальныя: онѣ общи только въ отношеніи къ представленіямъ, которыя содержутся подъ понятіемъ, и отъ которыхъ отвлечены, какъ общія, а въ составѣ самаго понятія имѣютъ значеніе признаковъ частныхъ (§ 45) По этому, если въ утвердительномъ сужденіи изъ кореннаго понятія, становящагося подлежащимъ, выводится и дѣлается сказуемымъ формальный его признакъ; то, заключая въ себѣ все свое содержаніе, слѣдовательно всю матерію подлежащаго, онъ сужденію утвердительному даетъ форму *сужденія общаго утвердительнаго*, которое въ Логикѣ принято означать буквою *A*. Каково, напримѣръ: всѣ планеты (*S*) свѣтятъ заимствованнымъ свѣтомъ (*P*). Напротивъ, когда въ коренномъ понятіи, которое имѣетъ быть подлежащимъ, разсудокъ беретъ и переводитъ въ сказуемое утвердительнаго сужденія одинъ изъ признаковъ его содержанія; тогда сказуемое, не имѣя возможности обнимать собою все под-

A

S P

лежащее, или принадлежать всей его матеріи, мыслимой подъ извѣстною формальною чертою, сообщаетъ сужденію утвердительному форму *сужденія частнаго утвердительнаго*, означаемаго въ Логикѣ буквою ***I***, каково, напримѣръ: нѣкоторыя планеты (***S***) имѣютъ спутниковъ (***P***).

Сужденіе отрицательное.

§ 63.

Сужденіе отрицательное есть то, въ которомъ сказуемое мыслится какъ понятіе, чуждое содержанію подлежащаго и не заключающееся въ его объемѣ ([69]). Напримѣръ, дерево не есть металлъ. Изъ этого видно, что всякому отрицательному сужденію непремѣнно должно предшествовать сознаніе взаимно отрицаемыхъ понятій; а иначе разсудокъ не имѣлъ бы причины и отрицать ихъ одно отъ другаго. Но на какомъ основаніи сила мыслящая данныя понятія поставляетъ въ отношеніе именно отрицательное, а не положительное, если понятіе противорѣчущее принадлежало къ сферѣ того самаго понятія, которому оно теперь противорѣчитъ? — Основаніе этого скрывается въ сознаніи извѣстнаго признака, поколику онъ, будучи приписываемъ понятію въ смыслѣ его ограниченія, всегда содержитъ въ себѣ

([69]) Отъ сужденія отрицательнаго надобно отличать сужденіе, не совсѣмъ точно называемое *безконечнымъ*, въ которомъ отрицаніе заключается не въ отношеніи сказуемаго къ подлежащему, а въ самомъ сказуемомъ. Это сужде*ніе, въ существѣ дѣла,* есть не болѣе, какъ утвердительное; потому что таково отношеніе его понятій; а опредѣлять форму сужденій только и слѣдуетъ по отношенію. Напримѣръ: «онъ не зоветъ меня»; это—правильная форма отрицательнаго сужденія. Но: «онъ зоветъ не меня»; это сужденіе, называемое безконечнымъ, на самомъ дѣлѣ есть утвердительное; потому что сказуемое въ немъ заключается въ глаголѣ «зоветъ», а не въ мѣстоименіи «не меня», которое есть лишь ограниченіе сказуемаго.

множество другихъ признаковъ, которыми самъ ограничивается, и которые между тѣмъ не ограничиваютъ понятія, но относятся къ нему, какъ стихіи инородныя, привлеченныя въ него дѣйствительными ограниченіями. Явно, что эти ограниченія ограниченій, или, что тоже — отрицанія отрицаній (§ 62), вразсужденіи самаго понятія, должны быть *положеніями*, или отдѣльными и обособленными единицами. По этому, чтобы понятіе ограничивалось признаками чистыми, безъ всякой примѣси къ нимъ другихъ, ему несвойственныхъ, разсудокъ изъ его сферы долженъ выдѣлить все инородное и съ нимъ несовмѣстное. А такъ какъ инородное въ отношеніи къ понятію мыслится положительно; то выдѣленіе инороднаго возможно только чрезъ отрицаніе. Это объясняется опять опредѣленіемъ членовъ математическаго уравненія. Пусть понятіе X ограничено чрезъ $Y-\alpha$. Мы будемъ имѣть логическую величину: $X - (Y-\alpha)$. Но α, какъ отрицаніе отрицанія, должно къ ограничиваемому X относиться съ противнымъ знакомъ. По этому прежняя величина приметъ такой видъ: $X-Y+\alpha$, А отсюда, выводя ограниченіе α, мы получимъ: $X-Y=-\alpha$, то есть, сужденіе отрицательное. Изъ этого открывается, что сужденіе отрицательное должно быть разсматриваемо непремѣнно въ отношеніи къ утвердительному, для котораго оно образуется, какъ форма, направленная къ матеріальному сродненію въ немъ подлежащаго и сказуемаго; а иначе отрицаніе не имѣло бы никакой разумной цѣли и логическаго значенія.

Если же, составляя отрицательное сужденіе, разсудокъ находитъ сказуемое между ограниченіями не прямо понятія, а какого либо его признака; то очевидно слѣдуетъ, что сказуемымъ отрицательнаго сужденія не можетъ быть ни объемъ понятія, ни общая черта его содержанія. Свойственная этому сужденію матерія заключается не въ понятіи, о которомъ разсудокъ судитъ положительно, а подъ понятіемъ, гдѣ скрываются всѣ возможныя ограниченія его признаковъ. Но подъ понятіемъ могутъ быть только два рода его ограниченій. Это — во первыхъ, тѣ мыслимыя вещи, которыя разсудокъ нашелъ сходными по признаку,

составляющему теперь объемъ понятія: это — виды въ сферѣ родоваго ихъ признака, слѣдовательно, — представленія разъединенныя (§ 57, пр. 63), исключающіяся одно другимъ и связующіяся лишь общимъ объемомъ понимаемаго предмета. Напримѣръ, подъ понятіемъ «Европейца» мыслятся представленія: Россіянинъ, Французъ, Италіянецъ и проч. Вторымъ же родомъ ограниченій надобно почитать тѣ группы мыслимыхъ вещей, въ которыхъ разсудокъ замѣтилъ общія черты и, какъ общія, внесъ ихъ въ содержаніе своего понятія о тѣхъ вещахъ (§ 45). Заключающіяся въ этихъ группахъ представленія не отдѣляются одно отъ другаго, подобно видамъ въ родѣ, но нѣкоторыми своими частями входятъ одно въ другое и, совмѣщаясь между собою по разностороннему сходству, мыслятся какъ представленія разрозненныя (§ 57, пр. 63), взаимно исключающіяся только отчасти. Положимъ, напримѣръ, что въ содержаніи понятія «Европеецъ» сознаны общіе признаки: житель Европы, сдѣлавшій великіе успѣхи въ наукахъ и искуствахъ, развившій формы гражданственности, распространяющій свои торговыя сношенія по всему земному шару, и проч. Очевидно, что эти общіе признаки взяты отъ различныхъ Европейскихъ національностей; но не менѣе очевидно и то, что сіи національности по одному общему признаку группируются такъ, по другому иначе, — и нѣкоторое ограниченіе, содержащееся подъ понятіемъ Европейца, не можетъ ограничивать все его содержаніе, равно какъ и не можетъ не ограничивать сроднаго себѣ общаго признака. Имѣя въ виду эти два рода ограниченій, мы находимъ, что форма отрицательнаго сужденія, получающаго свое сказуемое непремѣнно подъ понятіемъ, должно развиваться въ двухъ количественно различныхъ формахъ отрицанія. Если отрицательное сужденіе направляется къ тому, чтобы ограничить объемъ понятія въ сужденіи утвердительномъ и свое ограниченіе, или сказуемое, относитъ къ нему, какъ видъ къ роду; то отношеніе между подлежащимъ сужденія утвердительнаго и сказуемымъ отрицательнаго, какъ между понятіями разъединенными, должно выражаться въ формѣ *сужденія общаго отрицательнаго*, означаемаго

въ Логикѣ буквою *E*. Пусть будетъ, напримѣръ, дано сужденіе утвердительное: «левъ есть животное». Такъ какъ подъ понятіемъ животнаго, вмѣстѣ со львомъ, содержутся слонъ, орелъ, ракъ, щука, и проч.; то разсудокъ, для ближайшаго ограниченія понятія «левъ» понятіемъ животнаго, отрицаетъ ото льва всѣ прочіе виды животныхъ и говоритъ: ни какой левъ (*S*) не есть слонъ, орелъ, ракъ, щука, и проч. (*P*). Напротивъ, когда отрицательное сужденіе направляется къ ограниченію одного изъ общихъ признаковъ въ содержаніи понятія, раскрываемаго сужденіемъ утвердительнымъ, и это ограниченіе дѣлаетъ своимъ сказуемымъ; тогда отношеніе подлежащаго въ утвердительномъ сужденіи и сказуемаго въ отрицательномъ, какъ отношеніе понятій разрозненныхъ, должно выразиться формою ***сужденія частнаго отрицательнаго***, которое въ Логикѣ означается буквою *O*. Пусть, напримѣръ, дано сужденіе утвердительное: «Европейцы сдѣлали великіе успѣхи въ наукахъ и искуствахъ». Такъ какъ подъ понятіемъ успѣховъ въ наукахъ и искуствахъ содержится знаніе Математики, Исторіи, Механики, Живописи и проч., чего отнюдь нельзя приписать каждому Европейцу; то разсудокъ, чтобы сужденію утвердительному сообщить болѣе опредѣленности, судитъ такъ: «Нѣкоторые Европейцы (*S*) не знаютъ Математики, Исторіи, Живописи и пр. (*P*)».

Матеріальное развитіе сужденій.

§ 64.

Подобно тому, какъ, взявъ какое нибудь одно понятіе, разсудокъ, по предписанію законовъ тожества и противорѣчія, можетъ развить два сужденія, взаимно противуположныхъ по формѣ, — онъ въ какомъ нибудь одномъ понятіи находитъ основаніе для развитія двухъ сужденій, взаимно противуположныхъ по содер-

жанію. Это основаніе состоитъ въ томъ, что всякое понятіе есть не только цѣлость заключающихся въ немъ признаковъ, но и общность содержащихся подъ нимъ представленій (§ 46). Все, что разсудокъ мыслитъ *въ понятіи*, непремѣнно въ немъ находится; а что находится въ понятіи, то всегда можно изъ него вывесть и сдѣлать сказуемымъ, не вредя цѣлости его содержанія; потому что каждый изъ признаковъ понятія, ставъ его сказуемымъ, какъ черта въ содержаніи того самаго понятія, тѣмъ не менѣе принадлежитъ всему ему. Напротивъ, все, содержащееся *подъ понятіемъ*, обыковенно бываетъ таково, что можетъ ограничивать либо только объемъ понятія, не ограничивая его матеріи, либо только матерію понятія, не касаясь его объема, и притомъ можетъ ограничивать одинъ матеріальный признакъ, не ограничивая прочихъ. Посему никакая черта, какъ скоро она выведена изъ подъ-понятія и получила значеніе сказуемаго, не имѣетъ возможности принадлежать всему понятію и, чтобы дать ему мѣсто въ своемъ объемѣ, непремѣнно должна въ какомъ нибудь отношеніи ограничить его. Объяснимъ это примѣромъ: Возмемъ понятіе «книга», и пусть она будетъ вещь, имѣющая форму параллелограма, состоящая изъ нѣсколькихъ листовъ и содержащая въ себѣ множество мыслей о какомъ нибудь предметѣ. Всѣ исчисленные признаки въ этомъ понятіи могутъ быть его сказуемыми, не вредя его цѣлости; то есть, мы, не погрѣшая противъ него, можемъ судить: книга есть вещь; книга имѣетъ форму параллелограма; книга состоитъ изъ нѣсколькихъ листовъ; книга содержитъ въ себѣ множество мыслей объ извѣстномъ предметѣ. Во всѣхъ этихъ сужденіяхъ раскрывается одно и тоже понятіе «книга». Но возмемъ теперь какую нибудь черту подъ понятіемъ книги, напримѣръ, «пользу», и сдѣлаемъ ее сказуемымъ того же самаго понятія: — выйдетъ сужденіе: книга полезна. Явно, что это сказуемое сообщило уже иной объемъ понятію, то есть, ограничило его, или нарушило его цѣлость, потому что поставило на видъ не всякую книгу, а только полезную. Тоже получится, если подъ понятіемъ книги мы возмемъ черту «писанный» и скажемъ: книга есть вещь, состоя-

щая изъ нѣсколькихъ писанныхъ листовъ. Очевидно, что этою чертою ограничится тогда одинъ изъ признаковъ въ содержаніи понятія, и потому подъ словомъ «книга» мы будемъ разумѣть только рукопись. Имѣя въ виду это двоякое происхожденіе сказуемаго и отношеніе его къ содержанію подлежащаго, каждое сужденіе, со стороны его матеріи, можно почитать либо *аналитическимъ*, либо *синтетическимъ;* и такъ какъ нельзя представить ни одного изъ нихъ, которое не было бы такимъ или другимъ, то сужденія аналитическое и синтетическое называются также, *по матеріи, сужденіями общими.*

Сужденіе аналитическое.

§ 65.

Сужденіемъ аналитическимъ называется такое сужденіе, въ которомъ сказуемое есть понятіе, выведенное изъ самаго подлежащаго, или въ которомъ оно, разсматриваемое въ отношеніи къ содержанію, составляющему подлежащее, есть не болѣе, какъ одинъ изъ общихъ его признаковъ. Напримѣръ, золото есть металлъ, огонь жжетъ. Чтобы въ ряду сужденій можно было легче и вѣрнѣе отличить сужденіе аналитическое, надобно имѣть въ виду слѣдующія его примѣты:

1) Какъ скоро дано какое нибудь сужденіе, — тотчасъ должно обратить вниманіе на его сказуемое и смотрѣть, требовалась ли бы оно въ числѣ признаковъ, если бы мы захотѣли составить общее понятіе о подлежащемъ даннаго сужденія. Нашедши же, что требовалось бы, смѣло можно утвердить, что это сужденіе есть аналитическое; потому что его сказуемое въ такомъ случаѣ, значитъ, взято изъ содержанія подлежащаго, то есть, находилось въ понятіи. Пусть, напримѣръ, будетъ сужденіе: страсть ослѣпляетъ человѣка. Нужно ли ослѣпленіе человѣка, какъ признакъ, для составленія понятія о страсти? — Очевидно нужно; слѣдовательно это сужденіе есть аналитическое.

2) Въ сужденіи аналитическомъ сказуемое, организовавшись изъ общаго признака, принадлежащаго подлежащему, никогда

не измѣняетъ родовой или видовой значимости сего послѣдняго; то есть, подлежащее его, и безъ сказуемаго, понимается въ томъ же самомъ объемѣ, какой приписывается ему сказуемымъ въ сужденіи. Напримѣръ, понимаемъ ли мы только золото въ объемѣ металла, или судимъ, что золото есть металлъ, — золото ни въ которомъ случаѣ не измѣняетъ своей формы, то есть, не увеличиваетъ и не уменьшаетъ родоваго своего значенія.

3) Въ сужденіи аналитическомъ сказуемое не прибавляетъ ничего новаго къ познанію подлежащаго; потому что оно, и не проявляясь въ сужденіи, всегда мыслится, какъ общій признакъ въ содержаніи того самаго понятія, которое теперь стало подлежащимъ. Такъ напримѣръ, произнося сужденіе: «Богъ благъ,» мы чрезъ то не больше познаемъ Бога, какъ и чрезъ образованіе понятія о Немъ; потому что въ понятіи о Немъ все то есть, что приписывается Ему въ сужденіи. Изъ этого явствуетъ, что аналитическое сужденіе служитъ только къ проясненію вещей нами понимаемыхъ.

Сужденіе синтетическое.

§ 66.

Сужденіе синтетическое есть то, въ которомъ сказуемое выведено не изъ понятія, служащаго подлежащимъ сужденія, а взято подъ понятіемъ, какъ ограниченіе одного изъ принадлежащихъ ему общихъ признаковъ. Напримѣръ, въ понятіи дерева есть общіе признаки — растеніе, стволъ, вѣтви и проч., которые составляютъ его содержаніе и объемъ, и которые найдены чрезъ сравненіе многихъ, по чему нибудь сходныхъ между собою предметовъ (§ 45). Очевидно, что эти предметы, каковы здѣсь, наприм., липа, береза, дубъ и проч., съ ихъ ограниченіями, не входя въ содержаніе самаго понятія, находятся однакожъ подъ понятіемъ, и въ сужденіи могутъ относиться къ нему въ качествѣ сказуемыхъ, какъ то: это дерево — липа, или, это дерево сѣннолиственно, или опять, это дерево имѣетъ толстый стволъ и т. п. Всѣ такія сужденія надобно почитать сужденіями

синтетическими. *Для вѣрнѣйшаго и легчайшаго* распознаванія ихъ замѣтимъ слѣдующее:

1) Какъ скоро дано какое нибудь сужденіе и требуется узнать, синтетическое ли оно или аналитическое, тотчасъ должно обратить вниманіе на его сказуемое и смотрѣть, вошло ли бы оно въ содержаніе подлежащаго, если бы мы захотѣли составить о немъ общее понятіе, — и нашедши, что не вошло бы, рѣшительно *признавать его за синтетическое*. Пусть, *напримѣръ*, будетъ дано сужденіе: эта бумага бѣла. Спрашивается: нуженъ ли признакъ «бѣлизна», чтобы получить понятіе о бумагѣ вообще? — Очевидно, не нуженъ; и потому сужденіе: эта бумага бѣла — надобно почитать синтетическимъ.

2) Въ синтетяческомъ сужденіи сказуемое непремѣнно измѣняетъ объемъ понятія, занимающаго мѣсто подлежащаго; потому что, будучи приписываемо подлежащему и не принадлежа ему всецѣло, оно тѣмъ самымъ ограничиваетъ его. Если, напримѣръ, понятіе фигуры я ограничиваю сказуемымъ «четвероугольникъ», и произношу сужденіе: эта фигура четвероугольная; то всякій понимаетъ, что въ объемѣ мыслимой мною фигуры не содержится уже ни треугольника, ни пятиугольника и т. д. Слѣдовательно объемъ ея чрезъ такое ограниченіе измѣнился ([70]).

3) Въ синтетическомъ сужденіи сказуемое непремѣнно увеличиваетъ сумму нашихъ познаній о подлежащемъ; потому что всякое новое ограниченіе нашего понятія поставляетъ его въ отношеніе къ другимъ понятіямъ и такимъ образомъ болѣе и болѣе вводитъ его въ систему истинъ, соотвѣтствующимъ гармоническому устройству явленій въ царствѣ бытія и жизни. Познаніе, собственно говоря, состоитъ не въ томъ, чтобы пріобрѣтенныя понятія объ отдѣльныхъ вещахъ разлагать на ихъ начала, а въ томъ, чтобы поставлять ихъ во взаимное отношеніе, соотвѣтствующее бытію и дѣятельности вещей въ природѣ. Но это воз-

---

([70]) Изъ этого явствуетъ, что сужденіями синтетическими бываютъ только сужденія частныя; изъ общихъ же—лишь отрицательныя и тѣ, которыя разсудокъ находитъ чрезъ наведеніе, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

можно не иначе, какъ посредствомъ сужденій синтетическихъ. Отъ того-то всѣ систематическія построенія, какъ послѣ увидимъ, производятся преимущественно синтетически.

Совершенства и недостатки сужденій.

§ 67.

Всѣ понятія, независимо отъ большей или меньшей ясности, раздѣльности и полноты ихъ (§ 47), равноцѣнны для разсудка. Пока еще заключающіеся въ нихъ признаки неподвергнуты разбору посредствомъ сужденій,—разсудокъ имъ, какъ формамъ для выраженія знанія, приписываетъ одинаковое достоинство. Но когда эти формы развиваются въ сужденія; тогда открывается, что отношеніе ([71]) къ нимъ имѣющихся въ нихъ признаковъ не равно близко, а потому и самыя сужденія становятся выраженіями не равноцѣнныхъ понятій. Начиная судить о чемъ нибудь понимаемомъ, нельзя не замѣтить, что сказуемое либо только можетъ относиться къ подлежащему, либо дѣйствительно относится, либо должно относиться. А замѣчая это, мы увѣряемся, что одни изъ нашихъ понятій, вразсужденіи извѣстныхъ своихъ признаковъ, суть лишь возможныя, и даютъ ***сужденія проблематическія***, другія — дѣйствительныя, и служатъ основаніемъ ***сужденій ассерторическихъ***, а иныя — необходимыя, и развиваются ***въ сужденія аподиктическія.***

1) ***Понятіемъ возможнымъ*** называется понятіе, ограниченное такимъ признакомъ, который можетъ ему принадлежать и не принадлежать, или котораго связь съ понятіемъ есть дѣло еще не рѣшенное. Напримѣръ, падающая звѣзда, пламенное солнце, золотая гора. Подобныя понятія составляются преимущественно

([71]) Разсматривая понятіе и сужденіе примѣнительно къ ихъ совершенствамъ и недостаткамъ, мы въ понятіи тѣ и другія опредѣляемъ отношеніемъ его признаковъ къ сознанію разсудка, а въ сужденіи замѣчаемъ ихъ, относя одно изъ его понятій къ другому. По этому Кантова *модальность* къ сужденіямъ не приложима.

подъ вліяніемъ воображенія, когда увлекаемый имъ разсудокъ понимаетъ вещи *аналогически* и свое мышленіе украшаетъ цвѣтами *Поэзіи.* Можно сказать вообще, что при первомъ пробужденіи закона тожества, всѣ понятія, по крайней мѣрѣ для самаго понимающаго разсудка, бываютъ болѣе или менѣе возможными, хотя, еще не развивая ихъ въ форму сужденія, онъ и не приписываетъ имъ этого свойства. Такими должны быть они и потому уже, что вначалѣ составляются большею частію изъ признаковъ внѣшнихъ и случайныхъ, которыхъ отношеніе всегда бываетъ только возможное.

Развивающееся изъ подобныхъ понятій сужденіе называется проблематическимъ. *Сужденіе проблематическое* есть то, въ которомъ сказуемое находится только въ возможномъ отношеніи къ подлежащему, или въ которомъ понятіе не противорѣчитъ относимому къ себѣ признаку, хотя и не требуетъ его. Таковы, напримѣръ, сужденія: человѣкъ можетъ быть добродѣтеленъ; море можетъ изсохнуть; на лунѣ, можетъ быть, есть жители. Къ проблематическимъ сужденіямъ относятся и всѣ такъ называемыя задачи, только еще требующія, но не представляющія готоваго основанія, на которомъ могло бы утверждаться рѣшеніе ихъ. Напримѣръ: что есть Логика? Показать равенство двухъ треугольниковъ. Явно, что такія сужденія заставляютъ разсудокъ обращаться прямо къ понятію и домогаться отъ него отвѣта на относящійся къ нему вопросъ. Если сказуемое того или другаго вопроса въ отношеніи къ извѣстному понятію, оказывается только возможнымъ, — задача окончательно не рѣшается и сужденіе остается проблематическимъ: а когда сила мышленія находитъ въ понятіи достаточное основаніе для приписанія ему или отрицанія отъ него предположеннаго сказуемаго, — оно выступаетъ изъ ряда понятій возможныхъ и развивается въ сужденіе высшаго порядка.

2) *Понятіемъ дѣйствительнымъ* надобно почитать такую мысль разсудка, за которую ручается чувственное усмотрѣніе, сколько можетъ быть доступенъ ему тотъ или другой признакъ понятія. Напримѣръ, благовонная роза, свѣтящаяся звѣзда. Отсюда яв-

ствуетъ, что понятія этого рода составляются всегда *подъ преимущественнымъ вліяніемъ чувственнаго усмотрѣнія.* А такъ какъ послѣднее принимаетъ впечатлѣнія въ извѣстныхъ обликахъ, которые чаще или рѣже возвращаются и являются чувству съ однѣми и тѣми же чертами; то подъ этимъ условіемъ понятіе дѣйствительное образуется *индуктивно,* равно какъ индуктивно же и доказывается его значимость. Напримѣръ, роза приняла черту «благовонность», какъ признакъ общій, и перешла въ дѣйствительное понятіе «розы благовонной»—потому, что это постоянно подтверждалось обоняніемъ. Имѣя въ виду такое происхожденіе понятій дѣйствительныхъ, можно почитать ихъ вообще понятіями *историческими,* состоящими изъ обобщенныхъ признаковъ бытія, какъ оно является. Само собою разумѣется, что въ рядъ такихъ понятій могутъ мало-по-малу переходить и понятія возможныя, поколику разсудокъ, съ пробужденіемъ закона противорѣчія, изъ содержанія ихъ, подобно химику, выдѣляетъ все несовмѣстное и несродное, и чрезъ то тѣмъ тѣснѣе соединяетъ въ нихъ совмѣстимое и однородное.

Сужденія, развивающіяся изъ понятій дѣйствительныхъ, называются ассерторическими. *Сужденіе ассерторическое* есть то, въ которомъ отношеніе между подлежащимъ и сказуемымъ оправдывается свидѣтельствомъ чувствъ, или въ которомъ сказуемое относится къ подлежащему, поколику послѣднее проявляетъ себя именно этимъ самымъ признакомъ. Напримѣръ, снѣгъ идетъ, дерева цвѣтутъ, земля удобрена. Сужденія этого рода, по своему значенію въ области формальнаго знанія, конечно уже выше проблематическихъ; потому что они описываютъ явленія природы, распространяютъ кругъ нашихъ опытовъ, раскрываютъ предъ нами исторію бытнаго, и потому могутъ быть названы сужденіями вседневной прозаической жизни. Но при всемъ томъ, довольствоваться одними ими во всякомъ случаѣ и не должно и невозможно: — не должно потому, что, основываясь на понятіяхъ дѣйствительныхъ, они ограничиваютъ наше мышленіе только внѣшностію и дѣлаютъ его поверхностнымъ; —а невозможно потому, что въ жизни бываетъ множество случаевъ, въ которыхъ

настоитъ надобность судить о вещи не по являемости ея, а по существу, и выводить наружу не то, что въ ней есть, а то, что должно быть. Для этого сужденію нужно развиваться изъ понятія необходимаго и восходить къ высшему значенію.

3) *Понятіемъ необходимымъ* называется то, въ которомъ извѣстные признаки нетолько всегда есть, но и необходимо заключаются. Такъ, напримѣръ, движеніе по отношенію къ пространству и времени, дважды-два по отношенію къ четыремъ, треугольникъ по отношенію къ двумъ прямымъ угламъ, — суть понятія необходимыя — до того, что безъ этихъ признаковъ не могутъ быть мыслимы. Бытіе такихъ понятій заставляетъ предполагать, что сила мыслящая образуетъ ихъ *подъ особеннымъ вліяніемъ ума,* поколику вводитъ въ нихъ черты, ограничивающія природу ихъ внутренно и не теряющіяся ни при какомъ измѣненіи прочихъ, принадлежащихъ имъ признаковъ. Эти понятія суть нормальныя формы вещей, составляемыя разсудкомъ *по идеѣ* ихъ, независимо отъ всѣхъ внѣшнихъ ограниченій, и потому могутъ быть названы въ обширномъ смыслѣ понятіями *философскими,* въ которыхъ отражается вещь не такою, какова она бываетъ, а такою, какова должна быть. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ понятіе возможное часто переходитъ въ дѣйствительное, такъ и дѣйствительное можетъ переходить въ необходимое; надобно только, чтобы разсудокъ отъ внѣшнихъ признаковъ вещи понимаемой простирался къ внутреннимъ, и въ своемъ понятіи о ней приближался къ первымъ, непосредственнымъ ограниченіямъ ея сущности.

Сужденія, развивающіяся изъ понятій необходимыхъ, называются аподиктическими. *Сужденіе аподиктическое* есть то, которымъ выражается, что сказуемое необходимо принадлежитъ или непремѣнно должно принадлежать подлежащему. Напримѣръ: всякое тѣло дѣлимо; истинная добродѣтель должна подвизаться. Изъ этого явствуетъ, что всѣ сужденія, выражающія повелѣніе, обязанность и долгъ, надобно относить къ сужденіямъ аподиктическимъ. Посредствомъ такихъ сужденій разсудокъ выступаетъ изъ міра ежедневныхъ явленій и дѣйствуетъ въ обла-

сти знанія, сколько она доступна для формъ человѣческаго мышленія. Здѣсь онъ обсуживаетъ не сплетенія эфемерныхъ понятій о вещахъ, а самыя вещи въ ихъ внутренней и неизмѣнной природѣ. Выше этого, собственно въ сферѣ сужденія, онъ восходить не можетъ; потому что теперь основанія его мышленія оправдываются непосредственнымъ взглядомъ ума на понимаемый предметъ.

Такимъ образомъ глубоко сокрытыя въ душѣ человѣка благороднѣйшія идеи ума, прежде чѣмъ входятъ онѣ въ сознаніе, какъ необходимыя ея потребности, должны только постепенно и иногда чрезъ долгое время высвобождаться изъ массы свойствъ внѣшнихъ и случайныхъ и, развиваясь въ формѣ сужденій, переводить ихъ отъ проблематическихъ къ ассерторическимъ, и отъ ассерторическихъ къ аподиктическимъ; между тѣмъ какъ надлежало бы имъ съ перваго раза выражаться этими послѣдними, если бы духовная наша жизнь не была подавляема чувственностію и всегда владычествовала надъ матеріею (72).

Измѣняемость сужденій.

§ 68.

Такъ какъ всякое понятіе подлежитъ тѣмъ или другимъ измѣненіямъ (§ 48); а всякое сужденіе состоитъ изъ понятій; то и всякое сужденіе должно принимать какія нибудь измѣненія. Но измѣненіе сужденій требуетъ бо́льшей осмотрительности, чѣмъ измѣненіе понятій; потому что понятія въ сужденіи какимъ либо образомъ относятся между собою, и это отношеніе ихъ, сколько бы ни измѣнялись они, — само не должно измѣняться: въ противномъ случаѣ выйдетъ сужденіе уже не измѣненное, а замѣненное сужденіемъ новымъ. И такъ при измѣненіи сужденія, на отношеніе его понятій должно смотрѣть, какъ на масштабъ его

---

(72) Съ этой точки зрѣнія видно, что такое *понятія врожденныя*. Это суть идеи ума, сознаваемыя разсудкомъ въ формѣ понятій необходимыхъ, выражающихся аподиктическими сужденіями.

тожества, — должно отношеніе А къ В, при всѣхъ возможныхъ измѣненіяхъ А и В, сохранять неизмѣннымъ: это — общій законъ измѣняемости сужденій. Какимъ же образомъ выполнить его требованія, когда сужденію нужно бываетъ получить иной видъ, или оразнообразиться? — Выполненіе ихъ возможно двоякое: матеріальное и формальное. Въ первомъ случаѣ сужденіе измѣняется качественно, а во второмъ — количественно; то измѣненіе можно назвать *уравниваніемъ*, а это — ***превращеніемъ*** подлежащаго и сказуемаго.

Уравниваніе подлежащаго и сказуемаго.

§ 69.

Измѣнять сужденіе качественно, значитъ — либо ограничивать въ немъ подлежащее и сказуемое, либо отвлекать отъ нихъ ограниченія. А чтобы, чрезъ это дѣйствіе отвлеченія и ограниченія, отношеніе входящихъ въ сужденіе понятій не измѣнилось,— надобно во столько ограничивать сказуемое, во сколько ограничено подлежащее, либо столько отвлечь отъ перваго, сколько отвлечено отъ послѣдняго; тоже и наоборотъ. Такое наблюденіе надъ равенствомъ прибывающей или убывающей матеріи въ содержаніи обѣихъ частей сужденія, поколику это производится чрезъ отвлеченіе и ограниченіе ([73]), есть *уравниваніе* ихъ. Возмемъ, напримѣръ, сужденіе: домъ есть жилище человѣка. Ограничивъ его подлежащее новою чертою «каменный», мы получимъ: каменный домъ есть жилище человѣка, — сужденіе, измѣненное въ самомъ отношеніи понятій; потому что въ объемѣ человѣческаго жилища прежде содержался домъ вообще, а теперь содержится только домъ каменный. Чтобы поправить эту

([73]) Матерія въ подлежащемъ и сказуемомъ можетъ увеличиваться или уменьшаться также чрезъ введеніе въ нихъ или выведеніе изъ нихъ отдѣльныхъ понятій: но эти понятія не суть ни отвлеченія ни ограниченія прежнихъ; а потому отношеніе между подлежащимъ и сказуемымъ чрезъ нихъ не измѣняется. Напр. звѣрь есть животное; звѣри, птицы и рыбы суть животныя.

неровность въ измѣненіи сужденія, надобно, по ограниченіи подлежащаго, ограничить и сказуемое тою же, или другою ([74]) чертою, которая бы однакожъ во столько стѣсняла объемъ признака, во сколько увеличено содержаніе понятія. По этому, въ вышеприведенномъ сужденіи отношеніе понятій возстановится, если чертою «каменный» мы ограничимъ и сказуемое и положимъ такъ: каменный домъ есть каменное жилище человѣка. Тоже самое должно наблюдать и при отвлеченіи ограниченій. Напримѣръ, въ томъ же сужденіи: домъ есть жилище человѣка, — отвлечемъ отъ сказуемаго ограниченіе «человѣка» и получимъ: домъ есть жилище, — сужденіе, въ которомъ опять измѣнилось самое отношеніе понятій; потому что сказуемое «жилище человѣка» прежде относилось только къ дому, поколику онъ имѣетъ архитектуру жилища человѣческаго, а сказуемое «жилище» относится уже къ помѣщенію какихъ бы то ни было живущихъ существъ. По этому, чтобы измѣненіе послѣдняго сужденія соотвѣтствовало значенію перваго, надобно отношеніе частей въ этомъ уравнять съ отношеніемъ частей въ томъ, и для того должно столько же отвлечь и отъ подлежащаго, сколько отвлечено нами отъ сказуемаго. Именно отвлечемъ отъ него производимую собственно для человѣка художественную постройку дома, и получимъ: помѣщеніе живущаго существа есть жилище.

([74]) Подлежащее и сказуемое сужденія можно ограничивать и не одинаковыми чертами: но при этомъ должно наблюдать, чтобы ограниченіе ихъ происходило съ той же точки зрѣнія (§ 60), которая взята въ сужденіи измѣняемомъ. Въ противномъ случаѣ сужденіе измѣненное сдѣлается вовсе новымъ. Напримѣръ, измѣняя сужденіе: дерево горитъ, — мы составили бы новое, если бы сказали: смолистое дерево горитъ краснымъ огнемъ; потому что въ первомъ случаѣ вниманіе обращалось на горѣніе, а въ послѣднемъ имѣется въ виду цвѣтъ пламени. Чтобы отношеніе понятій въ приведенномъ сужденіи не измѣнилось, надобно, по ограниченіи подлежащаго свойствомъ «смолистое», ограничить сказуемое словомъ «ярко» или «сильно». Соблюденіе этого правила при измѣненіи сужденія весьма много помогаетъ нетолько мышленію, но и точному выраженію мыслей.

Превращеніе подлежащаго и сказуемаго.

§ 70.

Измѣнять сужденіе количественно значитъ разширять или стѣснять объемъ содержащихся въ немъ понятій. Цѣль этого дѣйствія и здѣсь, какъ въ измѣненіи качественномъ, есть—уравнять отношеніе подлежащаго и сказуемаго, чтобы, то есть, объемъ послѣдняго, по возможности, принадлежалъ только первому. Стало быть, измѣненіе сужденія по формѣ должно клониться къ установленію формальнаго тожества между признакомъ и понятіемъ (§ 57); а изъ этого необходимо произойти *формально тожественному сужденію* (75), или такой формѣ мышленія, въ которой объемы подлежащаго и сказуемаго равны, и потому взаимно замѣнимы. Но взявъ какое нибудь сужденіе, чтобы измѣнить его именно для этой цѣли, мы можемъ встрѣтить въ немъ либо то, что обѣ части его и безъ того формально тожественны (напримѣръ, Богъ есть существо высочайшее), либо то, что признакъ въ немъ обширнѣе понятія (напримѣръ, всѣ люди смертны). Въ первомъ случаѣ, очевидно, нѣтъ никакой нужды измѣнять сужденіе; но въ послѣднемъ надобно стѣснить объемъ сказуемаго въ

---

(75) Здѣсь разумѣются сужденія тожественныя *по формѣ*. А допускать ихъ совершенно тожественными *по содержанію*, слѣдовательно — *абсолютно-тожественными*, значило бы, противорѣчить самому существу сужденія вообще; потому что для сужденія, каково бы оно ни было, необходимъ признакъ; а признакъ, чтобы сдѣлаться сказуемымъ, долженъ быть признакомъ отвлеченнымъ, слѣдовательно формальнымъ. Пусть этимъ отвлеченіемъ иногда выражается, по видимому, самая природа предмета, какъ напр. въ сужденіи: Богъ есть существо высочайшее; но пока оно мыслится, какъ сказуемое,—все еще представляется чѣмъ-то формальнымъ. По сему, даже въ *сужденіяхъ тожесловныхъ*, которыя явно обличаютъ стремленіе разсудка выйти изъ условій сужденія формальнаго, замѣчается однакожъ не менѣе формальности; ибо одно и тоже понятіе въ немъ выражаетъ не то, какъ сказуемое, что выражаетъ оно, какъ подлежащее. Въ подлежащемъ мыслится его единство, а въ сказуемомъ — множество отдѣльныхъ его принадлежностей и свойствъ. Чтобы увѣриться въ этомъ, стоитъ только вникнуть, напримѣръ, въ сужденіе: человѣкъ есть человѣкъ, и при этомъ взять во вниманіе самую интонацію, то есть, удареніе на сказуемомъ тожесловнаго сужденія.

сужденіи. Такимъ образомъ мы получимъ два рода формально тожественныхъ сужденій. Въ первомъ какъ подлежащее, такъ и сказуемое будутъ понятіями общими; а въ послѣднемъ одно подлежащее будетъ понятіемъ общимъ, а сказуемое — частнымъ. Но оба эти сужденія сходны въ одномъ, — что подлежащее и сказуемое въ нихъ взаимно замѣнимы; а отсюда само собою явствуетъ, въ чемъ состоитъ превращеніе ихъ. *Превращать* сужденіе, значитъ, основываясь на формальномъ тожествѣ содержащихся въ немъ понятій, принимать подлежащее за сказуемое, а сказуемое за подлежащее. Поэтому вышеприведенныя сужденія превратятся такъ: высочайшее существо есть Богъ; нѣчто смертное суть люди. Превращеніе перваго рода называется *conversio simplex*, потому что оно производится безъ стѣсненія объемовъ подлежащаго и сказуемаго. Превращеніе же втораго рода есть *conversio per accidens;* потому что сказуемое превращеннаго такимъ образомъ сужденія обнимаетъ не всю сферу подлежащаго, а только нѣкоторую (случайную) часть ея. Къ этимъ двумъ способамъ превращенія сужденій Логика относитъ еще превращеніе *per contrapositionem*, когда разсудокъ не только дѣлаетъ сказуемое подлежащимъ, а подлежащее сказуемымъ, но еще форму сужденія положительную измѣняетъ въ отрицательную, а отрицательную въ положительную. Напримѣръ, вышеприведенныя сужденія per contrapositionem превратились бы такъ: существо невысочайшее не есть Богъ; ничто несмертное не суть люди.

Раздѣленіе сужденій.

§ 71.

Доселѣ мы разсматривали сужденіе въ зависимости отъ составляющихъ его понятій, то есть, наблюдали, каково бываетъ отношеніе между его частями, если онѣ таковы или таковы, и развиваются одна изъ другой въ форму сужденія такъ или иначе. Теперь же обратимъ вниманіе на сужденіе, какъ на положеніе разсудка (§ 58), и посмотримъ, какъ онъ пользуется этими готовыми матеріалами при различномъ соединеніи ихъ, и въ какихъ ви-

дахъ обнаруживаетъ ихъ соединеніе. Дѣятельность разсудка, поколику самъ онъ *полагаетъ отношеніе* между подлежащимъ и сказуемымъ, представитъ намъ основаніе ([76]) для раздѣленія сужденій на извѣстные виды.

Каково бы ни было само по себѣ извѣстное понятіе, становящееся предметомъ сужденія, — въ разсудкѣ того или другаго человѣка оно можетъ быть не одинаково яснымъ, раздѣльнымъ и полнымъ (§ 47), и имѣть такія или другія качества въ отношеніи не къ однимъ и тѣмъ же признакамъ. По этому самому иные признаки разсудокъ можетъ приписывать ему рѣшительно — съ увѣренностію. а иные — нерѣшительно, съ нѣкоторою недовѣрчивостію. Отсюда каждое сужденіе, выражая собою положеніе силы мыслящей, является въ одной изъ двухъ противуположныхъ формъ, то есть, въ формѣ сужденія либо *рѣшительнаго*, либо *нерѣшительнаго*. Сужденіе рѣшительное въ Логикѣ принято называть *категорическимъ;* а нерѣшительное, смотря потому, подлежащимъ его, или сказуемымъ разсудокъ выражаетъ нерѣшительность сужденія, бываетъ либо *условнымъ*, либо *раздѣлительнымъ*.

Сужденіе категорическое.

§ 72.

Сужденіе категорическое или рѣшительное есть то, въ которомъ разсудокъ извѣстное сказуемое приписываетъ подлежа-

---

([76]) Кантъ и почти всѣ послѣдующіе излагатели Логики, говоря о сужденіяхъ, основывали ихъ классификацію по той же самой таблицѣ категорій, по которой распредѣляли и понятія. Таково, напримѣръ, категорическое различіе сужденій въ Логикѣ Канта. Сужденія бываютъ:

1) *По количеству,* —	2) *По качеству,* —	3) *По отношенію,* —	4) *По модальн.*
Общія,	Утвердительныя,	Категорическія,	Проблем.
Частныя,	Отрицательныя,	Условныя,	Ассертор.
Недѣлимыя,	Ограничительныя,	Раздѣльныя,	Аподикт.

Но если на сужденіе мы будемъ смотрѣть, какъ на одну цѣлую форму, а не на ту или другую часть ея; то увидимъ, что распредѣленіе сужденій по категоріямъ рѣшительно невозможно; потому что въ одномъ и томъ же сужденіи могутъ находиться понятія разныхъ категорій.

щему формально, не обнаруживая никакого недоумѣнія, то есть, мыслитъ, что въ понятіи, о которомъ онъ судитъ, дѣйствительно заключается, либо можетъ или долженъ заключаться такой-то признакъ, и поэтому прямо— въ рѣшительной формѣ сужденія, приписываетъ его тому понятію. Напримѣръ, земля есть планета; это дитя читаетъ и пишетъ

Форма этого сужденія называется категорическою — по силѣ того основанія, на которомъ разсудокъ утверждается, мысля о чемъ нибудь рѣшительно. Общимъ основаніемъ категорическаго сужденія для разсудка всегда бываетъ то, что всякое понятіе непремѣнно должно быть мыслимо въ какомъ нибудь объемѣ, то есть, *подъ какою нибудь категоріею* (§ 53). Такимъ образомъ подводить предметъ подъ извѣстную категорію, или, что тоже,— мыслить одно понятіе въ другомъ, значитъ, судить о немъ категорически. Дополнительною характеристическою чертою категорическаго сужденія служитъ еще и то, что разсудокъ изъ даннаго понятія развиваетъ его *непосредственно*, то есть, данное понятіе безъ всякаго матеріальнаго посредства подводитъ подъ одинъ изъ его признаковъ. При непосредственномъ развитіи категорическаго сужденія, сила мыслящая, повидимому, должна бы встрѣчать затрудненіе въ томъ, можно ли извѣстное понятіе мыслить именно въ такомъ-то объемѣ: но въ этомъ случаѣ ему благопріятствуетъ самая возможность сужденій, не одинаковыхъ по ихъ достоинству. Разсудокъ тѣмъ чаще судитъ категорически — даже потому, что можетъ въ формѣ категорической судить не только аподиктически и ассерторически, но и проблематически. Когда же извѣстное понятіе представляется разсудку такимъ, что какого нибудь признака нельзя непосредственно относить къ нему даже проблематически; тогда уже самая необходимость заставляетъ его обращаться къ формамъ сужденій посредственныхъ или нерѣшительныхъ.

Сужденія категорическія, какъ рѣшительныя положенія разсудка, при всей своей однохарактерности по формѣ, бываютъ не одинаковы по матеріи. Разсматриваемыя со стороны матеріи, они являются иногда простыми, а иногда сложными. Сужденіями

категорическими *простыми* надобно почитать, очевидно, тѣ, въ которыхъ мыслится непосредственное отношеніе только двухъ понятій, матеріально входящихъ одно въ другое (per inhaerentiam), и формально содержащихся одно въ другомъ (§ 58). Эти сужденія могутъ быть и синтетическія, когда разсудокъ идетъ отъ понятія къ его признаку или объему (§ 65), наприм., дерево есть растеніе, — и аналитическія, когда онъ направляется отъ ограниченнаго имъ признака или объема къ понятію (§ 66), напримѣръ, это дерево есть липа. Напротивъ, сужденіе категорическое *сложное* будетъ то, въ которомъ либо многія понятія мыслятся подъ однимъ признакомъ, либо одинъ признакъ опредѣляется многими понятіями. Подлежащее перваго сужденія состоитъ изъ разъединенныхъ или видовыхъ понятій, содержащихся въ общемъ родовомъ объемѣ, какъ ихъ сказуемомъ, и потому можетъ быть названо *сужденіемъ соединительнымъ*. Таково, напримѣръ, сужденіе: золото, серебро и платина почитаются металлами благородными. Подлежащее же послѣдняго сужденія поставляется въ отношеніе ко всѣмъ содержащимся въ родовой его сферѣ разъединеннымъ или видовымъ понятіямъ, какъ къ его сказуемымъ, и потому получаетъ значеніе *сужденія собирательнаго*. Таково, напримѣръ: благородные металлы суть: золото, серебро и платина. Сужденія соединительныя, независимо отъ какихъ нибудь частныхъ ограниченій сказуемаго, бываютъ аналитическими; а сужденія собирательныя во всякомъ случаѣ суть синтетическія.

Сужденіе условное.

§ 73.

Сужденіе условное есть то, въ которомъ разсудокъ обнаруживаетъ нерѣшительность мышленія касательно подлежащаго, и показываетъ, что извѣстный признакъ тогда только можетъ относиться къ нему въ значеніи сказуемаго, когда оно въ своемъ содержаніи имѣетъ условіе этого отношенія. Напримѣръ, если въ А есть α, то А есть В; если въ грѣшникѣ пробудилось раскаяніе, то онъ можетъ быть помилованъ.

Разсматривая *матерію* сужденій условныхъ, мы замѣчаемъ, что сказуемое въ нихъ непосредственно не относится къ подлежащему, потому что не находится въ числѣ его признаковъ и есть понятіе особое, отъ него независимое. Такъ въ подлежащемъ «грѣшникъ» напрасно искали бы мы признака «помилованіе». Между тѣмъ ничто не препятствуетъ предполагать, что подлежащее, само по себѣ не имѣющее связи съ извѣстнымъ понятіемъ, которое должно занимать мѣсто сказуемаго, можетъ быть ограничено такъ, что, вслѣдствіе этого ограниченія, вступитъ съ нимъ въ связь. Въ самомъ дѣлѣ, помилованіе, не относящееся къ грѣшнику, поколику онъ — только грѣшникъ, къ грѣшнику раскаявающемуся уже находится въ отношеніи. Такимъ образомъ понятія, прежде чуждыя другъ другу, при извѣстномъ ограниченіи того изъ нихъ, о которомъ разсудокъ судитъ и которое чрезъ то дѣлается тѣснѣе въ своемъ объемѣ, могутъ прійти въ сродство и составить матерію одного сужденія, въ которомъ сказуемое будетъ приписываться подлежащему подъ условіемъ полученнаго имъ ограниченія. Это ограниченіе называется *основаніемъ* условнаго сужденія и всегда посредствуетъ между его подлежащимъ и сказуемымъ. Посему условное сужденіе во всякомъ случаѣ бываетъ сужденіемъ *посредственнымъ*, Условіе въ немъ, подлежащему, поколику оно можетъ и ограничиваться имъ, и не ограничиваться, принадлежа синтетически, къ сказуемому, всегда имѣетъ отношеніе аналитическое; потому что либо само оно есть признакъ сказуемаго, либо сказуемое есть его признакъ. Отъ этого-то происходитъ либо проблематическое, либо ассерторическое, либо аподиктическое достоинство условнаго сужденія. То есть, условіе относится къ сказуемому, либо какъ понятіе къ признаку, — и тогда условное сужденіе бываетъ или аподиктическимъ или ассерторическимъ, либо какъ признакъ къ понятію, и тогда оно — проблематическое. Это положеніе не встрѣтитъ никакихъ недоумѣній, если мы обратимъ вниманіе на то, что въ условномъ сужденіи ограниченіемъ подлежащаго можетъ быть понятіе, либо какъ *причина* сказуемаго, — и тогда сказуемому принадлежитъ значеніе *произведенія* (напр.,

если пойдутъ морозы, то рѣка станетъ), либо какъ *основаніе* сказуемаго, — и тогда сказуемое бываетъ *слѣдствіемъ* (напр., если человѣкъ честенъ, то на него можно положиться), либо какъ *обстоятельство* сказуемаго,—и тогда сказуемое является подъ его *вліяніемъ* (напр., если я найду время, то займусь этимъ дѣломъ), либо какъ *цѣль* сказуемаго, — и тогда сказуемымъ выражается *средство* (напр., если ученикъ долженъ учиться, то ему нужны книги), либо какъ *знакъ* сказуемаго,—и тогда сказуемымъ будетъ *означаемое* (напр., если ртуть въ термометрѣ ниже нуля, то на дворѣ—морозъ). Явно, что все это различіе условныхъ сужденій зависитъ отъ содержанія подлежащаго, и потому условное сужденіе съ этой точки зрѣнія справедливо называютъ *сужденіемъ содержанія*.

Обыкновенная *форма* условнаго сужденія слагается изъ двухъ частей: первая называется *предшествующимъ* и показываетъ, какимъ признакомъ должно быть ограничено подлежащее, чтобы изъ него вытекало сказуемое; а вторая есть *послѣдующее*, выражающее то, что происходитъ вслѣдствіе ограниченія подлежащаго тѣмъ или другимъ признакомъ; и обѣ эти части соединяются условыми союзами: «если» «то». Но такая форма разсматриваемыхъ сужденій иногда отчасти, а иногда вовсе теряется. Условное сужденіе, не переставая быть условнымъ по матеріи, измѣняетъ нормальную свою форму—то чрезъ отвлеченіе основанія отъ подлежащаго, то чрезъ ближайшее ограниченіе подлежащаго основаніемъ, то чрезъ замѣненіе условныхъ союзовъ другими частицами, либо чрезъ опущеніе ихъ. a) Такъ какъ сущность условнаго сужденія состоитъ въ зависимости сказуемаго отъ основанія; то подлежащее въ немъ иногда вовсе не мыслится, или лучше сказать, сливается съ основаніемъ въ одно отвлеченное понятіе. Напримѣръ: если есть раскаяніе, то можетъ быть и исправленіе. b) Бываетъ и наоборотъ, что основаніе берется не какъ понятіе, а какъ признакъ ограничительный и сливается въ одно съ подлежащимъ, давая ему видъ бытія ограниченнаго. Напримѣръ: преступникъ раскаявающійся можетъ исправиться. Явно, что въ этомъ случаѣ условная форма сужденія

превращается въ категорическую, хотя матерія его тѣмъ не менѣе остается условною. с) Условными также сужденіями надобно почитать и слѣдующія: Гдѣ есть любовь, тамъ страха нѣтъ; ты избавился отъ бѣды? — благодари Бога. Въ первомъ изъ этихъ сужденій условные знаки замѣнены другими, а въ послѣднемъ они вовсе оставлены.

Сужденіе раздѣлительное.

§ 74.

Сужденіе раздѣлительное есть то, въ которомъ разсудокъ обнаруживаетъ нерѣшительность мышленія касательно сказуемаго, или, въ которомъ сказуемое состоитъ изъ нѣсколькихъ разъединенныхъ понятій, взаимно оспаривающихъ отношеніе къ одному, формально общему имъ, но матеріально ограниченному, и потому не общему ихъ объему. Напримѣръ: А, ограниченное чрезъ α, есть или В или С или D; взятый треугольникъ либо прямоуголенъ, либо тупоуголенъ, либо остроуголенъ.

Матерію раздѣлительнаго сужденія можетъ составлять все то, что содержится подъ понятіемъ или въ объемѣ подлежащаго. А подъ понятіемъ, какъ извѣстно (§ 46), содержится множество родовъ и видовъ съ родовыми и видовыми разницами, по которымъ они всегда мыслятся одни внѣ другихъ. Но если мы возмемъ какой нибудь родовой объемъ за подлежащее, а содержащіяся въ немъ видовыя понятія — за сказуемое; то получимъ сужденіе собирательное (§ 72), слѣдовательно не раздѣлительное, а категорическое. Для образованія же сужденія раздѣлительнаго, взятый объемъ долженъ имѣть значеніе нетолько формальное, но и матеріальнос, — долженъ быть понятіемъ, заключать въ себѣ какое нибудь содержаніе. Это содержаніе мы доставляемъ ему, когда мыслимъ его подъ извѣстнымъ ограниченіемъ. Въ такомъ случаѣ заключающіеся подъ нимъ виды разсудокъ смѣло поставляетъ въ отношеніе къ нему, какъ къ общему ихъ объему, но въ то же время недоумѣваетъ, который изъ нихъ сроденъ съ нимъ своимъ содержаніемъ или видовою разницею,

и посему подводитъ ихъ подъ тотъ объемъ раздѣлительно. Изъ этого явно, что возможность раздѣлительнаго сужденія зависитъ отъ ограниченія объема, и потому его ограниченіе почитается *основаніемъ* ([77]) раздѣлительной формы приписываемаго ему сказуемаго. А такъ какъ это основаніе вмѣстѣ служитъ чертою, посредствующею между формальнымъ единствомъ рода въ подлежащемъ и многоразличіемъ видовъ въ сказуемомъ, то раздѣлительное сужденіе надобно почитать также сужденіемъ *посредственнымъ*. Это сужденіе во всякомъ случаѣ бываетъ синтетическимъ и, имѣя свое основаніе въ ограниченномъ объемѣ, называется *сужденіемъ объема*.

Форму раздѣлительнаго сужденія составляетъ раздѣльное отношеніе нѣсколькихъ видовъ, какъ сказуемыхъ, къ общему, но ограниченному ихъ объему, занимающему мѣсто подлежащаго. Въ предложеніи выражается она обыкновенно раздѣлительными союзами «или» «либо». Но должно замѣтить, что такая форма раздѣленія не исключительна: она болѣе или менѣе разнообразится, и разнообразіе ея происходитъ отъ различной знаменательности мыслимаго основанія. Если ограниченіями объема бываютъ черты частныя, принадлежащія недѣлимому, которыхъ однакожъ разсудокъ раздѣльно и ясно не сознаетъ; то заключающіеся въ немъ виды могутъ относиться къ нему не иначе, какъ въ формѣ *раздѣльности*. Напримѣръ: этотъ человѣкъ (судя по чертамъ его лица, одеждѣ и проч.) долженъ быть или Италіянецъ, или Швейцарецъ; каждый человѣкъ на торговой площади (судя по ея назначенію) или продаетъ, или покупаетъ. Если ограниченіями объема бываютъ также черты частныя, но одна изъ нихъ принадлежитъ одному содержащемуся подъ нимъ виду, другая другому, и т. д.; то эти виды должны относиться къ нему въ формѣ *дробности*. Напримѣръ: мы познаемъ частію синтети-

---

([77]) Замѣтимъ однакожъ, что основаніе въ раздѣлительномъ сужденіи часто мыслится скрытно, или подразумѣвается, какъ точка зрѣнія, съ которой разсудокъ смотритъ на содержащіяся подъ извѣстнымъ объемомъ видовыя понятія (§ 60). Вникнувъ въ смыслъ сужденія, основаніе его всегда можно опредѣлить.

чески, частію аналитически. Если же наконецъ объемъ ограничивается чертами заключающихся подъ нимъ видовъ—не только частными, но и случайными, которыя правильно или неправильно смѣняются однѣ другими; то содержащіеся подъ нимъ виды становятся въ отношеніе къ нему въ формѣ *преемственности*. Напримѣръ: лѣто бываетъ иногда дождливое, а иногда сухое; этотъ художникъ живетъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ; небо ночью то испещрено звѣздами, то закрыто туманами ([78]).

Переходъ къ слѣдующей главѣ, или значеніе сужденій, поколику они сравниваются между собою.

§ 75.

Разсмотрѣвъ всѣ возможныя формы, въ которыхъ выражается сужденіе, мы теперь приходимъ къ изслѣдованіи вопроса: что и какимъ образомъ имѣетъ произойти чрезъ снесеніе нѣсколькихъ сужденій? Этотъ вопросъ, очевидно, долженъ привесть насъ къ *теоріи умозаключеній*. Но раскрытіе ея требуетъ нѣкоторыхъ предварительныхъ замѣчаній. Прежде всего надобно замѣтить различіе между снесеніемъ или сравниваніемъ сужденій и соединеніемъ ихъ. ***Сравнивать*** сужденія можно только по формѣ, поколику разсудокъ смотритъ на формальное отношеніе подлежащихъ и сказуемыхъ въ сравниваемыхъ сужденіяхъ, и съ этой стороны

([78]) Сужденіе раздѣлительное, по формѣ, иногда *сливается* съ сужденіемъ условнымъ. Сліяніе ихъ бываетъ двоякое и можетъ быть понято чрезъ сравненіе формулъ того и другаго сужденія.

Если въ A есть α, то A есть B.

A, ограниченное чрезъ α, есть или B или C.

Изъ этихъ двухъ формулъ можно составить одну:

1) соединяя подлежащее первой съ сказуемымъ второй:

Если въ A есть α, то A есть или B или C.

Если полководецъ знаетъ свое дѣло; то онъ или разобьетъ непріятеля, или искусно уклонится отъ сраженія.

2) раздѣльно мысля подлежащее второй съ сказуемомъ первой:

Или A ограничено чрезъ α, или нѣтъ B.

Вы или получите похищенныя у васъ деньги, или полиція не хороша.

одно сужденіе находитъ либо частнымъ вразсужденіи общаго, либо отрицательнымъ вразсужденіи положительнаго. Напротивъ, *соединять* сужденія можно не иначе, какъ по содержанію, подъ условіемъ формы. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ снесеніе формъ ихъ столь же необходимо, какъ и въ первомъ: но здѣсь оно мыслится единственно для того, чтобы извѣстное понятіе одного сужденія поставить въ матеріальное сродство съ какимъ нибудь понятіемъ другаго. А отсюда открывается, что сравненіе сужденій по формѣ есть *средство*, соединеніе же ихъ по содержанію— *цѣль*, и послѣдняя чрезъ первое достигается въ теоріи умозаключенія. Посему, чтобы правильно соединять сужденія при умозаключеніи, мы должны напередъ обратить вниманіе на то, какъ они сравниваются между собою.

По формѣ, сужденія, какъ извѣстно (§ 62, 63), бываютъ четырыхъ родовъ: общее утвердительное (A), общее отрицательное (E), частное утвердительное (J) и частное отрицательное (O). Поставляя эти сужденія въ сравненіе — каждое съ каждымъ, мы замѣчаемъ слѣдующее: 1) Сужденіе общее утвердительное (напр., всѣ тѣла имѣютъ тяжесть) къ частному утвердительному (напр., нѣкоторыя тѣла имѣютъ тяжесть) относится, очевидно, какъ цѣлое къ части, или родъ къ виду; а потому отношеніе ихъ можно назвать ***отношеніемъ подчиненія.*** Такое же названіе слѣдуетъ приложить и къ отношенію сужденій общаго отрицательнаго и частнаго отрицательнаго. 2) Если одно изъ сравниваемыхъ сужденіи есть общее утвердительное (напр., всякій порокъ гибеленъ), а другое — общее отрицательное (напр., никакой порокъ не гибеленъ); то отношеніе ихъ называется ***отношеніемъ противности*** ([79]). 3) Если сравнивается сужденіе общее утвердительное (напр., всѣ треугольники суть фигуры) съ частнымъ отрицательнымъ (напр., нѣкоторые треугольники не суть фигуры), или сужденіе

([79]) Логика отличаетъ противное отъ противуположнаго. *Противуположными* (opposita) бываютъ *понятія* и находятся между собою въ отношеніи матеріальномъ (§ 57), какъ напр. добро и зло; а *противными* (contraria) могутъ быть мыслимы *сужденія,* и въ этомъ значеніи они — формальны.

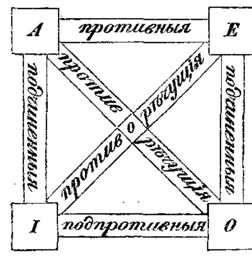
общее отрицательное (напр., ни одинъ кругъ не четвероуголенъ) съ частнымъ утвердительнымъ (напр., нѣкоторые круги четвероугольны); то отношеніе ихъ называется *отношеніемъ противорѣчія.* 4) Если наконецъ сравнивается сужденіе частное утвердительное (напр., нѣкоторые люди образованы) съ частнымъ отрицательнымъ (напр., нѣкоторые люди необразованы); то, предполагая, что «нѣкоторые» въ одномъ и «нѣкоторые» въ двугомъ — одни и тѣже, ихъ надобно почитать противными, а когда не одни и тѣже, то матерія ихъ различна, и слѣдовательно они не могутъ быть мыслимы во взаимномъ отношеніи. Впрочемъ, представляя, что между ними есть какая нибудь связь, Логика обыкновенно даетъ имъ названіе *сужденій подпротивныхъ* ([80]).

Изъ сравненія сужденій выводъ непосредственныхъ умозаключеній.

§ 76.

Разсматривая формальное отношеніе сужденій, мы замѣчаемъ, что нетолько каждое сужденіе можно сравнивать со многими другими, имѣющими туже самую матерію, и находить его, относительно къ послѣднимъ, либо подчиненнымъ, либо противнымъ, и т. д., но и изъ какого нибудь одного сужденія можно, въ формѣ слѣдствія, вывесть нѣсколько новыхъ, и такимъ образомъ развивать такъ называемыя *непосредственныя умозаключенія,* основывающіяся на *формальномъ отношеніи* сужденій. Это ясно откроется изъ слѣдующихъ замѣчаній.

([80]) Всѣ показанныя формальныя отношенія сужденій изображаются слѣдующею схемою:

1) *Сужденія взаимно противорѣчущія* (A и O, E и J) относятся между собою такъ, что если одно — истинно, то другое, имѣющее тоже содержаніе, ложно, и наоборотъ. По сему, отъ истинности одного изъ нихъ всегда можно заключать къ ложности другаго, равно какъ отъ ложности одного — къ истинности другаго. Напримѣръ: справедливо, что всѣ тѣла имѣютъ тяжесть; слѣд. ложно, что нѣкоторыя тѣла не имѣютъ тяжести. Ложно, что всѣ тѣла прозрачны; слѣд. справедливо, что нѣкоторыя тѣла непрозрачны.

2) *Сужденія взаимно противныя* (A и E) относятся между собою такъ, что если одно — истинно, то другое, имѣющее туже матерію, ложно, но не наоборотъ. По сему, отъ истинности одного котораго либо изъ нихъ можно заключать къ ложности другаго, а отъ ложности одного не слѣдуетъ заключеніе къ истинности другаго; потому что чего нельзя сказать о цѣломъ, то можно иногда приписать нѣкоторымъ частямъ его. Напримѣръ: справедливо, что всѣ животныя питаются; слѣд. ложно, что ни одно животное не питается. Но если бы произнесено было ложное сужденіе, что всѣ животныя питаются травою; то противное ему, что никакое животное не питается травою, еще не было бы справедливо.

3) *Сужденія подчиненное и подчиняющее* (A и J, E и O) относятся между собою такъ, что если A или E—истинны, то и содержащіяся подъ ними J или O равнымъ образомъ истинны. По сему, отъ истинности A или E можно заключать къ истинности J или O: ab universali ad particulare valet consequentia. Напримѣръ: справедливо, что всѣ люди могутъ ошибаться; слѣд. справедливо, что и нѣкоторыя люди могутъ ошибаться. Но обратное заключеніе невозможно: a particulari ad universale non valet consequentia. Если, напримѣръ, справедливо, что нѣкоторые люди образованы; то еще не слѣдуетъ, что и всѣ люди образованы. Съ другой стороны, отъ ложности A или E нельзя заключать къ ложности J или O. ~~Напримѣръ:~~ ложное сужденіе, что всѣ тѣла пирамидальны, не даетъ права принимать за ложь и то, что нѣкоторыя тѣла пирамидальны. Напротивъ, отъ ложности сужденія J или O къ лож-

ности А или Е заключеніе возможно. Напримѣръ: ложно, что нѣкоторыя тѣла не занимаютъ мѣста; слѣд. ложно, что и всѣ тѣла не занимаютъ мѣста.

4) *Сужденія подпротивныя* (J и О), какъ частныя, сами по себѣ сравниваемы быть не могутъ, а потому одно изъ нихъ непосредственно не вытекаетъ изъ другаго. Впрочемъ, такъ какъ оба они всегда заключаются въ какомъ нибудь общемъ объемѣ, то, при посредствѣ этого объема, могутъ, какъ выше сказано, превращаться въ сужденія взаимно противорѣчущія, и тогда отъ ложности одного изъ нихъ справедливо заключается къ истинности другаго, но не наоборотъ. Если, напримѣръ, найдено ложнымъ, что нѣкоторыя планеты не движутся вокругъ солнца; то должно слѣдовать, что нѣкоторыя планеты движутся вокругъ солнца.

Кромѣ этихъ формъ непосредственнаго умозаключенія, Логика замѣчаетъ еще другія, основывающіяся на *превращеніи* сужденій. Выше было сказано (§ 70), что превращеніе ихъ совершается simpliciter, per accidens et per contrapositionem. Соотвѣтственно этому, вытекаетъ отсюда и три новыхъ формы непосредственныхъ умозаключеній.

1) *Simpliciter* превращается сужденіе общее отрицательное; потому что подлежащее и сказуемое въ нихъ не имѣютъ ничего общаго; слѣдовательно все равно, — то или другое его понятіе примемъ мы за подлежащее. Посему отъ сужденія общаго отрицательнаго всегда можно заключать къ превращенному общему отрицательному. Напримѣръ: никакой камень не есть золото; слѣд. никакое золото не есть камень. Simpliciter также превращаются и сужденія частныя утвердительныя, но только тогда, когда подлежащее въ нихъ есть одно изъ свойствъ сказуемаго. Напримѣръ: нѣчто совершенно непрозрачное суть минералы; слѣд. нѣкоторые минералы совершенно непрозрачны.

2) *Per accidens* превращается сужденіе общее утвердительное. Посему отъ сужденія общаго утвердительнаго можно заключать къ превращенному частному утвердительному. Напримѣръ: всѣ люди смертны; слѣд. нѣчто смертное есть человѣкъ. Но если ска-

зуемое сужденія принадлежитъ подлежащему, какъ существенный, ему одному свойственный признакъ; то такое сужденіе превращается simpliciter. Наприм. всѣ треугольники прямоугольные имѣютъ такую сторону, которой квадратъ равенъ суммѣ квадратовъ двухъ прочихъ сторонъ; слѣд. всякій треугольникъ, имѣющій такую сторону, которой квадратъ равенъ суммѣ квадратовъ двухъ прочихъ сторонъ, есть прямоугольный.

3) *Per contrapositionem* превращаются сужденія частныя отрицательныя. Впрочемъ этотъ способъ превращенія приложимъ и ко всякимъ сужденіямъ. Напримѣръ: всѣ люди смѐртны; слѣд. все несмертное не есть человѣкъ.

Основаніемъ непосредственныхъ умозаключеній служитъ наконецъ и *относительное достоинство* сужденій. На этомъ основаніи Логика учитъ заключать отъ сужденія аподиктическаго къ ассерторическому, а отъ ассерторическаго къ проблематическому, но не наоборотъ. Отсюда логическія положенія: à necesse ad esse и ab esse ad posse valet consequentia. Напримѣръ: разсудку необходимо мыслить, слѣдовательно разсудокъ мыслитъ; люди добрые иногда бываютъ несчастны, слѣдовательно между людьми добрыми могутъ быть несчастные. При отрицательныхъ же сужденіяхъ позволяется только обратное заключеніе: à non posse ad non esse valet consequentia. Напримѣръ: репейникъ не можетъ произращать смоквъ, слѣдовательно на репейникѣ не бываетъ смоквъ.

ГЛАВА III.

ОБЪ УМОЗАКЛЮЧЕНІИ.

Понятіе объ умозаключеніи.

§ 77.

Умозаключеніе въ томъ смыслѣ, какой усвоенъ этому слову ежедневнымъ его употребленіемъ, есть соединеніе сужденій разнаго содержанія посредствомъ ихъ формы, или выведеніе одного сужденія изъ другаго чрезъ формальное соотношеніе заключающихся въ нихъ понятій. Такъ какъ въ умозаключеніи соединяются сужденія разнаго содержанія, то оно называется *силлогизмомъ* (συλλογισμός — снесеніе мыслей); а поколику эти разноматеріальныя сужденія выводятся одно изъ другаго чрезъ формальное соотношеніе заключающихся въ нихъ понятій, то оно получаетъ значеніе болѣе частное и принимаетъ названіе *умозаключенія посредственнаго*. Особенность силлогизма показываетъ, что, при снесеніи двухъ сужденій, одно изъ нихъ, съ которымъ сносится другое, должно быть сужденіемъ основнымъ; а особенность посредственнаго умозаключенія наводитъ на мысль о способахъ— изъ одного сужденія, какъ основанія, выводить другое, какъ слѣдствіе. И такъ, чтобы раздѣльнѣе сознать изложенное понятіе объ умозаключеніи, мы должны разсмотрѣть 1) *его основаніе* и 2) *образъ его развитія*.

I. ОБЪ ОСНОВАНІИ УМОЗАКЛЮЧЕНІЙ.

Общее сужденіе, какъ основаніе умозаключеній.

§ 78.

Основаніемъ умозаключенія Логика обыкновенно почитаетъ dictum de omni aut de nullo, то есть, сужденіе общее въ формѣ утвердительной или отрицательной; и стремленіе силы мыслящей къ такому основанію его замѣчается въ самыхъ раннихъ предначинаніяхъ ея дѣятельности. Мы видѣли (§ 59), что и частное сужденіе, изрекающее только фактъ чувственнаго воспріятія, идетъ уже въ срединѣ между отдѣльнымъ и общимъ и заранѣе ищетъ для себя необходимаго основанія. Будучи выраженіемъ подлежательной дѣятельности и въ этомъ своемъ значеніи не получивъ еще остойчивости, оно пріобрѣтаетъ твердость не отъ чего болѣе, какъ отъ общности. Зная это, опытныя науки, занимающіяся установленіемъ частныхъ сужденій, чтобы сообщить имъ болѣе точности, нашли возможнымъ образовать нѣсколько артикуловъ для Логики чувства. Такъ, напримѣръ, опредѣленіе теплоты предоставлено ими не шаткому ощущенію, а термометру или пирометру. Явно, что строгое наблюденіе въ этомъ случаѣ довѣрилось не неопредѣленному животному чувству, а острому зрѣнію, и возможность переведенія подлежательности въ предлежательность открыло во всеобщемъ. Такой же способъ переведенія внутренняго во внѣшнее замѣчается и въ отношеніи ко времени. Время есть общая форма внутренняго воззрѣнія (§ 19): но когда оно становится числомъ движенія, — разсудокъ какъ бы вытѣсняетъ его въ область внѣшняго наблюденія и дѣлаетъ видимымъ, напримѣръ, — въ искуственной часовой машинѣ. Тоже бываетъ и съ историческими или литературными произведеніями. Какъ скоро частное мнѣніе оказывается шаткимъ, — тотчасъ является критика и кладетъ на него печать общаго правила. Все это достаточно доказываетъ ту логическую истину, что твердость частнаго сужденія, какъ частнаго, условливается сужденіемъ общимъ, что подлежательное ощущеніе объектируется чрезъ приложеніе

общей мысли. Такъ именно общая природа проявляетъ себя въ частностяхъ, или отпечатлѣваетъ ихъ характеромъ общности. Если же частное основывается на общемъ; то на чемъ основывается само общее ([81])?

Основаніе, на которомъ утверждается общее сужденіе, какъ основаніе умозаключеній.

§ 79.

Не смотря на всегдашнее, какъ бы инстинктивное направленіе мышленія къ общности и на ежедневное употребленіе общихъ сужденій, мы не могли бы ничего сказать о побудительныхъ началахъ нашего стремленія къ общему, если бы не открывали ихъ въ самыхъ началахъ своей науки. Прежде было замѣчено (§ 15), что человѣческому уму естественно созерцать сущность предмета; но въ созерцаемой сущности умъ ничего не различаетъ, потому что различать—уму и несвойственно и невозмож-

([81]) Отвѣчая на этотъ вопросъ, философы въ древнее и новѣйшее время далеко расходились въ своихъ мнѣніяхъ. Изслѣдывая происхожденіе общихъ понятій, одни утверждали, что человѣкъ получаетъ ихъ изъ природы; потому что въ природѣ существуютъ вещи — нетолько *каждая сама по себѣ, но и въ своихъ* отношеніяхъ, то есть, въ видовыхъ и родовыхъ значеніяхъ; слѣдовательно тамъ усматривается нетолько, напримѣръ, Монбланъ, но и гора. Мыслители, защищавшіе это мнѣніе въ среднихъ вѣкахъ, названы *реалистами.* Напротивъ, другіе доказывали, что внѣшняя природа не даетъ намъ общихъ понятій, такъ какъ и въ самой себѣ не имѣетъ ничего общаго, — что мы усматриваемъ въ ней только отдѣльные предметы и уже потомъ сами связуемъ ихъ общими именами, — напримѣръ: Кавказъ, Кордильеры, Пиренеи, и проч. общимъ именемъ горъ. Мыслителей, державшихся этого мнѣнія въ среднихъ вѣкахъ, называли *номиналистами.* Разсматривая же происхожденіе общихъ сужденій, одни говорили, что человѣческому разсудку прирождены общія формы познанія, или категоріи, по которымъ, какъ по даннымъ моделямъ, онъ необходимо обобщаетъ предметы чувственнаго воззрѣнія, и такимъ образомъ положили начало *подлежательному идеализму;* — а другіе простодушно утверждали, что человѣкъ пріобрѣтаетъ общія познанія чрезъ сложеніе частныхъ фактовъ, желая помочь своей памяти и ускорить ходъ науки, — и такимъ образомъ пошли путемъ *предлежательнаго эмпиризма.* Оцѣнку этихъ мнѣній предоставляемъ философской Гносеологіи.

но, такъ какъ онъ дѣйствуетъ внѣ формъ пространства и времени. Мы видѣли еще (§ 21), что такая дѣятельность ума не остается безъ вліянія на разсудокъ и прежде всего обнаруживаетъ себя въ представленіи, поколику сила мыслящая необходимо должна употребить вниманіе и вниманіемъ удержать представляемое—уже не какъ сущность, а какъ субстанціальное одно, чтобы воспроизвесть его въ своемъ сознаніи. Это единство удерживаемаго вниманіемъ предмета есть не иное что, какъ отраженіе идеи ума и служитъ формою представленія (§ 21). Съ другой стороны чувство принимаетъ множество впечатлѣній, и между ними нѣтъ ни сходства ни единства; потому что чувству несвойственно ни сравнивать ни соединять: оно усматриваетъ только то, что усматриваетъ въ извѣстное мгновеніе и въ извѣстномъ мѣстѣ, не зная пространства и времени (§ 13). Но и чувственное усмотрѣніе, равно какъ умъ, имѣетъ вліяніе на разсудокъ и, подобно послѣднему, прежде всего принимаетъ участіе въ представленіи, поколику сила мыслящая должна воспроизвесть матеріальныя черты представляемаго предмета. Сіи черты поставляютъ ее въ связь съ міромъ внѣшнимъ и служатъ матеріею ея представленія (§ 22). И такъ въ представленіи разсудка стекаются — умственное одно и чувственное многое, субстанціальная форма и чувствопостигаемая матерія. Одно здѣсь, взятое само по себѣ, есть единство внутреннее, или требованіе сущности предмета; но какъ скоро одно является во многомъ, — оно становится уже единствомъ внѣшнимъ, или объемомъ многаго. Съ другой стороны, многое здѣсь есть неопредѣленное накопленіе чертъ, которыя, будучи взяты сами по себѣ, не представляютъ извѣстной вещи, но представляютъ только — каждая себя, какъ недѣлимое; когда же многое мыслится въ одномъ, — многое превращается уже въ опредѣленную величину и становится совокупностію признаковъ или содержаніемъ извѣстнаго предмета. Вникая въ это взаимное отношеніе одного и многаго, нельзя не видѣть, что одно во многомъ становится общностію многаго, а многое въ одномъ — цѣлостію одного; слѣдовательно общность есть необходимый результатъ взаимоограниченія одного и многаго въ мышленіи.

Многое никогда не сдѣлалось бы общимъ безъ единства; потому что въ семъ случаѣ не было бы ничего, чѣмъ могло бы оно обобщаться, слѣдовательно не было бы также ни слаганія, ни отвлеченія свойствъ въ представленіяхъ. Равнымъ образомъ и одно не имѣло бы значенія общности безъ многаго; потому что тогда оно было бы только внутреннимъ единствомъ, слѣдовательно оставалось бы чистымъ отраженіемъ идеи ума, или безсодержательною субстанціею, замѣняющею въ мышленіи сущность созерцаемаго предмета. И такъ основаніе общихъ сужденій надобно предполагать не отдѣльно въ частныхъ фактахъ чувственнаго усмотрѣнія или въ сближеніи ихъ, и не отдѣльно въ сущностяхъ вещей, требуемыхъ умомъ, но во взаимоограниченіи этихъ стихій мышленія.

Логическіе способы восходить къ общимъ сужденіямъ какъ основаніямъ умозаключеній.

§ 80.

Исторія развитія философскаго мышленія свидѣтельствуетъ, что бывали усилія—искать общихъ основаній не только умозаключенія, но и цѣлой науки, выходя изъ чистой идеи ума, или за коренное положеніе принимая созерцаніе сущности предмета. Въ этомъ случаѣ мыслитель [82], возбуждаемый своею идеею, вступалъ въ область разсудка, но вмѣстѣ съ тѣмъ, теряя изъ виду идеально созерцаемую и полную содержанія сущность, начиналъ мыслить только безсодержательную субстанцію, означаемую извѣстнымъ именемъ, и подвергалъ ее различнымъ реформамъ по законамъ мышленія. Отсюда происходили дѣйствительно общія сужденія; но между этими общими формами и частными

(82) Такихъ мыслителей, особенно по отношенію къ частнымъ положеніямъ науки, было не мало. Но строго и исключительно этимъ путемъ развивалъ свое ученіе Фихте. Его Wissenschaftslehre можетъ служить образцовымъ опытомъ усилій развить все изъ чистой субстанціи Я, независимо ни отъ какого содержанія.

явленіями природы не было ничего общаго: послѣднія чуждались первыхъ, потому что не были въ связи съ условіями и причинами ихъ развитія; а первыя не низходили къ послѣднимъ, потому что опирались на авторитетѣ ума. Это все равно, какъ если бы законодатель составилъ кодексъ законовъ для извѣстнаго гражданскаго общества, не обращая вниманія ни на религіозный бытъ народа, ни на физическія и географическія особенности страны. Очевидно, что такая метода пріобрѣтенія общихъ сужденій есть незаслуживающая одобренія крайность. Коснемся теперь и другой крайности, которую, можетъ быть, тоже не совсѣмъ одобримъ.

Вторая стихія общности, сказали мы, есть многое. И такъ нельзя ли къ сужденію общему взойти отъ многаго, или отъ неопредѣленнаго числа сужденій частныхъ? Логическіе законы мышленія указываютъ къ этому два пути: первый — тотъ, что сила мыслящая должна подвергнуть разсмотрѣнію наивозможно большее количество недѣлимыхъ и, нашедши, что они обозначены однимъ, общимъ всѣмъ имъ признакомъ, можетъ заключить, что и неразсмотрѣнныя, немыслимыя подъ однимъ типомъ съ разсмотрѣнными, имѣютъ тотъ же признакъ; второй состоитъ въ томъ, что сила мыслящая должна по крайней мѣрѣ одно недѣлимое мыслить подъ извѣстнымъ родомъ и, потомъ нашедши, что первому недѣлимому во многомъ подобно другое, другому — третье, и т. д., можетъ заключить, что и всѣ уподобленныя ею недѣлимыя содержутся подъ тѣмъ же родомъ. Первый способъ восхожденія отъ частныхъ сужденій къ общему называется *индукціею* или наведеніемъ, а послѣдній — *аналогіею*. Оба они, очевидно, суть не иное что, какъ силлогизмы; потому что въ нихъ соединяются сужденія разнаго содержанія (§ 77): но разсудокъ заключаетъ здѣсь отъ частнаго къ общему, между тѣмъ какъ въ силлогизмѣ надлежало бы быть заключенію отъ общаго къ частному. Посему эти способы могутъ быть понимаемы только какъ средства для нахожденія основаній собственно силлогистической формы мышленія. Войдемъ въ разсмотрѣніе того и другаго изъ нихъ.

Индукцiя или Наведенiе.

§ 81.

Индукцiя или наведенiе есть способъ чрезъ исчисленiе многаго восходить къ одному, чрезъ вниканiе въ признаки недѣлимыхъ и видовъ отъискивать родъ, чрезъ разсматриванiе частей опредѣлять цѣлое, — однимъ словомъ: способъ отъ сужденiй частныхъ заключать къ общему. Если, напримѣръ, найдено, что вода, камень, металлъ, воздухъ и проч. имѣютъ тяжесть; то наведенiе позволяетъ мыслить, что и всѣ тѣла имѣютъ тяжесть. Представляя себѣ поприще, на которое вступаетъ Логика съ этимъ способомъ умозаключенiя, и цѣль, которой она такимъ образомъ хочетъ достигнуть, нельзя не удивляться отважности человѣческаго разсудка, какъ нѣкогда удивлялись Колумбу, пускавшемуся въ безбрежный океанъ, потому что не постигали великой идеи, окрылявшей его душу. Наведенiю, судя по обыкновенному понятiю о немъ, кажется, ничего не нужно, кромѣ многоразличныхъ свойствъ вещества, выражаемыхъ частными сужденiями, и формъ пространства и времени, чтобы отдѣльныя познанiя возвести къ достоинству общихъ истинъ и по извѣстнымъ даннымъ найти неизвѣстныя. Въ самомъ дѣлѣ, — если разсудокъ обратитъ вниманiе хотя бы даже на одну какую нибудь вещь, но будетъ наблюдать ее въ различныхъ мѣстахъ и въ разныя времена, и найдетъ одинаковою; то по видимому можетъ заключить, что она всегда и вездѣ останется такою же, и что слѣдовательно признаки, подъ которыми онъ обобщаетъ ея бытiе, принадлежатъ ей существенно. Наблюдая, напримѣръ, что тигръ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ намъ случалось видѣть его, и во всѣ времена, когда намъ, или другимъ случалось видѣть его, оказывался животнымъ свирѣпымъ, мы, съ позволенiя индукцiи, можемъ заключить, что тигръ всегда и вездѣ свирѣпъ. Такъ восходитъ этотъ силлогизмъ къ общему сужденiю, выражающему сущность недѣлимаго. Подобнымъ образомъ, посредствомъ наведенiя, сила мыслящая, повидимому, достигаетъ и до сущностей видовыхъ или родовыхъ.

Разсматривая многія вещи, но не касаясь ни мѣста ни времени ихъ существованія, она замѣчаетъ въ нихъ общія свойства. Сколь ни далеко простирается такой пересмотръ вещей, — ей невозможно въ этой работѣ дойти до конца; и потому, какъ бы утомленная нескончаемыми опытами, она прерываетъ ихъ общимъ заключеніемъ, что всѣ вещи, представляемыя подъ тѣмъ же типомъ, вѣроятно, обнаруживаются тѣми же свойствами. Но явно, что свойства, обнаруживаемыя всѣми вещами извѣстнаго рода, должны составлять родовую сущность ихъ. Слѣдовательно наведеніемъ получается и родовая сущность вещей. Если, напримѣръ, мы видѣли множество садовъ и каждый разъ замѣчали, что садъ есть опредѣленное пространство почвы, усаженное бо́льшимъ или меньшимъ количествомъ фруктовыхъ деревъ и кустарниковъ; то индуктивно позволяемъ себѣ заключать, что и всѣ сады состоятъ изъ фруктовыхъ деревъ и кустарниковъ. Наведеніе этимъ еще не оканчиваетъ своего поприща. Оно возводитъ мысль не только ко многимъ недѣлимымъ и родовымъ сущностямъ, но и къ взаимному отношенію ихъ въ различныхъ мѣстахъ и въ разныя времена, и чрезъ это возносится къ общимъ сужденіямъ, выражающимъ причинныя связи природы и гармоническое устройство міра. Находя, что извѣстныя недѣлимыя въ извѣстныхъ мѣстахъ и въ извѣстныя времена слѣдуютъ за одинакими фактами, сопровождаются одинакими явленіями и производятъ одинакіе результаты, а въ другихъ мѣстахъ и въ другія времена все идетъ иначе и съ такимъ же однообразіемъ, разсудокъ почитаетъ себя въ правѣ заключать, что не только замѣченныя имъ вещи, но и прочія того же рода, смотря по мѣсту и времени своего бытія, должны зависѣть отъ подобныхъ причинъ, сопровождаться подобными явленіями и производить подобныя слѣдствія. На такихъ, повидимому, наведеніяхъ основываются почти всѣ естественныя науки, всѣ предпріятія и усовершенствованія въ области художествъ и промышленности, всѣ понятія о значеніи людей въ обществѣ и даже сужденія о личномъ достоинствѣ каждаго человѣка.

Аналогія.

§ 82.

Слово «аналогія», какъ имя формы заключительной, имѣетъ также характеръ индуктивный, хотя и не восходитъ къ значенію совершенной индукціи. Подъ именемъ *аналогіи* разумѣется способъ—отъ сходства одного предмета съ другимъ, который мыслится подъ какимъ нибудь общимъ признакомъ, заключать, что и сходный съ нимъ предметъ можетъ быть мыслимъ подъ тѣмъ же признакомъ. Если, то есть, одной вещи приписывается извѣстное свойство, а другая, по многимъ чертамъ, признается подобною ей; то разсудокъ заключаетъ, что и этой послѣдней можетъ быть приписано то же самое свойство, и такое его заключеніе называется аналогіею. Напримѣръ: мы узнали, что ледъ распускается отъ теплоты; а потомъ многократныя наблюденія показали намъ, что со льдомъ, — и по кристаллизаціи, и по прозрачности, и по нѣкоторымъ инымъ свойствамъ, сходно стекло; это возбуждаетъ насъ къ заключенію, что и стекло распускается отъ теплоты. Явно, что переходя такимъ образомъ отъ предмета къ предмету и, по поводу сходства ихъ въ тѣхъ или другихъ чертахъ, соединяя ихъ подъ однимъ признакомъ, аналогія направляется къ той самой цѣли, къ которой стремится индукція, то есть, мало по малу восходитъ къ общему сужденію. Различіе между ними состоитъ въ томъ, что въ нихъ предполагаются не одинаковыя неизвѣстныя: Индукціи представляется неизвѣстною отчасти матерія сужденія, чтобы это сужденіе могло сдѣлаться общимъ; а для аналогіи неизвѣстна форма, подъ которою должна быть мыслима данная матерія. Первая отъискиваетъ свое неизвѣстное формально — чрезъ обобщеніе свойствъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ вещамъ; а послѣдняя старается найти свое неизвѣстное матеріально — чрезъ уподобленіе признаковъ, замѣченныхъ въ отдѣльныхъ вещахъ. Индуктивно разсудокъ заключаетъ къ тому, что еще не дознано опытомъ, а аналогически — къ тому, какъ надобно мыслить тѣ или другія данныя опыта. Такимъ образомъ индукція помогаетъ аналогіи общностію своей формы,

а аналогія — индукціи постепеннымъ приращеніемъ своего содержанія. Если бы, напримѣръ, естествоиспытатель открылъ неизвѣстное дотолѣ растеніе или животное и, нашедши въ немъ нѣсколько признаковъ, по которымъ оно сходно съ извѣстнымъ уже классомъ растеній или животныхъ, отнесъ его къ этому классу; то онъ сдѣлалъ бы это аналогически, и чрезъ то увеличилъ бы содержаніе индукціи. Напротивъ, если бы, не зная еще по опыту, существовало ли на самомъ дѣлѣ открытое имъ теперь растеніе или животное, онъ уже заранѣе формально заключилъ бы его въ извѣстномъ классѣ растеній или животныхъ; то мыслилъ бы индуктивно, и чрезъ то готовилъ бы форму для открытій аналогіи.

Оцѣнка индуктивнаго и аналогическаго мышленія.

§ 83.

Сколь ни общеупотребительны и даже сколь ни неизбѣжны показанные способы разсудка заключать отъ частнаго къ общему, — достаточность этихъ способовъ подвергается сомнѣнію самимъ же разсудкомъ, который, какъ бы инстинктивно и по внутренней необходимости, тогда только идетъ смѣло и твердо въ своемъ мышленіи, когда наоборотъ — частное выводитъ изъ общаго. Общее есть лишь сумма частнаго, которое, по роду опредѣленно, а по числу неопредѣленно. На что же полагаясь, отъ неопредѣленнаго мы можемъ заключать къ опредѣленному, если напередъ не имѣемъ какой нибудь нормы или начала опредѣляющаго? Какъ опредѣлить неопредѣленное протяженіе, если нѣтъ фута или аршина? Прямаго отвѣта на этотъ вопросъ не представляетъ ни индукція, ни аналогія. Взвѣсимъ достоинство той и другой.

1) Изслѣдованіе неопредѣленнаго множества частныхъ фактовъ можетъ быть предпринимаемо для трехъ цѣлей: либо для *описанія*, либо для *уясненія*, либо для *предсказанія*.

а) Описаніе не есть индукція. Положимъ, что какое нибудь явленіе состоитъ изъ частей, и эти части могутъ быть наблю-

даемы лишь отдѣльно, одна послѣ другой. Какъ скоро наблюденія надъ ними кончены, — намъ стоитъ только соединить ихъ, — и мы получимъ представленіе цѣлаго явленія. Если мореплаватель открываетъ землю и не знаетъ еще, материкъ ли это, или островъ, то плыветъ вдоль ея береговъ и, чрезъ нѣсколько дней замѣтивъ, что онъ возвратился на прежнее мѣсто, открытую землю называетъ островомъ. Этотъ фактъ опредѣлилъ онъ рядомъ отдѣльныхъ наблюденій и потомъ всѣ ихъ выразилъ двумя-тремя словами. Въ такой дѣятельности его, очевидно, нѣтъ ничего похожаго на индукцію; потому что сдѣланныя имъ наблюденія не привели его ни къ какимъ результатамъ, которыхъ онъ не наблюдалъ. Что земля признана островомъ, это — не слѣдствіе изъ частныхъ фактовъ, а самые факты, взятые въ совокупности.

б) Отъ индукціи надобно отличать также математическій способъ раскрытія теоремъ, приводящій равномѣрно къ общему сужденію. Когда, напримѣръ, доказано, что прямою линіею можно разрѣзать кругъ только въ двухъ точкахъ, и когда потомъ тоже самое найдено справедливымъ въ отношеніи къ эллипсису, параболѣ и гиперболѣ, —геометръ изъ этихъ, по видимому, отдѣльныхъ положеній выводитъ общее заключеніе касательно всѣхъ разрѣзовъ шара. Но здѣсь нѣтъ никакой индукціи, потому что нѣтъ никакого слѣдствія: здѣсь не частныя положенія даютъ общее, а общія приводятся къ единству правила. Тоже выходитъ, если, доказавъ, что три угла треугольника ABC равны двумъ прямымъ, мы свое положеніе относимъ ко всякому другому треугольнику. Такъ дѣлается не потому, что это найдено справедливымъ касательно треугольника ABC, а потому, что этого требуетъ основаніе, на которомъ доказана справедливость положенія касательно того треугольника. Основаніе же всегда есть общее, а не частное ручательство за истину. Слѣдовательно характеристической (83) особенности индукціи и здѣсь не видно.

---

(83) Говорятъ, что Ньютонъ индуктивно открылъ общую формулу биномы, поколику, то есть, послѣдовательно возшедши къ извѣстному числу степеней, онъ сравнивалъ ихъ дотолѣ, пока не нашелъ отношенія, въ какомъ алгебрическая

в) И такъ остается допустить, что истинное свое значеніе индукція имѣетъ только тамъ, гдѣ изслѣдованіе частныхъ фактовъ производится для предсказанія. Въ самомъ дѣлѣ,—посредствомъ индукціи полагается то, что еще не доказано опытомъ, а только намекнуто нѣсколькими частными свидѣтельствами опыта, — и намъ кажется, что разсудокъ предсказываетъ общее на основаніи этихъ частностей. Но если мы будемъ смотрѣть на индукцію только со стороны опытной и понимать ее, какъ предсказаніе; то чѣмъ оправдаемъ это ея призваніе, и на какомъ основаніи повѣримъ, что замѣчаемыя ею отдѣльныя явленія никогда не измѣнятъ ни своихъ свойствъ, ни своихъ отношеній, что они не придутъ въ иныя сочетанія и не проявятся въ иныхъ, можетъ быть, противуположныхъ обстоятельствахъ? Центральные Африканцы, за пятьдесятъ лѣтъ, вѣроятно не имѣли причины отвергать индуктивно составленное ими положеніе, что всѣ люди черны; равно какъ житель южной Россіи, никогда не бывавшій въ сѣверной ея полосѣ, не встрѣчаетъ повода къ сомнѣнію, что всѣ сады состоятъ изъ фруктовыхъ деревъ и кустарниковъ. Представляя возможность безконечнаго множества подобныхъ ошибочныхъ сужденій разсудка и въ Медицинѣ, и въ Діэтетикѣ, и въ Эстетикѣ, и даже въ Иѳикѣ, и замѣчая, что причиною всѣхъ такихъ ошибокъ бываетъ заключеніе отъ частнаго къ общему, мы въ правѣ утверждать, что индукція или не имѣетъ дара предсказанія, или, обобщая частныя сужденія, она должна по крайней мѣрѣ предъявить свое полномочіе и отклонить отъ себя отвѣтственность.

форма каждой степени стоитъ къ показателю той же степени и къ двумъ величинамъ биномы. Этотъ фактъ не невѣроятенъ: но такой умъ, какъ Ньютоновъ, разомъ восходившій къ началамъ и слѣдствіямъ, должно быть, не задерживался, подобно обыкновеннымъ математикамъ, медленнымъ ходомъ сравненій, а увлекался къ результатамъ быстро, по сознанію основнаго закона измѣняемости математическихъ величинъ. Кто понимаетъ природу умноженія, отъ того не можетъ укрыться, что коэффиціентъ зависитъ отъ законовъ измѣненій и совокупленій; а какъ скоро это извѣстно, то положеніе уже доказано. Если открытіе биномы можно приписать индукціи, то послѣднюю надобно понимать уже, какъ *индукцію равенства заключеній*, а не въ обыкновенномъ ея значеніи.

Дѣйствительно, наблюденіе надъ явленіями, сколь бы много ихъ ни было, никогда не въ состояніи сдѣлаться достаточнымъ основаніемъ индукціи. Это — только поводъ или возбужденіе къ обобщенію ея заключенія; это — вторая посылка силлогизма, первая же или основная скрывается въ глубинѣ человѣческаго духа — тамъ, гдѣ, подъ вліяніемъ идеи ума, созерцающаго сущность предмета, многоразличіе всѣхъ возможныхъ частностей опредѣляется единствомъ формы; это — palpatio principii, которое новѣйшіе изслѣдователи понимаютъ — то какъ результатъ безотчетной наклонности разсудка къ обобщенію, то какъ внутреннее требованіе одноформенности въ ходѣ и развитіи природы, то какъ инстинктивное обнаруженіе въ характерѣ силы мыслящей, то какъ вѣру во всеобщность закона причинныхъ связей. Но пусть предполагаемое начало будетъ таково, какимъ кому угодно понимать его, — во всякомъ случаѣ оно само по себѣ и для себя ничего не предсказываетъ, а только, отражая свою дѣятельность въ области разсудка, необходимо обобщаетъ все, что попадаетъ въ формы мышленія и, дѣлая свое дѣло, нисколько не отвѣчаетъ за то, что наблюденіе, смотря на общность его формъ относительно къ частнымъ свойствамъ вещей, приписываетъ индукціи способность предсказанія.

2) Аналогія, согласно съ обыкновеннымъ и вышераскрытымъ понятіемъ о ней, есть не наведеніе общаго на частное, а подведеніе частнаго подъ общее. Она, собственно говоря, не производитъ общности, а только пользуется готовою общностію признаковъ, приписываемыхъ частнымъ предметамъ. Отвѣтственность на ней лежитъ лишь относительно къ сходству сравниваемаго предмета съ подлежащимъ даннаго сужденія; и какъ скоро сходство найдено, — она получаетъ право ограничить свой предметъ и сказуемымъ того же сужденія. Выходитъ, что дѣло аналогіи — очень легкое; а между тѣмъ она подаетъ поводъ къ весьма многимъ *погрѣшностямъ* въ области знанія.

а) Случаи къ погрѣшностямъ въ этомъ способѣ заключенія во-первыхъ состоятъ въ томъ, что вещи и явленія въ природѣ по однимъ признакамъ сходны между собою, а по другимъ различны,

и что разсудокъ часто сосредоточиваетъ свое вниманіе на первыхъ, мало заботясь о качествѣ и количествѣ послѣднихъ. Иногда бываетъ такъ, что схваченные имъ сходные признаки оказываются лишь случайными принадлежностями вещи сравниваемой, тогда какъ, по существеннымъ, она совершенно отлична отъ той, съ которою сравнивается. По этому, если, не смотря на послѣдніе, разсудокъ заключаетъ отъ первыхъ, то конечно долженъ впасть въ заблужденіе. По такому ошибочному пути Аристиппъ отъ нравственнаго Сократова самопознанія перешелъ къ самопознанію чувственному и, вмѣсто здравой Ѳѳики своего учителя, развилъ теорію сенсуализма. Не рѣже бываетъ и то, что аналогическое заключеніе основываютъ на ничтожномъ числѣ сходныхъ признаковъ между вещами, тогда какъ разницы ихъ многочисленны. Такъ древній analogon rationis, замѣчаемый въ царствѣ животныхъ и, по видимому, оправдываемый не многими инстиктивными явленіями, нерѣдко служитъ основаніемъ заключенія, что всѣ животныя разумны, и что человѣкъ отличается отъ нихъ не сущностію своего бытія, а только степенью развитія. Иногда аналогія погрѣшаетъ и отъ того, что сходные признаки явленій принимаетъ за безусловные, тогда какъ они, можетъ быть, условны и зависятъ отъ обстоятельствъ. Такъ, напримѣръ, мы ошибочно заключали бы, если бы коня лучшей породы, по одному только родовому его сходству съ предками, признали лучшимъ конемъ; потому что на признаки, по которымъ онъ сходенъ съ ними, должны имѣть то или другое вліяніе манежъ и берейторъ.

б) Аналогія можетъ извѣсное представленіе вводить въ объемъ готоваго понятія, основываясь на томъ, что въ своемъ представленіи открываетъ нѣсколько признаковъ, сходныхъ съ признаками того понятія. Но при этомъ нужно, чтобы сходные признаки были тѣ самые, отъ которыхъ зависитъ признакъ, служащій объемомъ понятія, а не тѣ, къ которымъ онъ не имѣетъ непосредственнаго отношенія. Не соблюдая сего необходимаго условія, аналогія совершенно теряетъ свою значимость и логическое достоинство. Заключали, напримѣръ, что такъ какъ земля, воздухъ и море населены; то, вѣроятно населена и луна. Луна по-

добна землѣ только въ томъ, что она есть тѣло твердое, темное и почти круглое, что на ней много вулкановъ, что она заимствуетъ отъ солнца свѣтъ и теплоту почти въ такомъ же количествѣ, какъ и земля, и, подобно послѣдней, вращается около своей оси. Но таковы ли эти призники, что отъ нихъ именно зависитъ жизнь на землѣ? Обращая вниманіе на нѣкоторыя особенности луны, какъ напримѣръ на то, что ея поверхность весьма неровна, что она не имѣетъ атмосферы, довольно сильной для преломленія свѣта, что на ней не замѣчается облаковъ, а потому (судя индуктивно) нѣтъ и воды, скорѣе можно заключить о ея ненаселенности. Если же на лунѣ въ самомъ дѣлѣ есть жители; то условіями ихъ жизни должны быть, безъ сомнѣнія, не тѣ признаки, по которымъ луна доселѣ уподобляется землѣ, а какіе нибудь другіе, для аналогіи недоступные.

Впрочемъ, всѣ эти слабыя стороны индукціи и аналогіи мы пересмотрѣли только для того, чтобы показать опасности, которыхъ разсудокъ долженъ избѣгать при индуктивномъ и аналогическомъ мышленіи, а не для того, чтобы онъ избѣгалъ самыхъ этихъ способовъ мышленія. Они не только вообще свойственны человѣческой природѣ, но, кажется, имѣютъ и частное сродство съ возрастами и состояніями человѣка. Аналогія есть любимая спутница первыхъ возрастовъ нашей жизни и въ этихъ возрастахъ—главное орудіе умственнаго нашего развитія. Еще прежде чѣмъ пробуждается разсудокъ съ своею аналогіею мышленія, младенецъ уже составляетъ аналогіи по указанію инстинкта, и уподобляетъ одинъ предметъ другому, который имѣетъ связь съ инстиктивными его требованіями, какъ бы желая или стремясь и уподобляемое примѣнить къ удовлетворенію тѣхъ же потребностей. Аналогія также бываетъ первою наставницею нашего дѣтства и самою удобною методою Педагогіи для сообщенія ему начальныхъ понятій, долженствующихъ ограничивать его жизнь и дѣятельность. Въ этомъ возрастѣ мы всего легче подстраиваемся подъ образцы и примѣры лицъ насъ окружающихъ, и безотчетный регуляторъ нашей природы, инстинктъ, теперь становится болѣе отчетливымъ чувствомъ привязанности и любви. Такъ съ

самаго начала нашей жизни, подъ вліяніемъ одного и того же, сперва глубоко сокрытаго, а потомъ болѣе и болѣе обнаруживающагося организователя нравственно-разумной человѣческой природы, приготовляется содержаніе для общихъ сужденій. Возрастая внѣшно, мы, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, еще быстрѣе возрастаемъ внутренно, и показателемъ степени этого возрастанія бываетъ энергія духа, обыкновенно возвышаемая чувственными ограниченіями. По сему, когда пробуждается разсудокъ, мышленіе, подобно запертому пламени, преодолѣвъ свои преграды, стремительно разливается по предметамъ и начинаетъ все обнимать наведеніями. Тогда являются общія сужденія. Пока еще сильно воображеніе, на его крыльяхъ за наведеніемъ спѣшитъ аналогія и, населяя его формы сближеніями вещей и пластическимъ группированіемъ явленій, становится органомъ поэтическихъ думъ юношества. Между тѣмъ начало разумной жизни все болѣе и болѣе развивается и постепенно приводитъ къ зрѣянію, что еще не дозрѣло. По той мѣрѣ, какъ воображеніе теряетъ юношескую бодрость, въ сознаніи тѣмъ яснѣе обнаруживаются требованія ума и ощутительно ограничиваютъ дѣятельность разсудка. Съ этой поры усматривается шаткость аналогіи и матеріальная неполнота индукціи, и возвышается значимость формальной стороны мышленія:—наступаетъ возрастъ возмужалости и философскаго взгляда на вещи; общее сужденіе становится началомъ науки и служитъ основаніемъ слѣдствій въ силлогизмѣ.

II. О РАЗВИТІИ УМОЗАКЛЮЧЕНІЙ.

Переходъ къ теоріи посредственныхъ умозаключеній.

§ 84.

И такъ аналогія и индукція суть какъ бы два потока мыслей, получающихъ свое начало въ безпредѣльной области опыта, который, чѣмъ долѣе они текутъ, тѣмъ болѣе питаетъ и усиливаетъ ихъ своими наблюденіями надъ частными явленіями природы.

Начинаясь соединеніемъ многихъ, но иногда едва замѣтныхъ свойствъ вещества, они постепенно расширяютъ свои предѣлы, пока не приходятъ къ единству во всеобщемъ, гдѣ части являются въ цѣломъ, недѣлимыя узнаютъ свой родъ, матерія получаетъ приличную форму. Здѣсь оканчивается формальное *наведеніе* общаго на частное и матеріальное *подведеніе* частнаго подъ общее; здѣсь крѣпнетъ основаніе знанія, питающееся вещественными стихіями, а живущее по закону духа, и отсюда разсудокъ сообщаетъ своему мышленію обратное движеніе, чрезъ *выведеніе* частностей изъ общаго. Это движеніе есть не иное что, какъ силлогистическое развитіе мыслей, или проявленіе ихъ въ формахъ посредственнаго умозаключенія (§ 77). Кто на предпринимаемый теперь обратный ходъ разсудка смотритъ, какъ на дѣло легкое, и понимаетъ его, какъ повтореніе задовъ; тотъ не болѣе затруднился бы — устья рѣкъ превратить въ истоки ихъ, и соленыя воды океана провести по поверхности земли. Нѣтъ; природа мышленія совершаетъ свои періоды не такъ легко и поверхностно. Индукція влечется къ общему, какъ рѣки въ океанъ, и при своемъ сремленіи характеризуется аналогическими особенностями поприща, на которомъ дѣйствуетъ, — опять подобно рѣкѣ, принимающей физическія и химическія свойства мѣстности, которую она пробѣгаетъ. Но не въ такихъ условіяхъ возможенъ ходъ разсудка отъ общаго къ частному. Одно и тоже разумное начало и наводитъ въ индукціи, и подводитъ въ аналогіи, и выводитъ въ силлогизмѣ; однакожъ въ послѣднемъ случаѣ оно должно идти къ частному не чрезъ постепенное ограниченіе общаго, а чрезъ формальное отношеніе перваго къ послѣднему, слѣдовательно, нисколько не теряя общаго своего основанія, должно вступить прямо въ область отдѣльнаго и ввесть въ сознаніе тѣ темныя исходища разумной жизни, въ которыхъ получаютъ начальное свое развитіе индукція и аналогія. Такъ воды океана, перегоняясь сокровенными ретортами земной планеты, поддерживаютъ жизнь ея организацій; такъ венозная кровь человѣческаго тѣла, воспроизводясь незамѣтными для анатомическаго наблюденія путями, переливается въ сосуды артеріальные.

По этому силлогизмъ не есть мышленіе чисто формальное. Основываясь на общемъ сужденіи, онъ долженъ также имѣть дѣло и съ матеріею, поколику она является въ извѣстной формѣ. И это сродненіе матеріи съ формою есть главное и самое трудное въ силлогизмѣ.

Матерія посредственнаго умозаключенія и ея свойства.

§ 85.

Выше было найдено (§ 77), что всякое посредственное умозаключеніе есть соединеніе сужденій чрезъ формальное соотношеніе понятій. Отсюда само собою явствуетъ, что матерію умозаключенія должны составлять 1) *понятія* и 2) *сужденія.*

1) Понятій въ умозаключеніи, когда оно опирается на общемъ основаніи, можетъ быть только три. Два изъ нихъ суть не иное что, какъ подлежащее и сказуемое общаго сужденія, а третіе — то, которое поставляется въ формальное отношеніе къ одному изъ его понятій. Понятія въ умозаключеніи называются *терминами.* То понятіе, которое не входитъ въ составъ общаго сужденія, а только поставляется въ формальное отношеніе къ нему, называется *терминомъ меньшимъ* и въ заключеніи силлогизма удерживаетъ значеніе подлежащаго (S). То понятіе, къ которому, какъ къ одному изъ составныхъ частей общаго сужденія, поставляется въ формальное отношеніе терминъ меньшій, означается именемъ *термина средняго* (M). То понятіе, которымъ опредѣляется терминъ средній, называется *терминомъ большимъ* и въ заключеніи силлогизма бываетъ сказуемымъ (P). Напримѣръ: въ умозаключеніи —

Всѣ планеты суть звѣзды;
земля есть планета;
слѣд. земля есть звѣзда —

терминъ «земля» надобно почитать меньшимъ, «планеты» — среднимъ, «звѣзды» — большимъ. Эти понятія получаютъ названіе меньшаго, средняго и большаго — по относительной обшир-

ности ихъ объемовъ; ибо понятіе меньшее заключается въ объемѣ средняго, а среднее — въ объемѣ большаго.

2) Если понятій въ умозаключеніи можетъ быть только три, то столько же должно быть въ немъ и сужденій; потому что, какъ три точки на одной плоскости соединяются непремѣнно тремя линіями, такъ и три термина въ силлогизмѣ должны выражать взаимное отношеніе тремя сужденіями. Изъ этихъ сужденій два обыкновенно называются ***посылками,*** а третіе—***слѣдствіемъ*** или заключеніемъ. Посылка, выражающая отношеніе между терминами среднимъ и большимъ (M—P, или P—M), именуются ***первою*** или ***высшею;*** посылка, составляющаяся изъ терминовъ меньшаго и средняго (S—M, или M—S), носитъ названіе ***второй*** или ***низшей;*** заключеніе же есть сужденіе, связующее собою термины меньшій и большій (S—P). Напримѣръ, въ вышеприведенномъ умозаключеніи—сужденіе «всѣ планеты суть звѣзды» есть посылка первая; сужденіе «земля есть планета» надобно почитать посылкою второю; а сужденіе «земля есть звѣзда» имѣетъ силу заключенія.

Въ матеріи силлогизма, поколику имѣется въ виду вѣрность или невѣрность его, почти все зависитъ отъ средняго термина; потому что онъ служитъ посредникомъ соединенія матеріи и формы, и чрезъ то поставляетъ въ вѣрное или невѣрное отношеніе самыя его посылки. Посему, при матеріальномъ образованіи силлогизма, Логика обращаетъ особенное вниманіе на средній терминъ, и въ этомъ отношеніи постановляетъ слѣдующія правила:

1) Такъ какъ терминъ средній, соединяясь сперва съ большимъ, потомъ съ меньшимъ, непремѣнно долженъ занимать мѣсто въ посылкахъ первой и второй, слѣдовательно въ умозаключеніи являться два раза; то надобно всячески остерегаться, чтобы, переходя изъ одной посылки въ другую, онъ ***не измѣнялъ своего значенія.*** Въ противномъ случаѣ умозаключеніе содержало бы въ себѣ уже не три, а четыре термина, и средній терминъ въ немъ, собственно говоря, не былъ бы среднимъ, потому что въ первой посылкѣ выражалъ бы одно, а во второй — другое. Таковъ, напримѣръ, онъ въ слѣдующемъ силлогизмѣ:

Всякій левъ плотояденъ;
одно изъ созвѣздій есть левъ;
слѣд. одно изъ созвѣздій плотоядно.

2) Входя въ первую посылку умозаключенія, средній терминъ по сему входитъ въ его *основаніе*, которое, какъ уже доказано (§ 78), всегда должно быть dictum de omni aut de nullo, или сужденіемъ общимъ. Но вопреки этому необходимому закону мышленія, онъ общаго иногда можетъ искать въ частномъ и, полагая его какъ основаніе слѣдствія, лишать силлогизмъ дѣйствительной основательности. Для предотвращенія подобнаго злоупотребленія, требуется, ***чтобы умозаключеніе не состояло изъ однихъ посылокъ частныхъ***. Въ противномъ случаѣ средній терминъ его, какъ частный, относясь къ одному изъ понятій умозаключенія, могъ бы вовсе не относиться къ другому, слѣдовательно не былъ бы и среднимъ терминомъ. По этому слѣдующій силлогизмъ не вѣренъ:

Нѣкоторыя строенія огромны;
хижина земледѣльца есть строеніе;
слѣд. хижина земледѣльца огромна.

3) Такъ какъ средній терминъ долженъ посредствовать между подлежащимъ и сказуемымъ умозаключенія, чтобы выразить основаніе для соединенія или несоединенія перваго съ послѣднимъ; то ему необходимо, если не къ обоимъ этимъ понятіямъ, — по крайней мѣрѣ къ одному изъ нихъ относиться положительно и такимъ образомъ сообщать положительность тому сужденію, которымъ выражается это его отношеніе. Отсюда—правило: ***умозаключеніе не должно состоять изъ однихъ посылокъ отрицательныхъ.*** Въ противномъ случаѣ сужденія въ немъ были бы безъ связи и зависимости, и средній терминъ его имѣлъ бы значеніе понятія сторонняго, для котораго соединеніе подлежащаго съ сказуемымъ оставалось бы дѣломъ чуждымъ и безразличнымъ. Таковъ, напримѣръ, онъ въ слѣдующемъ силлогизмѣ:

Ни одинъ Турокъ не есть христіанинъ;
ни одинъ Французъ не есть Турокъ;
слѣд. ни одинъ Французъ не есть христіанинъ.

4) Но между тѣмъ какъ въ посылкахъ умозаключенія совершается, будто процессъ третейскаго суда, и рѣшается среднимъ терминомъ,—самъ средній терминъ, становясь между подлежащимъ и сказуемымъ и, либо соединяя ихъ въ себѣ, либо раздѣляя, постоянно держится общности и положительности, какъ основнаго закона своихъ стремленій, и, въ случаѣ раздѣленія понятій, на долю заключенія оставляетъ противное, то есть, частное и отрицательное. Это почти тоже, что дѣлается, какъ послѣ увидимъ, въ умозаключеніи раздѣлительномъ: если одинъ членъ дѣленія положенъ, то другой отрицается. Отсюда — правило: ***заключеніе силлогизма должно слѣдовать сторонѣ слабѣйшей,*** то есть, выводить изъ посылокъ, что̀ есть въ нихъ частнаго и отрицательнаго. Въ противномъ случаѣ заключеніе будетъ содержать въ себѣ больше, чѣмъ сколько оставлено ему среднимъ терминомъ. По этому слѣдующіе силлогизмы неправильны.

Всѣ птицы двуноги;
нѣкоторыя животныя суть птицы
слѣд. всѣ животныя двуноги.

или:

Все, противное закону, непозволительно;
похищать — противно закону;
слѣд. похищать — позволительно.

Форма посредственнаго умозаключенія и ея виды.

§ 86.

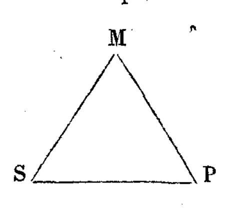
Если матерія умозаключенія состоитъ изъ извѣстнаго числа понятій и сужденій; то форма его, очевидно, должна опредѣляться взаимнымъ отношеніемъ первыхъ и различіемъ послѣднихъ.

1) Обращая вниманіе на понятія въ умозаключеніи и замѣтивъ, что средній терминъ долженъ занимать мѣсто въ обѣихъ его посылкахъ, мы по этому легко уже сообразимъ, что сказуемое можетъ быть допущено только въ первую посылку, потому что второю обыкновенно выражается отношеніе подлежащаго

къ среднему термину; равно какъ и подлежащее можетъ входить только во вторую посылку, потому что первая всегда показываетъ отношеніе средняго термина къ сказуемому. Сообразивъ это, мы находимъ, что умозаключеніе, по входящимъ въ него понятіямъ, естественно получитъ столько различныхъ формъ, сколько различныхъ мѣстъ въ первой и второй посылкахъ можетъ занять средній терминъ. Для точнѣйшаго опредѣленія числа ихъ, возмемъ обѣ посылки умозаключенія, какъ мы поняли ихъ выше, то есть, первую М — Р и вторую S — М, и будемъ поставлять М послѣдовательно на мѣстѣ подлежащаго и сказуемаго въ той и другой, — произойдетъ:

M — P S — M S — P	P — M S — M S — P	M — P M — S S — P	P — M M — S S — P

то есть, четыре формы, болѣе которыхъ умозаключеніе, разсматриваемое со стороны его понятій, имѣть не можетъ. Эти формы обыкновенно называются *фигурами силлогизма* ([84]) и, какъ явствуетъ изъ самаго ихъ начертанія, находятся въ такомъ отношеніи между собою, что четвертая есть обратная первой, а третья— второй. Всѣ онѣ могутъ быть выражены и одною общею схемою:

([84]) Всякое умозаключеніе становится умозаключеніемъ по извѣстной фигурѣ—единственно отъ того, сказали мы, что средній терминъ въ немъ занимаетъ извѣстное мѣсто. Но ничто не мѣшаетъ — тому же самому среднему термину, не измѣняя матеріи умозаключенія, дать въ обѣихъ его посылкахъ и другое мѣсто: для этого нужно только превращать его посылки или выражающія ихъ сужденія. Слѣдовательно ничто не мѣшетъ также — какое нибудь умозаклю-

2) Разсмотримъ теперь возможныя формы умозаключенія по различію его сужденій. Извѣстно, что сужденія по формѣ бываютъ общія утвердительныя (A), общія отрицательныя (E), частныя утвердительныя (J) и частныя отрицательныя (O). Соединяя ихъ, соотвѣтственно числу сужденій во всякомъ умозаключеніи, по три, мы получимъ для каждой фигуры 16 такихъ сочетаній,

---

ченіе *изъ одной фигуры переводить въ другую, третью,* и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, если мы возмемъ буквенное выраженіе первой фигуры —

M — P
S — M;

то, превративъ въ немъ первую посылку, получимъ вторую фигуру, а превративъ вторую посылку, будемъ имѣть третью фигуру; когда же захотимъ превратить обѣ посылки, то у насъ выйдетъ четвертая фигура. Такое превращеніе можно видѣть въ слѣдующемъ примѣрѣ.

1) Все, служащее къ образованію вкуса, не безполезно;
Поэзія служитъ къ образованіи вкуса;
слѣд. Поэзія не безполезна.
2) Безполезное не служитъ къ образованію вкуса;
но Поэзія служитъ къ образованію вкуса;
слѣд. Поэзія не безполезна.
3) Все, служащее къ образованію вкуса, не безполезно;
но нѣчто, служащее къ образованію вкуса, есть Поэзія;
слѣд. Поэзія не безполезна.
4) Безполезное не служитъ къ образованію вкуса;
но нѣчто, служащее къ образованію вкуса, есть Поэзія;
слѣд. Поэзія не безполезна.

Видя такую возможность одно и тоже умозаключеніе переводить изъ фигуры въ фигуру, Кантъ четверичное число фигуръ почиталъ ни къ чему ненужною изысканностію и совѣтовалъ построять силлогизмъ только по первой, какъ самой простой и естественной фигурѣ. Это мнѣніе Канта могло бы имѣть нѣкоторый вѣсъ и потому, что фигуры силлогизма не всѣ вдругъ открыты. Аристотель нашелъ только три первыя; потомъ позднѣе Галенъ ввелъ въ Логику и четвертую; въ наше же время Гегель снова допустилъ только три фигуры Аристотелевы, поставивъ третью на второмъ мѣстѣ и признавъ ее фигурою индукціи, а вторую — на третьемъ, и наименовавъ ее фигурою аналогіи. Но въ формахъ мышленія вообще и умозаключенія въ частности, если онѣ развиваются строго по законамъ разсудка, нельзя ничего считать за лишнее, будто за ненужный балластъ науки. Четверичное число фигуръ силлогизма должно имѣть мѣсто въ Логикѣ—не потому, что эти фигуры суть формы различныя, а потому что каждая изъ нихъ отличается отъ другихъ частною своею цѣлію. Извѣстно, что сужденіе есть развитое понятіе (§ 59). По этому на понятіе, становящееся

слѣдовательно для четырехъ фигуръ будетъ ихъ 64. Именно: 16 группъ составится, если первая посылка будетъ A; другія 16, если первою посылкою сдѣлается E; опять 16, если въ первой посылкѣ станетъ J; еще 16, если первую посылку займетъ O. Но само собою разумѣется, что при такомъ группированіи посылокъ въ одномъ и томъ же силлогизмѣ, сужденія своею встрѣчею часто

подлежащимъ сужденія, надобно смотрѣть, какъ на *бытіе*, а на форму его развитія, или на сказуемое сужденія, какъ на *явленіе бытія*. Но всякое бытіе имѣетъ что нибудь и въ себѣ и подъ собою: въ себѣ заключаетъ оно общіе признаки, а подъ собою, какъ подъ родомъ, содержитъ множество видовыхъ и недѣлимыхъ представленій (§ 46). По этому, когда оно проявляется, то можетъ проявляться и тѣми признаками, и этими представленіями, и въ обоихъ случаяхъ развивается въ сужденіе. Сужденія въ умозаключеніи соединяются между собою формально или чрезъ сравненіе (§ 77), слѣдовательно соединяются не по одному бытію, но и по явленіямъ; то есть, либо бытіе въ нихъ сродняется или не сродняется съ бытіемъ, поколику сродны или не сродны ихъ явленія, либо явленія сродняются или не сродняются съ явленіями, поколику сродны или несродны они по бытію. Но, при такомъ сравниваніи сужденій, возможны не болѣе и не менѣе, какъ слѣдующіе четыре случая:

1) Разсудокъ какое нибудь бытіе стремится подвесть подъ другое бытіе, чтобы *ввесть* его и въ сферу явленія, свойственнаго тому бытію. Это — цѣль первой фигуры силлогизма.

2) Разсудокъ какое нибудь бытіе стремится ввесть въ сферу явленія, свойственнаго другому бытію, чтобы *подвесть* его и подъ то бытіе. Это — цѣль второй фигуры силлогизма.

3) Разсудокъ изъ какого нибудь бытія стремится вывесть явленіе, чтобы *навесть* его на другое явленіе того же бытія. Это — цѣль третьей фигуры силлогизма.

4) Разсудокъ изъ какого нибудь явленія, принадлежащаго извѣстному бытію, стремится вывесть новое явленіе, чтобы *привесть* его въ связь съ тѣмъ же самымъ бытіемъ. Это — цѣль четвертой фигуры силлогизма.

И такъ умозаключеніе, развиваясь по извѣстной фигурѣ, всякій разъ имѣетъ частную цѣль, которой оно не достигло бы, если бы развивалось по другой. Положимъ, напримѣръ, что даны — одно бытіе «воздухъ» и два его свойства «прозрачность» и «тяготѣніе къ центру земли»: требуется эти свойства воздуха поставить во взаимное отношеніе. Предложенная здѣсь задача можетъ быть рѣшена только по третьей фигурѣ силлогизма. Соображаясь съ ея правилами (которыя увидимъ ниже), разсудокъ скажетъ такъ:

Всякій воздухъ прозраченъ;
Всякій воздухъ тяготѣетъ къ центру земли;
Слѣд. нѣчто, тяготѣющее къ центру земли, прозрачно.

могутъ нарушать правила, относящіяся къ матеріи умозаключеній (§ 85), то есть, нерѣдко могутъ соединяться между собою такъ, что либо всѣ будутъ частныя, либо всѣ отрицательныя, либо посылки частныя, а заключеніе общее, либо посылки положительныя, а заключеніе отрицательное, и наоборотъ. Посему изъ возможныхъ 64 сочетаній мы должны исключить такія неправильности и, по исключеніи ихъ, увидимъ, что правильныхъ группъ для всѣхъ четырехъ фигуръ у насъ останется 18; а если не считать тѣхъ, которыя повторяются въ фигурахъ обратныхъ, то—не болѣе 11 слѣдующихъ: AAA, AAI, AEE, AEO, AII, AOO, EAE, EAO, EIO, IAI, OAO. Эти формы умозаключенія или группы сужденій, сводимыхъ въ силлогизмахъ по формальному значенію ихъ, въ Логикѣ называются ***образцами фигуръ*** (modi) ([85]).

Нашедши такимъ образомъ два рода формъ, которыми проявляется каждое умозаключеніе, мы должны теперь опредѣлить связь между этими формами, или показать, въ какихъ образцахъ

Положимъ опять, что даны два различныя бытія — «добродѣтель» и «порокъ» и одно явленіе «умиротвореніе души»: требуется, на основаніи этого явленія, поставить оба тѣ бытія во взаимное отношеніе. Такъ какъ здѣсь спрашивается объ отношеніи двухъ бытій; то разсудокъ прямо обращается ко второй фигурѣ умозаключенія и говоритъ:

Всякая добродѣтель умиротворяетъ душу;
Никакой порокъ не умиротворяетъ души;
Слѣд. никакой порокъ не есть добродѣтель.

Такимъ же образомъ и прочія фигуры имѣютъ частныя свои задачи, для рѣшенія которыхъ онѣ предназначены законами мышленія. По этому, хотя, не измѣняя содержанія силлогизма, и могутъ онѣ превращаться въ одну фигуру, однакожъ четверичное число ихъ тѣмъ не менѣе удерживаетъ свое значеніе и въ приложеніи умозаключенія необходимо.

([85]) У схоластиковъ эти образцы означаемы были искуственными, никакого значенія не имѣющими словами. А чтобы искуственныя свои слова легче удерживать въ памяти, они уложили ихъ въ слѣдующіе стихи:

bArbArA, cElArEnt, primae, dArII, fErIOque,
cEsArE, cAmEstrEs, fEstInO, bArOccO, secundae,
Tertia, grande sonans edit: dArAptI, fElAptOn,
ac dIsAmIs, dAtIsI, bOcardOc, tumque
Quartae: cAlEmEs, bAmAlIp, dImAtIs, fEsApO, frEsIsO.

можетъ развиваться силлогизмъ, поколику онъ построяется по той или другой фигурѣ.

Образованіе силлогизма по первой фигурѣ.

§ 87.

Образуя силлогизмъ по первой фигурѣ, разсудокъ, какъ замѣчено (прим. 84), имѣетъ въ виду — какое нибудь бытіе ввесть въ сферу явленія чрезъ подведеніе его подъ бытіе, выражающееся тѣмъ явленіемъ. Это — все равно, какъ если бы кто, чтобы войти въ формы извѣстной жизни, долженъ былъ напередъ усвоить себѣ ея содержаніе; или, если бы вѣтвь, чтобы она могла приносить плодъ, должна была привиться къ лозѣ. Очевидно, что въ этомъ случаѣ бытіе подводимое есть подлежащее; то, подъ которое оно подводится и которое вмѣстѣ выражается явленіемъ, принимаетъ значеніе средняго термина; а самое понятіе явленія дѣлается сказуемымъ. Посему, расположеніе терминовъ въ первой фигурѣ силлогизма бываетъ таково:

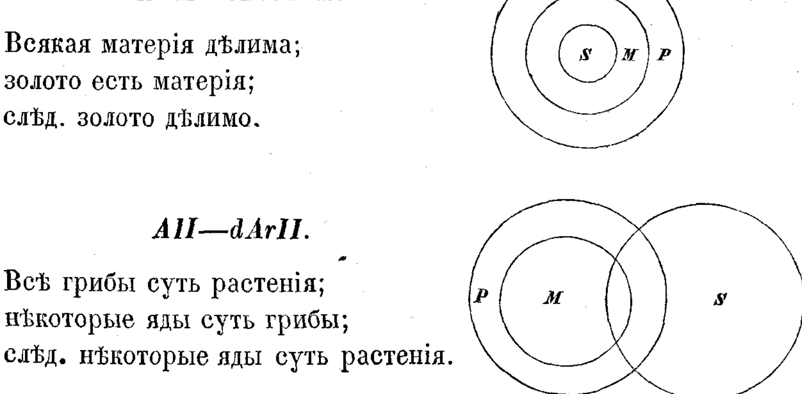
$$\frac{\begin{array}{c}M — P\\ S — M\end{array}}{S — P}$$

Обращая вниманіе на отношеніе этихъ терминовъ, мы замѣчаемъ, что оно основывается здѣсь на подчиненіи ихъ объемовъ, а именно: 1) Подлежащее, чтобы войти въ сферу сказуемаго, должно напередъ войти въ объемъ средняго термина и содержаться въ немъ ***положительно***, какъ недѣлимое въ видѣ, или видъ въ родѣ; 2) Средній терминъ — понятіе родовое, обнаруживаясь сказуемымъ, долженъ всецѣло относиться къ его объему,—хотя не такъ, какъ подлежащее относится къ объему средняго термина; потому что сказуемое не всегда бываетъ родовою его чертою: иногда оно есть не иное что, какъ признакъ его содержанія, слѣдовательно свое отношеніе къ нему можетъ выражать и положительно, и отрицательно, только непремѣнно ***сужденіемъ общимъ;*** въ противномъ случаѣ не было бы причины под-

водить подлежащее подъ средній терминъ. Отсюда вытекаютъ слѣдующія частныя правила касательно посылокъ первой фигуры силлогизма.

1) Высшею посылкою въ ней должно быть сужденіе общее.
2) Низшую посылку она допускаетъ только утвердительную.

Но изъ этого явствуетъ, что образцовъ первой фигуры можетъ быть только четыре: AAA, AII, EAE, EIO. Напримѣръ:

AAA—bArbArA.

Всякая матерія дѣлима;
золото есть матерія;
слѣд. золото дѣлимо.

AII—dArII.

Всѣ грибы суть растенія;
нѣкоторые яды суть грибы;
слѣд. нѣкоторые яды суть растенія.

EAE—cElArEnt

Никакое тѣло не мыслитъ;
мозгъ есть тѣло;
слѣд. мозгъ не мыслитъ.

S M P

EIO—fErIO.

Ни какой грѣхъ не позволителенъ;
нѣкоторые поступки суть грѣхи;
слѣд. нѣкоторые поступки не позволительны.

M S P

Образованіе силлогизма по второй фигурѣ.

§ 88.

Разсудокъ часто бываетъ расположенъ относить одно бытіе къ другому по извѣстному явленію. Такъ напримѣръ, сравнивая льва и слона по плотоядности, мы заключаемъ, что слонъ не есть левъ. При такомъ направленіи мышленія, оба бытія, становясь подлежащими двухъ посылокъ силлогизма, ограничиваются однимъ и тѣмъ же явленіемъ, которое въ обѣихъ посылкахъ занимаетъ мѣсто сказуемаго и имѣетъ значеніе средняго термина, какъ такого понятія, которое служитъ посредствующею точкою отношенія бытій. Такое расположеніе терминовъ обыкновенно бываетъ во второй фигурѣ, которая буквенно изображается такъ:

P — M
S — M
———
S — P

Этою своею схемою вторая фигура силлогизма легко однако жъ можетъ вводить въ обманъ, потому что имѣетъ замѣчательное сходство съ формою аналогіи. Мы видѣли (§ 82), что аналогія, уподобляя одну вещь другой, мыслимой подъ извѣстнымъ признакомъ, позволяетъ себѣ и уподобляемую мыслить подъ тѣмъ же признакомъ. Послѣ сего, смотря на схему второй фугуры, стоитъ только превратить первую ея посылку и M понять, какъ сумму сходныхъ свойствъ, а P, — какъ признакъ вещи, которой мы уподобляемъ S, — у насъ S тотчасъ войдетъ въ сферу P и составится, напримѣръ, слѣдующій ложный силлогизмъ:

Всякій тигръ есть животное плотоядное;
всякій левъ есть животное плотоядное;
слѣд. всякій левъ есть тигръ.

Чтобы въ подобныхъ случаяхъ не смѣшивать силлогизма съ аналогіею и избѣгать ложныхъ слѣдствій, надобно помнить, что P и S во второй фигурѣ умозаключенія суть два бытія, а M — нераздѣльное явленіе ихъ или *общій объемъ*, и что слѣдовательно въ этомъ объемѣ онѣ могутъ быть мыслимы не иначе, какъ по-

нятія счиненныя или разъединенныя (§ 57); а потому, если общій и нераздѣльный признакъ ихъ M приписывается одному изъ нихъ — P, то другое — S, по разъединенности этихъ бытій, уже не можетъ имѣть мѣсто въ томъ же объемѣ и по необходимости должно стать въ *отрицательное* отношеніе къ P,—подобно тому, какъ если бы изъ общаго бассейна позволялось черпать только одному, прочіе, отходя отъ бассейна, удалились бы и отъ черпающаго. Отсюда вытекаютъ слѣдующія частныя правила касательно второй фигуры силлогизма:

1) Высшая посылка въ ней должна быть общая.

2) Одна изъ ея посылокъ должна быть отрицательная.

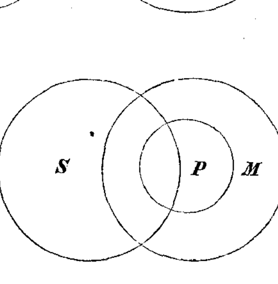
Но изъ этого явствуетъ, что образцовъ для силлогизма второй фигуры, какъ и первой, можетъ быть четыре: AEE, AOO, EAE, EIO. Напримѣръ:

AEE—cAmEstrEs

Всѣ добродѣтели богоугодны;
никакой порокъ не богоугоденъ;
слѣд. никакой порокъ не есть добродѣтель.

AOO—bArOcO

Всѣ разумныя существа на землѣ суть люди;
нѣкоторыя творенія на землѣ не суть люди;
слѣд. нѣкоторыя творенія на землѣ не суть разумныя существа.

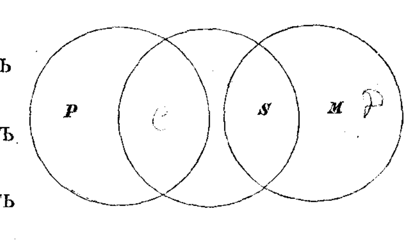

EAE—cEsArE

Ни одинъ порокъ не богоугоденъ;
всѣ добродѣтели богоугодны;
слѣд. ни одна добродѣтель не есть порокъ.

EIO—fErIO

Никакое добро не остается безъ награды;
нѣкоторыя дѣла остаются безъ награды;
слѣд. нѣкоторыя дѣла не суть добро.

Образованіе силлогизма по третьей фигурѣ.

§ 89.

Мысля о какомъ нибудь бытіи, разсудокъ выводитъ изъ него признаки, а когда они уже выведены, поставляетъ ихъ во взаимное отношеніе. Такъ, напримѣръ, мысль о веснѣ напоминаетъ намъ о пріятной теплотѣ атмосферы и о зелени растеній,—и зеленѣющія растенія мы приводимъ въ связь съ атмосферною теплотою. Эта самая обыкновенная дѣятельность разсудка совершается равнымъ образомъ силлогистически, и силлогизмъ его въ семъ случаѣ развивается по третьей фигурѣ. Бытіе въ ней, какъ понятіе посредствующее между соединяемыми явленіями или признаками, бываетъ среднимъ терминомъ и въ обѣихъ посылкахъ ея занимаетъ первое мѣсто; а явленія или признаки, какъ понятія, выводимыя изъ бытія, становятся сказуемыми и въ обѣихъ посылкахъ ея получаютъ второе мѣсто. Значитъ, расположеніе терминовъ въ этой фигурѣ силлогизма таково:

M — P
M — S
―――――
S — P

Касательно образованія посылокъ этой фигуры силлогизма надобно замѣтить слѣдующее: 1) Въ обоихъ сужденіяхъ, служащихъ ея посылками, мѣсто сказуемаго занимаютъ два различныхъ явленія, и каждое изъ нихъ, какъ признакъ одного и того же бытія, ограничиваетъ его, слѣдовательно служитъ ему объемомъ. Но можетъ случиться, что ими объемлются разныя и со-

вершенно отдѣльныя одна отъ другой части свойственнаго бытію содержанія. Тогда явленія должны находиться между собою внѣ всякаго отношенія, и слѣдовательно правильное заключеніе будетъ невозможно, как видно изъ слѣдующаго силлогизма:

Нѣкоторыя рѣки вытекаютъ изъ озеръ;
нѣкоторыя рѣки вытекаютъ изъ горъ;
слѣд. нѣчто, вытекающее изъ горъ, вытекаетъ изъ озеръ.

По этому необходимо, чтобы по крайней мѣрѣ одно изъ явленій было признакомъ всего, свойственнаго бытію, содержанія, и чрезъ то, въ соединеніи съ бытіемъ, составляло сужденіе общее. Но какъ скоро одно изъ сужденій, по отношенію къ другому, будетъ таково,—одно бытіе должно уже раздѣлиться на два бытія, заключающихся одно въ другомъ, то есть, на цѣлое и частичное; такъ что послѣднее, ограничиваемое своимъ признакомъ, будетъ, какъ и въ первой фигурѣ, содержаться въ своемъ цѣломъ положительно и сдѣлается причиною *утвердительности* второй посылки. 2) Каковы бы ни были тѣ явленія, которыя разсудокъ выводитъ изъ бытія,—ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя почитать признаками совершенно простыми, то есть не состоящими изъ другихъ признаковъ (§ 25). Если же это справедливо, то ни одинъ признакъ не можетъ относиться къ другому всецѣло,— всѣми своими ограниченіями, не относясь нѣкоторыми изъ нихъ къ инымъ, отличнымъ отъ него признакамъ. Такъ, напримѣръ, колючесть розы можно поставить въ отношеніе къ прекрасному; но она вмѣстѣ съ тѣмъ относится и къ причиняемой ею боли, что вовсе не прекрасно. По этому взаимное отношеніе явленій, какъ признаковъ извѣстнаго бытія, выражаемое заключеніемъ силлогизма третьей фигуры, можетъ быть только *частное*. Отсюда вытекаютъ слѣдующія правила для образованія умозаключеній этой формы:

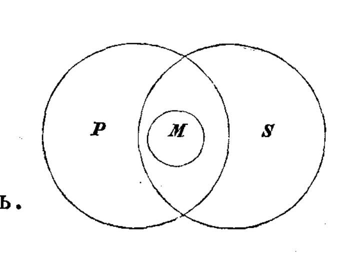
1) Вторая посылка въ нихъ должна быть непремѣнно утвердительная.

2) Заключеніе же въ нихъ необходимо требуется частное, хотя бы обѣ посылки были общія.

Но по требованію этихъ правилъ, употребительные образцы силлогизма третьей фигуры могутъ быть слѣдующіе пять: AAI, AII, EAO, EIO, IAI ([36]). Напримѣръ:

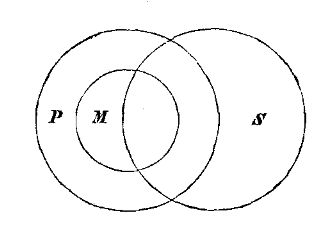
AAI—dArAptI.

Всѣ тѣла имѣютъ тяжесть;
Всѣ тѣла измѣримы;
слѣд. нѣчто измѣримое имѣетъ тяжесть.

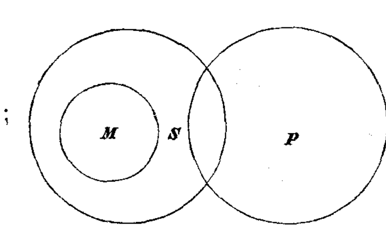
AII—dAtIsI.

Всѣ растенія прозябаютъ;
нѣкоторыя растенія колючи;
сл. нѣчто колючее прозябаетъ.

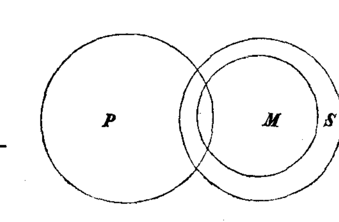
EAO—fElAptOn.

Ни одинъ металлъ не прозраченъ;
всѣ металлы тяжелы;
сл. нѣчто тяжелое непрозрачно.

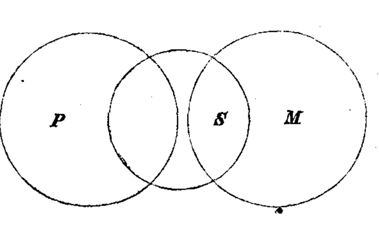
([36]) Къ числу этихъ образцовъ можно причислить еще OAO, который только тѣмъ будетъ отличаться отъ IAI, что дастъ заключеніе отрицательное. Напримѣръ:

Нѣкоторые Европейцы неучены;
всѣ Европейцы ведутъ жизнь осѣдлую;
сл. нѣкоторые, ведущіе жизнь осѣдлую, неучены.

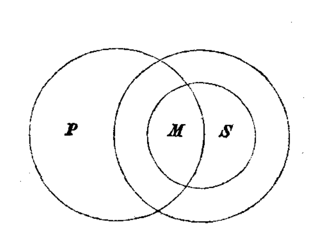
EIO—fErIsO.

Ни одно животное не имѣетъ сознанія;
нѣкоторыя животныя смѣтливы;
сл. нѣчто смѣтливое не имѣетъ сознанія.

IAI—dIsAmIs.

Нѣчто жидкое есть вода;
все жидкое испаряется;
сл. нѣчто испаряющееея есть вода.

Образованіе силлогизма по четвертой фигурѣ.

§ 90.

Умозаключая по четвертой фигурѣ, разсудокъ, какъ сказано, изъ явленія какого нибудь бытія выводитъ новое явленіе, чтобы приписать его тому же самому бытію. Такъ, напримѣръ, зная, что весною все цвѣтетъ, и замѣтивъ, что цвѣтущее распространяетъ запахъ, мы можемъ назвать весну пахучею. Очевидно, что посредствующимъ понятіемъ заключенія или среднимъ терминомъ въ этомъ случаѣ служитъ выведенный изъ бытія признакъ, поколику изъ него выводится опять признакъ. А такъ какъ подъ тѣмъ признакомъ разумѣется явленіе бытія; то въ высшей посылкѣ силлогизма онъ долженъ занимать послѣднее, а въ низшей — первое мѣсто. Слѣдовательно сказуемому въ такомъ силлогизмѣ остается быть подлежащимъ высшей посылки, а подлежащему—сказуемымъ низшей. То есть, расположеніе терминовъ въ четвертой фигурѣ умозаключенія должно быть слѣдующее:

P — M
M — S
―――――
S — P

Обращая вниманіе на отношеніе М къ Р, то есть, явленія къ бытію, мы можемъ предполагать, что первое или принадлежитъ, или не принадлежитъ послѣднему, и притомъ принадлежитъ или не принадлежитъ либо цѣлому его содержанію, либо какой нибудь части. По этому первая посылка въ четвертой фигурѣ силлогизма можетъ быть утвердительная и отрицательная, общая и частная. Но — 1) если она оказывается утвердительною, то признакъ явленія, выведеннаго изъ бытія, въ такомъ только случаѣ можетъ быть надежно приписанъ этому бытію, когда онъ будетъ *общею* примѣтою того явленія; а иначе нельзя ручаться, что къ бытію не отнесется такая черта, которая, ограничивая только явленіе, всегда чужда самаго бытія. Такъ, если бы изъ признака «жидкость», найденнаго въ понятіи воды, мы вывели частное его ограниченіе, напримѣръ, «спиртность»; то должны были бы воду назвать чѣмъ-то спиртнымъ. 2) Предположимъ однако жъ, что изъ признака, принадлежащаго бытію, нужно вывесть черту непремѣнно частную: въ такомъ случаѣ или сама она къ признаку, или признакъ къ бытію долженъ относиться *отрицательно*, и при томъ, когда она становится чертою частною, — признаку, по отношенію къ бытію, уже необходимо быть *общимъ*; а иначе обѣ посылки въ умозаключеніи были бы частныя. 3) Впрочемъ можетъ случиться, что извѣстная черта признака, найденнаго въ бытіи, непремѣнно должна быть взята положительно: тогда по крайней мѣрѣ не слѣдуетъ относить ее ко всему содержанію бытія, а только къ извѣстной ея части, и потому заключеніе въ семъ случаѣ должно быть частное. Отсюда вытекаютъ слѣдующія правила для силлогизма четвертой фигуры:

1) Если высшая посылка въ немъ бываетъ утвердительная, то меньшая должна быть общая.

2) Если которая нибудь изъ посылокъ оказывается отрицательною; то большая посылка должна быть общая.

3) Если меньшая посылка является утвердительною; то заключеніе должно быть частное.

По силѣ этихъ правилъ, силлогизмъ четвертой фигуры можетъ принимать слѣдующіе виды: AAI, AEE, EAO, EIO, IAI. Напримѣръ:

AAI—bAmAlIp.

Всѣ машины суть искуственныя произведенія;
всѣ искуственныя произведенія суть дѣло художествъ;
сл. нѣкоторыя дѣла художествъ суть машины.

AEE—cAlEmEs.

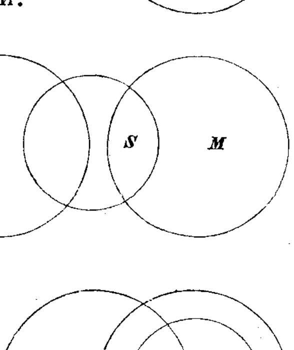
Всѣ львы суть звѣри;
ни одинъ звѣрь не есть существо разумное;
сл. ни одно разумное существо не есть левъ.

EAO—fEsApO.

Ни одинъ преступникъ не доволенъ собою;
всѣ, довольные собою, счастливы;
сл. нѣкоторые счастливые не суть преступники.

EIO—frEsIsOn.

Ни одно лице не есть вещь;
нѣкоторыя вещи драгоцѣнны;
сл. нѣчто драгоцѣнное не есть лице.

IAI—dImAtIs.

Нѣкоторые люди злонамѣренны;
всѣ злонамѣренные вредны для общества;
сл. нѣчто, вредное для общества, суть нѣкоторые люди.

Происхожденіе и виды умозаключеній ложныхъ.

§ 91.

Изложивъ правила для образованія умозаключеній и показавъ, въ какихъ законныхъ формахъ могутъ они проявляться, мы теперь легко отличимъ отъ нихъ всѣ умствованія, несогласныя съ этими правилами, и усмотримъ, противъ чего именно они погрѣшаютъ. Это будетъ какъ бы діагностикою болѣзней человѣческаго мышленія и вмѣстѣ логическою терапіею разсудка.

Ложныя по формѣ умозаключенія могутъ быть двухъ родовъ: одни — тѣ, которыми мыслитель безъ сознанія и противъ собственной воли обманываетъ самаго себя; другія — тѣ, которыя онъ составляетъ умышленно, съ намѣреніемъ обмануть ими кого нибудь. Первыя называются ***паралогизмами*** ([87]), а послѣднія — ***софизмами***. Но выдержать это дѣленіе ложныхъ по формѣ умствованій Логика не въ состояніи; потому что она не имѣетъ средствъ — опредѣлить, съ сознаніемъ ли произносится извѣстная ложная мысль, или безъ сознанія. Гораздо удобнѣе разсматривать ложныя умствованія съ предлежательной точки зрѣнія, именно — со стороны составныхъ частей силлогизма, то есть, ***терминовъ*** и ***посылокъ***, и наблюдать, какимъ образомъ погрѣшаютъ они противъ правилъ, опредѣляющихъ законность тѣхъ и другихъ.

1) Когда погрѣшность въ какомъ нибудь умозаключеніи происходитъ отъ злоупотребленія терминами; тогда надобно разумѣть особенно терминъ средній; потому что онъ занимаетъ мѣсто въ обѣихъ посылкахъ силлогизма и служитъ основною его стихіею. Погрѣшности противъ правилъ касательно средняго термина бываютъ слѣдующія:

([87]) Отъ паралогизма надобно отличать парадоксъ. *Паралогизмъ* есть погрѣшность въ чистой формѣ мышленія, слѣдовательно — погрѣшность логическая. Напротовъ *парадоксъ* погрѣшаетъ относительно къ самому содержанію мышленія, то есть, бываетъ ложнымъ мнѣніемъ (παρὰ δόξαν), противорѣчущимъ общему убѣжденію, слѣдовательно — погрѣшность внѣ Логики.

a) *Fallacia sensus compositi et divisi*. Въ ней среднiй терминъ, могущiй соединяться и раздѣляться, въ высшую посылку входитъ раздѣленнымъ, а въ низшую — соединеннымъ, либо наоборотъ. Напримѣръ:

Два и три суть четъ и нечетъ;
но пять есть два и три;
слѣд. пять есть четъ и нечетъ.

b) *Fallacia à dicto secundum quid ad dictum simpliciter*. Въ ней средній терминъ въ одну посылку входитъ подъ какимъ нибудь ограниченіемъ (secundum quid), а въ другую — безъ всякаго ограниченія (simpliciter). Напримѣръ:

Всякій человѣкъ можетъ дѣлать успѣхи въ наукахъ (simpliciter);
но всякій сумасшедшій есть человѣкъ (secundum quid);
сл. всякій сумасшедшій можетъ дѣлать успѣхи въ наукахъ.

c) *Fallacia figurae dictionis*. Въ ней средній терминъ бываетъ понятіемъ двусмысленнымъ, и въ одной посылкѣ принимается въ одномъ смыслѣ, а въ другой — въ другомъ. Напримѣръ:

Всякая мышь грызетъ сыръ;
но всякая мышь есть слогъ;
сл. нѣкоторый слогъ грызетъ сыръ.

d) *Σοφίσμα ἑτεροζητήσεως*. Въ немъ средній терминъ также двусмысленъ, но двусмысленность его зависитъ отъ того отношенія, въ какое поставляется онъ съ другими понятіями. И такъ какъ въ двухъ посылкахъ въ соединеніе съ нимъ входятъ два понятія, то онъ получаетъ и два значенія. Напримѣръ:

Кто чего не терялъ, тотъ то имѣетъ;
но бѣднякъ милліона не терялъ;
сл. бѣднякъ милліонъ имѣетъ.

e) *Σοφίσμα πολυζητήσεως*. Въ немъ средній терминъ есть понятіе неопредѣленое, такъ что его можно прилагать ко всему. Этотъ софизмъ получилъ свое имя по тому поводу, что предлагаемъ былъ въ формѣ многихъ вопросовъ, которыми требовалось

опредѣлить неопредѣленое значеніе заключающагося въ немъ средняго термина. Отвѣтами средній терминъ былъ дѣйствительно опредѣляемъ; но чрезъ то самое онъ, теряя свою неопредѣленность, вмѣстѣ переставалъ быть и тѣмъ, чѣмъ быть ему надлежало. Сюда относятся древніе софизмы: *куча*, *плѣшивый*, *Ахиллесъ*, *стрѣла* и т. п.

2) Если средній терминъ въ силлогизмѣ вѣренъ, а между тѣмъ заключеніе показываетъ, что силлогизмъ ложенъ; то причины его ложности надобно искать въ посылкахъ и особенно въ посылкѣ высшей или основной. Погрѣшности противъ правилъ касательно основанія силлогизма бываютъ слѣдующія.

a) *Sophisma fictae universalitatis.* Онъ отличается тѣмъ, что высшая посылка въ немъ, принимаемая за общую, въ самомъ дѣлѣ не имѣетъ общности, а есть только обобщеніе нѣсколькихъ частныхъ случаевъ, поколику наблюденіе и опытъ почти всегда находили въ нихъ одни и тѣже свойства (§ 83). Таковы, напримѣръ, сужденія: Французы вѣтрены, женщины легкомысленны, ученые — педанты, и т. п. Если въ умозаключеніи высшею посылкою будетъ одно изъ такихъ сужденій; то нѣтъ ничего удивительнаго, что умозаключеніе окажется ложнымъ.

b) *Non causa ut causa, aut falsum medium.* Этотъ паралогизмъ есть такое умозаключеніе, въ которомъ высшая посылка отнюдь не можетъ служить основаніемъ для выведенія извѣстнаго слѣдствія. Не зная истинной причины явленія, а между тѣмъ увлекаясь естественнымъ стремленіемъ ума открыть ее, человѣкъ часто хватается за былинку, то есть, опирается на случайности, если на этотъ разъ она приводитъ къ желаемому заключенію. Вотъ, напримѣръ, какъ умозаключалъ Гассенди, желая основать на чемъ нибудь паденіе тѣлъ на поверхность земли:

Все, что боится пустоты, падаетъ на землю;
но всѣ тѣла боятся пустоты;
сл. всѣ тѣла падаютъ на землю.

c) *Sophisma cum hoc vel post hoc, ergo propter hoc.* Этотъ софизмъ, вмѣсто дѣйствительнаго и достаточнаго основанія, беретъ

обстоятельства предмета основываемаго. Разсудокъ при этомъ умозаключаетъ такъ: бывало много разъ, что извѣстное явленіе сопровождалось (cum hoc) такимъ-то событіемъ, или слѣдовало за нимъ (post hoc). Посему и теперь оно должно находиться въ связи съ тѣмъ же самымъ событіемъ и можетъ зависѣть отъ него (propter hoc). Вотъ примѣръ подобнаго рода силлогизмовъ, часто употребляемый врачами:

Людямъ, одержимымъ такою-то болѣзнію, помогало такое-то лекарство;
но такой-то болѣнъ, по видимому, тою же болѣзнію;
сл. и ему должно помочь тоже самое лекарство.

Не трудно замѣтить, что во всѣхъ этихъ софизмахъ высшая посылка, или основаніе, есть общее сужденіе, происшедшее отъ недостаточной и слишкомъ скорой индукціи. Различіе между ними состоитъ только въ томъ, что первый погрѣшаетъ противъ ***общности*** основанія, второй — противъ ***зависимости*** основываемаго, а третій — противъ ***надлежащаго отношенія*** того и другаго.

Раздѣленіе посредственныхъ умозаключеній.

§ 92.

Разсматривая различныя формы умозаключенія, поколику онѣ происходятъ отъ размѣщенія терминовъ и отъ разнородности посылокъ, мы постоянно предполагали, что меньшій терминъ въ умозаключеніи несомнѣнно либо входитъ, либо не входитъ въ объемъ средняго, то есть, имѣетъ либо положитное, либо отрицательное отношеніе къ основанію, или—къ тому сужденію, которымъ выражается dictum de omni aut de nullo. Пока это предположеніе дѣйствительно оправдывается, — у насъ должно образоваться умозаключеніе, во всѣхъ его частяхъ категорическое; потому что подъ этимъ условіемъ и посылки его, и заключеніе — будутъ сужденіями категорическими. Но можетъ случиться и нерѣдко случается, что при данномъ категорическомъ основаніи умозаключенія, въ которомъ обыкновенно занимаетъ мѣсто средній терминъ, еще не видно, — извѣстное меньшее понятіе содер-

жится ли, или не содержится въ объемѣ этого средняго термина, либо, если содержится, какое въ немъ принадлежитъ ему мѣсто. Пусть будетъ, напримѣръ, дано общее категорическое положеніе: «все матеріальное стихійно», и представимъ, что подъ понятіе матеріальности мы захотѣли бы подвесть «электричество». Въ разсудкѣ при этомъ тотчасъ возбуждается недоумѣніе: можно ли эликтричество почитать матеріальнымъ, или нельзя? либо, если оно матеріально, — стихіи его суть ли вещества, или силы? — Очевидно, что въ этомъ случаѣ вторая посылка силлогизма не можетъ быть сужденіемъ категорическимъ; слѣдовательно не можетъ имѣть категорическаго значенія и самое заключеніе. Что же дѣлаетъ разсудокъ при такомъ недоумѣніи?—Онъ изъ второй посылки переноситъ это недоумѣніе въ первую, вмѣстѣ съ меньшимъ терминомъ, то есть, меньшій терминъ въ ней соединяетъ съ большимъ посредствомъ средняго, въ формѣ сужденія нерѣшительнаго (§ 71); потомъ второю посылкою, если только она не будетъ опять нерѣшительною, рѣшаетъ свое недоумѣніе и, сообразно съ нею, выводитъ категорическое заключеніе. Явно, что этотъ способъ умозаключать совершенно отличенъ отъ категорическаго и направляется къ иной цѣли, то есть, стремится нерѣшительное отношеніе понятій сдѣлать яснымъ и опредѣленнымъ, или отъ сужденій проблематическихъ доходить до аподиктическихъ. Припоминая же, что сужденія нерѣшительныя имѣютъ форму иногда условную, иногда раздѣлительную, поколику средній терминъ, къ которому меньшій относится нерѣшительно, стоитъ или въ подлежащемъ или въ сказуемомъ, — силлогизмы съ посылками нерѣшительными можно называть также — одни условными, а другіе раздѣлительными. Такимъ образомъ мы находимъ три рода умозаключеній: умозаключеніе *категорическое*, *условное* и *раздѣлительное*.

Умозаключеніе категорическое.

§ 93.

Умозаключеніе категорическое есть то, въ которомъ обѣ посылки и слѣдствіе суть сужденія категорическія, или въ кото-

ромъ высшая посылка категорически выражаетъ отношеніе между терминами среднимъ и большимъ, а низшая показываетъ, что меньшій терминъ несомнѣнно сроденъ либо несроденъ съ однимъ изъ составныхъ понятій высшей посылки, и что слѣдовательно онъ можетъ или не можетъ быть соединяемъ съ другимъ ея понятіемъ. Напримѣръ:

Всякая добродѣтель есть жертва;
но любовь относится къ добродѣтелямъ;
слѣд. любовь есть жертва.

Сознаніе отношенія между меньшимъ терминомъ и среднимъ, либо между среднимъ и большимъ можетъ быть на различныхъ степеняхъ ясности, и чрезъ то подаетъ поводъ къ построенію категорическаго умозаключенія въ трехъ различныхъ видахъ: въ видѣ ***полнаго силлогизма, энтимемы*** и ***эпихеремы.***

1) ***Полный категорическій силлогизмъ*** есть тотъ, который имѣетъ полный составъ своихъ частей, то есть, состоитъ изъ двухъ посылокъ и заключенія, или въ которомъ отношеніе средняго термина къ большему и меньшаго къ среднему дѣйствительно высказывается, и чтобы выводъ слѣдствія изъ основанія былъ очевиденъ, — должно быть высказано. Напримѣръ:

Всѣ тѣла падаютъ къ центру земли;
но воздухъ есть тѣло;
слѣд. воздухъ падаетъ къ центру земли.

2) *Энтимемою* называется такое умозаключеніе, которое не имѣетъ полнаго развитія посылокъ, или въ которомъ либо первая посылка, либо вторая, только подразумѣвается (*ἐνϑυμεῖται*), а не высказывается; потому что отношеніе либо средняго термина къ большему, либо меньшаго къ среднему бываетъ въ немъ и безъ того очевидно. Такъ, напримѣръ, въ силлогизмѣ —

Юпитеръ есть планета;
слѣд. онъ свѣтитъ заимствованнымъ свѣтомъ, —

высшая посылка «всѣ планеты свѣтятъ заимствованнымъ свѣтомъ», какъ подразумѣвающаяся сама собою, опущена, и потому этотъ силлогизмъ становится энтимемою. Такимъ же образомъ, удержавъ въ немъ первую посылку, мы можемъ выпустить вторую и сказать:

Всѣ планеты свѣтятъ заимствованнымъ свѣтомъ;
сл. и Юпитеръ свѣтитъ заимствованнымъ свѣтомъ.

3) Подъ именемъ *эпихеремы* разумѣется такой силлогизмъ, который, въ противуположность энтимемѣ, допускаетъ нѣчто излишнее въ развитіи своихъ посылокъ, или въ который входитъ мысль изъ другаго силлогизма и служитъ доказательствомъ одной изъ его посылокъ. Напримѣръ:

Всѣ науки полезны, потому что образуютъ умъ и сердце;
Но Логика есть наука;
сл. Логика полезна.

Явно, что въ этомъ силлогизмѣ мысль, прибавленная къ первой посылкѣ, есть не иное что, какъ основаніе другаго, — именно слѣдующаго силлогизма:

Все, что образуетъ умъ и сердце, полезно;
но науки образуютъ умъ и сердце;
сл. науки полезны.

Изъ этого видно, что эпихерема есть хорошій и часто употребляемый способъ сокращенія и ближайшаго соединенія многихъ, послѣдовательно развивающихся умозаключеній.

Умозаключеніе условное.

§ 94.

Умозаключеніе условное есть то, въ которомъ первою посылкою всегда бываетъ сужденіе условное. А такъ какъ сужденіе условное обыкновенно состоитъ изъ двухъ частей — предшествующаго и послѣдующаго (§ 73); то вторая посылка этого умо-

заключенія либо категорически полагаетъ предшествующее первой, и чрезъ то даетъ право заключать о ея послѣдующемъ, либо категорически отрицаетъ послѣдующее первой, и такимъ образомъ приводитъ къ отрицанію ея предшествующаго. Напримѣръ:

Если есть дымъ, то долженъ быть и огонь;
но дымъ есть;
слѣд. долженъ быть и огонь.

или:

Если ученикъ прилеженъ, то онъ успѣваетъ:
но ученикъ не успѣваетъ;
слѣд. онъ не прилеженъ.

Это — обыкновенная форма такъ называемаго условнаго силлогизма. Чтобы ясно видѣть причину такого его развитія и найти законъ, которымъ оно опредѣляется, будемъ смотрѣть на него съ той же точки зрѣнія, съ которой мы разсматривали умозаключеніе категорическое. И во-первыхъ потребуемъ, чтобы онъ образовался по четыремъ фигурамъ. Образованіе его по четыремъ фигурамъ возможно только въ томъ случаѣ, когда не только высшая его посылка, но и низшая и заключеніе — будутъ сужденія условныя. Таково, напримѣръ, условное умозаключеніе —

По первой фигурѣ:

Если вѣтеръ силенъ, то рѣка волнуется:
если дымъ изъ трубы идетъ горизонтально, то вѣтеръ силенъ;
сл. если дымъ изъ трубы идетъ горизонтально, то рѣка волнуется.

По второй фигурѣ:

Если дождь идетъ, то дѣлается грязь;
Если на дворѣ пыльно, то грязи нѣтъ;
сл. если на дворѣ пыльно, то дождь не идетъ.

По третьей фигурѣ:

Когда по дорогамъ лежитъ снѣгъ, то ѣздятъ на саняхъ;
Когда по дорогамъ лежитъ снѣгъ, то одѣваются въ шубы;
сл. когда одѣваются въ шубы, — бываетъ ѣзда на саняхъ.

По четвертой фигурѣ:

Кто не трудится, тотъ не исполняетъ своего назначенія;
кто не исполняетъ своего назначенія, тотъ противится Богу;
сл. кто не трудится, тотъ противится Богу.

Въ этихъ силлогизмахъ выдержаны всѣ правила силлогистическихъ фигуръ, кромѣ того только, что посылки ихъ и заключенія, по содержанію, суть сужденія условныя. По такой условности своихъ сужденій, они дѣйствительно могутъ быть названы условными умозаключеніями и часто проявляются въ силлогистическомъ развитіи мышленія; однакожъ должно замѣтить, что сами по себѣ не рѣшаютъ никакой частной мысли: разсудокъ въ частностяхъ не удовлетворяется ими и, сколько бы ни продолжалъ умозаключать такимъ образомъ, необходимо требуетъ наконецъ слѣдствія категорическаго, которое, если и не выводится имъ,— по крайней мѣрѣ подразумѣвается. А чтобы заключить о чемъ нибудь категорически, онъ долженъ категорическое также значеніе сообщить и второй посылкѣ своего силлогизма, слѣдовательно долженъ оставить въ ней предшествующее и удержать только послѣдующее. Соотвѣтственно этому необходимому требованію разсудка, поступимъ такимъ образомъ съ приведенными нами силлогизмами, и получимъ силлогизмъ —

По первой фигурѣ:

Если вѣтеръ силенъ, то рѣка волнуется;
но вѣтеръ силенъ;
сл. рѣка волнуется.

По второй фигурѣ:

Если дождь идетъ, то дѣлается грязь;
но грязи нѣтъ;
сл. дождь не идетъ.

За этимъ слѣдовало бы такимъ же образомъ поступить и съ силлогизмами прочихъ двухъ фигуръ, но въ отношеніи къ нимъ мы находимъ это рѣшительно невозможнымъ; потому что, откиды-

вая предшествующее во второй посылкѣ силлогизма третьей и четвертой фигуры, намъ пришлось бы лишить ихъ средняго термина; а безъ средняго термина меньшій никакъ не вяжется съ большимъ. И такъ условный силлогизмъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова образуется только по первымъ двумъ фигурамъ умозаключенія; а потому образованіе его опредѣляется слѣдующими двумя правилами:

1) Можно заключать *отъ бытія основанія къ бытію слѣдствія,* каково бы ни было то и другое — утвердительное или отрицательное. Этотъ способъ заключенія совершается по первой фигурѣ и называется ***положительнымъ*** (modus ponens).
2) Можно заключать ***отъ небытія слѣдствія къ небытію основанія,*** каково бы ни было то и другое — утвердительное или отрицательное. Этотъ способъ заключенія совершается по второй фигурѣ и называется ***отрицательнымъ*** (modus tollens).

Умозаключеніе раздѣлительное.

§ 95.

Умозаключеніе раздѣлительное есть то, въ которомъ высшею посылкою бываетъ сужденіе раздѣлительное; низшая же и заключеніе—таковы, что если первая которые нибудь изъ членовъ дѣленія полагаетъ, то въ послѣднемъ прочіе отрицаются, либо если въ первой иныя отрицаются, то въ послѣднемъ о прочихъ говорится утвердительно. Напримѣръ:

Всѣ планеты свѣтятъ *либо* собственнымъ *либо* заимствованнымъ свѣтомъ;
но онѣ свѣтятъ заимствованнымъ свѣтомъ;
слѣд. свѣтятъ не собственнымъ.

или:

но онѣ свѣтятъ не собственнымъ свѣтомъ;
слѣд. свѣтятъ свѣтомъ заимствованнымъ.

Чтобы понять причину такой формы раздѣлительнаго умозаключенія и по ней опредѣлить общій законъ его развитія, надобно представить себѣ какое нибудь категорическое сужденіе въ формѣ собирательной (§ 72), какъ высшую посылку силлогизма, подъ которую требуется подвесть *видовое или частное понятіе*, содержащееся въ объемѣ ея подлежащаго. Пусть будетъ, напримѣръ, сужденіе: «Геометрическія поверхности описываются *линіями прямыми и кривыми*», и подъ эту высшую посылку предполагаемаго умозаключенія, положимъ, захотѣли бы мы подвесть понятіе «треугольникъ». Такъ какъ въ сказуемомъ даннаго сужденія члены, выражающіе собирательность, суть общіе признаки всей сферы геометрическихъ поверхностей, а треугольникъ есть только одинъ изъ видовъ, содержащихся въ этой сферѣ; то разсудокъ естественно долженъ недоумѣвать, который между собранными въ сказуемомъ признаками можетъ быть сказуемымъ треугольника, и потому вторую посылку предполагаемаго силлогизма составляетъ въ формѣ раздѣлительной: «треугольникъ описывается или прямыми, или кривыми линіями». Но эта посылка, сама по себѣ, очевидно, ничего не рѣшаетъ и не приводитъ ни къ какому заключенію; по сему разсудокъ прежде къ ней направляетъ свое вниманіе и, чтобы рѣшить заключающееся въ ней недоумѣніе, дѣлаетъ ее высшею или основною посылкою новаго,— именно, раздѣлительнаго умозаключенія. Рѣшеніе же недоумѣнія производится здѣсь такъ, что либо низшая посылка одинъ членъ дѣленія утверждаетъ, а въ заключеніи другой отрицается, либо низшею посылкою одно изъ раздѣляемыхъ понятій отрицается, а въ заключеніи прочія утверждаются. Отсюда касательно раздѣлительнаго умозаключенія вытекаютъ слѣдующія правила:

1) ***Можно во второй посылкѣ одинъ изъ противуположныхъ членовъ полагать и чрезъ то въ заключеніи отрицать остальные.*** Эта форма называется способомъ ***положительно-отрицательнымъ*** (modus ponendo tollens).

2) ***Можно во второй посылкѣ одинъ изъ противуположныхъ членовъ отрицать и чрезъ то въ заключеніи полагать***

остальные. Эту форму называютъ способомъ *отрицательно-положительнымъ* (modus tollendo ponens).

Опредѣляемая такими правилами форма раздѣлительнаго умозаключенія развивается, какъ видно, частію по второй, частію по третьей фигурѣ, но исключительно не слѣдуетъ ни той ни другой. По сему, когда раздѣлительный силлогизмъ формуютъ по всѣмъ четыремъ фигурамъ, то сужденія раздѣлительныя явно смѣшиваютъ съ соединительными и собирательными, и такимъ образомъ, подъ рубрикою умозаключеній раздѣлительныхъ, образуютъ силлогизмы категорическіе ([88]). Вотъ образцы такихъ силлогизмовъ —

По первой фигурѣ:

И историческія и философскія и математическія познанія дѣловому человѣку нужны;
но Географія содержитъ въ себѣ частію историческія, частію философскія, частію математическія познанія;
слѣд. Географія дѣловому человѣку нужна.

По второй фигурѣ:

Треугольники бываютъ прямоугольные, тупоугольные и остроугольные;
но никакой кругъ ни прямоуголенъ, ни тупоуголенъ ни остроуголенъ;
слѣд. никакой кругъ не есть треугольникъ.

По третьей фигурѣ:

Золото, серебро и платина суть благородные металлы;
но либо золото, либо серебро, либо платина, иногда употребляются на худыя дѣла;
слѣд. нѣчто, иногда употребляемое на худыя дѣла, есть благородный металлъ.

([88]) Чтобы такимъ силлогизмамъ придать видъ раздѣлительныхъ, — собирательную или соединительную частицу *и* часто замѣняютъ раздѣлительными *или, либо.* Но эта словесная мѣра далеко недостаточна къ тому, чтобы силлогизмъ категорическій сдѣлать раздѣлительнымъ.

По четвертой фигурѣ:

Вода бываетъ капельножидкая, парообразная и кристалловидная;
но ни капельножидкое, ни парообразное, ни кристалловидное что нибудь не духовно;
слѣд. нѣчто не духовное не есть вода.

Переходъ къ третьей части Логики, или о способахъ соединенія силлогизмовъ.

§ 96.

Если мы положимъ, что всякая мысль, чтобы сдѣлаться твердою и основательною, должна быть развита силлогистически; то вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ не согласиться, что рядъ мыслей, направленныхъ къ какой нибудь одной цѣли и имѣющихъ общій интересъ въ достиженіи ея, чрезъ развитіе одного цѣлаго сочиненія, долженъ оказаться рядомъ силлогизмовъ. Какъ этому ряду давать желаемое направленіе и, когда нужно, измѣнять его, какъ устроять движеніе мыслей и предписывать имъ тѣ или другіе повороты, какъ ускорять или замедлять ходъ ихъ, и какое въ потребныхъ случаяхъ употреблять сочетаніе умозаключеній, — всѣ эти и многіе того же рода вопросы будутъ предметомъ изслѣдованій въ послѣдней части Логики. Теперь же требуются только предварительныя правила возможнаго соединенія силлогизмовъ, чтобы они были готовыми, гибкими и послужными орудіями для выраженія всякаго желаемаго сочетанія мыслей. Покажемъ эти правила.

Говоря о матеріи посредственнаго умозаключенія, мы сказали, что терминовъ въ немъ должно быть только три. Но когда они поставляются во взаимное отношеніе подъ формою сужденій, то часто случается, что либо подлежащаго нельзя бываетъ привесть въ непосредственную связь съ среднимъ терминомъ, потому что его объемъ слишкомъ тѣсенъ сравнительно съ объемомъ послѣдняго,—либо сказуемаго нельзя бываетъ непосредственно отнесть къ среднему термину, потому что оно оказывается слишкомъ

удаленнымъ отъ него признакомъ. Это можно представить себѣ при взглядѣ на слѣдующую схему:

S. . . . . M — P.
S — M . . . . P.

Въ такихъ случаяхъ разсудку нужно бываетъ — либо отъ подлежащаго, либо отъ сказуемаго, переходить къ среднему термину чрезъ нѣсколько другихъ, посредствующихъ понятій,— какъ бы такъ:

$$S — m — m' — m'' — M — P.$$
$$S — M — m'' — m' — m — P.$$

Чтобы объяснить первый случай, положимъ, дано основаніе силлогизма M—P: «всякая добродѣтель похвальна», и требуется вывесть изъ него заключеніе касательно S — «историческаго труда Карамзина». Очевидно, что историческій трудъ Карамзина не можетъ быть непосредственно подведенъ подъ понятіе добродѣтели, слѣдовательно, при посредствѣ этого средняго термина, не можетъ быть названъ и похвальнымъ. Чтобы найти отношеніе между подлежащимъ «историческій трудъ Карамзина» и среднимъ терминомъ «добродѣтель», подведемъ подъ понятіе добродѣтели послѣдовательно нѣсколько другихъ понятій m, m', m'', посредствующихъ между добродѣтелію и историческимъ трудомъ Каразина, и посмотримъ, — вслѣдъ за ними не войдетъ ли въ объемъ даннаго средняго термина и наше подлежащее. Мы поведемъ умозаключеніе слѣдующимъ образомъ:

Всякая добродѣтель похвальна;
всякое доброе дѣло есть добродѣтель;
всякій трудъ на пользу ближнихъ есть доброе дѣло;
историческій трудъ Карамзина есть трудъ на пользу ближнихъ;
слѣд. историческій трудъ Карамзина похваленъ.

Явно, что теперь наше подлежащее уже вошло въ сферу добродѣтели, но вошло чрезъ посредство труда на пользу ближнихъ и добраго дѣла; а вошедши въ сферу добродѣтели, усвоило себѣ и ея сказуемое — похвалу.

Для объясненія втораго случая, возмемъ сужденіе «истинный философъ счастливъ», и пусть требуется доказать, что это сказуемое дѣйствительно принадлежитъ этому подлежащему. Такъ какъ отношеніе сихъ понятій непосредственно не очевидно; то нужно отъискать среднiй терминъ, который показывалъ бы связь ихъ. Положимъ, что такой терминъ есть «любовь къ мудрости», какъ понятіе, ближайшимъ образомъ соединенное съ подлежащимъ «философъ». Чрезъ это мы получимъ отношеніе S — M, и составимъ умозаключеніе по четвертой фигурѣ:

Всякій философъ любитъ мудрость;
а кто любитъ мудрость, тотъ счастливъ;
слѣдовательно истинный философъ счастливъ.

Но намъ могутъ сказать, что любовь къ мудрости (M) еще не ручается за счастіе философа, то есть, переходъ отъ мудрости къ счастію слишкомъ далекъ:—тогда необходимость заставитъ насъ изъ своего средняго термина вывесть, примѣнительно къ цѣли, какой нибудь признакъ, напримѣръ, «сохраненіе правилъ мудрости», и опять умозаключать. Если же и этотъ будетъ недостаточно посредствовать между среднимъ терминомъ и сказуемымъ; то изъ храненія правилъ мудрости мы опять выведемъ признакъ «обуздываніе страстей». А когда и эта черта окажется еще далекою отъ того, чтобы быть чертою счастія; то и изъ обуздыванія страстей выведемъ признакъ, напримѣръ, «чистоту души», изъ котораго, чрезъ новое выведеніе, получимъ «спокойствіе совѣсти», которое будетъ уже ближайшимъ образомъ относиться къ счастію. Чрезъ такіе выводы признака изъ признака, начиная отъ средняго термина M и постепенно переходя къ m'', m', m, мы разовьемъ слѣдующее умозаключеніе:

Всякій философъ любитъ мудрость;
всякій, любящій мудрость, соблюдаетъ ея правила;
всякій, соблюдающій правила мудрости, обуздываетъ свои страсти;
всякій, обуздывающій свои страсти, чистъ душею;

всякій, чистый душею, спокоенъ въ своей совѣсти;
всякій, спокойный въ своей совѣсти, счастливъ;
слѣд. истинный (т. е. нѣкоторый) философъ счастливъ.

И такъ счастіе теперь пришло въ связь съ понятіемъ истиннаго философа чрезъ посредство пяти вставленныхъ понятій, то есть, любви къ мудрости, сохраненія ея правилъ, обуздыванія страстей, душевной чистоты и спокойствія совѣсти.

Само собою ясно, что въ обоихъ приведенныхъ нами примѣрахъ число терминовъ больше трехъ. Но должно замѣтить, что въ каждомъ изъ нихъ подлежащее — одно и сказуемое — одно; увеличено только число посредствующихъ понятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и число посылокъ, — и какъ увеличено? Эти понятія слѣдуютъ другъ за другомъ преемственно, подобно ступенямъ лѣствицы, такъ что въ общемъ своемъ объемѣ могутъ быть почитаемы однимъ, послѣдовательно развивающимся среднимъ терминомъ. Такія умозаключенія въ Логикѣ называются *соритами*, или *умозаклюненіями сложными*.

Виды и образованіе соритовъ.

§ 97.

Происхожденіе соритовъ показываетъ, что онѣ могутъ развиваться либо отъ бытія къ явленію, либо отъ явленія къ бытію, то есть, либо отъ подлежащаго, чрезъ рядъ среднихъ терминовъ, къ сказуемому, либо отъ сказуемаго, опять чрезъ рядъ среднихъ терминовъ, къ подлежащему. Въ первомъ случаѣ соритъ постепенно идетъ отъ частнаго къ общему, или отъ понятія, по объему, тѣснаго,—къ ближайшему обширнѣйшему, а отъ этого—къ слѣдующему, еще болѣе обширному, и т. д., пока не достигнетъ сферы самой обширной, или даннаго сказуемаго. Напротивъ во второмъ случаѣ онъ постепенно движется отъ общаго къ частному, или отъ понятія, по объему, обширнаго,— къ ближайшему, болѣе тѣсному, а отъ этого — къ тѣснѣйшему, и т. д., пока не

дойдетъ до самаго тѣснаго, или даннаго подлежащаго. Соритъ перваго рода въ Логикѣ называется *поступательнымъ* или *восходящимъ* и выражается слѣдующею схемою:

A — B
B — C
C — D
D — E

A — E

Напротивъ соритъ послѣдняго рода означается именемъ *возвратнаго* или *низходящаго* ([89]), и схематически выражается такъ:

D — E
C — D
B — C
A — B

A — E

Впрочемъ это наименованіе ихъ основывается только на внѣшней формѣ ихъ развитія. По внутреннимъ же отличіямъ каждаго изъ нихъ, соритъ восходящій можетъ быть названъ сложнымъ умозаключеніемъ *аналитическимъ*, или *соритомъ наведенія*, а восходящій — сложнымъ умозаключеніемъ *синтетическимъ*, или *соритомъ подведенія; потому что* въ первомъ, чрезъ рядъ выводимыхъ одного изъ другаго среднихъ терминовъ, сказуемое наводится на подлежащее, а въ послѣднемъ, чрезъ рядъ вводимыхъ одинъ въ другой среднихъ терминовъ, подлежащее подводится подъ сказумое.

Вникая въ форму обоихъ родовъ сорита, мы замѣчаемъ, что термины и посылки въ первомъ изъ нихъ располагаются по

([89]) Этотъ соритъ, по имени его изобрѣтателя, Гокленія, истолкователя Аристотелевой Логики, называется также *Гокленіанскимъ*, тогда какъ первый носитъ имя *Аристотелевскаго*.

четвертой фигурѣ силлогизма, а во второмъ—по первой. По этому нѣтъ нужды говорить, какимъ правиламъ долженъ слѣдовать тотъ и другой при своемъ образованіи. Но чтобы примѣненіе этихъ законовъ къ построенію сложнаго умозаключенія было легко, должно всѣ посылки въ немъ, выражающія взаимное отношеніе среднихъ терминовъ, представлять какъ бы одну, и смотря потому, какова она должна быть согласно съ условіями той или другой формы силлогизма, такою и дѣлать ее. Этотъ способъ — всѣ средніе термины мыслить, какъ одинъ, можно объяснить слѣдующимъ примѣромъ:

Перв. посылка: Всякое человѣческое тѣло сложно;
втор. посылка: { все сложное разложимо;
все разложимое можетъ разстроиваться;
все разстроивающееся разрушимо;
всякое разрушеніе живущаго есть смерть;
заключеніе: сл. всякое человѣческое тѣло подвержено смерти.

Представляя такимъ образомъ сложное умозаключеніе, какъ обыкновенный силлогизмъ, состоящій изъ трехъ терминовъ и трехъ сужденій, мы не затруднимся построить его не только по первой и четвертой, но и по второй и третьей фигурѣ. Надобно только замѣтить, что въ низшей посылкѣ сорита, состоящей изъ нѣсколькихъ сужденій, расположеніе среднихъ терминовъ можетъ происходить по правиламъ и не той фигуры, по которой развивается соритъ, а какой нибудь иной. Вотъ, напримѣръ, буквенное выраженіе сложнаго умозаключенія второй фигуры по cEsArE:

Ни какое E не есть D;
{ всѣ C суть D;
всѣ B суть C;
всѣ A суть B;
сл. ни какое A не есть E.

Ни одинъ порокъ не одобрителенъ;
всякая добродѣтель одобрительна;

всякое воздержаніе есть добродѣтель;
всякое отреченіе отъ удовольствій есть воздержаніе;
всякое обузданіе страстей есть отреченіе отъ удовольствій;
сл. никакое обузданіе страстей не есть порокъ.

Равнымъ образомъ возможна схема сорита и по третьей фигурѣ силлогизма. Вотъ образецъ dArAptI:

Всѣ D суть E;
всѣ D суть C;
всѣ C суть B;
всѣ B суть A;
сл. нѣкот. A суть E.

Всякое зло вредно для общества;
всякое зло нарушаетъ законъ;
все, нарушающее законъ, происходитъ отъ свободной воли;
все, происходящее отъ свободной воли, есть поступокъ;
слѣд. нѣкоторые поступки вредны для общества.

Разложеніе соритовъ.

§ 98.

На соритъ можно смотрѣть, какъ на рядъ усѣченныхъ силлогизмовъ, поколику они слѣдовали одинъ за другимъ однообразно и соединялись между собою неизмѣнно одною родовою связію. Посему каждый соритъ можно разложить на извѣстное число полныхъ силлогизмовъ, которые будутъ матеріально связаны своими посылками и заключеніями и составятъ такъ называемую *силлогистическую цѣпь*. Силлогизмы, какъ отдѣльныя части этой цѣпи, могутъ относиться одинъ къ другому либо такъ, что первый будетъ основываться на второмъ, второй — на третьемъ, и такимъ образомъ всѣ—на послѣднемъ; либо такъ, что первый будетъ служить основаніемъ втораго, второй—третьяго, и это—до самаго послѣдняго. Одинъ силлогизмъ, какъ слѣдствіе, идущій къ

другому, какъ къ своему основанію, называется *ἐπισυλλογισμός*; напротивъ, тотъ силлогизмъ, который, какъ основаніе, идетъ къ другому, какъ къ своему слѣдствію, названъ *προσυλλογισμός*. Иначе: *просиллогизмъ* есть то умозаключеніе, котораго слѣдствіе въ другомъ силлогизмѣ становится посылкою; а *эписиллогизмомъ* надобно почитать тотъ силлогизмъ, котораго посылка въ другомъ силлогизмѣ является слѣдствіемъ. Явно, что это различіе между рядомъ силлогизмовъ, идущихъ отъ слѣдствій къ основаніямъ, и рядомъ ихъ, развивающимся отъ основаній къ слѣдствіямъ, находится въ прямой зависимости отъ различія соритовъ — восходящаго и низходящаго. Если, то есть, мы будемъ разлагать въ силлогизмы соритъ восходящій, то они должны слѣдовать одинъ за другимъ эписиллогистически, направляясь къ основаніямъ; а когда станемъ превращать въ силлогизмы соритъ низходящій, то имъ необходимо идти просиллогистически, — направляясь къ слѣдствіямъ. И такъ разсмотримъ способъ разложенія того и другаго сорита въ непрерывную цѣпь силлогизмовъ.

1) Чтобы разложить въ силлогизмы соритъ восходящій, — надобно для высшей посылки перваго силлогизма взять отношеніе ближайшаго къ подлежащему средняго термина съ слѣдующимъ, или вторымъ среднимъ терминомъ, а для низшей посылки — отношеніе подлежащаго къ граничущему съ нимъ, или къ первому среднему термину. Отсюда вытечетъ заключеніе, которымъ будетъ выражаться отношеніе подлежащаго по второму среднему термину. Потомъ, для высшей посылки втораго силлогизма, надобно взять отношеніе втораго средняго термина къ третьему среднему термину, а для низшей посылки — заключеніе перваго силлогизма. Отсюда слѣдствіе выразитъ отношеніе между подлежащимъ и третьимъ среднимъ терминомъ, и т. д. Наконецъ, для высшей посылки послѣдняго силлогизма останется взять отношеніе послѣдняго средняго термина къ сказуемому, а для низшей посылки — заключеніе предшествующаго силлогизма. Тогда слѣдствіемъ выразится отношеніе подлежащаго къ сказуемому. Для ясности возмемъ сперва схему восходящаго сорита и разложимъ ее въ схемы силлогизмовъ:

$$S - M - m'' - m' - m - P$$

$$\frac{\begin{matrix} M - m'' \\ S - M \end{matrix}}{S - m''} \quad \frac{\begin{matrix} m'' - m' \\ S - m'' \end{matrix}}{S - m'} \quad \frac{\begin{matrix} m' - m \\ S - m' \end{matrix}}{S - m} \quad \frac{\begin{matrix} m - P \\ S - m \end{matrix}}{S - P}$$

По этой схемѣ не трудно представить въ силлогистической цѣпи выше изложенный нами восходящій соритъ.

Кто любитъ мудрость, тотъ соблюдаетъ ея правила;
истинный философъ любитъ мудрость;
сл. истинный философъ соблюдаетъ ея правила.

Кто соблюдаетъ правила мудрости, тотъ обуздываетъ страсти;
истинный философъ соблюдаетъ правила мудрости;
сл. истинный философъ обуздываетъ страсти.

Кто обуздываетъ страсти, тотъ чистъ душею;
истинный философъ обуздываетъ страсти;
сл. истинный философъ чистъ душею.

Кто чистъ душею, тотъ спокоенъ въ совѣсти;
истинный философъ чистъ душею;
сл. истинный философъ спокоенъ въ совѣсти.

Кто спокоенъ въ совѣсти, тотъ счастливъ;
истинный философъ спокоенъ въ совѣсти;
слѣд. истинный философъ счастливъ.

2) Чтобы разложить въ силлогизмы соритъ низходящій, надобно ближайшій къ сказуемому средній терминъ поставить въ отношеніе съ этимъ сказуемымъ: отсюда выйдетъ высшая посылка перваго силлогизма. Потомъ слѣдующій за тѣмъ средній терминъ должно соединить съ первымъ: это будетъ низшая посылка перваго силлогизма. Подчиненіемъ сихъ посылокъ или заключеніемъ выразится отношеніе между вторымъ среднимъ терминомъ и сказуемымъ. Для составленія втораго силлогизма, надобно заключеніе перваго принять за высшую посылку, а отношеніе

третьяго средняго термина къ сказуемому — за низшую. Отсюда произойдетъ слѣдствіе, выражающее отношеніе между третьимъ среднимъ терминомъ и сказуемымъ, и т. д. Въ послѣднемъ силлогизмѣ высшею посылкою будетъ также заключеніе предшествующаго силлогизма, а низшею — отношеніе подлежащаго къ ближайшему среднему термину. Заключеніе же поставитъ въ связь подлежащее съ сказуемымъ. Это будетъ ясно, если мы возмемъ схему низходящаго сорита и превратимъ его въ схемы простыхъ силлогизмовъ:

$$S — m — m' — m'' — M — P$$

M — P	m'' — P	m' — P	m — P
m'' — M	m' — m''	m — m'	S — m
m'' — P	m' — P	m — P	S — P

Для примѣра, превратимъ въ силлогигмы изложенный выше низходящій соритъ.

Всякая добродѣтель похвальна;
всякое доброе дѣло есть добродѣтель;
сл. всякое доброе дѣло похвально.

Всякое доброе дѣло похвально;
всякій трудъ на пользу ближнихъ есть доброе дѣло;
сл. всякій трудъ на пользу ближнихъ похваленъ.

Всякій трудъ на пользу ближнихъ похваленъ;
историчискій трудъ Карамзина есть трудъ на пользу ближнихъ;
сл. историческій трудъ Карамзина похваленъ.

Можно замѣтить, что всѣ силлогизмы, на которые доселѣ разлагаемы были сориты, развивались по одной первой фигурѣ. Но ничто не препятствуетъ вести цѣпь силлогизмовъ и такъ, чтобы она въ постепенномъ своемъ развитіи переходила изъ одной фигуры въ другую, лишь бы только, переходя въ другую, подчи-

нялась правиламъ той фигуры, въ которую переходитъ. Такъ, напримѣръ, начавъ рядъ умозаключеній по фигурѣ первой, мы можемъ продолжать его по третьей.

Всѣ тѣла имѣютъ тяжесть;
всѣ камни суть тѣла;
сл. всѣ камни имѣютъ тяжесть.

Всѣ камни имѣютъ тяжесть;
всѣ камни дѣлимы;
сл. нѣчто дѣлимое имѣетъ тяжесть.

Равнымъ образомъ, начавъ умозаключать по фигурѣ второй, можно переходить въ первую. Напримѣръ:

Ни одинъ кругъ не четвероуголенъ;
всѣ параллелограмы четвероугольны,
сл. ни одинъ параллелограмъ не есть кругъ.

Ни одинъ параллелограмъ не есть кругъ;
нѣкоторыя фигуры суть параллелограмы;
сл. нѣкоторыя фигуры не суть круги.

Также, начавъ цѣпь силлогизмовъ по фигурѣ второй, можно перенесть ее на третью. Напримѣръ:

Всѣ рыбы живутъ въ водѣ;
ни одна птица не живетъ въ водѣ;
сл. ни одна птица не есть рыба.

Ни одна птица не есть рыба;
всѣ птицы пернаты;
сл. нѣчто пернатое не есть рыба.

Такой переходъ порядка силлогизмовъ изъ одной фигуры въ другую особенно приложимъ бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется измѣнить направленіе мыслей, нечувствительно перейти къ другому предмету разсужденій, или наклонить рѣчь къ

какой нибудь частной цѣли. Впрочемъ эта же самая возможность измѣнять форму умозаключеній нерѣдко бываетъ причиною и запутанности въ ходѣ мышленія. Неопытный разсудокъ иногда переводитъ свои силлогизмы изъ одной фигуры въ другую — не потому, что находитъ это нужнымъ для выведенія извѣстныхъ слѣдствій, а потому, что не сознаетъ ясно, какой путь для него удобнѣе, и идетъ какъ бы ощупью.

Условная и раздѣлительная форма сорита.

§ 99.

Условный соритъ тѣмъ только отличается отъ категорическаго, что первая посылка условнаго силлогизма развивается въ немъ въ цѣлый рядъ условныхъ, одно изъ другаго послѣдовательно вытекающихъ сужденій. Потомъ этотъ рядъ обыкновенно замыкается второю посылкою категорическою, которая, согласно правиламъ условныхъ силлогизмовъ, либо утверждаетъ предшествующее перваго условнаго сужденія, и даетъ заключенію право утверждать послѣдующее послѣдняго, либо отрицаетъ послѣдующее послѣдняго условнаго сужденія, и предоставляетъ заключенію отвергнуть предшествующее перваго. Значитъ, условный соритъ, какъ и условный силлогизмъ, развивается modo ponente и modo tollente. Примѣры для обоихъ этихъ видовъ сорита мы находимъ у Сенеки и Цицерона.

Modus ponens:

Si prudens est, temperans est;
Si temperans est, et constans est;
Si constans est, et imperturbatus est;
Si imperturbatus est, sine tristitia est;
Si sine tristitia est, beatus est;
At hic, quem nominavi, prudens est;
Ergo idem beatus est.

Seneca.

Modus tollens:

Si omnia fato fiunt, omnia causis antecedentibus fiunt;
Si hoc, omnia naturali colligatione contente contexteque fiunt;
Quod si ita est, omnia necessitas efficit;
Id si verum est, nihil in nostra potestate;
At est aliquid in nostra potestate;
Non igitur fato fiunt, quaecunque eveniunt.

Cicero.

Но раздѣлительный соритъ не заключаетъ въ себѣ ничего похожаго на соритъ категорическій, и даже съ условнымъ онъ имѣетъ сродство только въ томъ, что большею частію беретъ сужденія въ условной формѣ и подчиняетъ ихъ раздѣлительному основанію. Чтобы ясно понять значеніе и огранизацію этого сорита, нужно представить себѣ какое нибудь раздѣлительное сужденіе, въ которомъ одинъ членъ дѣленія надобно утвердить, а другой отвергнуть — по изложеннымъ выше правиламъ раздѣлительнаго умозаключенія (§ 95). Какъ скоро такое сужденіе представилось, — вторая посылка должна также принять форму раздѣлительную и выводимыми изъ обоихъ членовъ ея дѣленія слѣдствіями утвердить или отвергнуть одинъ членъ основнаго раздѣлительнаго сужденія. Тогда заключеніе утверждаетъ противное тому, что отвергнуто второю посылкою, или отрицаетъ противное тому, что утверждено послѣднею. Формула раздѣлительнаго сорита такова:

A есть или B или C;
но B есть или D или E;
если есть D, то есть C;
если есть E, то есть C;
сл. A есть C.

Эту формулу выразилъ Гамаліилъ въ Іудейскомъ Синедріонѣ, по случаю взятія Апостоловъ.

Апостолы должны или принять узы, или получить свободу;
но въ нихъ, какъ узникахъ, мы видимъ проповѣдниковъ или слова человѣческаго, или слова Божія;
если ихъ слово—отъ человѣковъ, то это дѣло разрушится само собою;
а когда оно — отъ Бога, то мы будемъ противниками Богу;
сл. Апостолы должны получить свободу.

Впрочемъ раздѣлительный соритъ гораздо чаще принимаетъ форму условно-раздѣлительную; то есть, первою посылкою въ немъ бываетъ такое сужденіе, въ которомъ подлежащее есть

условіе, а сказуемое состоитъ изъ нѣсколькихъ членовъ дѣленія, полагаемыхъ подъ тѣмъ условіемъ. Въ этомъ случаѣ вторая посылка послѣдовательно отрицаетъ всѣ члены дѣленія въ сказуемомъ высшей посылки, а заключеніе потомъ отвергаетъ самое условіе. Напримѣръ:

Если человѣкъ неусовершимъ, то его надобно почитать или безсловеснымъ животнымъ, или Богомъ;
но будучи безсловеснымъ животнымъ, онъ не имѣлъ бы дара слова:
а будучи Богомъ, онъ не имѣлъ бы нужды въ дарѣ слова;
слѣд. человѣкъ есть существо усовершимое.

Раздѣлительный соритъ въ обѣихъ своихъ формахъ называется ***дилеммою***, если въ высшей посылкѣ его два члена дѣленія, ***трилеммою***, — если ихъ три, ***тетралеммою***,— если ихъ четыре, и ***полилеммою***,—если ихъ больше четырехъ.

ЧАСТЬ III.

О СОЕДИНЕНІИ ФОРМЪ МЫШЛЕНІЯ.

Соединеніе формъ мышленія, какъ гимнастика разсудка.

§ 100.

Мы уже знаемъ, какимъ образомъ разсудокъ можетъ соединять между собою не только сужденія, чтобы образовать изъ нихъ умозаключеніе, но — и самыя умозаключенія, чтобы представить ихъ въ болѣе или менѣе длинной цѣпи силлогизмовъ. Вообразимъ себѣ теперь, что онъ, какъ сила мыслящая, не можетъ не мыслить, а необходимо мысля, не можетъ по извѣстнымъ логическимъ законамъ не соединять различныхъ формъ мышленія. Въ такомъ случаѣ, составивъ одно умозаключеніе, мы въ связи съ нимъ разовьемъ другое, въ связи съ другимъ — третье, и т. д.; отъ частнаго будемъ восходить къ общему, отъ общаго — низходить къ частному; станемъ такъ или иначе измѣнять ходъ своихъ силлогизмовъ и давать имъ произвольно либо то, либо другое направленіе; мысли у насъ будутъ являться нежданыя и незваныя, какъ въ гостинномъ пріютѣ случайные путешественники; мы не дадимъ себѣ отчета ни въ потребности ихъ, ни въ излишествѣ, и поведемъ ихъ, куда случится и какъ случится, не имѣя не только причины, но и возможности остановить движеніе

своего мышленія. Явно, что въ такомъ ряду нашихъ умозаключеній нельзя указать ни начала, потому что мы не сознаемъ его, ни средины, потому что онъ еще продолжается, ни конца, потому что мы до него не доходимъ и не дойдемъ. Въ этой силлогистической цѣпи различая отдѣльныя звѣнья, нельзя однакожъ находить частей, потому что она не есть что либо законченное или цѣлое, въ которомъ только и могутъ быть находимы части. Что же такое нашъ рядъ непрерывно тянущихся логическихъ формъ? Это — просто *гимнастика разсудка*, имѣющая въ виду сдѣлать его гибкимъ въ мышленіи и легкимъ въ оборотахъ мыслей. Этимъ точно также приготовляется разсудокъ къ преднамѣреваемой дѣятельности, какъ изученіемъ и складываніемъ буквъ дитя приготовляется къ чтенію книгъ, или какъ установленіемъ приборовъ машины какая нибудь сила приготовляется къ произведенію желаемыхъ явленій. Слѣдовательно мышленіе, поколику оно обнаруживается соединеніемъ понятій, сужденій и умозаключеній, есть дѣятельность элементарная (90) и, по такому значенію своему будучи дѣятельностію необходимою, ожидаетъ только приличнаго ей и полезнаго приложенія.

Соединеніе формъ мышленія въ одно цѣлое.

§ 101.

Логическіе способы — соединять однѣ съ другими различныя формы мышленія, тогда только становятся не просто гимнастикою, а орудіемъ разсудка, когда прилагаются къ составленію или развитію чего нибудь цѣлаго. Но это положеніе вызываетъ два вопроса, требующихъ немедленнаго рѣшенія: что такое—цѣлое,

---

(90) Посему нѣкоторые излагатели Логики теорію объ этой дѣятельности разсудка не безъ причины почитаютъ *элементарною частію* своей науки. Формуемыя въ ней мысли разсматриваются не какъ мысли по содержанію, а какъ сочетанія различныхъ стихій — по формѣ. Онѣ тогда только получаютъ матеріальное значеніе, когда входятъ въ какое нибудь цѣлое подъ условіями развитія, свойственными этому цѣлому.

какъ ***понятіе въ Логикѣ?*** и что такое — цѣлое, какъ ***построеніе логическое?***

1) Цѣлымъ Логика обыкновенно называетъ то, что состоитъ изъ частей. Цѣлое, состоящее изъ частей, кажется, тѣмъ только отличается отъ рода, состоящаго изъ видовъ, что говоря о послѣднемъ, мы спрашиваемъ, *чтó* въ немъ содержится, а имѣя въ виду первое, наблюдаемъ, *все ли* въ немъ есть, что должно содержаться. Родъ мыслится, какъ *единство формы*, которою опредѣляется содержаніе; а цѣлое — какъ *единство содержанія*, которымъ по видимому условливается форма. По этому родъ мы охотнѣе относимъ къ началу мыслящему, а цѣлое — къ предмету мыслимому. Судя по такому понятію Логики о цѣломъ, оно какъ будто зависитъ отъ частей и пріобрѣтается опытомъ. Но предоставимъ ему держаться на чисто опытномъ основаніи и будемъ раскрывать его значеніе слѣдующими выводами: Если цѣлое есть цѣлое, поколику состоитъ изъ частей и мыслится, какъ все содержаніе (Totalität, Allheit); то къ нему нельзя ничего прибавить, — потому что иначе, до прибавленія, оно не было бы все, — и отъ него нельзя ничего отнять, — ибо иначе оно лишилось бы цѣлости. А какъ скоро исчезаетъ цѣлость, — въ сознаніи необходимо исчезаютъ и части; потому что части могутъ быть частями только цѣлаго. Если, напримѣръ, человѣческое тѣло есть цѣлое, поколику оно состоитъ изъ извѣстнаго числа частей; то отъ него ничто не можетъ быть отнято, чтобы оно не перестало быть цѣлымъ человѣческимъ тѣломъ, и слѣдовательно части — частями человѣческаго тѣла. По сему человѣческое тѣло съ отнятою рукою уже не есть цѣлое человѣческое тѣло; а въ такомъ случаѣ и другая рука, и голова, и проч. не суть части человѣческаго тѣла. Явно, что съ этими выводами никто не согласится, слѣдовательно всякій будетъ принужденъ найденное опытное понятіе о цѣломъ истолковать иначе — болѣе идеально, то есть, всякій долженъ поставить цѣлое въ зависимость не отъ частей, но отъ идеи цѣлаго, въ которой, чего бы цѣлое на самомъ дѣлѣ ни лишалось, ничто не теряется; а слѣдовательно и части, сколько бы на самомъ дѣлѣ ни измѣнялось

ихъ количество, въ отношеніи къ идеѣ цѣлаго, никогда не перестаютъ быть частями. И такъ цѣлое, въ значеніи логическаго понятія, надобно разумѣть, какъ требуемую идеей предмета цѣлость частей его.

2) Разумѣя такимъ образомъ цѣлое, какъ понятіе Логики, мы еще не имѣемъ причины обращать вниманіе на взаимное отношеніе его частей. Для цѣлаго, разсматриваемаго вообще, совершенно безразлично, въ связи ли онѣ между собою или нѣтъ, и какая именно связь соединяетъ ихъ;—были бы только онѣ мыслимы всѣ и, взятыя въ совокупности, выражали одну и ту же идею. Но вовсе инымъ представляется цѣлое, какъ построеніе логическое. Подчиняясь всѣмъ условіямъ цѣлаго вообще, оно вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ еще опредѣленнаго отношенія содержащихся въ немъ частей. Для сего въ цѣлое разсудокъ входитъ уже не только съ идеальною формою единства содержанія, но и со всѣми пріемами элементарнаго мышленія и, по своимъ законамъ, принимая его части, какъ представленія, упорядочиваетъ ихъ и развиваетъ въ ряды понятій, сужденій и умозаключеній. Такимъ образомъ начало мыслящее внѣдряется въ самый предметъ мыслимый и посредствомъ своихъ формъ организуетъ его, какъ родъ, состоящій изъ множества видовъ и недѣлимыхъ, дѣлаетъ его бытіемъ, формально или логически построеннымъ, въ которомъ каждая часть получаетъ значеніе не только какъ часть въ цѣломъ, но и свойственную себѣ силу, или приличное мѣсто, какъ часть между частями цѣлаго. Это формальное развитіе содержанія, принадлежащаго цѣлому, есть требованіе опять той же самой идеи предмета; потому что оно обыкновенно направляется къ логическому истолкованію созерцаемой умомъ сущности цѣлаго. Подчиняясь такому движителю и слѣдуя такому направленію, цѣлое логическое называется *системою,* или составомъ мыслей, который стройнымъ распредѣленіемъ, размѣщеніемъ и зависимостію ихъ образуетъ единое гармоническое и выражаетъ одну реальную идею предмета.

И такъ разсмотрѣнныя нами способы образованія и соединенія формъ мышленія должны быть прилагаемы къ развитію цѣ-

лаго, какъ построенія логическаго, или системы мыслей объ извѣстномъ предметѣ, и принимать тотъ или другой ходъ, ограничиваться тѣми или другими предѣлами и цѣлями — по требованію идеи предмета.

Ученіе о цѣломъ, какъ построеніи логическомъ, или систематика.

§ 102.

Если способы образованія и соединенія формъ мышленія должны быть прилагаемы къ развитію системы мыслей о всякомъ данномъ предметѣ; то сама собою открывается главная задача третьей части нашей науки. Она обязана показать, какимъ образомъ разсудокъ, снабженный элементарными средствами Логики для построенія цѣлаго, можетъ развить правильную и стройную систему мыслей о чемъ бы то ни было и въ какомъ бы то ни было объемѣ (91). Теорія, рѣшающая эту задачу, называется *систематикою*. Раскрытіе сей теоріи опредѣляется общею идеею излагаемаго нами ученія и природою тѣхъ началъ, на которыхъ мы основали его. Какъ мышленіе вообще не проявлялось бы въ значеніи дѣятельности формальной, если бы разсудокъ не ограничивался—съ одной стороны матеріальными, съ другой идеальными условіями: такъ и развитіе системы надобно почитать возможнымъ только при тѣхъ и другихъ *условіяхъ*. Но условія системы, одни сами по себѣ, не въ состояніи дать ей форму. Форма ея должна быть произведеніемъ общихъ законовъ разсудка, чрезъ

---

(91) Нѣтъ нужды говорить, что здѣсь разумѣются не одни школьные, даже не одни ученые опыты. Кто получилъ навыкъ систематически располагать свои мысли; тотъ будетъ болѣе или менѣе строгимъ систематикомъ не только въ рѣчахъ, но и въ самыхъ дѣлахъ,—тотъ вездѣ и во всемъ выразитъ настроенность своего разсудка и, какъ отъ себя, такъ и отъ другихъ потребуетъ основательности, отчетливости и порядка. Всѣ благоуспѣшныя дѣла проистекаютъ изъ хорошо соображенныхъ мыслей. Поэтому умѣнье систематически соединять мысли нужны и ученому въ его кабинетѣ, и хозяину въ его экономіи, и негоціанту въ коммерческихъ его предпріятіяхъ, и военноначальнику въ стратегическихъ его предначертаніяхъ, и министру въ дѣлѣ управленія.

чаетное свое приложеніе къ систематическому мышленію, опредѣляющихъ ходъ или *методу* мыслей. И такъ, при извѣстныхъ условіяхъ и по извѣстной методѣ система можетъ быть развита окончательно; а потому третью часть своей Логики мы должны раскрыть въ двухъ главахъ, именно — говорить

1) Объ условіяхъ развитія системы,

2) О методѣ развитія системы.

ГЛАВА I.

ОБЪ УСЛОВІЯХЪ РАЗВИТІЯ СИСТЕМЫ.

Матеріальное и идеальное условіе систематическаго мышленія.

§ 103.

Нѣтъ сомнѣнія, что ни одинъ человѣкъ не можетъ не мыслить, то есть, не проявлять дѣятельности разсудка въ понятіяхъ, сужденіяхъ и умозаключеніяхъ: но не всѣ, не всегда и не о всемъ могутъ мыслить систематически; потому что для построенія мыслей о чемъ нибудь въ одну стройную систему требуются такія условія, которыя не каждый имѣетъ, а только каждый, по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени, можетъ пріобрѣсть. Чтобы быть готовымъ къ систематическому мышленію о какомъ либо предметѣ, надобно напередъ — съ одной стороны собрать, разсмотрѣть, опредѣлить и оцѣнить множество частныхъ познаній, *относящихся къ тому предмету*, съ другой — глубокимъ взглядомъ ума обнять все, что *должно относиться къ его природѣ* и видѣть его въ естественной полнотѣ и связности, какъ одинъ многочленный организмъ, или созерцать его въ идеѣ, какъ одно гармоническое цѣлое. И такъ условія, необходимо требующіяся для развитія какой бы то ни было системы, суть *познанія*, относящіяся къ предмету, и *идея* предмета. Взаимная близость этихъ условій почти такова же, какую мы нашли между цѣлымъ, какъ логиче-

скимъ понятіемъ, и цѣлымъ, какъ логическимъ построеніемъ. Кто получилъ привычку смотрѣть на все исключительно со стороны матеріальной и довольствоваться только содержаніемъ дѣла: тотъ въ извѣстномъ количествѣ пріобрѣтенныхъ познаній видитъ все, и болѣе ничего не желаетъ: если есть части, думаетъ онъ, то будетъ и цѣлое, — и по вниманію къ какимъ нибудь случайнымъ точкамъ соприкосновенія, соединяя свои познанія одни съ другими, это произвольное и случайное сцѣпленіе ихъ иногда называетъ системою, или систематическимъ изложеніемъ мыслей. Между тѣмъ часто бываетъ, что въ длинномъ ряду такой цѣпи фактовъ окончательные члены имѣютъ столь враждебное отношеніе къ начальнымъ, что если бы сблизить ихъ, то они представились бы, какъ истина и ложь, либо, какъ добро и зло. Богатствомъ познаній поддерживается отношеніе частныхъ лицъ къ обществу и питается насущная литература: но гдѣ дѣло идетъ о стройномъ и прочномъ развитіи науки, объ общемъ ходѣ жизни, о гармоническомъ распредѣленіи и дѣятельности частей въ цѣломъ; тамъ оно, одно само по себѣ, далеко недостаточно; — тамъ, кромѣ этого, требуется еще идея цѣлаго. Говоримъ: кромѣ этого; потому что и съ идеею цѣлаго, если она не предполагаетъ надлежащаго количества познаній, нельзя построить системы. Были философы, которые, какъ бы забывъ все, что знали, старались однимъ идеальнымъ созерцаніемъ создать не только форму, но и содержаніе науки: но кто помнитъ жалкое значеніе матеріи въ ученіи Декарта и безплодное колебаніе воображенія въ наукословіи Фихте; тотъ понимаетъ, что идея безъ познаній есть художникъ безъ матеріала. И мало ли такихъ художниковъ, которые, въ извѣстной сферѣ занятій. идеально готовы рѣшать все, на самомъ дѣлѣ не зная почти ничего!

1) *Познанія, какъ матеріальное условіе построенія системы.*

§ 104.

Вся умственная наша жизнь, если она не подавляется ни какими враждебными началами, есть не иное что, какъ непрерыв-

ное стремленіе — изъ представляющейся матеріи вырабатывать мышленіемъ наиболѣе познаній и выработанныя — снова тѣмъ же средствомъ — пересматривать, очищать, упрочивать и возводить къ достоинству познаній высшей степени (§ 41). Разсудокъ въ дѣйствіи мышленія, формуя свои матеріалы, точно такъ же производитъ и воспроизводитъ познанія, какъ сила растительная въ обращеніи крови животнаго организма, формуя питательныя начала принятаго въ тѣло вещества, созидаетъ и возсозидаетъ ихъ въ массы плоти и костей. Предположивъ это, мы должны заключить, что между нашими познаніями, поколику каждое изъ нихъ есть логическое выраженіе тожества мышленія и бытія (§ 40), нѣтъ никакой разницы, кромѣ той, что одно изъ нихъ больше разработано, другое меньше, одно опирается на началахъ общихъ, другое держится на наблюденіяхъ частныхъ. Знаетъ и человѣкъ не ученый, что вода въ сосудѣ закипитъ, если сосудъ держать на огнѣ; знаетъ и физикъ, что отъ дѣйствія теплотвора воздухъ, находящійся въ водѣ, по общему закону тѣлъ, долженъ разширяться и выходить наружу въ видѣ разрывающихся пузырьковъ. Оба они, по матеріи, знаютъ одно и тоже; только послѣдній формально возвелъ свое знаніе на степень знанія раціональнаго. Но каково бываетъ бытіе, законами котораго подтверждается и скрѣпляется наше мышленіе? Не откроемъ ли мы болѣе существеннаго различія между своими познаніями въ различныхъ видахъ бытія, о которомъ мыслимъ? Если откроемъ, то они будутъ различаться уже не степенями развитія, а самымъ родомъ содержанія. Говоря о предлежательныхъ условіяхъ дѣятельности разсудка (§ 18), мы замѣтили, что матеріалы для своего мышленія онъ заимствуетъ частію изъ міра видимаго, частію изъ природы духа. Эти матеріалы — пока еще безформенны и, по своимъ источникамъ, взаимно противуположны, а потому, въ отношеніи къ разсудку, имѣютъ значеніе условій предлежательныхъ. Но когда они облекаются логическими формами и восходятъ къ достоинству познаній; то, становясь познаніями, — одни должны бываютъ искать своей опоры въ природѣ человѣческаго духа, а другіе — въ предметахъ міра видимаго, и такимъ обра-

зомъ, получивъ значеніе познаній противуположныхъ по матеріи, являются — первые *подлежательными* или *умственными*, а последніе — *предлежательными* или *опытными*. Разсмотримъ, каковы должны быть тѣ и другіе въ качествѣ матеріаловъ систематическаго цѣлаго.

Познанія опытныя.

§ 105.

Въ мірѣ явленій, изъ котораго заимствуется матерія опытныхъ познаній, все измѣрено, взвѣшено и исчислено; и однакожъ человѣкъ доселѣ не нашелъ общей его мѣры, общаго вѣса и числа — конечно потому, что эти единицы постигаются человѣкомъ только въ количествахъ дробныхъ, въ которыхъ сумма числителей далеко не равняется предполагаемому и требуемому умомъ знаменателю. Природа мѣрно идетъ впередъ и, въ своемъ движеніи не останавливаясь ни на одно мгновеніе, непрестанно смѣняется въ явленіяхъ. Но въ то самое время, какъ этимъ потокомъ общей жизни увлекается все и, будучи увлекаемо имъ, не замѣчаетъ своего движенія, человѣкъ въ самосознаніи представляется существомъ движущимся и недвижимымъ. Одною своею стороною онъ идетъ въ ряду явленій и неуклонно слѣдуетъ законамъ его измѣняемости, а потому и не знаетъ, что измѣняется: напротивъ другою — онъ стоитъ, какъ скала среди вѣчно движущихся водъ океана, и держась на этой точкѣ стоянія, въ ней самой почерпаетъ способность видѣть происходящее въ себѣ и внѣ себя движеніе и наблюдать слѣдующія одни за другими явленія. Рядъ такихъ наблюденій надъ явленіями составляетъ предлежательный запасъ познаній и называется *опытомъ*. Но опытъ, направляясь къ явленіямъ внѣшней природы, совершается не такъ, какъ происходитъ онъ, когда имѣются въ виду движенія, возникающія въ самомъ человѣкѣ. Чтобы ясно представить особенности его въ томъ и другомъ случаѣ, мы должны предварительно замѣтить различіе между воззрѣніемъ чувствъ и наблюденіемъ разсудка. Чувственное воззрѣніе, какъ извѣстно

(§ 12, 13), есть дѣятельность души, посредствомъ которой она собираетъ матеріалы мышленія подъ видомъ отдѣльныхъ чертъ вещественности, и вноситъ ихъ въ ненаселенную еще, такъ сказать, и неорганизованную область силы мыслящей. Напротивъ наблюденіе уже снабжено необходимыми *логическими пріемами*, то есть, можетъ понимать, судить, умозаключать и, управляясь законами разсудка, беретъ ихъ за единицы для опредѣленія явленій природы, чтобы по этимъ мѣрамъ развить для нихъ формы, какъ художникъ, по *величинѣ и фигурѣ картины*, приготовляетъ раму. Слѣдовательно наблюденіе, пользуясь тѣмъ же чувственнымъ проводникомъ, не въ разсудокъ вноситъ образы природы, а напротивъ изъ разсудка идетъ съ логическими формами въ природу и связуетъ ее съ собою познаніями, подобно тому, какъ колонія связуется съ метрополіею нравами, законами, языкомъ и проч. Рядъ такихъ наблюденій надъ внѣшнею природою называется *внѣшнимъ опытомъ*, и мы видимъ, что хотя онъ производится относительно къ неизмѣняемой сторонѣ человѣческаго существа, однакожъ всегда въ зависимости отъ логическихъ формъ и законовъ мышленія. Это необходимое вмѣшательство внутренняго нашего законодательства и умственныхъ предрасположеній въ дѣло внѣшняго опыта, обязаннаго уважать законы природы и формы ея жизни, не безъ причины всегда внушало недовѣрчивость къ опытнымъ познаніямъ человѣка. Оно во всѣ времена пораждало множество странныхъ понятій и нелѣпыхъ заключеній о явленіяхъ и отношеніяхъ вещей въ мірѣ; такъ что въ лучшій періодъ древняго умозрѣнія заставило Сократа сказать: «я знаю то, что ничего не знаю; если хочешь имѣть какое нибудь знаніе, познай прежде самаго себя». Дѣйствительно; тогда какъ наблюденія надъ явленіями внѣшней природы производятся при посредствѣ законовъ и формъ мышленія, — то, что совершается въ насъ самихъ, мы можемъ наблюдать непосредственно — при свѣтѣ сознанія и въ самомъ сознаніи. Предметы этихъ наблюденій — нетолько нравственные, но даже и органическіе, гораздо ближе къ неизмѣняемой сторонѣ человѣческаго существа, чѣмъ все, являющееся внѣ человѣка. По сему мы тѣмъ вѣрнѣе, ка-

жется, должны опредѣлять ихъ значеніе и употребленіе, и когда бы это было опредѣлено,—тѣмъ надежнѣе прилагать ихъ къ тому, къ чему, по своей природѣ, они приложимы. Рядъ такихъ наблюденій называется *внутреннимъ опытомъ* и, какъ способъ улучшать средства для опытнаго познанія внѣшней природы, долженъ предшествовать опыту внѣшнему.

Внутренній опытъ.

§ 106.

Внутренній опытъ можно назвать также опытомъ антропологическимъ и понимать его, какъ способъ пріобрѣтенія опытныхъ познаній о человѣческой природѣ и ея дѣятельности. Въ душѣ и тѣлѣ человѣка возникаютъ явленія за явленіями, непрестанно смѣняясь одни другими или раждаясь одни изъ другихъ. Какъ бы причувствовавшись къ нимъ, мы рѣдко обращаемъ на нихъ вниманіе, а еще рѣже преслѣдуемъ ихъ вниманіемъ до подробностей. Между тѣмъ, какъ въ природѣ внѣшней, такъ и въ насъ самихъ, ничего не бываетъ безъ причинъ и слѣдствій; причины же и слѣдствія явленій внутреннихъ суть постепенно проясняющіеся отвѣты на вопросы о разумности и глупости, о добродѣтели и порокѣ, о прекрасномъ и безобразномъ, о счастіи и несчастіи, о жизни и смерти: — побужденія, кажется, очень сильныя для расположенія человѣка наблюдать надъ явленіями его души и тѣла. Эти наблюденія мы можемъ дѣлать во первыхъ надъ послѣдовательнымъ развитіемъ внутреннихъ явленій, чтобы видѣть, какъ и къ чему оно идетъ; во вторыхъ надъ частными дѣятелями и дѣйствіями психической жизни, чтобы найти въ нихъ средство направлять его такъ, какъ и къ чему оно должно идти. Въ первомъ случаѣ мы будемъ испытывать самихъ себя, а въ послѣднемъ, по возможности, стремиться къ самоусовершенію. Испытывать и усовершать самихъ себя можно и должно по всѣмъ сторонамъ нашей дѣятельности; а наша дѣятельность, поколику она имѣетъ отношеніе къ самосознанію, обнаруживается обыкновенно *мыслями*, *желаніями* и *чувствованіями*.

Каждое изъ этихъ трехъ выраженій душевной жизни развивается своимъ образомъ и особою цѣпью, хотя при всей разнохарактерности, они такъ тѣсно соединены между собою, что никоторое изъ нихъ не бываетъ совершенно свободно отъ вліянія другаго.

a) Первымъ предметомъ внутренняго опыта должно быть, безъ сомнѣнія, чувствованіе —голосъ сердца или чувствилища, которое раньше всѣхъ силъ души отверзается для впечатлѣній — сперва только нравящагося или неправящагося, а потомъ — прекраснаго или безобразнаго, и оживляется удовольствіями и неудовольствіями — то шумными и тревожными, то тихими и спокойными. Одни изъ нихъ сопровождаютъ нравящееся и бываютъ отголосками частной или животной природы человѣка; а другія слѣдуютъ за прекраснымъ и служатъ свидѣтельствами общей или духовной природы человѣчества; потому что прекрасное должно всѣмъ и всегда нравиться, а нравящееся кому нибудь не для всѣхъ и не всегда прекрасно. Въ развиваемыхъ воображеніемъ формахъ прекраснаго отражается идея истины и добра; а образы нравящагося составляются имъ въ угодность шаткому мнѣнію, слѣпому инстинкту, или грубой страсти. И такъ, если бы мы захотѣли свое нравящееся организовать такими чертами, чтобы оно, не переставая быть нашимъ нравящимся, приблизилось къ значенію прекраснаго и, какъ прекрасное, нравилось всѣмъ и всегда; то необходимо должны были бы потребовать нѣкоторой уступки со стороны своей животной природы. Животная природа въ существенныхъ своихъ стремленіяхъ при этомъ ничего не теряла бы; потому что она не имѣетъ нужды разставаться съ содержаніемъ своего нравящагося, чтобы оно сдѣлалось прекраснымъ. Ей надлежало бы только отказаться отъ частныхъ животныхъ формъ, которыми облечено ея нравящееся, и замѣнить ихъ формами нравственноразумными, нравящимися каждому; то есть, ей должно было бы выйти изъ подъ владычества мнѣній, инстинктивныхъ влеченій и страстныхъ требованій, заставляющихъ воображеніе живописать нравящееся, какъ недѣлимое.

b) Второй предметъ внутренняго опыта составляютъ наши

мысли разнаго содержанія, развивающіяся непрерывною цѣпью то отъ частнаго къ общему, то на оборотъ—отъ общаго къ частному. Присматриваясь къ дѣятельности разсудка на поприщѣ развитія этой цѣпи мыслей, мы легко замѣтимъ, что здѣсь самое обыкновенное дѣло — борьба мнѣній за достоинство начала или правила. Человѣкъ, по сокровеннѣйшимъ требованіямъ своей природы, есть проповѣдникъ и защитникъ истины: онъ объявляетъ ея права вездѣ и во всемъ и показываетъ видъ, что всегда полагаетъ ее въ основаніе своихъ размышленій. Но между тѣмъ несомнѣнно, что каждый, какъ говорится, живетъ своимъ умомъ и понимаетъ истину по своему. Одинъ хочетъ увидѣть ее сквозь волшебное стекло корыстолюбія; другой думаетъ насладиться ея лицезрѣніемъ въ миражахъ житейскаго блеска; тотъ надѣется найти ее подъ мантіею многосторонней учености; а этотъ чаетъ усмотрѣть ея образъ въ облачныхъ формахъ общественнаго мнѣнія. Такъ, вмѣсто одной истины, является множество мнѣній, становящихся основными понятіями домашней жизни. Изъ этихъ понятій потомъ разсудокъ составляетъ сужденія и отъ домашняго очага идетъ съ ними на площадь — при помощи индукціи умозаключать о требованіяхъ и правахъ, свойственныхъ всеобщей истинѣ! Внутренній опытъ между тѣмъ набюдаетъ за каждымъ шагомъ разсудка и, зная природу силъ, подъ вліяніемъ которыхъ онъ дѣйствуетъ, можетъ указать средства къ укрѣпленію одной изъ нихъ на счетъ другой и чрезъ то измѣнить характеръ и направленіе мыслей. Внутренній опытъ внушитъ разсудку, что личныя, слишкомъ частныя формы годятся только для мнѣній, что мнѣнія, посредствомъ наведенія, могутъ постепенно снимать домашніе свои покровы и переходить въ рядъ познаній, но не иначе, какъ подъ вліяніемъ идеи ума (§ 83), и что по этому разсудокъ, если только онъ смѣетъ думать объ истинѣ, долженъ прислушиваться къ внушеніямъ ума, а самыя внушенія ума уразумѣвать при свѣтѣ Вѣры, укрѣпляющей его дарованіями духовными. Тогда мысль получитъ форму общую, сдѣлается удовлетворительнымъ для всѣхъ людей началомъ познанія и населитъ область разсудка понятіями здравыми.

c) Подобнымъ образомъ наблюденія внутренняго опыта могутъ быть направляемы и къ желаніямъ, которыя такъ же, какъ и мысли, раждаются одни изъ другихъ и осуществляются цѣпью дѣйствій, составляющихъ практическую жизнь человѣка. Въ этомъ своемъ направленіи самоиспытаніе снова встрѣтитъ два взаимно противуположныхъ порядка движеній отъ частнаго къ общему и отъ общаго къ частному, и увидитъ непрестанную борьбу—уже не между правящимся и прекраснымъ, или мнимымъ и истиннымъ, а между полезнымъ и добрымъ. Каждый человѣкъ необходимо требуетъ добра и ищетъ его цѣлый вѣкъ, какъ единственнаго сокровища, котораго жаждетъ его природа. Въ этомъ отношеніи нѣтъ ни разницъ, ни разногласій между людьми, гдѣ бы они ни жили и на какой бы степени образованія ни находились:—дѣло не спорное, непререкаемое и не предполагающее никакого зла. Но при непрестанномъ исканіи добра, всякому представляется одно и тоже затрудненіе: по какимъ чертамъ узнать добро, котораго не знаешь? Пусть оно встрѣтится, — пройдешь мимо не останавливаясь, если не извѣстны его признаки. Для преодолѣніе этого затрудненія, искателю остается одно изъ двухъ: или напередъ знать то, чего всѣ ищутъ, или сперва самому опредѣлить то, что хочетъ онъ найти. И какъ скоро выборъ падаетъ на послѣднее,—тотчасъ возникаетъ различіе между общимъ и частнымъ и начинается борьба пользы съ добромъ; потому что добро полезно всѣмъ, а полезное одному не всегда можетъ быть добромъ для всѣхъ. Отсюда появляются безчисленные виды зла и вреда; ибо полезное не для всѣхъ становится зломъ въ отношеніи къ добру, а вредомъ въ отношеніи къ общимъ законамъ добра. Эти общіе законы должны также подлежать наблюденію внутренняго опыта; ибо по нимъ мы узнаемъ добро для всѣхъ и уже не затруднимся примѣнить его къ пользѣ каждаго. Польза каждаго есть польза недѣлимаго, формуемая чувственными условіями жизни. Чуственную жизнь одинъ древній мудрецъ хорошо назвалъ разноцвѣтнымъ звѣремъ, который, если онъ не на привязи, непрестанно мѣняетъ и перемѣшиваетъ цвѣта своей кожи. Оставимъ ли его пользоваться такимъ произволомъ?

Нѣтъ, мы сдѣлаемъ то, что дѣлаетъ физикъ, желая опредѣлить количество и порядокъ цвѣтовъ, которыми вообще могутъ окрашиваться предметы, и пусть у насъ не любимый цвѣтъ берется для матеріи (что и физически невозможно), а матерія приготовляется для принятія того или другаго цвѣта. Но чтобы въ нашей нравственной жизни опредѣлить количество и порядокъ всѣхъ оттѣнковъ частной пользы, — нужна хорошо выполированная призма — воля, которая бы всецѣло принимала и вѣрно разлагала единственный лучъ высшаго свѣта, входящій въ существо нашей свободы и возгрѣваемый въ насъ благодатными дарами Вѣры. Тогда всѣ наши желанія будутъ выраженіями духовныхъ требованій и всякую частную дѣятельность отпечатлѣютъ общею формою добра, или закономъ добродѣтели.

Такія наблюденія и внушенія внутренняго опыта имѣли бы важное вліяніе на нашу жизнь, если бы онъ въ насъ былъ властію, отдѣльною отъ насъ самихъ. Но этотъ опытъ есть не иное что, какъ наша же душа, которая можетъ только желать помазанія отъ Святаго и молиться: «сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей».

Внѣшній опытъ и его виды.

§ 107.

Кто находится подъ благотворнымъ вліяніямъ внутренняго опыта и, вѣрно оцѣнивая развитіе собственной природы, улучшаетъ ее во всѣхъ трехъ упомянутыхъ формахъ жизни; тотъ можетъ почитать себя готовымъ и къ внѣшнему опыту. Когда говорится о внѣшнемъ опытѣ, — мы, по какому-то странному преднастроенію, тотчасъ устремляемся своимъ вниманіемъ къ тремъ низшимъ неразумнымъ царствамъ видимаго міра, какъ будто люди, съ которыми живемъ и обращаемся ежеминутно, не должны или не стоятъ быть предметомъ нашихъ наблюденій. Такое направленіе внѣшняго опыта, очевидно, односторонне: оно имѣетъ въ виду только удобства жизни и украшеніе ея бо-

гатствомъ естественныхъ познаній, между тѣмъ какъ жизнь, — главное, — должна правильно идти и уже на пути законнаго ея движенія такъ или иначе украшаться. Посему внѣшній опытъ обязанъ знакомить насъ прежде съ людьми, а потомъ и съ видимою природою, и обогащать познаніями—какъ объ обществѣ однородныхъ съ нами разумныхъ существъ, такъ и о мірѣ неразумныхъ твореній. Но опытъ одного человѣка и по времени не довольно продолжителенъ, ибо опредѣляется нѣсколькими десятками лѣтъ, и по пространству слишкомъ ограниченъ, потому что дѣйствуетъ на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ. Посему для обогащенія себя возможно большимъ количествомъ познаній о явленіяхъ въ жизни людей и вещей, мы должны съ собственными наблюденіями соединять наблюденія человѣчества. И такъ внѣшній опытъ обязанъ идти по тремъ направленіямъ и быть опытомъ *гражданскимъ*, *ученымъ* и *историческимъ*.

а) *Опытъ гражданскій.*

§ 108.

Самый важный видъ внѣшняго опыта есть, безъ сомнѣнія, опытъ гражданскій; ибо онъ смотритъ на людей, поколику люди составляютъ одно общество, а на общество, — поколику оно должно быть нормальнымъ развитіемъ жизни одного человѣка; слѣдовательно эту жизнь наблюдаетъ и въ умственной, и въ нравственной, и въ эстетической ея формѣ. Сколь же чиста и прозорлива должна быть душа наблюдателя во всѣхъ сихъ отношеніяхъ, если онъ хочетъ имѣть вѣрныя познанія о достоинствѣ людей въ обществѣ! Давно уже замѣчено, что каждый смотритъ на другихъ сквозь собственные очки, и каковы свойства очковъ, такими будутъ представляться ему и предметы опыта. Въ комъ обезображено чувство эстетическое низкими формами нравящагося, тотъ не оцѣнитъ предмета прекраснаго и свое прекрасное отъищетъ скорѣе въ безобразномъ. Кто привыкъ водиться шаткими мнѣніями, поддерживаемыми силою своекорыстныхъ побужденій,

тотъ не пойметъ высокихъ помысловъ ума, созерцающаго въ цѣломъ истину и справедливость, и съ большею готовностію признаетъ умъ въ грубой изворотливости невѣжества. Кто всегда занятъ желаніемъ частной своей пользы, тотъ будетъ внутренно смѣяться надъ подвигами для блага общаго, или по крайней мѣрѣ не повѣритъ ихъ безкорыстію и добровольной жертвы сына не отличитъ отъ рабской услуги наемника.

Опытъ въ нѣдрѣ общества менѣе всего нуженъ для низшихъ; потому что онъ значительно замѣняется предписываемыми человѣку положительными правилами жизни и дѣятельности. Какая надобность въ наблюденіяхъ тому, кто обязанъ смотрѣть только на положительныя преписанія власти? Дитя худо воспитывается, если лучше знаетъ недостатки своего наставника, чѣмъ содержаніе преподаннаго имъ урока. Но гдѣ причина, возбудившая его къ этому неумѣстному опыту? Умные родители, слыша подобныя замѣчанія своего сына, останавливаютъ его и дѣлаютъ ему выговоръ, а сами про себя думаютъ, зачѣмъ наставники подаютъ юнымъ душамъ матерію для ненужныхъ имъ наблюденій; лучше было бы, если бы въ отношеніи къ ихъ личности дѣти оставались неопытными. Вотъ отъ чего намъ всегда пріятно вспоминать о временахъ своего воспитанія: тогда мы были счастливы своею неопыностію; тогда и сами мы не чувствовали нужды въ опытѣ, и другіе, законно ограничивая нашу волю, не подавали намъ повода упражнять свой опытъ. И по видимому, нѣтъ никакой невозможности оставаться намъ столь же неопытными въ отношеніи къ высшимъ, слѣдовательно и столь же счастливыми на всѣхъ путяхъ общественной нашей жизни.

Но очень нуженъ и въ то же время очень труденъ опытъ равнаго надъ равными. Въ обществѣ равныхъ, — велико ли оно или мало, — нѣтъ положительныхъ основаній зависимости; здѣсь зависимость, повидимому,—только случайная: матеріальныя нужды связываютъ людей. Это, говорятъ, — площадь, на которой одни продаютъ, а другіе покупаютъ. Но если бы общество равныхъ въ самомъ дѣлѣ скрѣплялось только такими ничтожными связями, какъ нѣкогда мечтали отуманенныя головы западной Европы; то

его жизнь была бы не болѣе, какъ пріютомъ для снабженія людей пищею, или свычкою животныхъ, поколику они содержутся въ одной загороди. Не завися другъ отъ друга положительно, равные члены общества естественно стремятся стать одинъ къ другому въ зависимость нравственную. Единицами взаимнаго отношенія ихъ въ этомъ случаѣ обыкновенно бываютъ — степень умственнаго образованія, болѣе или менѣе опредѣленное направленіе воли и яснѣе или темнѣе обозначающіяся наклонности сердца. Разстанавливаясь въ обществѣ по этимъ мѣрамъ, люди связуются между собою уваженіемъ, любовію и сочувствіемъ. И если сіи связи освящаются единствомъ Вѣры, то бываютъ крѣпче всѣхъ возможныхъ связей общественнаго тѣла. Но что же тутъ дѣлать опыту? — Опытомъ здѣсь рѣшается почти все — ходъ и исходъ цѣлой жизни, сколько по крайней мѣрѣ человѣческая жизнь зависитъ отъ самаго человѣка. Здѣсь каждый человѣкъ долженъ быть психологомъ и, подъ руководствомъ психологическихъ наблюденій, изучать умственныя, нравственныя и эстетическія особенности ближнихъ, чтобы занять между ними приличное мѣсто, поставить себя въ надлежащее къ нимъ отношеніе, отъ одни- отойти, къ другимъ приблизиться и, подобно струнѣ, хорошо подстроенной подъ общій тонъ музыкальнаго инструмента, слиться своимъ звукомъ съ аккордомъ понятій, желаній и чувствованій, наполняющихъ души благоустроеннаго общества.

Всего же необходимѣе и вмѣстѣ всего труднѣе въ обществѣ — опытное знаніе людей для высшихъ. Необходимо имъ это знаніе потому, что они — воспитатели, строители и судіи гражданскаго тѣла, слѣдовательно изъ множества лицъ должны избирать дѣятелей неукоризненныхъ и способныхъ къ исполненію благихъ своихъ предначертаній на пользу общества. Не вникнувъ, напримѣръ, въ умственныя, нравственныя и эстетическія свойства человѣка, или, подъ вліяніемъ чуждыхъ формъ религіозной и общественной жизни, понявъ его во всѣхъ этихъ отношеніяхъ превратно, и ввѣряя ему воспитаніе своихъ дѣтей, отецъ семейства можетъ неблаготворно перераждать ихъ и незамѣтно посѣявать разрушительныя стихіи въ нѣдро домашняго своего быта. Недо-

статки въ образованіи ума при этомъ еще менѣе вредны, ибо только замедляютъ ходъ просвѣщенія; но испорченность сердца, предосудительныя нравственныя наклонности, а особенно унизительныя понятія объ отечественной Вѣрѣ и жизни — всего гибельнѣе. Чѣмъ удачнѣе, при руководствѣ прозорливаго опыта, избираются воспитатели юношества, и чѣмъ срод нѣе съ духомъ общества тѣ начала, въ которыхъ юношество воспитывается; тѣмъ легче бываетъ впослѣдствіи тому же опыту прилагать его воспитаніе къ пользамъ отечественнымъ, потому что общее есть наилучшее; а наилучшее вездѣ требуется и полагается въ основаніе всякой спеціальной дѣятельности. Такимъ образомъ на поприще общественнаго служенія государству выступятъ проникнутые благотворными началами общественной жизни администраторы, военноначальники, судіи и, руководимые опять надлежащими наблюденіями опыта, по тѣмъ же началамъ будутъ избирать себѣ подчиненныхъ. Но должно согласиться, что этотъ опытъ всего труднѣе и требуетъ величайшей осмотрительности — частію потому, что низшіе предъ высшими, по чувству либо самосохраненія, либо своекорыстія, не всегда являются безъ маски, — а еще болѣе потому, что наблюдатель, если сфера его наблюденій обширна, долженъ производить свои опыты большею частію посредственно и видѣть истинное, доброе и прекрасное при помощи различныхъ проводниковъ. Для облегченія опыта въ этихъ случаяхъ, исторія представляетъ множество поучительныхъ примѣровъ, которые показываютъ, сколь благодѣтельна бывала дѣятельность высшихъ, когда они не выжидали впечатлѣній, а сами искали ихъ, и собственныя наблюденія производили, по возможности, непосредственно, имѣя дѣло не столько съ показаніями, сколько съ самыми людьми и ихъ занятіями.

b) *Опытъ ученый.*

§ 109.

Съ перваго взгляда несравненно легче и безотчетнѣе гражданскаго опыта представляется опытъ ученый; потому что онъ,

какъ вообще думаютъ, совершенно выходитъ изъ предѣловъ человѣческаго общества и имѣетъ дѣло съ природою неразумною. Обозрѣвая кругъ его наблюденій, мы видимъ, что въ этомъ кругѣ дѣйствуютъ всѣ, такъ называемыя, науки естественныя, рѣшающія одну великую задачу: что̀ въ мірѣ видимомъ человѣкъ постигаетъ своими чувствами и по какимъ законамъ существуютъ предметы чувствопостигаемые (92)? Но сколь ни удаленными кажутся одна отъ другой области опыта гражданскаго и ученаго,— и въ послѣдней, равно какъ въ первой, встрѣчается опять все тотъ же человѣкъ; потому что съ одной стороны онъ своимъ организмомъ стоитъ въ ряду существъ природы и находится подъ вліяніемъ ея законовъ, съ другой — свои формы мышленія кладетъ на природу и судитъ о ней по законамъ собственнаго разсудка.

По непосредственной связи человѣка, какъ существа органическаго, съ человѣкомъ, какъ существомъ разумно-свободнымъ, самая трудная часть ученаго опыта, требующая великой осторожности и осмотрительности, падаетъ безъ сомнѣнія на долю физіологіи человѣческаго тѣла и вмѣстѣ съ нею на всю энциклопедію медицины. Но чтобы избавить себя отъ половины труда, физіологія разсматриваетъ нашъ организмъ единственно съ точки зрѣнія всеобщей органической жизни, какъ одно изъ живыхъ тѣлъ, развивающихся по законимъ матеріальной природы и находящихся исключительно подъ ея вліяніемъ. Предъ наблюденіемъ физіологіи мы стоимъ на степени существъ дышущихъ, питающихся, воспроизводящихся, имѣющихъ способность про-

---

(92) Изъ этого явствуетъ, что здѣсь, какъ и на поприщѣ внутренняго опыта, сперва усматривается нѣчто въ связи совсѣмъ — явленіе въ естественной системѣ явленій, а потомъ берется нѣчто отдѣльно отъ всего, и отъискиваются частныя условія развитія вещи. Отсюда происходитъ различіе между опытомъ и экспериментомъ. *Ученый опытъ* есть рядъ наблюденій надъ явленіями видимой природы въ естественномъ ихъ ходѣ и зависимости; а *ученый экспериментъ*, пользуясь какими нибудь орудіями, уединяетъ извѣстное явленіе отъ всякаго сторонняго вліянія и, наблюдая его само по себѣ, старается открыть дѣйствующіе въ немъ законы.

извольно перемѣнять мѣсто, принимать впечатлѣнія пятью чувствами и издавать звуки. Это — родовыя формы животности, *для проявленія которыхъ физіологическій опытъ находитъ* въ нашемъ тѣлѣ нужное число органовъ, разсматриваетъ устройство ихъ, приложеніе, взаимодѣйствіе, частныя и общія органическія связи, и свои наблюденія передаетъ врачу, чтобы онъ поддерживалъ и исправлялъ изученный такимъ образомъ механизмъ человѣческаго тѣла. Явно, что, для поддержанія его, врачъ долженъ быть вѣренъ взгляду физіолога и пользовать насъ по аналогіи тѣхъ существъ, къ роду которыхъ мы органически отнесены; — и онъ, снабженный средствами матеріальной природы, предписываетъ намъ врачевства, какъ животнымъ. Но такъ какъ, по закону логическому, въ содержаніи вида всегда больше разницъ, чѣмъ въ содержаніи рода (§ 50); то родовое врачеваніе нашего организма давно уже признается недостаточнымъ. Посему физіологическій опытъ старается усмотрѣть отличительныя его черты, — изучаетъ химическій составъ его крови, свойства различныхъ частей его мозга, значеніе безчисленныхъ вѣтвей нервной его системы и проч., и чтобы удержаться на матеріалистическомъ своемъ началѣ, все это почитаетъ высшимъ развитіемъ матеріи по общимъ законамъ царства животнаго, и упорно идетъ къ результатамъ матеріализма. Эти результаты физіологъ выводитъ тѣмъ легче, чѣмъ менѣе знакомо ему основаніе выводовъ — природа матеріи; — и только врачъ невольно обличаетъ его въ односторонности. Слѣдуя за физіологомъ съ обыкновенными физическими своими средствами въ область специфическихъ орудій человѣческаго тѣла, онъ можетъ тамъ раціонально прилагать ихъ только къ измѣненію матеріи послѣднихъ, а на формальное состояніе ихъ дѣйствуетъ, сколько зависитъ оно отъ измѣненія матеріи. Въ этомъ случаѣ одни обвиняютъ ограниченность фармацевтическихъ свѣдѣній, а другіе, болѣе совѣстливые, сознаются, что нынѣшняя фармацевтика оказалась бы, можетъ быть, достаточною, если бы специфическія орудія организма находились въ зависимости только отъ матеріальныхъ его началъ и дѣятелей. Физіологъ полагаетъ, напримѣръ, что нервы, мышцы

и кровь могутъ быть возбуждаемы или успокоиваемы извѣстными состояніями тѣла; а внимательный врачъ замѣчаетъ, что иногда они возбуждаются либо успокоиваются мыслями, чувствованіями и желаніями, и находитъ, что, если одна изъ этихъ причинъ вступаетъ въ противоборство съ другою, — всѣ согласныя съ началами физіологіи фармацевтическія средства становятся безуспѣшными. И это — только еще первая, или низшая степень возможнаго противоборства между органическими дѣятелями. Тогда какъ физіологія выше этой степени фактически простираться не можетъ, а только позволяетъ себѣ одни матеріалистическія заключенія о самой душѣ,—врачъ, идя далѣе, не рѣдко встрѣчаетъ поразительнѣйшія явленія борьбы между разумною и неразумною нашею природою: но видя это, онъ даже не въ состояніи дать себѣ отчетъ, болѣнъ ли тотъ, у кого либо разсудокъ падаетъ подъ бременемъ совершенно здороваго тѣла, либо тѣло разрушается совершенно здравымъ разсудкомъ. Изъ этого явствуетъ, что Медицина, подъ руководствомъ физіологическаго опыта развиваясь по одному матеріалистическому направленію, не достигаетъ конца своего поприща, и отъ того лишается, можетъ быть, лучшей половины успѣховъ. Ей недостаетъ движенія обратнаго, которое бы опиралось на познаніи души и, сопровождаясь опытами психологическими, примиряло и приводило въ гармонію матеріализмъ съ спиритуализмомъ. Примиреніе сихъ противуположностей въ человѣкѣ дѣйствительно возможно; потому что человѣческій организмъ, по матеріи специфическихъ своихъ орудій, зависитъ отъ стихій міра физическаго, а по формѣ ихъ развитія — отъ оразумленной духомъ природы душевной. Наше тѣло есть овеществленное понятіе, — и кто хочетъ правильно разумѣть и раціонально измѣнять его, тотъ долженъ знать законы, по которымъ измѣняется не только количество его матеріи, но и качество формы, слѣдовательно дѣйствіе души на развитіе организма. Подъ этимъ единственно условіемъ прояснилось бы вѣроятно значеніе нѣкоторыхъ въ нашемъ тѣлѣ орудій, доселѣ остающихся дѣятелями проблематическими, и открылись бы основанія нѣкоторыхъ

явленій, почитающихся недоступными для опыта физіологическаго ([93]).

Гораздо свободнѣе дѣйствуетъ ученый опытъ тамъ, гдѣ онъ не видитъ даже и слѣдовъ нравственной жизни и, повидимому не имѣетъ случаевъ встрѣчаться съ нею: — говоримъ объ опытѣ въ области Физики, Химіи, Геологіи, Минералогіи, и проч. Разсматривая природу съ точки зрѣнія этихъ наукъ, онъ какъ бы читаетъ необъятную книгу, начертанную буквами безконечнаго алфавита и содержащую въ себѣ вещественное раскрытіе неизслѣдимой въ цѣломъ премудрости. Копотливое и многотрудное разбираніе текста сей книги обогащаетъ его множествомъ частныхъ познаній, которыя однакожъ, взятыя сами по себѣ, безъ отношенія къ формамъ мыслящаго разсудка, суть не познанія, а факты, ибо представляются отрывочными явленіями природы, изъятыми изъ своего цѣлаго, и если называются познаніями, то единственно отъ того, что вмѣсто началъ вещественныхъ, опираются на соображеніяхъ логическихъ (§ 105). Непрестанно вопрошая природу, опытъ, при неизбѣжномъ посредствѣ чувствъ, раздробляющихъ общее на частности, общій ея отвѣтъ понимаетъ только въ смыслахъ частныхъ, а той гармоніи, которую она изрекаетъ всѣми безконечно различными и непостижимо согласованными звуками своей жизни, обнять не въ состояніи; Въ этомъ отношеніи для него, какъ говоритъ Баконъ, spes est una in inductione vera. Тамъ, гдѣ хочетъ онъ расширить горизонтъ своего зрѣнія,— наведеніе дѣлается крылатою его колесницею, а разсудокъ — ея возничимъ, — и факты слагаются въ познанія. Явно, что наведеніе такимъ образомъ становится формальнымъ орудіемъ

([93]) Много было говорено, напримѣръ, объ органическомъ значеніи селезенки; но вопросъ доселѣ остается нерѣшеннымъ. Между тѣмъ неоднократно замѣчали, что болѣзненное ея состояніе бываетъ въ связи съ разстройствомъ нравственныхъ силъ человѣка. Равнымъ образомъ, никто еще, кромѣ Гумбольдта, не пытался въ физіологическихъ изслѣдованіяхъ искать основанія членораздѣлительности нашихъ звуковъ, и не указывалъ на органическія начала общечеловѣческаго алфавита, а тѣмъ менѣе — на органическія причины особенностей его у того или другаго народа.

эмпиризма. Пользуясь имъ, опытъ можетъ простирать свои обобщенія до безконечности и, сближая такъ или иначе различныя явленія природы, дѣлать множество частныхъ открытій. Какъ частныя, они безъ сомнѣнія полезны въ частныхъ приложеніяхъ къ удобствамъ жизни; но тотъ подвергся бы крайнему заблужденію, кто, руководствуясь однимъ наведеніемъ, полагалъ бы, что формальное сближеніе явленій приводитъ его къ общимъ законамъ всемірной гармоніи. Сколь бы ни широки были соображенія разсудка, они всегда совершаются по извѣстнымъ инстанціямъ, слѣдовательно всегда предполагаютъ возможность иныхъ подобнаго рода калейдоскопическихъ построеній. Естествоиспытатель торжествуетъ, когда, дѣйствуя на какомъ нибудь поприщѣ изслѣдованія, изводитъ изъ таинственнаго мрака природы слабый лучъ свѣта. Онъ думаетъ уже озарить имъ цѣлую вселенную: но еще одинъ шагъ впередъ, — и на пути непредвидимая инстанція, новое явленіе совершенно поглащаетъ свѣтъ его. Управляемый наведеніемъ эмпиризмъ всегда таковъ, что позади его, какъ по слѣдамъ летящаго въ высотѣ огненнаго шара, стелется ясная полоса жизни, а впереди по всѣмъ направленіямъ— непроницаемая тьма чудеснаго. *И если, слѣдуя естественному* стремленію ума — созерцать все въ одномъ, онъ о неиспытанномъ переднемъ будетъ судить по испытанному заднему; то изъ эмпиризма переродится въ натурализмъ, то есть, обобщенныя индуктивно частныя свои наблюденія приметъ за законы природы и такимъ образомъ, почитая извѣстнымъ то, чего еще не знаетъ, остановитъ движеніе своей науки къ новымъ открытіямъ и софистически будетъ распространять ту нелѣпую мысль, что конечнымъ можно изъяснять безконечное, естественнымъ — чудесное, человѣческимъ—божественное. Но между тѣмъ какъ природа, по этимологическому своему значенію у *Римлянъ* и Грековъ, есть вѣчно растущее, постоянно продолжающееся твореніе (φύσις, natura), слѣдовательно выступаетъ за предѣлы всякаго возможнаго наведенія,—человѣкъ имѣетъ въ себѣ законную силу опереживать ея развитіе, и неподвижную точку зрѣнія, съ которой можетъ опредѣлять общее значеніе ея жизни, до какой бы степени она

ни постигаема была эмпирическимъ изслѣдованіемъ. Эта точка зрѣнія называется супранатуралистическою, съ которой на міръ явленій смотритъ христіанская Философія и въ которой видитъ предѣльную черту всѣхъ индуктивныхъ заключеній, или безусловное ограниченіе натурализма. Супранатурализмъ не налагаетъ оковъ на разсудокъ; потому что въ необъятной своей периферіи открываетъ ему неисходимое поприще для логическихъ его соображеній и опытныхъ наблюденій. Онъ обличаетъ только шаткость натурализма, указывая ему на недостаточность эмпирическихъ его оснований и, заставляя его постепенно обращать вниманіе на большее число инстанцій, а не дѣлать преждевременно окончательныхъ заключеній. И такъ супранатурализмъ столь же благотворно можетъ дѣйствовать на развитіе опыта въ области упомянутыхъ нами естественныхъ наукъ, сколь благотворно было бы дѣйствіе психологическаго спиритуализма на успѣхи опытовъ физіологическихъ.

c) *Опытъ историческій.*

§ 110.

Если не самымъ важнымъ, то безъ сомнѣнія самымъ богатымъ источникомъ познаній служитъ опытъ историческій. Ничто земное не выступаетъ изъ условій своего бытія; только человѣкъ не связывается здѣшними условіями и, какъ существо, живущее на землѣ, никогда не бываетъ равенъ самому себѣ. Ему мало нетолько своихъ рукъ, своихъ ногъ, вообще — своего организма, но мало и своего чувства, и своей памяти, и своего ума, и своего времени, и своего пространства. Онъ какъ бы инстинктивно порывается за предѣлы всего, что означается словами: здѣсь, тамъ, теперь, тогда, — и вопрошаетъ давнопрошедшее, какъ настоящее, отсутствующее, какъ присутствующее, отдаленнѣйшее, какъ ближайшее. И на всѣ эти вопросы отвѣчаетъ ему опытъ историческій. Но чѣмъ обширнѣе область историческаго опыта, тѣмъ большей требуется осторожности, чтобы не потеряться во множествѣ и многоразличіи его свидѣтельствъ и вмѣ-

сто истины не увлечься къ заблужденію. Испытатель въ этомъ случаѣ *долженъ обращать* вниманіе во первыхъ *на самаго себя*, во вторыхъ *на свидѣтеля*, въ третьихъ *на свидѣтельство*.

1) Кто хочетъ обогащаться познаніями истиннаго, добраго и прекраснаго путемъ историческаго опыта; тому необходимо имѣть живую для сего пріемлемость. Подъ именемъ пріемлемости разумѣется здѣсь стройное развитіе способностей души, или по крайней мѣрѣ достаточное образованіе тѣхъ, которыя должны быть орудіями для принятія желаемыхъ познаній. Извѣстно, что люди бываютъ не равно способны ко всякому историческому опыту; потому что у каждаго человѣка либо не всѣ душевныя силы развиты въ одиковой степени, либо, развитыя, дѣйствуютъ не въ одинакой зависимости одна отъ другой. Дѣти, у которыхъ разсудокъ еще слабъ, болѣе расположены слушать разсказы, дѣйствующіе на живое ихъ воображеніе или нѣжное сердце. Напротивъ, людямъ пожилымъ, если воображеніе ихъ и даже самая чувствительность сердца до нѣкоторой степени охлаждены превозмогающею силою разсудка, болѣе нравятся положительныя свѣдѣнія о вещахъ. Равнымъ образомъ бываетъ, что разсудокъ скорѣе вызывается къ мышленію тѣмъ, что удержано памятью, чѣмъ наличными предметами чувства; такъ какъ память условіями воспитанія поставлена была выше прочихъ способностей. Бываетъ и наоборотъ, что память сама по себѣ отказывается отъ всякой дѣятельности и прячется за резонерство разсудка или энергію чувствъ. Вообще, — кто не развилъ или недовольно развилъ силу души, воспринимающаго извѣстнаго рода познанія, тотъ неохотно направляется къ нимъ и даже, когда они представляются сами собою, смотритъ на нихъ съ недовѣрчивостію и отвращеніемъ ([94]). Этимъ безъ сомнѣнія надобно объя-

---

([94]) На развитіе способностей для успѣшнѣйшаго пріобрѣтенія познаній можетъ благотворно дѣйствовать мудрая метода Педагогики. Внимательный педагогъ, наблюдая, какого рода чтеніемъ воспитанникъ его любитъ заниматься, или какого рода разсказы расположенъ слушать, вѣрно заключаетъ объ особенной энергіи той или другой силы его души и, пользуясь своимъ наблюденіемъ,

снять тѣ явленія, что закоснѣлость умственныхъ силъ питаетъ какой-то страхъ либо презрѣніе къ наукамъ, что мечтательность или поверхностность почитаетъ галиматьей и невысокую отвлеченность понятій, что животное чувство, заглушившее жажду нравственныхъ требованій духа, боится, какъ звѣря, духовной литературы. И такъ историческій опытъ можетъ дѣйствовать въ сферѣ обширной и легко пріобрѣтать всестороннія познанія только подъ условіемъ достаточнаго; и при томъ гармоническаго развитія душевныхъ силъ.

2) Но и при гармоническомъ настроеніи способностей, достоинство познаній, пріобрѣтаемыхъ посредствомъ историческаго опыта, весьма много зависитъ еще отъ свидѣтеля, — каковы, то есть, личныя его качества, въ какомъ отношеніи находится онъ къ предмету, о которомъ свидѣтельствуетъ, и какъ понимаемъ его мы, которымъ онъ представляетъ свое свидѣтельство. Что касается до личныхъ качествъ свидѣтеля; то испытатель долженъ требовать отъ него честности и знанія; ибо честный хочетъ, а знающій можетъ сказать правду. Отличить честнаго — дѣло великой трудности и облегчается только наблюденіемъ надъ вседневною нравственною и религіозною его жизнію, которая иногда замѣтнѣе высказывается незамѣтно и мимоходомъ, чѣмъ сознательно, и всегда понятнѣе проповѣдуется дѣлами, чѣмъ словами и авторитетомъ. Но, кромѣ честности, не менѣе нужно и знаніе того предмета, о которомъ человѣкъ свидѣтельствуетъ. Знаетъ предметъ не тотъ, кому онъ извѣстенъ только теоретически, или

тотчасъ видитъ, которую изъ душевныхъ его способностей надобно подкрѣпить, которую нѣсколько удержать и какія къ тому употребить средства. Этимъ способомъ Педагогика можетъ раціонально воспитать историка, математика, поэта, философа и проч.; потому что природная, или, такъ называемая врожденная наклонность къ извѣстнымъ занятіямъ есть дѣло столь же рѣдкое, сколь рѣдки геніи. Спеціальнымъ настроеніемъ своихъ способностей къ той или другой наукѣ мы почти всѣ обязаны случайностямъ воспитанія; и кого воспитаніе нашло болѣе дарованнымъ, тотъ, подъ вліяніемъ его случайностей, пріобрѣтаетъ талантъ; такъ что талантъ можно назвать тепличнымъ геніемъ.

въ общихъ формальныхъ очертаніяхъ, а тотъ, кто имѣетъ о немъ свѣдѣнія практическія и знакомъ съ нимъ по собственнымъ опытамъ. Равнымъ образомъ знаетъ предметъ и не тотъ, кто видитъ его издали, чрезъ разныя посредства, а тотъ, кто изучалъ его болѣе или менѣе непосредственно. На этомъ основаніи свидѣсельства очевидцевъ вообще достовѣрнѣе, чѣмъ тѣ, которыя передаются, какъ чужія свѣденія. По этому также замѣтки частныхъ лицъ о современныхъ имъ событіяхъ, — если эти лица находились въ ближайшихъ къ нимъ отношеніяхъ и должны были видѣть ихъ раздѣльнѣе, — заслуживаютъ бо́льшей вѣроятности, чѣмъ многіе оффиціальные документы; потому что ближайшій наблюдатель часто усматриваетъ такія причины дѣйствій и цѣли ихъ, которыя оффиціально не могутъ быть ни сообщены ни усмотрѣны. Впрочемъ, при этомъ нужно, чтобы самая близость свидѣтеля къ извѣстному предмету не побуждала его давать свидѣтельство превратное. Личная пріязнь и личная ненависть могутъ равно исказить истину и повредить вѣрности историческаго опыта. Въ этомъ случаѣ пристрастіе, какъ черта нравственная, весьма много высказываетъ къ пользѣ или вреду премета нетолько словами, но и тономъ рѣчи, а при личномъ свидѣтельствѣ, даже минами физіогноміи,—и наблюдатель, для опредѣленія вѣрности историческаго познанія, долженъ взвѣшивать все это. Но чтобы правильнѣе оцѣнить свидѣтельство историка, мы и съ своей стороны должны быть въ отношеніи къ нему безпристрастны, то есть, должны устранить личное предрасположеніе къ свидѣтелямъ нетолько живымъ и современнымъ, но и къ тѣмъ, которые жили во времена прошедшія и оставили намъ письменные свои памятники. Пристрастіе къ свидѣтелямъ живымъ можетъ проистекать изъ различныхъ житейскихъ обстоятельствъ, болѣе или менѣе сближающихъ человѣка съ человѣкомъ и связующихъ личности взаимными интересами. Пристрастіе же къ свидѣтелямъ прежнихъ временъ основывается, какъ послѣ увидимъ, на согласіи мыслей свидѣтеля съ любимыми нашими идеями, съ духомъ нашей школы, либо съ нравственными наклонностями нашего сердца.

3) Чтобы путемъ историческаго опыта получать познанія вѣрныя, надобно обращать вниманіе и на то, каково свидѣтельство само по себѣ. Въ свидѣтельствѣ самомъ по себѣ мы смотримъ на событіе, о которомъ оно доноситъ, и находимъ его или возможнымъ, или дѣйствительно бывшимъ, или невозможнымъ. Событіе возможное обыкновенно понимается такъ, что оно не противорѣчитъ общему ходу природы, или законамъ развитія человѣческой жизни. Слѣдовательно понятіе о немъ всегда бываетъ отрицательное и влечетъ за собою изслѣдованіе, или историческую критику, которая опредѣляетъ степень достовѣрности или недостовѣрности свидѣтельства и передаваемое имъ событіе признаетъ либо дѣйствительно бывшимъ, либо вымышленнымъ, искаженнымъ и т. п. Можно принять почти за несомнѣнное, что никакой трудъ въ области наукъ не пораждаетъ столько заблужденій, большею частію на видъ мелочныхъ, но беременѣющихъ важными результатами, какъ историческая критика. Кажется, ей суждено и въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, совершенно противуполагаться математической Аналитикѣ. Рѣдко достигая до первыхъ пружинъ, приводившихъ въ движеніе жизнь народа или человѣка въ извѣстную эпоху времени, и произведшихъ извѣстныя явленія, она дополняетъ ихъ недостатокъ большею частію соображеніями разсудка; а разсудокъ въ своемъ мышленіи почти всегда отпечатлѣвается личными взглядами историка. Такимъ образомъ факты предлежательные перераждаются въ понятія подлежательныя и навязываются читателямъ или слушателямъ, какъ историческія событія. Чтобы рѣже впадать въ заблужденіе отъ подлежательныхъ понятій критика о значеніи и зависимости историческихъ фактовъ, наблюдатель долженъ требовать отъ него подлиннаго выраженія и безпристрастнаго снесенія, по возможности, многихъ историческихъ документовъ. Тогда только до извѣстной степени можетъ быть открыто, было ли событіе, и какимъ образомъ оно происходило. Но еще болѣе нужно осмотрительности, когда содержаніе свидѣтельства находятъ невозможнымъ. Если въ свидѣтельствѣ дѣло идетъ о какомъ нибудь естественномъ явленіи, поколику, то есть, оно зависитъ

отъ причинъ конечныхъ; то невозможнаго въ этомъ случаѣ не выскажетъ никто, кромѣ софиста или сумасшедшаго. При подобномъ свидѣтельствованіи человѣкъ можетъ ошибаться, какъ ошибался Птоломей, полагая, что солнце вращается вокругъ земли: но ошибки его обличаются не законами мышленія, а изслѣдованіемъ самаго факта, поколику его содержаніе, облеченное въ логическую форму, вошло въ область разсудка. По этому система Коперника и система Птоломея предъ судомъ Логики равно возможны, только одна изъ нихъ оправдана астрономическими наблюденіями, а другая опровергнута. Если же свидѣтельство сообщаетъ о событіи сверхъестественномъ и выдастъ его за сверхъестественное дѣйствіе безконечной Причины; то разсудокъ еще менѣе можетъ почитать его невозможнымъ; потому что, дѣйствуя въ формахъ пространства и времени, онъ не въ состояніи судить объ отношеніи пространственныхъ и временныхъ явленій къ Причинѣ, существующей за предѣлами этихъ формъ. Судъ о сверхъестественномъ принадлежитъ и сверхъестественному трибуналу; а разсудку при этомъ не представляется случая даже и къ ошибкамъ. И такъ для разсудка, какъ познавательной силы души, остается только одно невозможное— невозможность обнять своими формами мышленія то, что выше условій его дѣятельности.

Познанія умственныя.

§ 111.

Подъ именемъ познаній умственныхъ, какъ выше сказано (§ 104), разумѣются тѣ, которыхъ матеріальное основаніе скрывается въ природѣ человѣческаго духа и которыя, по матеріи, созерцаются умомъ, а по формѣ—мыслятся разсудкомъ и въ сознаніи отъ познаній опытныхъ отличаются тѣмъ, что постоянно удерживаютъ характеръ истинъ всеобщихъ и необходимыхъ. Раскроемъ это понятіе.

Между тѣмъ какъ опытъ пересматриваетъ частныя явленія природы и путемъ наведенія идетъ къ логическому общему, не

имѣя возможности когда-либо дойти до послѣднихъ и всеобъемлющихъ результатовъ, — въ человѣческой душѣ напередъ уже есть общее, только не логическое или формальное, а метафизическое или реальное; такъ что человѣкъ по самой своей природѣ — метафизикъ. Это — не предположеніе, а необходимое требованіе, къ которому, при свѣтѣ сознанія, восходитъ послѣдними своими заключеніями опытъ психологическій. Да и странно было бы думать, что, тогда какъ и по началамъ Астрономіи, не имѣя въ виду одной или нѣсколькихъ неподвижныхъ точекъ, нельзя найти параллаксъ какой нибудь звѣзды, мы можемъ замѣчать законы измѣненія вещей въ природѣ и въ себѣ самихъ, не опираясь на чемъ нибудь неизмѣняемомъ. Напротивъ, внимательное наблюденіе психолога показываетъ еще болѣе, — что наше неизмѣняемое гораздо выше и многознаменательнѣе неподвижнаго астрономическаго: имъ объясняется, почему мы, существа конечныя, требуемъ безконечнаго; недовольствуясь опредѣленною мѣрою знанія, хотимъ знать все; будучи естественно ограничиваемы во всѣхъ отношеніяхъ и на каждомъ шагу, мыслимъ о неограниченной свободѣ; а мысля о неограниченной свободѣ, въ то же время признаемъ за необходимое, чтобы она опредѣлялась непреложнымъ закономъ дѣятельности. Кратко: пріобрѣтая познанія, мы измѣряемъ ихъ истиною, которой никогда не пріобрѣтали; а совершая поступки, поставляемъ ихъ предъ зерцаломъ добра, котораго никогда не видывали. И къ этой истинѣ, къ этому добру, которыя естественно наши, мы восходимъ однакожъ по ступенямъ безконечной лѣсницы, такъ какъ бы сіи дивныя единицы были безконечно выше насъ. Онѣ-то суть неподвижныя точки въ природѣ нашей души, служащія для опредѣленія всего измѣняющагося, и безформенная матерія умственныхъ познаній (§ 10).

Но это — еще только матерія, а не познаніе; — еще только одинъ полюсъ умственной нашей жизни, который, еслибы не ограничивался и не возбуждался другимъ, не произвелъ бы никакого дѣйствія; равно какъ и другой, если бы не былъ подъ вліяніемъ перваго, не проявилъ бы ничего, кромѣ чувственнаго

усмотрѣнія. Между тѣмъ какъ опытъ, при посредствѣ разсудка, незамѣтно движимый идеями истины и добра, стремится осуществить ихъ формально и отъ частностей индуктивно восходитъ къ общему, — истинное и доброе, при посредствѣ того же разсудка, встрѣчаясь съ частными представленіями опыта, направляются къ реальнымъ условіямъ бытія и отношенія вещей представляемыхъ и свое стремленіе выражаютъ силлогистически — требованіемъ ихъ сущностей и причинъ дѣйствующихъ и конечныхъ. Человѣкъ, смотря на міръ съ точки зрѣнія неизмѣняемой своей природы, и въ немъ естественно ищетъ неизмѣняемаго; потому что, какъ говорили уже древніе, подобнымъ познается подобное. Но неизмѣняемое въ немъ къ неизмѣняемой сторонѣ міра непосредственно приражаться не можетъ: ихъ раздѣляетъ непроходимая бездна пространства и времени, населяемая измѣнчивыми образами явленій. По сему человѣческій духъ съ идеями истины и добра долженъ идти къ своей цѣли чрезъ область разсудка и свободной воли, и по необходимости воплощать ихъ въ формы мышленія и нравственнаго самоопредѣленія, чтобы по крайней мѣрѣ этимъ путемъ болѣе и болѣе приближаться къ сущностямъ и непреложнымъ законамъ міра вещественнаго. Чрезъ это одна истина и одно добро, ограничиваясь логическими формами, раздробляются на множество умственныхъ и нравственныхъ началъ, получаютъ достоинство аподиктическихъ сужденій, становятся аксіомами и постулятами въ наукѣ и, — встрѣчаясь съ формально-общими заключеніями наведенія, нерѣдко сообщаютъ имъ твердость положеній реальныхъ и подъ ихъ формою дѣлаются высшими посылками неопровержимыхъ силлогистическихъ доказательствъ. Такъ, напримѣръ, сужденіе: «всѣ люди смертны», очевидно, получено путемъ наведенія, и потому представляется нетвердымъ; но поддерживаемое идеею истины, которая имѣетъ въ виду только неизмѣняемую сторону человѣка и душу отличаетъ отъ тѣла, какъ бытіе отъ явленія, — оно пріобрѣтаетъ силу сужденія реально всеобщаго. Равнымъ образомъ положеніе: «все идетъ къ лучшему», безъ сомнѣнія, есть заключеніе индуктивное и въ этомъ смыслѣ весьма шатко. Но такъ какъ,

по идеѣ добра, цѣлію всякаго развитія жизни мы необходимо признаемъ всеобщее благо, къ которому промыслъ направляетъ вселенную; то, не смотря ни на какія противорѣчущія частности, подтверждаемъ упомянутое индуктивное положеніе и подводимъ его подъ категорію сужденій несомнѣнныхъ. Точно такъ же возводимъ мы на степень умственнаго познанія и то положеніе, что въ мірѣ все совершается по непреложнымъ законамъ. Опытъ замѣтилъ множество частныхъ фактовъ для выведенія этого общаго слѣдствія; но наведеніе его никогда не сдѣлается совершенно полнымъ: оно восполняется только требованіемъ нашего духа, поколику его истинное и доброе, развиваясь по законамъ разсудка и, въ формахъ пространства и времени, приводя въ гармонію частныя представленія, такую же гармонію видитъ и во всемъ ходѣ природы. Вообще — всѣ умственныя наши познанія, реально опираясь на идеѣ истиннаго и добраго и получая форму въ области мышленія, имѣютъ прямое отношеніе къ сущностямъ, цѣлямъ и стройному порядку вещей, а посему и разсматриваются обыкновенно въ этихъ трехъ видахъ, то есть, какъ познанія о предметной истинѣ, *или сущностяхъ бытія*, о предметномъ добрѣ, или *цѣлесообразности дѣйствій*, о предметномъ единствѣ истиннаго и добраго, или *гармоническомъ взаимоограниченіи сущностей и цѣлей.*

Этихъ познаній, вопреки мнѣнію эмпиристовъ, нельзя почитать высшими отвлеченіями разсудка; потому что содержаніе ихъ такимъ способомъ никогда не можетъ быть доведено до нуля (§ 49). Да если бы въ комъ и возбудилось недоумѣніе, — не суть ли это въ самомъ дѣлѣ обыкновенныя отвлеченія; — и тогда мы въ правѣ были бы спросить: чѣмъ возбуждается разсудокъ къ такимъ отвлеченіямъ? Что уноситъ его за предѣлы всѣхъ возможныхъ ограниченій? Какая сила влечетъ его въ область, явно враждебную эмпиризму? — Отвѣтъ на эти вопросы безъ сомнѣнія долженъ привесть опять къ реальнымъ началамъ умственныхъ познаній. Отвлеченіе можетъ довести содержаніе понятія до нуля только тогда, когда, опираясь на основаніяхъ нравственныхъ, оно направляется къ природѣ, обусловленной простран-

странствомъ и временемъ. Такъ находимъ мы, напримѣръ, безсодержательное понятіе бытія. Но если разсудокъ, выходя изъ чего нибудь условнаго, вступаетъ въ міръ нравственный и, постепенно отвлекая его условія, простирается къ безусловному; то до совершенной безсодержательности понятія дойти не въ состояніи; потому что въ этомъ случаѣ понятіе только идеализируется (§ 47), а матеріально не тощаетъ. Таковы понятія — истинное и доброе: они составляютъ реальный предѣлъ всѣхъ направляющихся къ нимъ отвлеченій. Полнота ихъ содержанія открывается и изъ того, что чѣмъ болѣе мы приближаемся къ нимъ путемъ отвлеченія, тѣмъ бо́льшую открываемъ въ нихъ силу обязательную для всѣхъ разумныхъ существъ. Нельзя представить человѣка, который бы въ совѣсти не опрзвдывалъ истины, или не становился на сторонѣ добра, какъ скоро эти требованія его духа берутся отрѣшенно отъ всѣхъ случайныхъ ограниченій, которыми они оразноображиваются подъ вліяніемъ воспитанія, домашнихъ и общественныхъ обычаевъ и проч. Истина и добро— такъ реальны, что даже умышленная ложь старается облекаться въ формы правды, чтобы скрыть обманъ, и задуманное коварство прячется подъ маскою доброжелательства, чтобы удобнѣе достигнуть своей цѣли. Всякое изслѣдованіе въ наукѣ и жизни о томъ только и заботится, какъ бы снять покровы съ этихъ началъ дѣятельности, и борется вовсе не съ ними, а съ многоразличными ограниченіями ихъ.

Идея предмета, какъ реальное условіе построенія системы.

§ 112.

И такъ мы не бѣдны способами для пріобрѣтенія познаній. Разсудокъ нашъ можетъ постепенно увеличивать сумму ихъ, опираясь и на дѣятельности чувственнаго усмотрѣнія, и на требованіяхъ духа. Но сколь бы ни многочисленны были опытныя и умственныя наши познанія объ извѣстномъ предметѣ, — сами по себѣ они не составятъ системы, а напротивъ крайнимъ своимъ разнообразіемъ могутъ даже затруднять стремленіе разсудка

къ систематическому мышленію, подобно тому, какъ излишнее разнообразіе пищи затрудняетъ органическій процессъ пищеваренія. Не мало встрѣчается такихъ умовъ, которые какъ бы завалены множествомъ частыхъ свѣденій, относящихся къ какому нибудь предмету; и однакожъ часто бываетъ, что отъ нихъ мы либо вовсе не слышимъ положительнаго сужденія, которое давало бы намъ знать объ образѣ ихъ мыслей касательно того предмета, либо слѣдуя за ихъ сужденіями, къ удивленію, замѣчаемъ, что объ одномъ и томъ же предметѣ нынѣ говорятъ они такъ, завтра — иначе, смотря потому, какія познанія о немъ на ту пору по обстоятельствамъ выдвинулись въ сознаніи на первый планъ. Отсюда — безчисленныя противорѣчія и въ словахъ и въ дѣлахъ, и въ наукѣ и въ жизни. Чтобы наши познанія, имѣющія какое нибудь спеціальное значеніе, могли образоваться въ одно стройное цѣлое и служили гармоническимъ выраженіемъ нашихъ убѣжденій, — нуженъ общій органъ выраженія познаній, или идея того цѣлаго.

Идея въ смыслѣ практическомъ, какъ мы видѣли (§ 10), есть органъ, посредствомъ котораго умъ созерцаетъ безусловно-истинное и доброе въ ихъ единствѣ и тожественности. Въ этомъ значеніи она — одна и постоянно обнаруживается съ неодолимою силою. Если у разныхъ людей бываетъ она и различна, то не качественно, а количественно, то есть, служитъ показательницею только бóльшей или меньшей энергіи духовной жизни. Но представимъ, что тотъ же умъ, предназначенный исключительно воспринимать истину и добро въ ихъ единствѣ и тожественности, возбуждается къ новой — самостоятельной дѣятельности безконечнымъ множествомъ предметовъ и долженъ созерцать ихъ соотвѣтственно естественному своему предназначенію. Мы увидимъ, что въ такомъ случаѣ съ его идеею произойдетъ нѣчто, подобное тому, что бываетъ съ солнечнымъ лучемъ, когда онъ проходитъ чрезъ призму. Пропуская чрезъ себя лучъ свѣта, призма преломляетъ его, разлагаетъ и окрашиваетъ. Есть своего рода призма и въ области познавательныхъ нашихъ силъ: это — формы пространства и времени. Пропуская чрезъ себя свѣтъ

истины и добра, онѣ даютъ ему *уклоненное направленіе, раздробляютъ* его и *обособляютъ.* Въ этомъ состоитъ характеръ идеи теоретическаго ума (§ 14) и этимъ объясняется, почему теоретическій умъ всегда стремится созерцать сущность въ явленіяхъ, искать единства во множествѣ, видѣть общее въ частностяхъ. Разсматривая показанныя характеристическія черты идеи, мы замѣтимъ, что онѣ, всѣ вмѣстѣ, составляютъ сумму условій, безъ которыхъ не бываетъ никакого систематическаго построенія знаній.

1) Мы уже замѣтили выше (§ 111), что неизмѣняемое въ насъ съ неизмѣняемою стороною міра предметнаго можетъ прійти въ связь не иначе, какъ при посредствѣ формъ пространства и времени, въ которыхъ дѣйствуетъ разсудокъ. По этому единичная идея истиннаго и добраго, ограничиваясь предметами внѣшней природы, изъ области ума должна перейти въ область разсудка и, вступая въ новую, отличную отъ прежней среду — въ пространство и время, должна преломиться или принять уклоненное направленіе. Уклоненіе ея состоитъ въ томъ, что теперь умъ продолжаетъ созерцать единство истины и добра не въ существѣ ихъ, а въ зеркальныхъ отраженіяхъ, или въ природѣ вещей; теперь онъ ищетъ своихъ прототиповъ въ предметѣ и, снимая съ него покровъ за покровомъ, стремится разоблачить его сущность, но при всѣхъ своихъ усиліяхъ, только увеличиваетъ сумму познаній о немъ, нисколько не достигая его сущности. И такъ теперь идея истиннаго и добраго есть неизмѣняемое въ измѣняемомъ, душа въ тѣлѣ. Такъ какъ измѣняемое и тѣлесное суть различныя, пріобрѣтаемыя нами о чемъ нибудь познанія: то познаніямъ можно приписать только значеніе явленій. Если же мы одушевляемъ ихъ идеею предмета, къ которому они относятся, и ищемъ въ нихъ истины и добра; то требуемъ, чтобы они существовали и сознаваемы были въ идеѣ, то есть, остановили свою измѣнчивость и сложились въ неизмѣнное цѣлое. Такимъ образомъ, вмѣсто проблематическаго или ассерторическаго достоинства ихъ, мы хотимъ отъ нихъ истинности аподиктической (§ 67), — и получаемъ систему познаній о предметѣ, въ которой онѣ стоятъ прочно, опираясь одно на другое и утвер-

ждаясь на общемъ основанiи. Но всякая система, — именно потому, что она система — цѣлое законченное, что въ ней и съ нею познанiя остановились въ своемъ развитiи и сущность предмета болѣе не ищется, — уже носитъ въ себѣ сѣмя разрушенiя, и разрушаетъ ее та же самая идея, которою она одушевлена и по которой построена. Въ самомъ дѣлѣ, одушевляя систематическое цѣлое, идея не перестаетъ быть органомъ безусловной истины и добра, слѣдовательно, ограничиваясь предметомъ, по природѣ не терпитъ ограниченiя, а напротивъ — ограниченное стремится пересоздавать и по возможности приближать къ совершенству безусловнаго. Такимъ образомъ идея предмета и предваряетъ всякую свою систему, какъ мысль въ душѣ художника предваряетъ бытiе картины, и переживаетъ ее, какъ фениксъ переживаетъ свой организмъ и изъ его пепла выходитъ для новаго самоорганизованiя. И если умъ, идеально созерцая одинъ и тотъ же предметъ, часто смѣняетъ систему системою и построяетъ цѣлые ряды ихъ; то это надобно почитать признакомъ не слабости его, а живой энергiи, неутомимо порывающейся къ истинному и доброму. Худо было бы, говоритъ Баконъ, когда бы наука въ извѣстной системѣ стояла неподвижно, какъ статуя: въ такотъ случаѣ она была бы и мертва, какъ статуя.

2) Умъ ограничивается безконечнымъ множествомъ различныхъ предметовъ, и потому идея истины и добра въ формахъ пространства и времени нетолько принимаетъ уклоненное направленiе, но и дробится на частныя идеи. Отъ этого идеальнаго свѣторазсѣянiя происходитъ ихъ столько, сколько можетъ быть понятiй въ категорическихъ формахъ разсудка. Въ нихъ обыкновенно встрѣчаются начала — реальное и матерiальное, умъ и чувство, идея и явленiе, и, нейтрализуясь на различныхъ инстанцiяхъ, производятъ множество родовыхъ и видовыхъ понятiй. При этомъ бываетъ такъ, что чѣмъ матерiальнѣе и чувственнѣе понятiе, тѣмъ менѣе заключается въ немъ реальности и идеальности; и на оборотъ — чѣмъ оно реальнѣе и идеальнѣе, тѣмъ менѣе ограничивается матерiею и чувствомъ. Но матерiальное и чувственное всегда многочисленнѣе, чѣмъ реальное и

идеальное; потому что первое подходитъ къ разнообразію недѣлимыхъ, послѣднее же — къ единству истиннаго и добраго. А отсюда не трудно усмотрѣть, что единичная идея должна раздробляться въ возрастающей прогрессіи, низходя отъ высшихъ родовъ къ низшимъ видамъ, и въ уменьшающейся, восходя отъ низшихъ видовъ къ высшимъ родамъ. Чѣмъ ближе мы къ области ума, тѣмъ менѣе у насъ различія въ идеяхъ; а чѣмъ далѣе наше мышленіе отъ точки умственнаго созерцанія, тѣмъ болѣе увеличивается количество нашихъ идей. Идеи высшаго порядка сильно дѣйствуютъ на образованіе системы, такъ что часто обличаютъ ошибки самой надежной и долговременной опытности; но онѣ иногда бываютъ довольно темны и требуютъ значительной энергіи ума. Напротивъ, идеи низшія почти всегда ясны и легко возбуждаются въ умѣ каждаго человѣка; за то въ нихъ нельзя не видѣть отрывочности, ограниченности и слишкомъ слабаго вліянія на систематическое построеніе знаній. Получить наилучшую идею предмета, значитъ—найти истинный фокусъ зрѣнія между умомъ и предметомъ; такъ чтобы послѣдній и ясно, и сильно отражался въ системѣ относящихся къ нему понятій разсудка.

3) Изъ сказаннаго доселѣ явствуетъ, что какую бы ни имѣли мы идею,—она во всякомъ случаѣ сперва должна одушевить родовое или видовое понятіе о предметѣ, которое, очевидно, будетъ болѣе или менѣе общимъ. Слѣдовательно, судя строго, частный взглядъ на предметъ невозможенъ. Но этотъ лучъ истины и добра, преломившись въ формахъ пространства и времени и раздробившись въ категорическомъ многоразличіи понятій, подвергается еще новому и, такъ сказать, домашнему уже ограниченію: принимаетъ самый колоритъ коренной своей мысли, лично принадлежащій одному мыслителю. Отсюда происходитъ идеальный хроматизмъ системъ и различается по періодамъ временъ, по духу народовъ и по настроенію недѣлимыхъ. Идеи самой въ себѣ, или идеи непосредственно—ни родить, ни воспитать, ни передать нельзя: она пробуждается въ умѣ и является свѣту въ условіяхъ своей жизни, какъ Минерва выходитъ изъ головы Юпитера въ полномъ вооруженіи. Но поколику ей необходимо вселяться въ

понятія и организоваться познаніями; то можно, хотя большею частію гадательно, предуготовлять условія ея пробужденія и появленія подъ извѣстнымъ колоритомъ. Есть основаніе предсказывать, напримѣръ, что обобщающіяся понятія о преимуществѣ матеріальныхъ выгодъ, сравнительно съ нравственными и умственными, бывъ проникнуты идеею истиннаго и добраго, оттѣнятъ ее чертами эмпиризма и сенсуализма,—и она, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, породитъ цѣлый рядъ системъ этого характера, доказывая методически, что общее благо должно быть въ зависимости отъ частнаго, и что интересъ ближняго есть цѣль личныхъ наслажденій каждаго недѣлимаго. При помощи подобныхъ соображеній, исторія съ немалою вѣроятностію можетъ открывать причины явленія однѣхъ и тѣхъ же идей иногда въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ; а политика найдетъ средства снимать съ нихъ тѣ или другія тѣни и наводить новыя, приспособительно къ своимъ цѣлямъ. Хроматически обособляются особенно идеи національныя. Это уже—не кометы, являющіяся періодически и приходящія путями часто невѣдомыми — изъ областей отдаленныхъ; а планеты, опредѣленно вращающіяся около своего солнца и окрашивающіяся извѣстными цвѣтами отъ извѣстныхъ причинъ. Идея истины и добра — вездѣ одна; но понятія, въ которыхъ она воплощается, всегда бываютъ оттѣнены чертами народной вѣры, государственныхъ учрежденій, мѣстныхъ обычаевъ и проч., и неотразимо наводятъ на нее свою цвѣтность. Отсюда—*различіе между идеями французскими, англійскими, германскими*, и т. д. Возможенъ ли обмѣнъ ихъ или заимствованіе?—*По видимому, странно было бы и слышать, если* бы кто доказывалъ, что это невозможно. Почти всѣ думаютъ, говорятъ и пишутъ, что сближеніе народовъ, при посредствѣ, напримѣръ, электрическихъ телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ, неимовѣрно благопріятствуетъ обмѣну идей. Но при этомъ упускается изъ виду одно весьма важное условіе для обмѣна ихъ. Идеи улетучиваются быстрѣе всякаго газа, либо остаются вовсе безъ развитія, если, такъ сказать, не бываютъ заперты въ понятіяхъ, какъ газъ запирается въ сосудѣ. Притомъ послѣдній хи-

мически не соединяется съ своимъ сосудомъ, а первыя такъ сливаются съ своими понятіями, какъ душа съ тѣломъ, и живутъ въ каждомъ признакѣ представленія, какъ душа чувствуетъ въ каждомъ нервѣ. По этому *идей или вовсе нельзя обмѣнивать и заимствовать*, если бы мы хотѣли принять ихъ совершенно чистыми отъ національнаго колорита, *или вовсе не слѣдуетъ вносить ихъ въ народную нашу жизнь*, если онѣ окрашены чуждыми намъ понятіями. И такъ электрическіе телеграфы и желѣзныя дороги благодѣтельно способствуютъ только къ обмѣну депешъ, мануфактурныхъ издѣлій, матеріальныхъ улучшеній въ области опыта, открытій, изобрѣтеній и т. п. Что же касается до хроматизированныхъ идей, то, занесенныя въ чуждую имъ атмосферу въ формѣ либо произведеній письменности, либо живой бесѣды, онѣ *или остаются безплодными и гибнутъ, или устанавливаясь и укореняясь, заглушаютъ домашній хроматизмъ идей* — требованія отечественной Вѣры и формы общественной жизни, и такимъ образомъ мало по малу перераждаютъ общество. А изъ этого само собою явствуетъ, что исключительно необходимою діафрагмою сего чуждаго намъ хроматизма идей всегда должно быть православіе и единодержавіе, какъ двѣ стихіи, въ которыхъ воплощается идея Русской жизни, или два полюса, взаимодѣйствіемъ которыхъ растетъ и укрѣпляется духъ Русской народности. Впрочемъ, и въ нѣдрѣ одного и того же общества идеи могутъ оцвѣчиваться различнымъ образомъ и развиваться въ разнохарактерныхъ системахъ — смотря потому, каково личное понятіе мыслителя — его daemon familiaris. А понятія обыкновенно разнообразятся воспитаніемъ, религіозными убѣжденіями, нравственными правилами жизни, и проч. Посему, тѣ *ошибаются*, которые въ систематикѣ теорію отдѣляютъ отъ практики и думаютъ, что послѣдняя не мѣшаетъ первой. Сколь бы ни хороша была система въ формальномъ ея построеніи; но содержаніе ея всегда болѣе или менѣе оцвѣчивается практическими понятіями мыслителя.

ГЛАВА II.

О МЕТОДѢ РАЗВИТІЯ СИСТЕМЫ.

Понятіе о методѣ.

§ 113.

Если матеріальныя и реальныя условія системы готовы, *если*, то есть, мы имѣемъ идею предмета и достаточный запасъ относящихся къ нему познаній; то намъ остается только развить свои познанія въ одно стройное цѣлое или систему. Явно, что это — вопросъ о формѣ. Отвѣчать на него можетъ разсудокъ, по видимому, указывая лишь на законы и формы своего мышленія, для систематическаго построенія которыхъ ему не предстоитъ болѣе ничего, какъ начертать общій планъ послѣдовательнаго движенія пріобрѣтенныхъ матеріаловъ. Начертать такой планъ есть дѣло методы. ***Методою*** называется способъ расположенія и развитія мыслей, такъ чтобы онѣ, всѣ вмѣстѣ, составляли одно связное и правильно округленное цѣлое. Сколь ни формальною кажется дѣятельность разсудка въ установленіи методы системы, но нельзя упускать изъ виду того обстоятельства, что она и въ этомъ случаѣ, какъ во всякомъ другомъ, зависитъ отъ реальныхъ условій: разсудокъ и здѣсь ограничивается съ одной стороны идеею предмета, съ другой — относящимися къ нему стихіями вѣдѣнія; и потому формальное мышленіе о немъ должно раскры-

ваться не иначе, какъ подъ этими условіями и по ихъ требованіямъ. Форма не есть внѣшняя сторона систематическаго построенія, мыслимая отдѣльно отъ матеріи, какъ ея образъ: матерія и форма раждаются одна въ другой, взаимно сопроникаются и безразлично одушевляются идеею. Слѣдовательно высшее достоинство и цѣль методы состоитъ не въ распложеніи логическихъ оборотовъ мысли, которыми познанія часто держутся вдали отъ идеи, а въ надлежащемъ сближеніи и сосредоточеніи этихъ условій въ формахъ мышленія, какъ лучей свѣта въ фокусѣ чечевицы. Система по наилучшей методѣ построяется тогда, когда въ ней нѣтъ ни излишества, или логической растянутости формъ, ни недостатка, или неразвитости познаній: потому что излишество слишкомъ удаляетъ предметъ отъ точки идеальнаго его созерцанія, и чрезъ то представляетъ его темно; а недостатокъ болѣе надлежащаго приближаетъ его къ идеальному созерцанію, и чрезъ то рисуетъ слитнымъ. При методическомъ раскрытіи цѣлаго, разсудокъ нерѣдко впадаетъ въ ту или другую крайность—отъ одной изъ двухъ причинъ: либо отъ того, что воодушевляющая его идея предмета обширна и жива, а запасъ познаній о немъ скуденъ; либо отъ того, что онъ богатъ познаніями о предметѣ, а идея его тѣсна и слаба. Въ первомъ случаѣ взглядъ ума недовольно ограниченъ, а потому фокусъ зрѣнія отдвигается далеко, и метода логическою сѣтью объемлетъ широкое, хотя и малоплодное поле знанія: мысли текутъ послѣдовательно, но умъ не узнаетъ въ нихъ своихъ требованій, идея предмета теряется. На этомъ-то просторѣ часто дѣйствуетъ даровитая, но еще неопытная юность, стремясь наполнить пробѣлы реальной науки чистыми формами мышленія и почти изъ одной идеи создать существенность. Во второмъ случаѣ умъ слишкомъ ограниченъ и не можетъ управиться со множествомъ разнородныхъ познаній: матерія тѣснитъ его и дѣлаетъ идеально близорукимъ, а потому метода не получаетъ поприща для дѣятельности, и богатство свѣденій остается безъ системы. Такое состояніе свойственно тѣмъ запоздалымъ труженикамъ знанія, которые съ молодыхъ лѣтъ не получили нравильнаго умственнаго воспитанія,

не развивали своего ума созерцаніемъ истиннаго и добраго независимо отъ ихъ ограниченій, и не имѣли ни случая, ни побужденій мыслить строго логически. И такъ хорошая метода должна вѣрно нейтрализовать идею съ матеріею и стараться, чтобы первая находила свой организмъ не въ пухлыхъ формахъ мышленія, а послѣдняя не была мертвою массою знаній — безъ души.

Виды методы.

§ 114.

Предисловіе къ различенію видовъ методы мы высказали уже давно, говоря *объ отношеніи наведенія къ силлогизму* (§ 84). Наведеніе и силлогизмъ къ одному и тому же предмету идутъ, какъ извѣстно, противуположными путями. Всякій предметъ есть нѣчто одно, являющееся во многомъ, или многое, соединенное въ одномъ. Многое въ немъ — это отдѣльности, частности, явленія, слѣдствія; одно — это основаніе, общность, сила или коренная стихія его жизни. Обѣихъ показанныхъ сторонъ въ предметѣ разсудокъ вдругъ обнимать не можетъ, потому что отъ одной къ другой долженъ идти съ сѣтью своихъ формъ и мыслить дискурсивно (§ 37). Отсюда открывается необходимость въ двухъ противуположныхъ направленіяхъ мышленія: оно начинаетъ свой ходъ, либо отъ явленій и частностей, и стремится взойти къ основанію и общности; *либо на оборотъ—идетъ отъ общаго и основнаго*, и низходитъ къ явленіямъ и частностямъ. Первому направленію слѣдуетъ, какъ мы видѣли, наведеніе, а послѣднему—силлогизмъ. И та и другая изъ этихъ формъ логическаго мышленія развивается не произвольно — какъ нибудь, но по извѣстнымъ предначертаніямъ, — и правила ихъ развитія, соотвѣтственно ходу этихъ формъ, относительно противуположному, должны быть противуположны. Будучи предначертываемы для индуктивнаго движенія мыслей и служа ему опорою, они составляютъ ***методу аналитическую***; а когда ими направляется и ограничивается силлогистическое развитіе познаній,—мы узнаемъ въ этомъ развитіи законъ ***методы синтетической***. Явно, что встрѣчею сихъ видовъ

методы должна вполнѣ выражаться идея предмета; потому что идеально онъ созерцается, какъ единая сущность во множествѣ явленій. И формальнымъ его выраженіемъ, подъ ограниченіями той и другой методы, будетъ одно и тоже сужденіе, мыслимое прямо и превращенно. Человѣкъ одаренъ разумомъ, свободою и органическими условіями жизни; нѣчто, одаренное разумомъ, свободою и органическими условіями жизни, есть человѣкъ: вотъ форма идеи человѣка, высказанная синтетически и аналитически.

Метода аналитическая.

§ 115.

Метода аналитическая предначертываетъ ходъ мышленія отъ частей къ цѣлому, отъ отдѣльнаго къ общему, отъ явленій къ основанію, словомъ — отъ многаго къ одному, — и съ формальной своей стороны обыкновенно представляетъ намъ рядъ наведеній. Чтобы сколько можно болѣе уяснить себѣ это понятіе объ аналитической методѣ, надобно предварительно замѣтить различіе между собственно такъ называемымъ анализомъ и наведеніемъ. Какъ ни близко сходятся они въ изложенномъ понятіи, но направленія и характеры ихъ совершенно противуположны.

Анализъ исходную точку своей дѣятельности полагаетъ въ феноменальномъ бытіи вещи и, разлагая въ ней явленія за явленіями, стремится проникнуть въ самое ея существо, дойти до коренныхъ ея стихій, открыть первыя начала ея являемости, стало быть, имѣетъ направленіе предметное. Но слѣдуя такому направленію, онъ никогда не достигаетъ своей цѣли; потому что, сколько бы ни трудился,—результаты его разложеній во всякомъ случаѣ становятся только свойствами вещи, то есть, явленіями ея, а начала ихъ все еще впереди, и вещь по своему существу остается нетронутою. Даже самый этотъ способъ идти къ существу предмета, по видимому, противорѣчитъ цѣли анализа; потому что аналитически чѣмъ далѣе мы идемъ, тѣмъ болѣе расширяемъ область явленій, слѣдовательно тѣмъ менѣе приближа-

емся къ единству сущности. ***Наведеніе*** начинаетъ свой ходъ оттуда же, откуда и анализъ, то есть, отъ феноменальной стороны предмета, но слѣдуетъ направленію противуположному. Оно беретъ открываемыя анализомъ свойства вещи и, вводя ихъ въ пространственныя и временныя условія мыслящаго разсудка, слѣдовательно какъ бы подъ угломъ преломленія (§ 112), стремится привести ихъ къ формальному единству, и такимъ образомъ хочетъ съ своей стороны сдѣлать то самое съ свойствами, ограничивающими вещь, чего анализъ домогается отъ вещи въ существенномъ ея бытіи, то есть, оставляя отдѣльности, какъ онѣ есть, сводитъ ихъ только въ общее, чтобы въ общемъ показать нейтрализацію частныхъ явленій. Такъ врачъ, при составленіи рецепта изъ нѣсколькихъ веществъ, имѣетъ въ виду совокупное и уравновѣшенное вліяніе ихъ на болѣзнь. Очевидно, что это направленіе — уже подлежательное: оно развивается въ формахъ мышленія и ищетъ своего основанія не въ существѣ, а въ идеѣ предмета. Но какъ анализъ никогда не достигаетъ до истинныхъ началъ бытія; такъ и наведеніе, само по себѣ, никогда не въ состояніи взойти къ истинному основанію мысли. И послѣднее невозможно именно по невозможности перваго. Наведеніе тѣмъ быстрѣе растетъ, чѣмъ болѣе находитъ матеріаловъ въ аналитической разработкѣ вещей; потому что наводить было бы нечего и неначто, если бы анализъ не разлагалъ явленій. Анализу же, сказали мы, суждено все только идти впередъ; слѣдовательно нельзя остановиться и наведенію. По такой назаконченности анализа и наведенія, пріобрѣтаемыя этими способами познанія носятъ имя познаній только въ смыслѣ несобственномъ; съ большею же точностію ихъ можно называть лишь *фактами опыта.*

Обращая вниманіе на это различіе между анализомъ и наведеніемъ, не трудно понять, что аналитическая метода не есть ни анализъ самъ по себѣ, ни наведеніе само по себѣ; она только пользуется сими двумя видами дѣятельности разсудка и, нейтрализуя противуположныя ихъ направленія, объемлетъ ими все поприще развитія мыслей, начинающееся отъ явленій предмета и простирающееся одною стороною къ существу его, а другою—

къ идеѣ. Въ анализѣ она находитъ себѣ опору и матеріальный источникъ своихъ построеній; а въ наведеніи получаетъ формы для построенія найденныхъ аналитически матеріаловъ и, имѣя въ виду одну и туже цѣль — основаніе явленій, стремится къ ней двумя путями: путемъ аналитическаго выдѣленія свойствъ вещи и индуктивнаго обобщенія ихъ. На первомъ пути ходъ аналитической методы характеризуется отрицаніемъ сущности предмета: все отдѣльное въ немъ — не одно; а на послѣднемъ движеніе ея обнаруживается положеніемъ общаго въ предметѣ: все отдѣльное въ немъ можетъ быть мыслимо подъ однимъ признакомъ. Такимъ образомъ, чѣмъ ближе подходитъ она къ сущности — аналитически, тѣмъ общее и слѣдовательно тѣмъ ближе къ идеѣ признакъ ея индуктивный: и на оборотъ — чѣмъ далѣе она отъ сущности и бѣднѣе въ аналитическихъ матеріалахъ, тѣмъ менѣе идеальной жизни въ индуктивномъ ея развитіи. Посредствомъ анализа глубже и глубже входя въ предметъ и открывая въ немъ множество новыхъ свойствъ, она по справедливости пользуется именемъ ***методы открытій;*** а посредствомъ наведенія обобщая открываемыя свойства и аналогически примѣняя ихъ къ свойствамъ другихъ предметовъ, получаетъ значеніе ***методы изобрѣтеній.*** Такъ, замѣтивъ въ воздухѣ способность двигаться съ одного мѣста на другое, аналитическая метода привела человѣка къ употребленію паруса и построенію вѣтреной мельницы; усмотрѣвъ въ немъ измѣнчивость температуры, она научила прилагать это явленіе къ химическому разложенію веществъ; нашедши, что въ разныхъ мѣстахъ атмосферы онъ имѣетъ различную плотность и тяжесть, она внушила физику мысль объ аэростатѣ; узнавъ, что коренныя его начала суть гасы, она объяснила теорію горѣнія и изобрѣла зажигательные снаряды; открывъ возможность превращать его въ пары и увеличивать его упругость, она изобрѣла паровую машину. Вообще — гдѣ дѣло идетъ о явленіяхъ и о болѣе или менѣе постоянномъ законѣ ихъ измѣненій; тамъ наука руководствуется почти исключительно методою аналитическою. Посему всѣ науки опытныя непосредственно ей обязаны своимъ развитіемъ и своими успѣ-

хами [94]. Но ничего не говоря противъ очевидной ея пользы, мы должны однакожъ сдѣлать слѣдующія два заключенія: Во-первыхъ, такъ какъ анализъ никогда окончательно не достигаетъ сущности вещи, а индукція — идеи о ней; то находимыя аналитически свойства ея и — индуктивно законы измѣненія и сочетанія свойствъ отнюдь не могутъ получить значеніе истинъ окончательно всеобщихъ и совершенно необходимыхъ. Что нынѣ открыто и вошло въ рядъ нашихъ познаній; то завтра можетъ быть перевершено новыми открытіями, которыя измѣнятъ значеніе частныхъ положеній и заставятъ перестроить порядокъ ихъ. Въ тайникѣ природы, безъ сомнѣнія, скрываются еще столько дивныхъ свойствъ и сочетаній ихъ, что если бы всѣ они вдругъ выступили наружу и предстали нашему наблюденію, — мы съ чувствомъ благоговѣнія къ премудрости Божіей нашли бы дѣтскою и ничтожною всю мудрость нынѣшняго нашего опыта. По этому опытныя науки, слѣдуя исключительно методѣ аналитической, отнюдь не должны и не имѣютъ логическаго права дѣлать аподиктическія заключенія. Во-вторыхъ, такъ какъ анализъ и наведеніе имѣютъ дѣло съ одними фактами опыта и развиваютъ ихъ, какъ явленія, не только вообще — въ формахъ пространства и времени, но и подъ матеріальными условіями планетной жизни человѣка (напримѣръ, мы видимъ при посредствѣ солнечнаго луча, дѣйствующаго на органъ зрѣ-

---

(94) Къ числу такихъ наукъ относится и Исторія; и если аналитическая метода примѣняется къ раскрытію Исторіи, то получаетъ новое имя — *методы исторической,* которая имѣетъ тѣ же выгоды и невыгоды, какія вообще свойственно аналитико-индуктивному ходу мышленія. Анализъ этой методы состоитъ въ открытіи фактовъ, разновременно проявлявшихъ жизнь разсматриваемаго предмета, сколько они доступны наблюденію опыта; а наведеніе ея считаетъ своимъ дѣломъ найденные факты обобщать, или мыслить какъ черты, свойственныя всему разсматриваемому предмету. Отсюда повѣствованіе о природѣ развиваетъ родовыя и видовыя сферы бытія, а повѣствованіе о человѣчествѣ находитъ ихъ въ общихъ и частныхъ формахъ правленія. Очевидно, что и тамъ и здѣсь историческая метода имѣетъ одно неудобство: руководствуясь опытомъ, она не въ состояніи замѣчаемые факты производить отъ причинъ, которымъ они дѣйствительно обязаны своимъ проявленіемъ

нія, слышимъ при посредствѣ сотрясеннаго воздуха, поражающаго слуховую перепонку уха и т. д.); то аналитическая метода не въ состояніи вести насъ своими заключеніями за предѣлы міра феноменальнаго — туда, гдѣ или смѣняются или вовсе исчезаютъ планетныя наши условія. Она можетъ имѣть въ виду только матеріальный интересъ, или вообще физическое улучшеніе и украшеніе внѣшней нашей жизни, — можетъ переходить и въ міръ нравственный и наблюдать надъ нимъ, пока онъ обнаруживается какими нибудь формами, но заключать, что формующееся — и само въ себѣ формально, или матеріализующееся — и въ основаніи матеріально, не можетъ. На этой высшей точкѣ развитія метода аналитическая должна уступить свое мѣсто методѣ синтетической.

Метода синтетическая.

§ 116.

Метода синтетическая предначертываетъ ходъ мышленія отъ цѣлаго къ частямъ, отъ общаго къ отдѣльному, отъ основанія къ явленіямъ, словомъ — отъ одного ко многому, — и съ формальной своей стороны осуществляется какимъ нибудь рядомъ силлогизмовъ. Раскрыть особенности этой методы можно такъ же, какъ раскрыто значеніе методы аналитической, то есть, предварительно показать различіе между синтезомъ и силлогизмомъ, а потомъ разсмотрѣть, на какомъ поприщѣ дѣйствуетъ и какія имѣетъ выгоды и невыгоды метода синтетическая.

Идея предмета сама въ себѣ полна и въ своей полнотѣ единична. Но какъ скоро пробивается она въ формы пространства и времени и оживляетъ дѣятельность разсудка, — ей, какъ выходящему изъ ячейки цвѣтку, необходимо проявляться въ какихъ нибудь формахъ. Мы носимъ въ своей душѣ всю мысль; но если хотимъ представить ее себѣ или другимъ, то встрѣчаемъ потребность какъ нибудь развѣтвить ее. Что такое — это развѣтвленіе? — Очевидно, проявленіе одного во многомъ, слѣдовательно нѣчто, походящее на разложеніе идеи. Между тѣмъ

идея разлагаться не можетъ; изъ ней ничто не выдѣляется — подобно тому, какъ чрезъ анализъ явленія выдѣляется случайное или инородное изъ матеріальнаго предмета. Идея хочетъ жить во многомъ, но такъ, чтобы выступающее изъ ней многое, не отдѣляясь отъ своего начала, слагалось въ одно и своимъ сложеніемъ выражало законъ идеальной жизни. Значитъ, она хочетъ не разложенія, а развитія своего содержанія, и стремится проявить себя въ гармоническомъ соединеніи его стихій, какъ положенное въ землю сѣмя проявляется въ свойственномъ себѣ организмѣ. Въ удовлетвореніи этого требованія идеи состоитъ задача синтеза. *Синтезъ* обыкновенно направляется къ ограниченію идеи и, опредѣляя ее тѣмъ, что непосредственно выступаетъ изъ ней въ формахъ пространства и времени, даетъ бытіе *понятію* о предметѣ. Это понятіе — тоже въ синтетическомъ построеніи мыслей, что нити корня, выходящія изъ зерна, питаемаго грунтомъ. Оно — еще не органическое развитіе, къ которому стремится идея; однакожъ безъ него невозможно было бы никакое организованіе: оно — не форма цѣлаго; однакожъ безъ него ни въ какой формѣ не выразилась бы жизнь идеи. Слѣдовательно понятіе есть реальное начало формальнаго рожденія мысли. Но чтобы формально родить мысль; понятію недостаетъ общности: ему нуженъ фактъ наведенія, или общее его заключеніе о родовомъ значеніи явленій. Встрѣча съ нимъ вызываетъ синтезъ къ вторичному ограниченію идеи. Синтетическая дѣятельность разсудка здѣсь состоитъ въ томъ, что реальное понятіе находитъ внѣшнее свое выраженіе во всеобщности индуктивнаго факта и, получая въ немъ объемъ, само становится его содержаніемъ. Отсюда происходитъ *основаніе* силлогизма, нетолько общее по формѣ, но и необходимое по содержанію; потому что общимъ оно сдѣлалось отъ факта наведенія, а необходимымъ отъ реальности понятія. И такъ основная посылка въ силлогизмѣ есть внѣшно выразившаяся и формально воспроизведенная идея. Отъ этой посылки, опираясь на синтезѣ, начинаетъ развиваться *умозаключеніе* и направляется къ тому, чтобы цѣлое найти въ частяхъ, общимъ закономъ бытія опредѣ-

лить сущность, скрывающуюся подъ завѣсою явленій, и такимъ образомъ идею предмета приблизить къ возможному тожеству съ самымъ предметомъ. Этой цѣли болѣе или менѣе достигаетъ оно, какъ извѣстно, двумя способами: сперва подведеніемъ частнаго подъ общее, потомъ выведеніемъ частнаго изъ общаго. Но выводитъ оно не то, что подводитъ: подведеніемъ вносится въ основаніе какой нибудь фактъ опыта — явленіе: а выведеніе износитъ изъ основанія признакъ реальный — нѣчто неявляемое, обозначающее сущность вещи и удовлетворяющее требованію идеи. Чрезъ это идея, какъ душа въ тѣлѣ, льется по всѣмъ путямъ силлогистическаго мышленія и факты опыта переводитъ въ рядъ дѣйствительныхъ *познаній изъ началъ*.

И такъ синтетическая метода начинаетъ и оканчиваетъ свой ходъ именно тѣмъ, къ чему идетъ, но чего не достигаетъ метода аналитическая, то есть, выходитъ изъ идеи и, прошедши поприще формальнаго ея развитія, останавливается на сущности идеально созерцаемаго предмета. Направляясь чрезъ понятіе къ основанію, она синтетически проявляетъ одно во многомъ; а продолжая свое движеніе отъ основанія къ предмету, силлогистически ищетъ въ общемъ — частностей, въ причинѣ — слѣдствій. Поэтому формальная обширность горизонта, въ которомъ она дѣйствуетъ, опредѣляется основаніемъ, а реальная полнота основанія — идеею. Въ ея основаніи напередъ уже заключается все, что можетъ быть изъ него выведено: нуженъ только случай, поводъ, то есть, подведеніе, — и оно непремѣнно дастъ какое нибудь слѣдствіе въ формѣ положительной или отрицательной, и этимъ слѣдствіемъ непремѣнно обозначится въ какомъ нибудь отношеніи сущность недѣлимаго А отсюда явствуетъ, что поприще синтетической методы есть цѣлое замкнутое, и замыкается съ одной стороны идеею, съ другой — сущностію вещи; такъ что, судя строго, по ней долженъ быть развитъ такой организмъ познаній, къ которому, въ противуположность методѣ аналитической, нельзя ничего прибавить и отъ которой ничто не можетъ быть отнято. Притомъ, въ развиваемомъ ею организмѣ познанія должны возникать одни послѣ

другихъ не произвольно, но съ необходимою послѣдовательностію; потому что каждое изъ нихъ, выходя изъ основанія, въ свою очередь служитъ основаніемъ для новыхъ познаній, которыя прежде него родиться не могли. Такимъ образомъ метода синтетическая всѣ мысли цѣлаго поставляетъ въ неизмѣняемыя отношенія: измѣнивъ зависимость колецъ этой цѣпи, мы разрушили бы систему ихъ и въ благоустроенномъ организмѣ произвели бы хаосъ. Этимъ объясняется то удивительное свойство синтетическихъ построеній, что положенія ихъ, разсматриваемыя подъ покровительствомъ ихъ началъ, бываютъ тверды — по крайней мѣрѣ столько, сколько тверды самыя начала, а отторгнутыя отъ нихъ, часто теряютъ всю свою силу. Имѣя въ виду такія свойства методы синтетической, ее, относительно къ зависимости и послѣдовательности разнородныхъ ея выводовъ, справедливо называютъ *методою генетическою* или раждательною, а относительно къ замкнутости и связности ея построеній— *методою систематическою*. Какъ генетическая, она раждаетъ новыя мысли, переходя изъ одного рода вещей въ другой; а какъ систематическая, держится въ опредѣленномъ горизонтѣ созерцанія и разнородное связуетъ въ одно полное и стройное цѣлое. Въ первомъ своемъ значеніи она все выводитъ изъ одного основанія и развиваетъ систему познаній количественно, а въ послѣднемъ — все подводитъ подъ одно основаніе и характеризуетъ свое цѣлое качественно. Посему, кто проникнутъ идеею предмета, имѣетъ соотвѣтствующее ей основаніе взгляда на вещи и владѣетъ силлогизмомъ; тотъ съ этими средствами синтетической методы можетъ рѣшать всѣ вопросы, касающіеся взаимнаго отношенія познаній, то есть, всякому познанію мѣтко укажетъ его мѣсто и вѣрно опредѣлитъ его значеніе въ системѣ. Изъ этого явствуетъ, что метода синтетическая неизбѣжна въ тѣхъ наукахъ и въ такихъ предпріятіяхъ человѣка, въ которыхъ требуется построить какое нибудь цѣлое, такъ чтобы каждая его часть была необходимымъ его членомъ, необходимо занимала извѣстное мѣсто и по необходимости понимаема была всегда въ одномъ опредѣленномъ смыслѣ. Но въ числѣ наукъ, имѣющихъ

въ виду построить такое цѣлое, главная, безспорно, есть философія ([95]). По этому ни философія ни всякая другая наука, желающая принять характеръ философскій, не можетъ обойтись безъ методы синтетической. Философію, по ея методѣ, еще древніе полагали въ основаніе всѣхъ построеній нетолько въ области наукословія, но и въ искуствахъ, и въ жизни гражданской, и въ этомъ именно смыслѣ называли ее учительницею каждаго человѣка. Всякая отрасль знанія начинается анализомъ свойственныхъ себѣ частей и явленій и опредѣляется правилами такъ называемыхъ аналитическихъ или приготовительныхъ школъ; но тамъ, гдѣ изъ множества знаній надобно построить то или другое цѣлое, какъ художникъ, научившись рисовать уши, глаза, руки и проч., построяетъ правильную копію своего, чувственно или идеально созерцаемаго оригинала, — тамъ необходима метода синтетическая, естественная руководительница школы высшей, которая въ своемъ развитіи должна проявлять характеръ философскій и разливать свѣтъ по всѣмъ направленіямъ жизни гражданской и домашней. Но чѣмъ важнѣе дѣятельность синтеза, тѣмъ строже должна быть его критика. Нѣтъ ничего благодѣтельнѣе методы построенія, когда она трудится надъ выраженіемъ идеи высокой и благородной и опирается на основаніи, обѣщающемъ удовлетворить существеннымъ требованіямъ человѣка въ коренныхъ условіяхъ его жизни. За то нѣтъ ничего и гибельнѣе ея, если задуманная идея худо хроматизирована и полагаетъ разрушительное основаніе для синтетическаго развитія мыслей. Въ

([95]) Методу систематическую иногда главнымъ образомъ усвояютъ Математикѣ, и потому называютъ ее *методою математическою*. Но область методы математической объемлетъ только одну внѣшнюю сторону синтеза: ибо первая отличается отъ послѣдняго, какъ способъ построенія количественнаго или воззрительнаго — отъ способа построять мысли качественно или дискурсивно (§37). Метода математическая выходитъ не изъ идеи, а изъ общаго понятія, и основаніе ея не заключаетъ въ себѣ ничего реальнаго, потому что есть только ограниченное понятіемъ пространство и время. Напротивъ метода философская оживляется идеею и реальность идеи непремѣнно сообщаетъ самому основанію.

послѣднемъ случаѣ главное зло, особенно въ области философскихъ взглядовъ, происходитъ отъ нелѣпаго, вовсе безсодержательнаго понятія объ «общечеловѣческости», измышленной Германскими философами, — какъ будто, то есть, люди, независимо отъ національныхъ особенностей, имѣютъ что нибудь общее, кромѣ динамизма разумной души и стихій тѣлеснаго состава, Наша жизнь, съ первыхъ дней рожденія, начинаетъ оцвѣчиваться домашними своими ограниченіями, а потомъ возрастаетъ подъ домашними религіозно-политическими законами. Гдѣ тутъ искать общечеловѣческости? и если бы мы нашли ее, какое она укажетъ намъ содержаніе дѣятельности? Какъ для моего тѣла прямо здорова и питательна та пища, на которой я выросъ; такъ и для моей души истинно полезны тѣ религіозно-политическія понятія, которыя стихійно вошли въ нравственный мой организмъ и сплоили меня съ обществомъ. И такъ высшею критикою синтетическихъ построеній долженъ быть не теоретическій умъ Канта, который самъ имѣетъ нужду подлежать критикѣ, а религіозно-политическія начала страны, для которой синтезъ строитъ свои системы; и это — единственное «общечеловѣческое» правило! Выше такой критики стоитъ только критика Промысла, благодатно зиждущая церковь, милосердо умудряющая царей и премудро ведущая царства путями для насъ недовѣдомыми.

Необходимая совмѣстность методъ аналитической и синтетической въ систематическомъ цѣломъ.

§ 117.

Сколь ни противоположными кажутся методы аналитическая и синтетическая по исходнымъ ихъ точкамъ и направленіямъ; но нельзя представить себѣ никакой системы, въ развитіи которой не участвовала бы та и другая метода, равно какъ нельзя представить, чтобы одна изъ нихъ могла совершить свое поприще безъ помощи другой.

1) Аналитическая метода сама по себѣ не въ состояніи развить цѣлое, и при развитіи его всегда предполагаетъ синтезъ или

мысль о цѣломъ. Она отъ явленій восходитъ къ общему: но чего хочетъ отъ общаго? — Конечно того, чтобы въ немъ найти законъ рожденія частностей, слѣдовательно въ общемъ ищетъ основанія, котораго хотя сама по себѣ и не находитъ, однакожъ даетъ замѣтить, что оно, таясь въ человѣческомъ духѣ, имѣетъ вліяніе на ея дѣятельность и окрыляетъ ея наведеніе. Въ противномъ случаѣ духъ нашъ, подобно животному, щиплющему траву, принималъ бы только настоящее и не думалъ больше ни о чемъ. При томъ, анализъ обыкновенно расчленяетъ явленія, то есть, ищетъ частей. Но чтобы попасть на части, онъ долженъ угадать ихъ значеніе и отличить одну отъ другой по существу цѣлаго. Слѣдовательно, имѣя дѣло съ частями, ему необходимо предположить цѣлое: а это — актъ синтетическій; потому что существенное измѣряется только ограниченіями основанія. Замѣтимъ еще, что данная матерія чувства въ анализѣ переработывается и превращается въ понятія: причемъ случайное отдѣляется, а постоянное остается въ понятіи. Но анализъ, самъ по себѣ, не въ состояніи отличить постоянное отъ случайнаго: существенное является только по синтетическому предположенію человѣческаго духа. Такое содѣйствіе синтеза анализу усматривается во всѣхъ аналитическихъ наукахъ: послѣдній въ нихъ идетъ впередъ только при помощи перваго. Въ задачахъ Геометріи члены отдѣляются одинъ отъ другаго аналитически; но средства этого отдѣленія берутся изъ всеобщаго закона происхожденія чиселъ, слѣдовательно синтетически. Физика расширяется наведеніемъ и анализомъ; но полнотою своей теоріи она бываетъ обязана математическому синтезу. Астрономія въ системѣ Коперника выводитъ явленія аналитически, но соединяетъ ихъ именно въ систему и указываетъ имъ мѣсто въ ней посредствомъ синтеза. Физіологію на поприще органической Анатоміи ведетъ анализъ; но построеніе животнаго процесса изъ отдѣльныхъ данныхъ и взаимодѣйствіе частей въ цѣломъ указываетъ ей синтезъ. Естественная исторія постепенно болѣе и болѣе обогащается открытіями — при помощи анализа, но устанавливаетъ классификацію своихъ экземпляровъ — синтетически. Тоже самое сочетаніе методъ

замѣчается и въ дѣлахъ жизни практической. Ремесленнику предлагаютъ работу и объясняютъ, какъ онъ долженъ произвесть ее: это — анализъ; но когда показываютъ ему рисунокъ, тогда вводится въ дѣло синтезъ. Я иду прогуляться: это — анализъ; но при томъ имѣю намѣреніе навѣстить больнаго моего друга: это — синтезъ. Дитя, учась читать, начинаетъ различеніемъ и складываніемъ буквъ:—это анализъ; но какъ скоро въ своихъ складахъ оно открываетъ какое нибудь цѣлое, знакомое ему слово, то это бываетъ уже синтетически. Вообще, — анализъ столь же трудно представить себѣ безъ синтеза, сколь странно было бы употреблять средства безъ цѣли, или совершать дѣйствія безъ причины.

2) Равнымъ образомъ и одна синтетическая метода сама по себѣ ничего не сдѣлаетъ безъ методы аналитической. Весьма необходимо имѣть идею предмета и твердо положить основаніе для познанія или произведенія его; ибо подъ этимъ только условіемъ человѣкъ будетъ дѣйствовать отчетливо и успѣшно: не приготовивъ сѣмени, не возрастишь организма; не зная правила, не разовьешь его правильно. Но какъ много высокихъ идей и прекрасныхъ началъ гибнетъ только отъ недостатка матеріальныхъ средствъ и благопріятныхъ обстоятельствъ для осуществленія ихъ! Какъ много гаснетъ огней, можетъ быть, въ драгоцѣнныхъ лампадахъ, единственно отъ скудости елея! Представимъ себѣ даровитаго юношу, который, не получивъ достаточнаго запаса аналитическихъ познаній въ низшихъ и среднихъ школахъ, синтетически воспитывается въ высшей. Что такое — онъ, какъ не корабль безъ балласта, окрыленный всѣми парусами? Эти паруса — синтетическое развитіе духа, не бременѣющаго аналитически пріобрѣтаемыми познаніями, составляютъ его гибель; и если буря не сорветъ его съ якоря, то развѣ потому, что аналитическій грузъ опыта осадитъ его глубже въ его стихію. Синтезъ по природѣ стремится производить и построять, какъ теплотворъ — согрѣвать и образовать органическія формы. Но если для его построеній анализъ не представляетъ ему полезныхъ матеріаловъ въ области познанія; то стремленіе его либо ослабѣваетъ и глохнетъ, либо ищетъ себѣ пища тамъ, гдѣ не нужно

знать, а только чувствовать. Не меньшимъ зломъ въ этомъ случаѣ бываетъ и то, что, напрасно ища матеріальныхъ средствъ для удовлетворенія синтетическому своему стремленію, онъ привыкаетъ жить въ радужномъ чертогѣ фантазіи и изъ мечтательныхъ ея образовъ построяетъ столь же мечтательный храмъ собственной мудрости: ибо мечтать есть не иное что, какъ синтетически созидать предметъ въ области воображенія, не обогащенной аналитическими понятіями для его построенія. Можетъ быть, на этомъ основаніи многіе полагаютъ, что философы, какъ естественные синтетики, всегда бываютъ самомнительны. Но не принимая на себя обязанности защищать философовъ, мы считаемъ долгомъ оправдать только философію. Слѣдуя въ своемъ развитіи обыкновенно предначертаніямъ методы синтетической, эта наука, понимаемая въ истинномъ ея значеніи, никогда не чуждается анализа, а напротивъ необходимо требуетъ его, какъ неизбѣжнаго условія построенія системы. Мы уже замѣтили выше (§ 116), что метода синтетическая иначе не можетъ положить какое нибудь реальное основаніе, какъ выразивъ его въ общей формѣ сужденія, найденной чрезъ наведеніе. Слѣдовательно участіе наведенія, то есть, участіе опытныхъ познаній въ развитіи философіи, и на этомъ первомъ шагу почитается существеннымъ. Но потомъ — что такое былъ бы силлогизмъ безъ подведенія или второй посылки? и откуда взяли бы мы вторую посылку, если бы она не входила въ наше сознаніе, какъ фактъ опыта? И такъ въ философіи все матеріальное принадлежитъ анализу и необходимо требуется какъ содержаніе системы; синтезу же система ея обязана только построеніемъ, или гармоніею, зависимостію и связностію частей. Слѣдовательно философія стремится къ своей цѣли, не только окрыленная идеею, но и бременѣющая разнородными познаніями, а съ этимъ бременемъ ей — не до мечты воображенія.

Такимъ образомъ методы — аналитическая и синтетическая различаются только исходною точкою и направленіемъ, а въ своемъ развитіи требуютъ одна другой. Анализъ безъ синтеза вѣчно оставался бы на поверхности явленій; а синтезъ безъ анализа всегда скрывался бы въ безпочвенной идеѣ. Синтезъ и ана-

лизъ вызываются одинъ другимъ, и оба вмѣстѣ, какъ вдыханіе и выдыханіе, составляютъ жизнь науки.

Общій чертежъ методическаго расчлененія системы.

§ 118.

Полагая теперь, что разсудокъ нашъ, посредствомъ двухъ показанныхъ методъ, можетъ въ совершенствѣ управлять ходомъ мыслей, мы должны приложить эти способы къ построенію системы. Для сей цѣли представимъ, что матеріальное и идеальное ея условіе имѣютъ у насъ значеніе алгебрической величины, подъ которою, то есть, разумѣется какая угодно матерія и идея. Явно, что въ этомъ случаѣ намъ остается только найти общее уравненіе, которымъ выражались бы всѣ возможныя формы отношенія тѣхъ условій, или — показать такой чертежъ системы, который могъ бы служить логическою программою для вѣхъ возможныхъ систематическихъ построеній. Такъ какъ здѣсь подлежащее вопроса есть система, или цѣлое; то составленіе подобной программы не должно затруднить насъ—по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, съ чего начать это дѣло: цѣлое необходимо начинается съ цѣлаго и идетъ къ частямъ, слѣдовательно на поприще дѣятельности прежде всего вызываетъ методу синтетическую. Но синтезъ, выходя изъ идеи, сперва, какъ мы видѣли (§ 116), воспроизводитъ ее въ понятіи, потомъ выражаетъ основаніемъ и здѣсь, встрѣчаясь съ анализомъ и наведеніемъ, открывающимъ ему болѣе или менѣе обширное поле познаній объ извѣстномъ предметѣ, сперва группируетъ эти познанія, потомъ, съ помощію анализа, разсматриваетъ отдѣльно каждую группу ихъ. Два послѣднія дѣйствія, очевидно, только еще предполагаются, слѣдовательно берутся аналитически; но мы не замедлимъ открыть ихъ происхожденіе въ синтезѣ двухъ первыхъ ([96]).

([96]) То, что говорено было объ образованіи понятія (§ 45), ни мало не противорѣчитъ настоящему происхожденію его. Напротивъ, идеальнымъ взглядомъ еще болѣе проясняется эмпирическая сторона его образованія. Представленіе

Выводимое изъ идеи понятіе предмета есть не иное что, какъ таже самая идея, являющаяся въ формахъ пространства и времени: это — сѣмя будущаго организма, подчиняемое законамъ прозябенія, или полагаемое въ климатическія и почвенныя условія. Идеи, какъ мы уже замѣтили (§ 116), нельзя раждать намѣренно, или придумывать сознательно; она является въ сознаніи, бывъ возбуждена въ душѣ обстоятельствами и приpаженіями жизни человѣка: и оттуда —первая мысль разсудка, первое чувствованіе сердца, первое движеніе воли, словомъ, — первое реальное понятіе въ особности умственной, нравственной либо эстетической. И такъ, если мы хотимъ идею какого нибудь предмета развить въ систематическое цѣлое, то прежде всего должны ограничить понятіе о немъ, то есть, показать, какими чертами отдѣляемъ его отъ другихъ предметовъ и въ какомъ принимаемъ его значеніи. Такое ограниченіе понятія въ системѣ называется *опредѣленіемъ* ея темы.

Въ опредѣленіи понятія о предметѣ высказывается требованіе идеи, всегда зависящее отъ того, чѣмъ она возбуждена (§ 112). Это требованіе, какъ необходимый отголосокъ впечатлѣній одного и того же рода, оттѣнившихъ идею какими нибудь особенностями, стремится, при взглядѣ на предметъ, выразиться въ немъ общимъ положеніемъ или правиломъ, обыкновенно опредѣляющимъ образъ мыслей человѣка о томъ предметѣ. Такое положеніе мы назвали основаніемъ силлогизма (§ 116). Но когда дѣло

предмета, полученное путемъ чувственнаго усмотрѣнія, потому только можетъ держаться въ формахъ пространства и времени, что оживляется идеею; равно какъ идея единственно въ представленіи находитъ условіе формальнаго своего развитія. Поэтому, когда мы говоримъ, что понятіе образуется чрезъ сравненіе извѣстнаго представленія съ другими по какимъ нибудь признакамъ; то этимъ указываемъ именно на приpаженіе идеи, заключающейся въ представленіи, къ другимъ представленіямъ, чрезъ что она входитъ въ сознаніе уже въ значеніи мысли или понятія. И такъ прежде мы смотрѣли на понятіе со стороны признаковъ, изъ которыхъ оно составляется; а теперь на тоже самое понятіе смотримъ со стороны идеи, которой оно служитъ вегикуломъ. Понятія нельзя образовать, не ограничивая живущей въ немъ идеи; и идеи нельзя ограничивать, не образуя понятія.

идетъ о цѣломъ рядѣ силлогизмовъ, когда на этомъ основаніи надобно построить полную систему знаній извѣстнаго рода; тогда оно, очевидно, должно быть уже основаніемъ всѣхъ содержащихся подъ нимъ основаній, правиломъ всѣхъ подчиненныхъ ему правилъ, и потому получаетъ значеніе *начала* науки.

Въ основаніи, которое само по себѣ есть выраженіе необходимаго требованія идеи, мы видимъ сперва только реальную сторону начала и знаемъ, что оно получаетъ значеніе основанія формально общаго единственно чрезъ встрѣчу съ фактами наведенія. Явно, что въ этомъ случаѣ реальность его должна быть единицею, стремящеюся воспроизвесть всю себя во множествѣ встрѣчающихся съ нею фактовъ опыта, или всецѣло выразиться въ разнообразіи относящихся къ предмету познаній. Но когда единица должна бываетъ войти во многое, тогда необходимо происходитъ движеніе, слѣдованіе, преемство, исчисленіе, поступленіе отъ одного факта къ другому, даже пріисканіе ихъ, если нѣкоторыхъ недостаетъ, или устраненіе, какъ скоро иные несогласны съ духомъ положеннаго начала. Очевидно, что такимъ образомъ многое, ставъ содержаніемъ реальнаго цѣлаго, разложится на части, и начало системы сдѣлается основаніемъ ея *дѣленія*.

На каждую часть раздѣленнаго содержанія системы должно смотрѣть, какъ на изслѣдованіе особой стороны предмета, имѣющее цѣлію показать, что эта сторона его дѣйствительно согласна съ общимъ началомъ систематическаго его построенія и составляетъ одно цѣлое со всѣми другими его сторонами. Слѣдовательно каждая часть системы есть отдѣльный актъ подведенія познаній извѣстнаго рода подъ ея начало, чтобы вывесть изъ него отдѣльное заключеніе о сущности предмета. Всѣ такія заключенія, выводимыя обыкновенно силлогистически, вмѣстѣ съ своими посылками, составляютъ въ системѣ сумму *доказательствъ*.

И такъ всякое, систематически излагаемое ученіе должно быть очертано опредѣленіемъ предмета, утверждаться на извѣстномъ началѣ, дѣлиться на извѣстное число частей и въ каждой своей

части раскрываться посредствомъ достаточныхъ доказательствъ. Разсмотримъ, каковы должны быть эти члены систематическаго построенія.

Опредѣленіе премета въ системѣ.

§ 119.

Опредѣленіе предмета есть ограниченіе понятія о немъ съ цѣлію — показать отличіе его отъ другихъ предметовъ, или устранить всякій поводъ смѣшенія его съ ними. Слѣдовательно, опредѣляя предметъ, разсудокъ какъ бы ходитъ вокругъ него и постепенно приписываетъ ему такіе признаки, по которымъ онъ— не то, что всѣ смежныя съ нимъ или соприкосновенныя ему вещи. Значитъ, опредѣленіе, по формѣ, есть сужденіе; но отъ послѣдняго оно отличается особенностями матеріи, ибо судитъ не о существѣ понятія, а объ отличіи его отъ другихъ, ближайшихъ къ нему понимаемыхъ вещей. По сему, кто опредѣляетъ что нибудь, отъ того требуется: во первыхъ— указаніе на ближайшее высшее понятіе, въ которомъ содержится его опредѣляемое, какъ въ непосредственномъ своемъ объемѣ; во вторыхъ— исчисленіе примѣтъ, помощію которыхъ можно отличить его отъ другихъ понятій, находящихся въ той же самой сферѣ. Слѣдовательно, требуются — во первыхъ *признакъ родовой,* — во вторыхъ *отличія видовыя.* Только выполненіемъ этого требованія можетъ быть устраненъ поводъ къ недоумѣніямъ и спорамъ, которые возникаютъ большею частію отъ того, что одно и тоже понятіе берется либо не въ одинаковой обширности, либо не въ одинаковомъ значеніи въ отношеніи къ другимъ однороднымъ съ нимъ понятіямъ. Отсюда вытекаетъ слѣдующія правила составленія опредѣленій:

1) Опредѣленіе должно быть *равно* (definitio adaequata) *своему опредѣляемому,* то есть, предѣлы, которыми описывается понятіе, не должны быть ни шире, ни тѣснѣе того самаго понятія. Они распространяются *болѣе надлежащаго* (definitio latior suo definito), если въ сферу опредѣляемаго вносятся предметы, къ ней

не принадлежащіе, или объемомъ понятія, кромѣ его содержанія, захватывается еще нѣчто, относящееся къ другимъ объемамъ. Напримѣръ, опредѣленіемъ: «человѣкъ есть существо, одаренное разумомъ и волею» объемлется природа нетолько человѣка, но и другихъ разумно-свободныхъ существъ. По этому оно – обширнѣе своего опредѣляемаго. Но когда понятіе ограничивается такимъ высшимъ понятіемъ, которое не вмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ однородныхъ съ нимъ видовъ, или всѣхъ имѣющихся въ немъ свойствъ; тогда опредѣленіе распространяется *менѣе надлежащаго* (definitio angustior suo definito). Напримѣръ, кто сказалъ бы, что человѣкъ есть существо, одаренное образованнымъ умомъ и доброю волею; тотъ своего опредѣленія не могъ бы приложить къ каждому человѣку.

2) Опредѣленіе можетъ ограничить понятіе столькими сказуемыми, сколько въ извѣстномъ родѣ представляется видовъ, отъ которыхъ надобно отличить его. Но оно должно имѣть въ виду признаки не существенные, а *существенно отличающіе* опредѣляемый предметъ отъ другихъ однородныхъ съ нимъ вещей. Понятіе, по его существу, становясь подлежащимъ опредѣленія, какъ бы еще сокрыто въ нѣдрѣ идеи, и только ожидаетъ своего развитія въ предполагаемомъ ходѣ системы. Все, что высказывается въ опредѣленіи, обыкновенно бываетъ относительное, чѣмъ вопросъ о самостоятельномъ бытіи опредѣляемаго рѣшенъ быть не можетъ, какъ нельзя рѣшительно утверждать о богатствѣ человѣка по богатой обстановкѣ его жизни. Этимъ достаточно устраняется недоумѣніе, — не лучше ли опредѣленіемъ оканчивать систему, чѣмъ начинать ее. Если предметъ развивается синтетически — изъ идеи; то опредѣлить его надобно въ началѣ системы, въ концѣ же систематическое изслѣдованіе заключить *результатомъ*, который тогда будетъ показателемъ не относительнаго, а самостоятельнаго значенія вещи, хотя выразится также въ формѣ опредѣленія. Напротивъ, когда въ изслѣдованіи предмета мы идемъ аналитически — отъ явленій и частностей; тогда въ началѣ труда опредѣленіе было бы не только неумѣстно, даже невозможно. Въ этомъ случаѣ оно должно быть заключе-

ніемъ изслѣдованія и, имѣя форму результата, то есть, опредѣляя предметъ какъ будто въ самостоятельномъ его бытіи, по матеріи не восходитъ выше опредѣленія, показывающаго относительное значеніе его свойствъ, и потому называется *понятіемъ* (notio), составляющимъ предѣлъ анализа, но не заключающимъ въ себѣ реальности понятія синтетическаго (conceptus).

3) Въ связи съ правиломъ о потребности признаковъ, существенно отличающихъ опредѣляемое отъ другихъ вещей, стоитъ и то, что опредѣленіе своимъ образованіемъ *не должно описывать круга.* Логическимъ кругомъ, или логически круговымъ опредѣленіемъ, называется такое положеніе, въ которомъ смыслъ подлежащаго опредѣляется сказуемымъ, а смыслъ сказуемаго, на оборотъ, опирается на подлежащемъ; и потому истинное значеніе положенія, замыкаясь въ немъ самомъ, не выступаетъ наружу и не даетъ ни какого познанія. Таково, напримѣръ, круговое опредѣленіе человѣка: человѣкъ есть существо, по тѣлу и душѣ одаренное человѣческими свойствами. Такъ бываетъ и въ жизни практической, когда два дѣятеля, ссылаясь другъ на друга, оба ничего не дѣлаютъ. Для избѣжанія этой погрѣшности при опредѣленіи, надобно имѣть въ виду именно то, что положено выше, то есть,—въ сказуемомъ опредѣленія поставлять такое понятіе, которымъ выражалось бы существенное отличіе опредѣляемаго отъ однородной съ нимъ вещи. А подобныя понятія, какъ мы видѣли прежде (§ 46), въ опредѣляемомъ бываютъ частными его ограниченіями и цѣлому его составу равносильны быть не могутъ. По этому, какъ скоро въ опредѣленіи сказуемое есть частная черта подлежащаго, показывающая не существо его, а существенное отличіе отъ однороднаго съ нимъ предмета, — опредѣленіе — уже не въ логическомъ кругѣ. Согласно съ этимъ, выше приведенное круговое опредѣленіе человѣка надобно исправить такъ: человѣкъ есть существо, одаренное, по тѣлу, свойствами животными, а по душѣ — Богоподобными.

4) Кромѣ сего, объ опредѣленіи надлежитъ сказать еще то, что въ своемъ мѣстѣ сказано было о посылкахъ силлогизма (§ 85), что, то есть, оно *не должно состоять изъ однѣхъ примѣтъ отри-*

цательныхъ; потому что сказуемое, относящееся къ подлежащему отрицательно, нисколько не опредѣляетъ его. Единственный случай, по самой необходимости допускающій опредѣленіе отрицательное, есть тотъ, когда надобно опредѣлять Существо безконечное. Но и тутъ, — такъ какъ необходимость допускать Его положена въ насъ — существахъ конечно-безконечныхъ, — мы, какъ бы въ зерцалѣ идеи безконечнаго, сперва положительно опредѣляемъ самихъ себя, а потомъ собственныя свойства анагогически приписываемъ Существу безконечному. Изъ этого явствуетъ, что по видимому самое высокое наше стремленіе опредѣлить идею ума, чтобы понять ея Прототипъ, есть самое поразительное доказательство нашей слабости: мы умственно не можемъ понять Безконечнаго, не опредѣляя его идеи; — и однакожъ, чѣмъ больше опредѣляемъ идею, тѣмъ дальше становимся отъ Безконечнаго.

5) Наконецъ, такъ какъ опредѣленіе есть внѣшнее выраженіе реальнаго понятія о предметѣ; а реальнымъ понятіемъ непосредственно обнаруживается идея; то въ этой области высшихъ родовъ (§ 112) опредѣляемое не можетъ находиться въ многочисленныхъ отношеніяхъ и отъ того по необходимости *должно быть кратко.* Краткости требуетъ отъ него и самая метода систематическаго построенія, по которой первыя положенія науки должны, сколько можно болѣе, отражать въ себѣ простоту идеи и, раждаясь изъ нея одни за другими, только мало по малу развѣтвляться въ своемъ содержаніи. Вообще замѣчается, что кто живѣе проникнутъ идеею предмета, тотъ яснѣе понимаетъ его; а кто яснѣе понимаетъ предметъ, тотъ короче опредѣляетъ его и точнѣе выражаетъ. Опредѣленіе, въ этомъ отношеніи наилучшее, *было бы* то, въ которомъ нельзя ни изгладить, ни измѣнить ни одного понятія. Науки, развивающіяся по методѣ синтетической, относительно къ опредѣленію, имѣютъ важное преимущество предъ опытными. Изучая предметъ въ явленіяхъ, можно также приходить къ опредѣленію его; но опредѣленіе, составляемое опытомъ, есть только *описаніе,* которое характеризуется во первыхъ тѣмъ, что, не имѣя основанія отличить существенные при-

знаки отъ случайныхъ, даетъ въ себѣ мѣсто постоянному и преходящему, слѣдовательно не въ состояніи бываетъ сохранить краткость, — во вторыхъ тѣмъ, что, вслѣдъ за новыми наблюденіями надъ предметомъ, можетъ быть пополняемо новыми чертами и измѣнять свое содержаніе, слѣдовательно никогда не достигаетъ совершенной точности. При томъ, основываясь на анализѣ, оно необходимо предполагаетъ изъясненіе или толкованіе предмета, тогда какъ опредѣленіе, управляемое синтезомъ, всю свою отчетливость сосредоточиваетъ въ реальномъ понятіи о предметѣ. И такъ на опредѣленіе можно смотрѣть, какъ на синтетическое описаніе, а на описаніе, — какъ на аналитическое опредѣленіе.

Начало систематическаго построенія

§ 120.

Опредѣливъ предметъ изслѣдованія, чтобы не примѣшать къ нему ничего чуждаго, мы потомъ естественно спрашиваемъ себя, съ чего начать развитіе познаній о томъ предметѣ, какую мысль положить во главѣ всей преднамѣреваемой системы. Это значитъ, мы поднимаемъ вопросъ о началѣ систематическаго построенія науки. ***Начало*** въ системѣ есть первая истина, изъ которой непосредственно и посредственно вытекаютъ всѣ, относящіяся къ данному предмету познанія, и которая потому служитъ общею ихъ основою. Найти такую истину есть дѣло великой важности.

Если начало въ ряду познаній надобно почитать первою истиною; то оно должно быть таково—или въ отношеніи ко всѣмъ возможнымъ познаніямъ въ области умственной дѣятельности человѣка, или только въ отношеніи къ извѣстному роду ихъ. Въ первомъ случаѣ Логика называетъ его началомъ *самостоятельнымъ* или *безусловнымъ*, а въ послѣднемъ оно носитъ имя начала *относительнаго* или *условнаго*. Начало самостоятельное или безусловное, очевидно, ничѣмъ не можетъ быть доказываемо и ни откуда не выводится, но должно быть извѣстно непосредственно

и имѣть авторитетъ истины несомнѣнной для всѣхъ разумныхъ существъ. Напротивъ, начало относительное или условное либо выводится изъ условій человѣческаго бытія, либо заимствуется изъ какой нибудь высшей области знанія. Перваго рода началъ ищетъ и полагаетъ ихъ въ основаніе своихъ системъ Философія; а послѣднія избираются и служатъ опорою теорій, развиваемыхъ всѣми другими, синтетически построяемыми науками.

Философія разсматриваетъ сущее въ полномъ его составѣ и гармоніи, а потому должна найти начало всѣхъ познаній о сущемъ и, выводя изъ него истины частныя, указать въ нихъ основоположенія для другихъ наукъ. Въ какой степени философы достигали этой цѣли, — открываетъ Исторія Философіи. Каждому изъ нихъ казалось, что за начало своей системы онъ принимаетъ безуловную истину, и каждый старался послѣдовательно и связно построить на ней цѣлое. Но безусловныя начала ихъ системъ почти всегда условливались личнымъ горизонтомъ созерцанія и частнымъ хроматизмомъ идей, а отъ того построенія ихъ почти всегда походили на что-то калейдоскопическое; такъ что Философія въ нихъ зависѣла отъ философовъ, а философы — отъ умственныхъ, нравственныхъ и эстетическихъ предрасположеній, скрывавшихся за положенными въ системѣ началами. Мыслители были твердо убѣждены, что основныя истины ихъ ученія не подлежатъ никакому сомнѣнію и имѣютъ право на всеобщее согласіе, сами не замѣчая, что собственное ихъ убѣжденіе проистекало отынуды, изъ за-предѣловъ науки и, сдѣлавшись предзанятымъ началомъ, оттѣнило ихъ идею и управляло ея развитіемъ. Что значитъ при этомъ самое начало? — не болѣе, какъ отголосокъ извѣстнымъ образомъ оцвѣченной идеи, veritas non demonstrabilis, sed monstranda, необходимо навязывающійся сознанію *постулятъ ума*. Люди, по временамъ, то сильно возставали противъ Философіи, то упорно защищали ее: но и возставаніе и защита были равно странны. Одни досадовали на пыль, забывая, что она поднимается вѣтромъ; а другіе, утверждая, что солнце свѣтитъ, указывали на закрывающія его облака. Постулятъ ума не требуетъ доказательствъ; а если мы хотимъ, чтобы онъ направлялся ко благу

общества, то должны оцвѣтить его религіозными и гражданскими условіями общественной нашей жизни.

Начала относительныя или условныя, сказали мы, полагаются въ основаніе такихъ системъ, въ которыхъ построяются познанія, принадлежащія къ частной области бытія, и служатъ матеріею науки спеціальной. Понимая ихъ такимъ образомъ, надобно замѣтить, что начало *условное* — не одно и тоже съ *относительнымъ*. Первое есть такая истина, которая, будучи полагаема въ основаніе всѣхъ другихъ познаній извѣстнаго рода, сама не имѣетъ нужды въ доказательствахъ и матеріально ни изъ чего не выводится, однакожъ возможна не иначе, какъ подъ временными и пространственными условіями дѣятельности разсудка, и въ нихъ почерпаетъ свое содержаніе. Напротивъ, послѣднимъ должно почитать такое положеніе, которое, служа основаніемъ всѣхъ другихъ познаній спеціальной науки, само имѣетъ нужду въ основаніи и, развиваясь также въ формахъ пространства и времени, по матеріи опирается на началѣ высшемъ и заимствуется изъ области наукъ философскихъ. Начало условное свойственно математикѣ и называется *аксіомою*; а подъ именемъ начала относительнаго мы разумѣемъ основоположеніе всякой другой частной синтетической науки, и усвояемъ ему имя *теоремы*.

Въ области наукъ не проявлялось ошибки грубѣе той, что аксіомы принимаемы были за начала познаній всякаго рода и нерѣдко полагались въ основаніе даже цѣлыхъ философскихъ системъ. Это значило — тяжесть измѣрять линейною единицею, или напряженіе мысли опредѣлять движеніемъ часовой стрѣлки. Все хорошо на своемъ мѣстѣ. Аксіомы, какъ говорилъ уже и Аристотель, могутъ быть приведены къ формуламъ законовъ тожества и противорѣчія; а потому мы имѣемъ право смотрѣть на нихъ, какъ на сужденія аналитическія и на простыя отвлеченныя положенія, служащія результатомъ разложенія готовой въ умѣ мысли и необогащающія насъ никакимъ новымъ познаніемъ. Такъ, напримѣръ, аксіома: «цѣлое равно суммѣ своихъ частей» есть не иное что, какъ анализъ подлежащаго «цѣлое», и выражаетъ не больше того, что я, и безъ этого сужденія, понимаю въ одномъ подлежа-

щемъ. Если же содержаніемъ аксіомы служитъ только пространственное и временное отношеніе понятій; то аксіома не можетъ выступить за предѣлы пространства и времени и служить началомъ такихъ познаній, которыя не измѣряются и не опредѣляются ими. Она есть коренное положеніе единственно въ сферѣ Математики; и если философскій синтезъ иногда даетъ ей мѣсто въ системѣ, то не какъ началу, а какъ общему сужденію, становящемуся годною формою реальнаго его основанія.

Теорема находится въ такомъ же отношеніи въ началу въ какомъ начало — къ идеѣ. А такъ какъ начала, то есть, положенія, не требующія доказательствъ, суть философскіе постуляты ума и математическія аксіомы разсудка; то изъ теоремъ однѣ относятся къ наукамъ, ищущимъ основанія въ Философіи, а другія— къ тѣмъ, которыя опираются на началахъ Математики. Общій характеръ ихъ состоитъ въ томъ, что онѣ, въ свою очередь, обосновываютъ прочія познанія и служатъ относительно главными положеніями такъ называемыхъ *теорій*. Само собою разумѣется, что чѣмъ ближе теорема къ ея началу, тѣмъ отчетливѣе должно быть ея развитіе; ибо подъ этимъ условіемъ яснѣе выражаются въ ней требованія ея начала и сознательнѣе выводятся изъ ней заключенія. Напротивъ, чѣмъ далѣе она отъ своей опоры, тѣмъ слабѣе поддерживается ею, и разсудку тѣмъ больше предстоитъ опасности отступить отъ принятаго взгляда на науку и запутаться въ противорѣчія. По этому-то иногда и сильные умы, вѣрно и послѣдовательно развивающіе науку въ общихъ ея выводахъ, при раскрытіи подробностей теоріи бываютъ несогласны сами съ собою: частности всегда труднѣе разбирать, чѣмъ общее.

Если же начало или теряется изъ виду, или вовсе не имѣлось въ виду, а между тѣмъ теорема есть и на ней надобно построить нѣчто цѣлое; то она уже лишается значенія теоремы и становится гипотезою или предположеніемъ. ***Гипотеза*** есть предположеніе, полагаемое съ тою цѣлію, чтобы чрезъ него можно было удобнѣе и естественнѣе объяснить какіе нибудь факты или явленія. Такъ, Коперникъ предположилъ движеніе земли вокругъ солнца—съ намѣреніемъ въ этой мысли найти основаніе для рѣшенія

всѣхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ явленіями солнечной системы. Поелику здѣсь дѣло идетъ о явленіяхъ и требуется подвесть ихъ подъ извѣстное основаніе; то явно, что чрезъ предположеніе разсудокъ долженъ идти уже аналитически и движеніе своего мышленія направлять къ тому, чтобы мысль гипотетическую ввести въ рядъ началъ и доставить ей значеніе истины аподиктической. Впрочемъ, въ области наукъ было много и такихъ предположеній, которыя не достигли своей цѣли, и потому либо вовсе оставлены, либо повторяются только исторически. Въ послѣднемъ случаѣ, бременя собою науку, они легко могутъ задерживить ея развитіе; а потому лучше оставлять ихъ и, для объясненія фактовъ опыта, искать другихъ предположеній, либо стараться тѣ самые факты выводить изъ какихъ нибудь несомнѣнныхъ основаній (97).

Дѣленіе системы.

§ 121.

Постулятъ ума въ Философіи и аксіома въ Математикѣ сходны въ томъ, что устанавливаютъ точку зрѣнія, съ которой предметъ долженъ быть разсматриваемъ, то есть, выражаясь общимъ положеніемъ, показываютъ, въ какой формѣ или подъ какимъ сказуемымъ должно быть развиваемо принятое значеніе понятія или подлежащаго (§ 60). Явно, что, чрезъ это, явленія становятся на видъ не безразлично, какъ бываетъ при аналитическомъ изслѣдованіи, но опредѣляется извѣстная сторона предмета и остается неизмѣнною представительницею цѣлаго во все продолженіе его развитія. Взятая такимъ образомъ точка зрѣнія на предметъ, какъ общее выраженіе начала, поставляющаго на первый

---

(97) Въ терминологію схоластической Логики входили еще: *королларіи,* или положенія, непосредственно вытекающія изъ другихъ, высшихъ положеній; *леммы,* или положенія, внесенныя въ извѣстную науку изъ другой науки, въ которой онѣ стоятъ въ ряду истинъ доказанныхъ, *схоліи,* или положенія боковыя, объясняющія только извѣстную мысль и имѣющія значеніе въ отношеніи къ ней одной.

планъ ту или другую его сторону, есть *основаніе дѣленія* системы. Но сказуемое во всякомъ основоположеніи, будучи объемомъ подлежащаго, замыкаетъ собою все его содержаніе. Подлежащее или понятіе, какъ первое ограниченіе идеи, есть реально полная мысль, конкретная сама въ себѣ, но разлагающаяся на множество признаковъ, какъ скоро въ формальной величинѣ сказуемаго встрѣчается съ наведеніемъ и подвергается дѣйствію анализа. Количество содержанія въ понятіи опредѣляется синтетически, потому что условливается его полнотою и цѣлостію; но что конкретное въ немъ расчленяется, — это происходитъ, очевидно, чрезъ анализъ. Отсюда — въ объемѣ начала являются въ опредѣленномъ количествѣ *члены дѣленія* системы. И такъ *дѣленіе* задуманнаго систематическаго цѣлаго есть расчлененіе матеріи понятія, производимое на основаніи положеннаго начала или съ установленой точки зрѣнія, и совершающееся въ его объемѣ. Вникая въ показанныя здѣсь условія дѣленія, мы находимъ, что оно, при всѣхъ случаяхъ своего образованія, должно опредѣляться слѣдующими правилами.

1) Всякое дѣленіе должно быть *равно* (divisio adaequata) *своему дѣлимому*, то есть, всѣ члены его, взятыя вмѣстѣ, не должны быть ни больше ни меньше цѣлаго. Если, при дѣленіи, въ число частей его входятъ и такія, какихъ аналитически нельзя найти въ понятіи о предметѣ; то дѣленіе бываетъ *больше дѣлимаго* (divisio latior suo diviso). Такъ, напримѣръ, въ понятіи тѣла, опредѣленнаго плоскостями, нѣтъ линій: по этому, кто, говоря о тѣлахъ, дѣлилъ бы ихъ на плоскостныя и линейныя; у того дѣленіе было бы больше дѣлимаго. Напротивъ, когда дѣленіемъ цѣлое не исчерпывается, то есть, когда, по выведеніи изъ него нѣкоторыхъ членовъ, въ немъ остаются еще другіе, какъ бы забытые; тогда дѣленіе бываетъ *меньше дѣлимаго* (divisio angustior suo diviso). Такъ, напримѣръ, если бы опредѣленія закона мы дѣлили на предписанія и запрещенія; то наше дѣленіе было бы тѣснѣе понятія о законѣ; потому что законъ не только предписываетъ и запрещаетъ, но и позволяетъ. Явно, что соблюденіе правила касательно равенства числа членовъ съ цѣлымъ зависитъ отъ понятія. Чѣмъ опредѣ-

леннѣе наше понятіе о предметѣ, тѣмъ вѣрнѣе въ этомъ отношеніи будетъ дѣленіе содержащейся въ немъ матеріи: потому что въ неопредѣленномъ нѣтъ цѣлости, а безъ представленія цѣлаго нельзя рѣшительно утверждать, что мы правильно дѣлимъ его на части и не упускаемъ изъ виду никоторой изъ нихъ. Отсюда происходитъ разностепенное достоинство дѣленій синтетическихъ и аналитическихъ. *Дѣленіе синтетическое* выводится изъ реальнаго понятія, за которое ручается идея предмета и которое, какъ найдено, развивается въ сказуемомъ положеннаго начала. Очевидно, что такимъ образомъ части отыскиваются въ готовомъ цѣломъ, и опредѣленностію послѣдняго оправдывается количество первыхъ. Равнымъ образомъ и *дѣленіе аналитическое* извлекаютъ изъ понятія; но за это понятіе ручается не идея предмета, а самый предметъ, сколько онъ сдѣлался доступнымъ анализу: — порука весьма недостаточная. Мы уже сказали выше (§ 115), что анализъ никогда не заканчиваетъ своего движенія, и чрезъ то, отъ времени до времени, пополняетъ понятіе о вещи разлагаемой. А доколѣ разложеніе ея продолжается, никакъ нельзя рѣшительно утверждать, что найденное число ея частей равно цѣлому, или что найденныя части раздѣлены дѣйствительно, какъ части.

2) Всякое дѣленіе должно держаться *одного основанія*, то есть, расчленять предметъ, смотря на него съ одной, опредѣляемой началомъ точки зрѣнія. Разсматриваніе дѣла съ различныхъ сторонъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отыскиваніе въ немъ различныхъ частей показывало бы, что мы производимъ дѣленіе не на основаніи, или что основаніемъ нашего дѣленія служитъ не начало, а понятіе. Положимъ, что писатель намѣренъ говорить о музыкѣ. Такъ какъ этотъ предметъ разносторонъ; то вдругъ представляется надобность въ опредѣленной точкѣ зрѣнія на музыку, — и онъ полагаетъ основаніе изслѣдованія, напримѣръ, такое: музыка смягчаетъ нравъ человѣка. Явно, что чрезъ это мысль о ней ограничивается извѣстнымъ горизонтомъ, за черту котораго выступать она не должна и только въ означенномъ объемѣ можетъ указывать части своего цѣлаго. Впрочемъ, правиломъ, требующимъ одного основанія при дѣленіи понятія о предметѣ, не отвергается

возможность всесторонняго разсматриванія предмета. Можно разсматривать дѣло со всѣхъ сторонъ, но только не вдругъ, а последовательно, и тогда мѣсто частей дѣленія заступаютъ эти самыя стороны и выводятся не изъ основанія, которое въ семъ случаѣ уже неумѣстно, а изъ понятія о предметѣ. Отсюда происходитъ опять новое различіе между дѣленіями. Если положено основаніе дѣленія; то въ немъ, какъ въ общемъ или родовомъ объемѣ, содержаніе подлежащаго разлагается на нѣсколько видовыхъ понятій. Эти понятія находятся между собою только въ формальномъ отношеніи и, формально же выводимыя изъ родоваго ихъ объема, становятся равною ему суммою членовъ дѣленія. Посему дѣленіе въ такомъ случаѣ является *формальнымъ* и называется собственно *дѣленіемъ* (divisio). Напримѣръ, людей можно дѣлить на породы: кавказскую, монгольскую, малайскую, еѳіопскую и американскую. Но когда основаніе дѣленія не положено,—мысль всей своей опоры естественно ищетъ въ содержаніи понятія и начинаетъ дѣлить его на признаки, или матеріальныя принадлежности. Чрезъ это дѣленіе оказывается *матеріальнымъ* и получаетъ значеніе *расчлененія* (partitio). Напримѣръ: человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла. Дѣленіе формальное устанавливается всегда синтетически и рѣдко имѣетъ больше четырехъ членовъ; напротивъ матеріальное составляется аналитически и рѣдко бываетъ малочленно.

3) Во всякомъ дѣленіи члены его должны быть *взаимно противуположны*, или мыслиться — одинъ внѣ другаго. Необходимость соблюдать это правило вытекаетъ изъ того, что дѣленіе должно утверждаться на основаніи; а основаніе заключается въ сказуемомъ основоположенія, въ которомъ, какъ въ объемѣ, содержаніе подлежащаго является въ значеніи понятій счиненныхъ (§ 57), слѣдовательно мыслимыхъ—каждое особо. Напримѣръ, треугольникъ можетъ быть или прямоугольный, или остроугольный, или тупоугольный. Погрѣшности противъ этого правила часто встрѣчаются въ дѣленіяхъ матеріальныхъ, которыя, какъ мы сказали, не утверждаются на основаніи, а выводятся прямо изъ понятія и состоятъ въ послѣдовательномъ пересмотрѣ сторонъ предмета. Въ

нихъ постановляются части изслѣдованія; по видимому, различныя: но какъ скоро, для повѣрки, мы начинаемъ мыслить ихъ въ какомъ нибудь общемъ объемѣ,—не рѣдко открывается, что онѣ совмѣщаются между собою, слѣдовательно не имѣютъ значенія отдѣльныхъ частей цѣлаго. Возмемъ, напримѣръ, положеніе: поступки людей или добры или полезны. Не трудно угадать, что въ общей формѣ человѣческой дѣятельности эти члены дѣленія суть понятія только разрозненныя, а не разъединенныя (прим. 63), слѣдовательно въ собственномъ смыслѣ не дѣлятъ поступковъ человѣка. А что ихъ надобно почитать понятіями разрозненными,—видно изъ того, что они стоятъ подъ разными точками зрѣнія на поступки, которые, по внутренней сторонѣ, бываютъ либо добры либо злы, а по внѣшней — либо полезны либо вредны. Итакъ, кто твердо держится принятой точки зрѣнія на предметъ и не смѣшиваетъ ее съ другою, то есть, не колеблется между основаніями; у того цѣлое всегда будетъ дѣлиться на части, мыслимыя—одна внѣ другой. Что же касается до дѣленій матеріальныхъ, то для возможнаго устраненія ихъ отъ погрѣшности противъ изложеннаго правила, надобно стараться, чтобы имъ всегда предшествовалъ подробный анализъ предмета и рѣзко обозначалъ существенныя разницы его сторонъ. Матеріальныя дѣленія и этимъ способомъ конечно не могутъ быть доведены до окончательнаго совершенства, по крайней мѣрѣ могутъ постепенно приближаться къ нему.

4) Наконецъ члены дѣленія должны *принадлежать къ одному порядку*, или, что тоже, —члены порядка высшаго не должны быть смѣшиваемы съ членами порядка низшаго. Это правило вытекаетъ изъ того, что въ сказуемомъ основоположенія, какъ родовой сферѣ подлежащаго, заключаются такія счиненныя видовыя понятія, которыя въ свою очередь служатъ объемами низшихъ, содержащихся въ нихъ видовъ. Отсюда на одномъ и томъ же основаніи возможно не только *дѣленіе* цѣлаго на части, но и *подраздѣленіе* каждой изъ частей на особыя, низшія части. Соображая такое соотношеніе стихій понятія въ сказуемомъ основоположенія, мы легко уразумѣемъ значеніе изложеннаго теперь правила.

Оно требуетъ, чтобы всѣ члены одного дѣленія были равностепенны, то есть, чтобы виды высшаго порядка не смѣшивались съ видами порядка низшаго, найденными чрезъ подраздѣленіе первыхъ, но слѣдовали сперва одни, потомъ другіе, къ нимъ ближайшіе; такъ чтобы каждая группа ихъ, выступающая изъ основанія въ формѣ дѣленія, не только состояла изъ сверстныхъ понятій, но и не предваряла другой, высшей группы. Въ противномъ случаѣ между рядами дѣленій и подраздѣленій потеряна была бы связь и произошелъ бы *скачокъ* (saltus s. hiatus). Если бы, напримѣръ, человѣческія жилища мы раздѣлили такъ: люди строятъ себѣ домы или каменные, или деревянные, или изъ хворосту, или изо льда; то наше дѣленіе было бы логичести не вѣрно; потому что домъ изъ хворосту есть подраздѣленіе дома деревяннаго. А если бы, различивъ въ природѣ человѣка душу и тѣло, мы потомъ науку о душѣ раздѣлили бы на ученіе объ умственной, нравственной и этетической дѣятельности души; то допустили бы скачокъ; потому что душа не можетъ быть основательно разсматриваема въ ея дѣятельности, пока не будетъ обстоятельно разсмотрѣна въ ея бытіи. При этомъ надобно замѣтить, что сколь бы ни послѣдовательно вытекали изъ основанія ряды подраздѣленій; но какъ скоро въ нихъ мы не соблюдемъ мѣры и вдадимся въ излишнія тонкости,—наша система превратится въ паутинную ткань, сдѣлается построеніемъ сухимъ, мелочнымъ и скучнымъ. Справедливость требуетъ, чтобы въ синтетическомъ развитіи цѣлаго господствовалъ снитезъ; а анализу, какъ слугѣ въ домѣ, не слѣдуетъ давать преобладанія.

Доказательства систематически излагаемаго ученія.

§ 122.

На опредѣленіе, начало и раздѣленіе можно смотрѣть только какъ на приготовительныя, хотя впрочемъ необходимыя мѣры для построенія системы. Если бы это построеніе было вещественнымъ; то, опредѣляя предметъ изслѣдованія, мы обозначили бы родъ зданія и мѣсто для него; говоря о началѣ системы,

положили бы фундаментъ, дающій знать о внѣшней величинѣ его; а устанавливая дѣленіе систематическаго цѣлаго, показали бы число и направленіе капитальныхъ линій, которыми должно опредѣляться внутреннее расположеніе нашей постройки. Послѣ сего оставалось бы только возводить зданіе. Въ Систематикѣ это называется раскрытіемъ или изложеніемъ доказательствъ. *Доказательство* есть рядъ тѣсно связанныхъ между собою и послѣдовательно идущихъ мыслей, утверждающійся на положенномъ началѣ и своимъ развитіемъ направляющійся къ осуществленію идеи построяемаго предмета. По смыслу этого понятія, для доказательства требуется — во первыхъ *употребленіе матеріаловъ* или пріобрѣтенныхъ познаній о предметѣ, во вторыхъ *приведеніе ихъ въ приличную форму* или соотношеніе, и въ третьихъ *сообщеніе имъ силы* чрезъ сродненіе въ нихъ начала системы съ цѣлію ея развитія. Съ этихъ трехъ сторонъ мы разсмотримъ свойства доказательствъ и потомъ заключимъ свое изслѣдованіе общими, опредѣляющими ихъ развитіе правилами.

1) Матеріалы построяемой системы, какъ уже извѣстно, суть опытныя и умственныя познанія о преметѣ. Имѣя въ виду это различіе источниковъ, изъ которыхъ они почерпаются, нѣкоторые излагатели Логики дѣлятъ и самыя доказательства также на *опытныя* и *умственныя*. Первыя, по ихъ мнѣнію, образуютъ рядъ познаній, заимствованныхъ изъ опыта; а послѣднія составляютъ порядокъ мыслей, продиктованныхъ умомъ. Тѣ суть доказательства, какъ говорятъ, à posteriori, а эти — à priori. Но мы въ своемъ мѣстѣ сказали (§ 38), что нетолько доказывать, даже вообще—мыслить либо только à priori, либо только à posteriori, для разсудка не возможно. Положимъ, что извѣстныя познанія получены нами чрезъ чувственное усмотрѣніе: но и то уже, что это — познанія, указываетъ на какую нибудь умственную ихъ опору, или по крайней мѣрѣ на логическія формы разсудка (§ 105); а входя въ составъ доказательства, они необходимо основываются на положенномъ началѣ и посредственно или непосредственно вытекаютъ изъ него въ видѣ слѣдствій, стало-быть, состоящее изъ нихъ доказательство должно получить уже харак-

теръ синтетическій и быть проникнуто идеею. Такъ, напримѣръ, опытное познаніе о формѣ земной тѣни во время лунныхъ затмѣній, входя въ теорію Математической Географіи, является уже выводомъ изъ понятія о шарообразности земли, и отъ начала науки получаетъ значеніе положенія, требуемаго умомъ. То же, только на оборотъ, должно сказать и о доказательствахъ умственныхъ. Состоя изъ познаній, не доступныхъ для чувства, эти доказательства должны однакожъ развиваться въ формѣ силлогистической. Но силлогистическая форма безъ подведенія была бы то же, что художникъ безъ матеріала; а матеріалъ или вторую посылку силлогизму доставляетъ большею частію опытъ — если не внѣшній, то внутренній. По этому доказательство умственное невозможно безъ помощи опыта. Что, кажется, умственнѣе онтологическаго доказательства бытія Божія?—но и въ немъ вторая посылка перваго силлогизма, именующая Бога существомъ совершеннѣйшимъ, есть фактъ внутренняго, общечеловѣческаго опыта ([98]). И такъ, смотря на доказательства съ матеріальной ихъ стороны, мы не находимъ никакого основанія дѣлить ихъ на опытныя и умственныя и, отвергая это дѣленіе, чрезъ то самое предотвращаемъ всѣ случаи *антиномическаго столкновенія доказательствъ*. Антиноміями называются такіе законы, изъ которыхъ заключеніе одного противорѣчитъ заключенію другаго о томъ же самомъ предметѣ. Въ Логикѣ подобныя противозаконія были бы неизбѣжны, если бы мы допустили возможность опытнаго дока-

---

([98]) Онтологическое доказательство бытія Божія есть непосредственный отголосокъ практической идеи Бога, отразившейся въ душѣ истиною и добромъ. Переходя въ условія мышленія, эта идея выражается онтологическимъ доказательствомъ и высказывается въ слѣдующихъ двухъ силлогизмахъ:

Существо совершеннѣйшее имѣетъ всѣ совершенства;
но Богъ есть существо совершеннѣйшее;
слѣд. Богъ имѣетъ всѣ совершенства.
Существо, имѣющее всѣ совершенства, имѣетъ и бытіе;
но Богъ имѣетъ всѣ совершенства;
слѣд. Богъ имѣетъ и бытіе (существуетъ).

зательства безъ участія ума, или умственнаго — безъ участія опыта; потому что вся логическая дѣятельность разсудка совершается въ формахъ пространства и времени, на развитіе которыхъ имѣетъ вліяніе и умъ — идеею безконечнаго, и чувство— усмотрѣніемъ конечностей (§ 19), и которыя отъ того съ одной стороны идутъ въ безпредѣльность, съ другой—размежовываются безчисленными предѣлами. Стало быть, нѣтъ ничего удивительнаго, если разсудокъ, слушаясь одного ума, будетъ доказывать, напримѣръ, что міръ и по пространству и по времени безконеченъ, а, слушаясь одного чувства, станетъ утверждать, что онъ и по времени имѣетъ начало, и по пространству ограниченъ. Подобныхъ противорѣчій не можетъ произойти только въ томъ случаѣ, когда умозрѣніе и опытъ будутъ доказывать — не каждый свое, а оба вмѣстѣ — общее, требуемое идеею предмета и полагаемое началомъ науки; только подъ этимъ условіемъ разсудокъ объ одномъ и томъ же станетъ мыслить одно и тоже, какъ мужеское и женское производятъ одинъ и тотъ же бытъ общества, положительное и отрицательное опредѣляютъ одно и тоже явленіе силы.

2) Форма системы, какъ было сказано (§ 113), устанавливается методою; а метода бываетъ или синтетическая, или аналитическая; посему и доказательства, съ формальной ихъ стороны, часто дѣлятъ на *синтетическія* и *аналитическія*. Но это дѣленіе доказательствъ столь же несообразно съ условіями систематическаго развитія предмета, какъ и предыдущее. Разсматривая его, мы съ перваго взгляда замѣчаемъ, что синтетическое доказательство безъ анализа доказываетъ, ничего не показывая, а аналитическое безъ синтеза показываетъ, ничего не доказывая. Синтезъ построяетъ одно на другомъ; а это и есть доказательство: но что, кромѣ анализа, можетъ объяснить намъ матерію построяемаго цѣлаго, чтобы доходило до очевидности, что она дѣйствительно такъ, а не иначе, должна быть построена? Вотъ почему система бываетъ тѣмъ темнѣе, чѣмъ исключительнѣе въ ней господство синтеза; такъ что, при совершенной его исключительности, доказательство, отъ темноты, ничего не доказываетъ.

Примѣровъ — множество въ области философіи, особенно германской. Съ другой стороны, анализъ раскрываетъ явленія; въ предѣлахъ его изслѣдованія все ясно и наружѣ: но что, кромѣ синтеза, можетъ указать намъ на причины раскрытыхъ явленій и опредѣлить значеніе ихъ въ цѣломъ, чтобы факты опыта получили достоинство познаній? Для доказанія ихъ, Химія идетъ въ лабораторію, Физика—въ кабинетъ, Зоологія — въ музей: но и тамъ все служитъ только къ объясненію и удовлетворяетъ однимъ чувствамъ; дѣйствительныя же доказательства, которыхъ ищутъ эти науки, скрываются въ математическомъ и философскомъ синтезѣ. Можетъ быть, именно недостаточностію синтеза безъ анализа и анализа безъ синтеза надобно объяснять многія неудачи и въ дѣлахъ жизни практической. Часто видишь и не понимаешь, какъ такой-то, очень умный человѣкъ могъ надѣлать столько нелѣпостей, или такой-то, довольно посредственный умъ способенъ былъ произвесть столь прекрасное дѣло. Но почему не являться этимъ несообразностямъ, если хорошему строителю приходится разлагать, или плохому разлагателю — построять? И такъ мы имѣемъ причины отвергать дѣленіе доказательствъ на синтетическія и аналитическія и, смотря на нихъ со стороны формы, основаніе для различенія ихъ находимъ въ самомъ способѣ логическаго построенія мыслей, или въ силлогизмѣ. Доказательство по формѣ есть не иное что, какъ рядъ силлогизмовъ, изъ которыхъ въ первомъ высшею посылкою бываетъ общее выраженіе самаго начала системы. Но силлогизмы обыкновенно дѣлятся на категорическія, раздѣлительныя и условныя (§ 92). Поэтому, если положимъ, что каждое доказательство состоитъ изъ силлогизмовъ однородныхъ; то каждое будетъ или категорическимъ, или раздѣлительнымъ, или условнымъ. Первое называется въ Логикѣ *прямымъ*, второе — *косвеннымъ*, третіе — *гипотетическимъ*.

а) Прямое доказательство есть то, которое вытекаетъ прямо, или непосредственно, изъ положеннаго начала и категорически идетъ къ своей цѣли. Ходъ его твердъ, потому что опирается на основаніи, и открытъ, потому что подведеніемъ посылокъ ясно

обозначаетъ свое направленіе. Это — выраженіе обязательной силы закона и логическое орудіе догматизма. Посему подобныя доказательства употребляются большею частію тамъ, гдѣ достоинство лицъ и авторитетъ истины не терпятъ логической изворотливости мыслей. Софистика, прикрывающая ложь покровомъ правды, не можетъ любить ихъ, и если пользуется ими, то не иначе, какъ поддѣлывая форму второй, подводимой посылки, подъ средній терминъ основанія (§ 91).

b) Косвенное доказательство есть то, которое, вращаясь въ сферѣ раздѣлительнаго силлогизма, доказываетъ истинность полагаемаго члена дѣленія чрезъ предположеніе мнимой истинности отрицаемаго (§ 95), слѣдовательно идетъ къ своей цѣли не изъ основанія, изъ котораго вытекаетъ членъ прямо полагаемый, а изъ ложности противнаго тому, что полагается, или, какъ говоритъ схоластическая Логика, ab absurdo. Значитъ, полагаемое оно скрѣпляетъ не внутренно, а внѣшно, доказывая, что противное ему невозможно. Пусть, напримѣръ, кто нибудь утверждалъ бы, что удовольствіе есть высшее благо человѣка. Намѣреваясь доказать противное, что высшее благо человѣка состоитъ въ отреченіи отъ удовольствій, мы могли бы употребить косвенно доказательство и вести его такъ: Удовольствіе въ самомъ дѣлѣ есть нѣчто вожделѣнное, потому что душа непрестанно жаждетъ его. Но непрестанная жажда души есть состояніе недовольства; а кто недоволенъ, тотъ страдаетъ. Стало быть, непрестанное стремленіе къ удовольствію есть непрестанное страданіе, отъ котораго человѣку естественно убѣгать. Но убѣгать отъ страданій невозможно, не отрекаясь отъ стремленія къ удовольствіямъ: слѣдовательно высшее благо человѣка состоитъ не въ удовольствіи, а въ отреченіи отъ удовольствій. Косвенное доказательство употребляется большею частію при методическомъ опроверженіи ложныхъ положеній; а какъ способъ доказыванія истины, оно — ниже доказательствъ прямыхъ, потому что не дѣлаетъ взгляда на внутреннее основаніе доказываемаго предмета и уже предполагаетъ его выведеннымъ изъ основанія.

c) Гипотетическое доказательство есть то, которое, подобно

прямому, извѣстную мысль утверждаетъ на основаніи, только вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ недоумѣніе касательно довлѣемости и извѣстности самаго основанія, и потому беретъ его условно или гипотетически, слѣдовательно основывается на гипотезѣ. Оно, соотвѣтственно правиламъ условнаго силлогизма (§ 94), можетъ быть развиваемо либо положительно, когда идетъ отъ основанія къ слѣдствію, либо отрицательно, когда направляется отъ слѣдствія къ основанію, и всегда выражаетъ недовѣрчивость доказывающаго къ собственному его образу мыслей. Напримѣръ: если справедливо, что производительная сила земли возбуждается вліяніемъ солнечнаго свѣта; то и органическая жизнь человѣка должна зависѣть отъ его же вліянія. Но какъ развитіе человѣческой мысли не сообразуется съ солнечными поворотами; то развивающаяся мысль, очевидно, не можетъ быть поставляема въ зависимость отъ производительной силы земли.

3) Сила доказательствъ не условливается ни матеріею ихъ, ни формою, но опредѣляется способностію доказывающаго — такъ располагать мысли и давать имъ такое направленіе, чтобы въ нихъ какъ бы искрилась идея предмета и навязчиво переливалась въ душу читателя или слушателя. Собственно говоря, Логика не можетъ дать правилъ для сообщенія доказательствамъ надлежащей силы: тутъ нужно условіе чисто подлежательное, нуженъ особенный даръ души говорить увлекательно, доказывать побѣдоносно. Для этого едва ли не больше требуется сердца и воли, чѣмъ сколько разсудка. Смотря на доказательство со стороны его силы, еще Цицеронъ сказалъ: nemo orator nisi vir bonus. Только тотъ въ состояніи сильно доказывать истинное и доброе, кто глубоко проникнутъ идеею истины и добра; хотя во всякомъ случаѣ справедливо, что выраженіе силы доказательства облегчается предварительнымъ умѣньемъ пользоваться матеріею, и—навыкомъ владѣть формами мышленія. Говоря о силѣ доказыванія, Логика издавна постановляетъ не важное, даже не совсѣмъ вѣрное различіе между доказательствомъ *истины для самой истины* (*κατ᾽ ἀλήθειαν*) и доказательствомъ *истины для человѣка* (*κατ᾽ ἄνθρωπον*). Первое доказываетъ истину всѣмъ людямъ, слѣдовательно утвер-

ждается на основаніи всеобщемъ и заимствуетъ его въ самой идеѣ предмета; а послѣднее имѣетъ въ виду убѣдить извѣстное лице или общество, и для того всеобщее основаніе истины оцвѣчиваетъ частнымъ понятіемъ о томъ лицѣ или обществѣ. Но, при такомъ различеніи доказательствъ, надобно допустить одно изъ двухъ: взглядъ человѣка, котораго слѣдуетъ убѣдить, или согласенъ со всеобщимъ началомъ истины, или не согласенъ. Если не согласенъ; то примѣняясь къ нему въ своемъ доказательствѣ, мы поставляемся въ необходимость жертвовать всеобщею истиною, то есть, доказательство употреблять, какъ орудіе лести и обмана. А когда согласенъ; то члены дѣленія доказательствъ, въ отношеніи къ силѣ ихъ, совпадаютъ одинъ съ другимъ, и показанное дѣленіе будетъ логически невѣрно; потому что, доказывая истину всеобщую, намъ ничто не помѣшаетъ доказывать ее примѣнительно къ понятіямъ, возрасту и полу человѣка; такъ что въ этомъ случаѣ всякое наше доказательство должно быть доказательствомъ *κατ' ἄνθρωπον*, и отъ такой приспособительности, нисколько не жертвуя всеобщею истиною, можетъ въ самомъ дѣлѣ пріобрѣтать великую силу. Чтобы вселить истину въ чью нибудь душу, иногда невѣжественную, одѣтую покровами страстей, чудовищныхъ представленій, предразсудковъ, и проч., при случаѣ нужно бываетъ маскировать ее; иначе эта уродливая стража души не пропуститъ истины. Когда же душа приметъ ее и восчувствуетъ сладость ея; тогда сама она сброситъ съ себя всѣ грязные свои покровы. Въ царствѣ разумно-свободной жизни истинное, доброе и прекрасное бываетъ непосредственнымъ плодомъ духовнаго расположенія, а не внѣшнихъ ограниченій.

Общими правилами, которыми опредѣляется матеріальное и формальное достоинство доказательствъ, почитаютъ слѣдующія:

а) Доказательство должно утверждаться на такомъ основаніи которое не было бы основаніемъ предзанятымъ, то есть, не оцвѣчивалось бы частнымъ предрасположеніемъ лица доказывающаго, но имѣло бы значеніе истины всѣми принимаемой. Въ противномъ случаѣ оно получитъ харатеръ начала испрошеннаго (petitio principii). Положимъ, напримѣръ, кто нибудь

утверждалъ бы: стремиться къ удовольствіямъ нетолько можно, но и должно; — согласитесь только съ моимъ убѣжденіемъ, что удовольствіе есть высшее благо человѣка. Указывать на это послѣднее положеніе въ той мысли, что оно не есть истина всеобщая, и въ то же время хотѣть, чтобы всѣ принимали его за основаніе выводовъ, значитъ — испрашивать себѣ начало. Большая часть доказательствъ, направленныхъ къ установленію понятій о предметахъ жизни практической и объ отношеніи ихъ, не чужды такого недостатка; потому что каждый человѣкъ болѣе или менѣе предзанятъ собственнымъ своимъ взглядомъ на вещи и собственными своими правилами дѣятельности, — и эту собственность стремится поставить закономъ для всѣхъ. На такомъ основаніи, въ системахъ Фихте и Шеллинга познаніе Существа безусловнаго (das absolut Seyende), посредствомъ умственнаго созерцанія, надобно почитать также началомъ испрошеннымъ. Доказательства истины, при систематическомъ ея изложеніи, тогда только будутъ свободны отъ подобной притязательности, когда основанія ихъ приблизятся къ достоинству постулятовъ ума (§ 120), слѣдовательно получатъ право на согласіе всѣхъ разумныхъ существъ. Если же, мыслимыя въ формахъ пространства и времени, они и не могутъ не быть оцвѣчиваемы понятіями (§ 112); то по крайней мѣрѣ должны носить оттѣнки національные, а не личные. Подъ этими оттѣнками никто не назоветъ ихъ испрошенными; потому что согласія на нихъ не у кого было бы испрашивать.

b) Доказывая что нибудь, надобно постоянно слѣдовать одному и тому же направленію, и имѣть въ виду одну и ту же цѣль. Въ противномъ случаѣ было бы неизвѣстно, къ чему то или другое говорится (ignoratio elenchi). Положимъ, напримѣръ, кто нибудь, взявшись доказать превосходство извѣстнаго заведенія, доказалъ бы только, что подобное заведеніе находится въ другихъ земляхъ, и существуетъ уже нѣсколько лѣтъ. Очевидно, что онъ уклонился бы отъ вопроснаго пункта; доказательство его приняло бы совершенно другое направленіе и не достигло бы предположенной цѣли. Такая погрѣшность въ доказательствахъ свой-

ственна особенно тѣмъ людямъ, которые умышленно стараются избѣжать прямаго отвѣта на предлагаемый себѣ вопросъ, и говорятъ не то, о чемъ ихъ спрашиваютъ ([99]). Напротивъ, въ бесѣдѣ идущей правильно, или въ книгѣ, написанной отчетливо, ни одна мысль не высказывается *безъ цѣли* и *безъ отношенія къ цѣлому*, подобно тому, какъ въ здравомъ организмѣ нельзя представить ни одного самомалѣйшаго волокна, которое не имѣло бы существенной значимости для полноты и нормальной дѣятельности тѣлеснаго состава.

c) При доказываніи предмета, каждая мысль должна опираться на другой высшей, а эта опять на высшей. Въ противномъ случаѣ одно и тоже *положеніе* было бы и началомъ другаго, и слѣдствіемъ его, и такимъ образомъ въ ходѣ доказательства произошелъ бы логическій кругъ (ciculus in demonstrando). Чтобы доказать, напримѣръ, что человѣкъ свободенъ, нельзя ссылаться на волю, какъ ближайшую причину извѣстныхъ явленій. Воля не доказываетъ свободности нашихъ поступковъ, но сама должна быть выводима изъ понятія о свободѣ. Въ противномъ случаѣ наше доказательство, не подвигаясь впередъ, будетъ вращаться въ логическомъ кругѣ. Эта погрѣшность доказательствъ въ Логикѣ называется также *ὕςερον πρότερον*, *или*, — превратнымъ порядкомъ *предложеній*, въ которомъ перемѣшиваются основанія съ *слѣдствіями*, то есть, въ доказательство приводится такое предложеніе, которое само есть слѣдствіе предложенія доказываемаго. Такъ, напримѣръ, если бы свободу мы стали доказывать вмѣняемостію нашихъ дѣйствій; то *ὕςερον* понимали бы, какъ *πρότερον*, потому что вмѣняемость есть не основаніе, а дѣйствіе свободы.

d) При развитіи цѣпи силлогизмовъ, составляющихъ доказательство, не должно пропускать никакой посредствующей мысли;

([99]) Этотъ недостатокъ въ ходѣ доказательства не можетъ быть оправдываемъ позволительностію отступленій, или *эпизодовъ*. Эпизодъ есть намѣренное уклоненіе отъ принятой темы, и дѣлается для того, чтобы тѣмъ вѣрнѣе и сильнѣе *доказать предметъ изслѣдованія*, подобно тому, *какъ полководецъ иногда* намѣренно сходитъ съ операціоннаго пути, чтобы тѣмъ неожиданнѣе и рѣшительнѣе разбить непріятеля.

въ противномъ случаѣ въ ходѣ доказательства произошелъ бы скачокъ (saltus in demonstrando). Эта погрѣшность есть не иное что, какъ опущеніе средняго термина, которымъ должны связываться части доказательства. Отъ опущеній его всегда доказывается или слишкомъ много, или слишкомъ мало. Доказывать слишкомъ много, значитъ—брать такое основаніе, изъ котораго могутъ быть выведены и ложныя заключенія. Такъ доказывалъ бы тотъ, кто изъ основанія, что человѣкъ, по природѣ, есть существо разумно-свободное, заключалъ бы, что его поступки всегда согласны съ законами разумной его природы. Напротивъ, доказывать слишкомъ мало, значитъ — основаніе ограничивать столь тѣснымъ объемомъ, что всецѣлое содержаніе заключенія изъ него вытекать не можетъ. Такъ, доказывалъ бы тотъ, кто изъ основанія, что Богъ правосуденъ, заключалъ бы, что грѣшниковъ Онъ помилуетъ.

АНАЛИТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

КЪ

СИСТЕМАТИЧЕСКОМУ ИЗЛОЖЕНІЮ ЛОГИКИ.

СТРАН.

Абстрактъ . . . (прим. 37) 75
Автономія (самозаконіе) . . 49
Аксіома 289
Анализъ. 267
Анализъ и синтезъ требуются одинъ для другаго. . . . 277
Аналогическое и индуктивное мышленіе 171
Аналогія. 170
Аналогія и наведеніе въ примѣненіи къ возрастамъ человѣка 176
Аналогія и индукція помогаютъ одна другой 171
Антиномія (противузаконіе, столкновеніе законовъ) . . 298
Безусловное . . . .(пр. 6) 12
Бытіе. 104
    матеріальное .(пр. 14) 21
    онтологическое . . . 95
    реальное 24
    формальное 75
Бытное . . . . . .(пр. 14) 21
Взглядъ 23
Видотвореніе. 99

СТРАН.

Виды, см. понятіе видовое.
Виды внѣшняго опыта . . . 238
Виды методъ. 266
Виды познаній 231
Виды понятій 107
Виды посредственныхъ умозаключеній. 201
Виды признаковъ 43
Виды сужденій . . .(пр. 76) 149
Виды умственныхъ познаній. 256
Вниканіе 42
Вниманіе и его свойства . . 32
Внутренняя (intensiva) величина понятія 90
Внѣшняя (extensiva) величина понятія. 90
Воображеніе воспроизводительное . . . . .(пр. 18) 30
Воспоминаніе . . .(пр. 18) 30
Воспроизведеніе и его свойства 34
Выведеніе законовъ разсудка 50
Выведеніе категорій 102
Выведеніе сорита 210
Выведеніе формъ мышленія . 82

стр.
Выведенiе частнаго изъ общаго 178
Гипотеза (подположенiе) . . 290
Ὕςερον πρότερον 305
Движенiе временное 29
Движенiе пространственное . 29
Дилемма. 222
Dictum de omni aut de nullo. 163
Доказазательства:
гипотетическое . . . 301
κατ' ἀλήθειαν . . . 302
κατ' ἄνθρωπον . . . 302
косвенное. 301
опытное и умственное. 297
прямое. 300
синтетич. и аналитич. 299
Дѣленiе 291
больше дѣлимаго . . . 292
меньше дѣлимаго. . . 292
равное дѣлимому. . . 292
Дѣленiе аналитическое . . . 293
Дѣленiе матерiальное . . . 294
Дѣленiе на одномъ основанiи 293
Дѣленiе синтетическое . . . 293
Дѣленiе формальное 294
Единство 108
Заимствованiе идей 262
Законъ 47
безразличiя 119
видотворенiя или инородности 101
глубокомыслiя (пр. 27) 49
достаточнаго основанiя 61
исключеннаго третьяго, или средняго (пр. 29) 58
классификацiи или непрерывности . . . 101
мѣстности или соприкосновенiя 39
необходимости. . . . 114
обыкновенiя. 39
остроумiя. . .(пр. 27) 49
отвлеченiя и ограниченiя понятiй 96

стр.
подобiя. 39
причинности 39
проницательности(пр.27) 49
противуположности . . 39
противорѣчiя 57
родотворенiя или однородности 100
свободы 116
современности и послѣдовательности . . . 39
согласiя 58
специфическiй . (пр. 7) 12
тожества 52
тожественности внутренней и внѣшней. 54
тожественности относительной и совершенной 54
умственной дѣятельности 51
чувственной дѣятельности 50
Замкнутость синтетической методы 273
Знанiе 63
Идеализацiя понятiя 93
Идеальное созерцанiе . . . 16
Идеи высшаго и низшаго порядка. 261
Идея . . . .(пр. 10) 17
Идея истины и добра . . . 18
Идея практическая 17
Идея теоретическая 23
Идея — условiе системы . . 257
Измѣняемость понятiй . . . 93
Измѣняемость сужденiй . . 144
Имя предмета . . .(пр. 41) 86
Индукцiя, см. Наведенiе.
Инстанцiя знанiя . .(пр. 38) 77
Кантова табл.категорiй(пр.55) 105
Кантовъ способъ образованiя понятiй. . . . .(пр. 43) 88
Категорiя . . . (пр. 53, 54) 105
Классификацiя 100

стр.
Классификація естественная и искуственная. .(пр. 51) 100
Количество 108
Конкретное представленіе подлежащаго 127
Конкретъ 22
Королларій. . . . .(пр. 97) 291
Кругъ въ опредѣленіи . . . 285
Кругъ въ доказательствѣ . . 305
Легкомысліе . . . .(пр. 26) 44
Лемма . . . . . .(пр. 97) 291
Логика. 4
Логика сердца или чувства . . . .(пр. 40) 85
Матеріальное развитіе сужд. 135
Матеріальное условіе системы 231
Матерія мышленія. 3
Матерія понятія. 90
Матерія сужденія 127
    раздѣлительнаго . . . 154
    условнаго. 152
Матерія умозаключенія. . . 179
Метода 265
Метода аналитическая . . . 267
Метода аналитическая въ предѣлахъ міра явленій . . . 269
Метода аналитическая не доходитъ до сущности вещей 270
Метода генетическая. . . . 274
Метода изобрѣтеній 269
Метода историческая (пр. 94) 270
Метода математическая (пр. 95) 275
Метода открытій 269
Метода синтетическая . . . 271
Метода систематическая . . 274
Метода философская 275
Міръ 19
    внутренній 23
    внѣшній . . .(пр. 12) 20
    мыслимый. 28
Множество. 108
Мнѣніе 63
Модальность . . . .(пр. 71) 140
Мыслимое 76

стр.
Мышленіе 68
    à posteriori 73
    à priori. 73
    воззрительное (intuitiva) 71
    разбѣгающееся (discursiva). 73
    логическое 71
    математическое . . . 70
    смѣшанное 72
    чистое 71
Наведеніе 168
Наведеніе равенства заключеній. . . . . .(пр. 83) 173
Наведеніе и математическое раскрытіе теоремъ . . . 172
Наведеніе и описаніе . . . 171
Наведеніе и предсказаніе . . 173
Наведеніе въ методѣ аналитической 268
Науки реальныя 4
Науки формальныя. 4
Начало главное 64
Начало испрошенное (petitio principii) 303
Начало относительное . . . 289
Начало самостоятельное . . 287
Начало системы. 287
Начало условное 289
Недѣлимое. . . . .(пр. 13) 21
    умственное 24
    чувственное. 21
Незнаніе цѣли (ignoratio eleuchi) 304
Неотвлекаемость истины и добра. 257
Неподвижное въ природѣ души 254
Непосредственность категорическаго сужденія . . . 150
Номиналисты . . .(пр. 80) 164
Ноуменъ . . . . .(пр. 36) 74
Образованіе и многознаніе (пр. 3) 6
Образованіе понятій 86
Образованіе сужденій . . . 124

стр.

Образованіе умозаключеній категорическихъ 187
по первой фигурѣ . . 187
по второй фигурѣ . . 189
по третьей фигурѣ . . 191
по четвертой фигурѣ . 194
Образованіе умозаключеній условныхъ. 203
Образованіе умозаключеній раздѣлительныхъ 207
Образцы (*modi*) фигуръ силлогизма . . . . .(пр. 84) 186
Общность сказуемаго въ сужденіи. 126
Объединеніе признаковъ . . 86
Объемъ *понятія*. 90
Овеществленіе понятій . . . 124
Ограниченіе понятія. . . . 95
Ограниченіе бытія дѣятельностію и свойствами (пр. 57) 109
Одно и многое 165
Описаніе 286
Опредѣленіе 283
болѣе опредѣляемаго . 283
менѣе опредѣляемаго . 284
равное опредѣляемому. 283
Опредѣленіе по качеству понятій 284
Опредѣленіе по количеству понятій 286
Опредѣленіе и понятіе (notio) 285
Опредѣленіе и результатъ. . 284
Опроверженіе и споръ (пр. 34) 60
Опытъ 232
внутренній 234
надъ желаніями . 237
надъ мыслями . 236
надъ чувствованіями 235
внѣшній 233
гражданскій . . 233
историческій . . 248
ученый 242
Органъ познанія (*Логика*). . 5

стр.

Органы чувствъ 16
Основаніе 61
Основаніе дѣленія. 293
Основаніе коренное 64
Основаніе *Логики* 7
Основаніе *силлогизма* . . . 163
Основаніе стремленія къ общему. 164
Основаніе сужденія раздѣлительнаго. 155
условнаго. 152
Основательная мысль . . . 64
Отвлеченіе понятій 95
Отличіе видовое 99
Отличіе родовое 99
Отношеніе. 104
Отношеніе подчиненія сужденій 157
Отношеніе противности сужденій 157
Отношеніе противорѣчія сужденій 158
Отношеніе подпротивныхъ сужденій 158
Отрицаніе отрицанія. . . . 131
Оцѣнка индуктивнаго и аналогическаго мышленія . . 171
Парадоксъ. . . . .(пр. 86) 197
Паралогизмъ. . . .(пр. 86) 197
Педагогика . . . .(пр. 94) 249
Переведеніе силлогизма изъ одной фигуры въ другую (пр. 83) 183
Подведеніе частнаго подъ общее 178
Подлежательное условіе дѣятельности разсудка . . . 20
Подлежательный идеализмъ (пр. 81) 164
Подлежащее 128
Подраздѣленіе 295
Познаніе 76
Познаніе изъ началъ. . . . 273
Познаніе опытное 232

стр.
Познаніе умственное. . . . 253
Полилемма. 222
Положеніе въ сужденіи отрицательномъ 133
Понимавіе истины. 79
Понятіе. 54
аналитическое 107
бытія 108
видовое 99
возможное 140
врожденное . .(пр. 72) 144
дѣйствительное . . . 141
качественное 111
количественное . . . 110
необходимое 143
неполное 93
овеществленное . . . 96
ограниченное 112
основательное .(пр. 48) 93
отвлеченное. 111
отношенія 113
очевидное . .(пр. 46) 91
поверхностное (пр. 48) 93
подробное . .(пр. 47) 92
полное 93
причины 115
раздѣльное 92
родовое 99
силы. 113
синтетическое (пр. 56) 107
смѣшанное 92
темное 92
ясное 91
Понятія близкія. 118
взаимнозамѣнимыя,см. понятія тожественныя.
несходныя 118
подчиненныя 117
положительныя и отрицательныя .(пр. 64) 120
противуположныя . . 119
разрозненныя .(пр. 63) 117
разъединенныя (пр. 63) 117

стр.
согласныя и противорѣчущія . . .(пр. 64) 120
сродныя 118
сходныя 118
счиненныя 117
тожественныя 119
Посредственность раздѣлит. сужденія 155
Посредственность условнаго сужденія 152
Постулятъ ума 288
Посылки — высшая и низшая 180
Правила касательно фигуръ силлогизма. 187
Правила касательно терминовъ и посылокъ силлогизма . . 180
Правила касательно доказательствъ 303
Превращеніе сужденій . . . 147
simpliciter 148
per accidens. 148
per contrapositionem . 148
Предлежательное условіе дѣ*ятельности разсудка* . . . 27
Предлежат. эмпиризмъ (пр.80) 164
Предложеніе. . . . (пр. 68) 129
Предметъ простой. 84
Предметъ умозрѣнія 23
Предметъ чувственнаго возрѣнія 20
Представленіе понятія . . . 91
Предѣлъ между Логикою и Психологіею 8
Признакъ 43
ближайшій 43
матеріальный 72
общій 45
отдаленный 43
простой 43
сложный 43
случайный 44
формальный 71
частный или отличительный 45

стр.
Причина логическая (пр. 35) 61
Причина неограниченная (пр. 6) 12
Причина ограниченная (пр. 6) 12
Пропедевтика (Логика) (пр. 1) 5
Пропедевт. (Психологія) (пр. 4) 8
Просиллогизмъ 216
Раздробленіе идеи истины и добра 260
Различіе между признакомъ въ понятіи и понятіемъ въ сужденіи 122
Различіе между связію признаковъ и отношеніемъ понятій 122
Различіе между сознаніемъ и положеніемъ въ единствѣ сознанія 123
Разложеніе понятія 92
Разложеніе сорита 215
Разсудокъ или смыслъ . . . 25
Разсѣянность . . . (пр. 19) 32
Реалисты . . . . (пр. 80) 164
Реальность, см. Бытіе реальное
Родотвореніе. 99
Родъ, см. Понятіе родовое.
Связь. . . . . . . (пр. 68) 129
Сила доказательствъ 302
Силлогизмъ 162
Силлогистическая цѣпь. . . 215
Силы производительныя и воспроизводительныя (пр. 11) 19
Синтезъ. 272
Синтезъ требуетъ содѣйствія анализа 277
Система. 226
Систематика 227
Сказуемое 128
Скачокъ въ классификаціи. . 101
Скачокъ въ доказательствѣ . 306
Скачокъ въ дѣленіи 296
Сліяніе раздѣлительнаго и условнаго сужденія (пр. 78) 156

стр.
Слѣдствіе въ умозаключеніи . 180
Смыслъ, см. Разсудокъ.
Смѣшиваемость чувственнаго воззрѣнія и заключенія (пр. 15) 22
Совершенства и недостатки понятій 90
Совершенства и недостатки сужденій 140
Совмѣстность методъ . . . 276
Содержаніе понятія, см. Матерія понятія.
Содержаніе въ понятіи (пр. 50) 90
Содержаніе подъ понятіемъ (пр. 50) 90
Содержаніе сужденія, см. Матерія сужденія.
Содержаніе умозаключенія, см. Матерія умоз.
Содружество идей 37
Соединеніе сужденій. . . . 157
Соединеніе формъ мышленія, или гимнастика разсудка . 224
Созерцаніе истины 79
Сознаніе сложности предмета 85
Соритъ 212
 Аристотелевскій и Гокленіанскій . (пр. 88) 213
 восходящій и низходящій 213
 наведенія и подведенія 213
Составъ общихъ признаковъ. 87
Софисмъ. 197
 sensus compositi et divisi 198
 à dicto secundum quid ad dictum simpliciter 198
 figurae dictionis . . . 198
 ἑτεροζητήσεως . . . 198
 πολυζητήσεως . . . 198
 fictae universalitatis . . 199
 non causae ut causae . 199
 cum hoc vel post hoc, ergo propter hoc . . 199

стр.
Способность представленія . 30
Способъ соединенія силлогизмовъ 209
Сравненіе сужденій 156
Сравнительное значеніе понятій 116
Столкновеніе доказательствъ. 298
Стремленіе къ общему отъ многаго 165
Стремленіе отъ частнаго къ общему 165
Субстанція . . . .(пр. 20) 34
Сужденіе 121
абсолютно-тожественное . . . .(пр. 75) 147
аналитическое 137
аподиктическое . . . 143
ассерторическое . . . 142
безконечное. .(пр. 69) 132
исключающее .(пр. 67) 127
исключительное(пр. 67) 127
категорическое . . . 149
общее отрицательное . 134
общее утвердительное. 131
отрицательное 132
проблематическое . . 141
подпротивное 158
простое . . .(пр. 67) 151
раздѣлительное . . . 154
синтетическое 138
скрытное . . .(пр. 67) 127
сложное . . .(пр. 67) 151
собирательное 151
соединительное(пр. 67) 151
сравнительное (пр. 67) 127
тожесловное. .(пр. 75) 147
условное 151
утвердительное . . . 130
формально-тожественное 147
частное отрицательное 135
частное утвердительное 132
явное . . . .(пр. 67) 127
Сущность 25

стр.
Схема . . . . . .(пр. 21) 36
Схолія . . . . . .(пр. 97) 291
Теорема. 289
Терминъ (въ умозаключеніи) 179
большій 179
меньшій 179
средній 179
Тетралемма 222
Тожество логическое (пр. 31) 53
Тожество метафизическое (пр. 31) 53
Точка зрѣнія 129
Трилемма 222
Уклоненіе идеи истины и добра 259
Умозаключеніе 162
непосредственное . . 158
при превращеній сужденій . . 160
при сужд. подчиненныхъ. . . 159
при сужд. подпротивныхъ . 160
при сужд. противорѣчущихъ . 159
при сужд. разнаго достоинства 161
посредственное . . . 162
категорическое . 201
раздѣлительное . 206
условное. . . . 203
Умозрѣніе 22
Умъ практическій. 16
Умъ теоретическій 22
Уподобленіе представленій по признакамъ 87
Уравниваніе подлежащаго и сказуемаго. 145
Уродливость . . . . (пр. 7) 12
Условіе. . . . . . . (пр. 6) 12
Условія мышленія. 14
Условія понятія. 84
Условія сужденія 121
Условія умозаключенія . . . 162

стр.

Условія систематическаго построенія мыслей 229
Условія наилучшаго развитія методы 265
Условная и раздѣлительная форма сорита. 220
Условное . . . . . (пр. 6) 12
Факты опыта. 268
Фигура силлогизма 183
Философія по ея методѣ . . 275
Форма мышленія 3
Форма понятія . . .(пр. 45) 89
Форма сужденія 129
общая 130
частная 149
рѣшительная . . 149
нерѣшительная . 149
Форма умозаключенія . . . 182
категорическаго . 201
раздѣлительнаго. 207
условнаго . . . 201
Форма логическая и математическая 11
Форма умственнаго созерцанія (время) 29

стр.

Форма чувственнаго воззрѣнія (пространство). . . . 29
Формы пространства и времени . . . . . .(пр. 16) 29
Хроматизмъ идей 261
Цѣлое, какъ понятіе логическое 225
Цѣлое, какъ построеніе логическое 226
Цѣль мышленія 78
Цѣль каждой фигуры силлогизма. . . . . .(пр. 83) 183
Части цѣлаго. 225
Человѣкъ — по природѣ метафизикъ 254
Члены дѣленія 292
Чувственное воззрѣніе . . . 19
Чувственное воспріятіе . . 15
Чувство. 16
Чувство практическое . . . 16
Чувство теоретическое . . . 19
Экспериментъ . . .(пр. 92) 243
Энтимема 202
Эписиллогизмъ 216
Эпихерема. 203